

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ГАРБУЗАРОВА ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Жильцов Сергей Сергеевич

Москва
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ	31
1.1. Концептуализация понятия «Центральная Азия».....	31
1.2. Центральная Азия как геополитический феномен в системе международных отношений.....	40
1.3. Доктринальные основы внешней политики центральноазиатских государств: общее и особенное.....	60
ГЛАВА 2. ИНТЕРЕСЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ СИЛЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	103
2.1. Центральная Азия во внешней политике США.....	103
2.2. Стратегия Европейского союза в Центральной Азии	138
2.3. Китайский фактор в Центрально-Азиатском регионе	166
ГЛАВА 3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	198
3.1. Центральноазиатский вектор внешней политики Турции	198
3.2. Иранский фактор во внешней политике государств Центральной Азии	222
3.3. Стратегические интересы Японии в Центрально-Азиатском регионе	239
ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА	258
4.1. «Мягкая сила» США, ЕС и Китая в Центральной Азии.....	258
4.2. «Мягкая сила» Турции, Ирана и Японии в Центральной Азии.....	278
4.3. «Мягкая сила» России в странах Центральной Азии.....	295
ГЛАВА 5. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	304
5.1. Эволюция и приоритеты внешней политики России в Центральной Азии.....	304
5.2. Перспективы взаимодействия России с государствами Центральной Азии	327
5.3. «Привилегированные» отношения между Россией и Киргизией.....	350
Заключение	365
Библиография	379

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. По мере нарастания турбулентности и неопределенности в глобальной политике, изменений в мировом балансе сил и соответственно перераспределения сфер влияния стремительно возросло значение Центральной Азии в мировых политических процессах. В условиях формирования полицентричной модели мирового устройства Центрально-Азиатский регион с его природным потенциалом и стратегическим положением на перекрестке между Севером и Югом, Западом и Востоком детерминирует внешнеполитическую активность глобальных и региональных игроков, стремящихся расширить сферы своего влияния. В этом контексте усиливаются противоречия между США и Китаем, между странами коллективного Запада и Россией в Центральной Азии, являющейся геополитическим феноменом, образовавшимся после распада Советского Союза в центре Евразии. Развитие ситуации в этом стратегически важном регионе во многом будет определять новую расстановку сил на мировой арене и контуры будущего мирового порядка.

Развитие новых тенденций в мировой политике, усложнение процессов глобализации, долгосрочные последствия пандемии COVID-19 и явный кризис модели мироустройства, которую выстраивали страны Запада после распада СССР с центром в США, в высшей степени актуализировали исследование геополитических позиций внерегиональных акторов в странах Центральной Азии. С момента появления новых независимых государств под предлогом демократической модернизации стран региона, коллективный Запад пытается утвердить свое лидерство в Центральной Азии, реализуя собственные геополитические и геоэкономические интересы. Кризис либеральной модели стал катализатором жесткой конкуренции, развернувшейся между внерегиональными акторами в Центральной Азии. В условиях формирования новой парадигмы мирополитического устройства и изменения структуры глобального управления возросло значение региона в

мировой политике, в котором усилилось влияние ведущих центров силы. Продвигаемые ими геополитические проекты преследуют цель укрепить позиции в Центральной Азии, создать действенные механизмы обеспечения экономических и политических интересов. На особую роль в определении развития Центральной Азии претендуют США, ЕС, Китай, Турция, Иран и Япония, демонстрирующие повышенный уровень политико-дипломатической активности в регионе.

Три десятилетия страны Центральной Азии стремятся проводить многовекторную внешнюю политику, направленную на выстраивание прагматичных отношений с внерегиональными акторами. При этом внешнеполитический курс этих государств, обладающих значительным ресурсным потенциалом и значимым геополитическим положением, оказывает сильное влияние на развитие региональных политических процессов.

За годы независимости страны Центральной Азии стали активными участниками мирополитических процессов, диверсифицировав внешнеполитические связи. В формирующейся новой мирополитической реальности страны Центральной Азии стремятся к формированию такой модели взаимоотношений с ведущими центрами силы мировой политики, в которой позиционируют себя в качестве равноправных партнеров. В этой связи особое значение приобретает вопрос: смогут ли страны Центральной Азии стать полноценными субъектами мировой политики или так и останутся объектами региональных геополитических процессов?

Пандемия COVID-19 обострила имеющиеся противоречия и негативные тенденции, сложившиеся за десятилетия в Центральной Азии. Все больше на повестку дня в регионе влияют Китай и Россия. Их активная политика вызывает беспокойство в странах Запада, особенно в США. В таких условиях повышается конфликтный потенциал региона, возрастает вероятность столкновения геополитических и геоэкономических интересов ведущих государств мировой политики.

Несмотря на предпочтения ряда стран, относящихся преимущественно к коллективному Западу, реализовывать свои внешнеполитические амбиции в мировой политике с опорой на «жесткую силу», актуальность «мягкой силы» в Центральной Азии по-прежнему востребована такими внерегиональными странами, как Россия, Китай, Турция, Иран, Япония. Используемые механизмы «мягкой силы» стали одним из эффективных рычагов достижения политического и экономического влияния. Центральная Азия служит примером применения широкого инструментария «мягкой силы» различными геополитическими акторами, которые посредством идеологических, языковых, образовательных, религиозных инструментов достигают своих стратегических целей.

Для России Центральная Азия является жизненно важным регионом, особенно с точки зрения стабильности и безопасности. Однако геополитические конкуренты России заинтересованы в создании по периметру российских границ пояса недружественных зачастую враждебных государств. В такой ситуации России крайне важно не допустить дестабилизации в регионе, сохранить добрососедские отношения с бывшими союзными республиками.

Источники исследования состоят из следующих групп:

1. Официальные внешнеполитические документы государств: Концепции внешней политики Казахстана, Киргизия, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, России; Стратегия США в Центральной Азии (2019-2025); Стратегический документ 2002-2006 и индикативная программа 2002-2004 Европейского Союза в Центральной Азии; Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства от 2007 г.; Многолетняя индикативная программа для Центральной Азии 2014-2020; Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для сильного партнерства и другие стратегические внешнеполитические документы¹.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.04.2020); Долгосрочная Стратегия развития

2. Публичные выступления, официальные заявления, интервью лидеров государств, руководителей внешнеполитических ведомств, дипломатов и других официальных лиц.

3. Аналитические материалы российских мозговых центров: Российский Совет по международным делам (РСМД), Институт Мировой экономики и Международных отношений Российской Академии наук (ИМЭМО РАН),

Казахстана «Казахстан -2030» [Электронный ресурс]. URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020); Стратегия «Казахстан-2050» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaznpu.kz/docs/Strategy2050.pdf> (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 2.04.2020); Концепция внешней политики КР от 10 января 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14679 (дата обращения: 5.04.2020); Стратегия устойчивого развития КР на периоды 2013-2017 гг. Бишкек, 2012; Концепция внешней политики КР от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 8.04.2020); Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 15.05.2020); Резолюция ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.gov.tm/wp-content/uploads/2016/05/Rezolyutsiya-OON.pdf> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства от 27 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ir.rudn.ru/books/b1/p5/66.pdf> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешнеполитического курса Туркменистана на 2013-2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich295-turkmenische-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана 2017-2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich826-2017-2013-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020); Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tzst.uz/images/Konstitutsiya_Respubliki_Uzbekistan_Rus.pdf (дата обращения: 21.05.2020); Концепция внешней политики Узбекистана от 13 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://parliament.gov.uz> (дата обращения: 21.05.2020); Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 21.05.2020); The National Security Strategy of the USA. March, 2006. Pp. 39-40. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2006.pdf> (дата обращения: 4.06.2020); Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/joint-declaration-of-partnership-and-cooperation-by-the-five-countries-of-central-asia-and-the-united-states-of-america-samarkand-uzbekistan/> (дата обращения: 17.06.2020); United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 17.06.2020); Strategy Paper 2002-2006 and Indicative Programme 2002-2004 for Central Asia. 12 October, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libertas-institut.com/uk/ECTIS/EUStrategyPaperCentralAsia.pdf> (дата обращения: 25.06.2020); The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 31 May 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/38858/1/st10113.en07.pdf> (дата обращения: 29.06.2020); Multiannual Indicative Programme Regional Central Asia 2014-2020 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/20160526_1_en.pdf (дата обращения: 07.07.2020); The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

дискуссионный клуб «Валдай», «Россия в глобальной политике», доклады и экспертные оценки ученых Дипломатической Академии².

4. Материалы западных аналитических центров: американский Совет по международным отношениям, американский Фонд Карнеги, РЭНД корпорация, аналитический центр Стратфор, Гудзоновский аналитический институт, стратегический исследовательский институт «Фонд Наследие», программа PONARS Eurasia и др.

5. Материалы центрально-азиатских экспертно-аналитических центров: аналитический сайт ЦентрАзия, Центральноазиатское бюро аналитической журналистики SABAR. asia, Казахстанский Центр аналитических исследований «Евразийский мониторинг», Экспертный портал Kazakhstan 2:0, дискуссионный клуб «Пикир» (Киргизия) и др.

6. Материалы СМИ, освещающих динамику геополитических процессов в регионе, а также внешнеполитические приоритеты государств Центральной Азии в контексте глобальных трансформаций. Особую значимость представляют материалы таких авторитетных изданий, как «The Diplomat», «The Washington Post», «The Guardian», «Российская газета», «Независимая газета», федеральное информационное агентство Regnum, газета «Жэньминь Жибао» и др.

7. Международные договоры и соглашения, подписанные республиками Центральной Азии с ведущими государствами мира и международными организациями.

² Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 241 с.; Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии (Москва, 14 июня 2017 г.) / [отв.ред. А.Л. Чечевишников] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 251 с.; Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017. 384 с.; Бордачев Т., Смолл Э., Цинсун В. Россия, Китай, США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. 16 с.; Неймарк М.А. Очевидное-невероятное: что Запад должен Украине? [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31092?> (дата обращения: 07.11.2021); Винокуров В. Гегемон убежал, весы качнулись. Что означает поражение США в Афганистане? [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2021-12-23/1_1171_afghanistan.html? (дата обращения: 07.11.2021).

Степень научной разработанности проблемы. Существующую по теме диссертационного исследования литературу, которая использовалась при написании данной работы, целесообразно классифицировать по совокупности параметров, определяемых особенностями применяемого анализа.

К *первой группе* относятся фундаментальные труды и исследования российских ученых, в которых рассматриваются особенности и актуальное состояние современной системы международных отношений, происходящих мирополитических процессов, предсказываются дальнейшие тренды развития глобальной повестки дня. В первую очередь, в их число входят монографии и публикации учёных Дипломатической академии МИД России, которые были положены в теоретическую и практическую основу данной диссертации. Среди них, работы таких авторов, как Бажанов Е.П.³, Бажанова Н.Е.⁴, Неймарк М.А.⁵, Феофанов К.А.⁶, Штоль В.В.⁷ и Яковенко А.В.⁸.

Ко *второй группе* относятся труды российских ученых из научных и образовательных организаций, содержащие анализ современных трендов в мировой политике, проблем и перспектив формирования нового мирового порядка. Это работы следующих авторов: Алексеевой Т.А.⁹, Байкова А.А.¹⁰, Баталова Э. Я.¹¹, Богатурова А.Д.¹², Боришполец К.П.¹³, Воскресенского

³ Бажанов Е.П. Роль Китая в мире и политика России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 6-17.

⁴ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI веке // Обозреватель. 2009. № 6. С. 10-20.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. М.: Восток-Запад, 2010. 464 с.; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Диалог и столкновение цивилизаций. М.: Весь мир, 2013. 270 с.

⁵ Неймарк М.А. Макросистемные трансформации мирового порядка: новые реалии и перспективы / Мировая политика в фокусе современности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. 515 с.; Он же. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: «Дашков и К», 2017. 272 с.; Он же. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. М.: «Дашков и К», 2017. 350 с.

⁶ Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты «двойной реальности» в идеологическом противостоянии Запада и России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 74-83.

⁷ Штоль В.В. Новые вызовы XXI в. // Обозреватель. 2019. № 9. С. 5-22.

⁸ Яковенко А.В. Что стало с западной либеральной идеей? Российская газета. № 144 (7902). 03.07.2019; Либеральный «конец истории». Российская газета. № 176 (7934). 12.08.2019.

⁹ Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 623 с.

¹⁰ Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. 448 с.

¹¹ Баталов Э.Я. «Новый миропорядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25-37.

А.Д.¹⁴, Гаджиева К. С.¹⁵, Гарбузова В.Н.¹⁶, Глазьева С. Ю.¹⁷, Иванова И. С.¹⁸, Кашириной Т. В.¹⁹, Клименко А.Ф.²⁰, Козлова К.В.²¹, КОРТУНОВА А.В.²², Лебедевой М.М.²³, Лузянина С.Г.²⁴, Лукьянова Ф.А., Миллера А.И.²⁵, Никитина А.И.²⁶, Пантина В.И. и Лапкина В.В.²⁷, Пляйса Я. А.²⁸, Примакова Е.М.²⁹, Симония Н.А., Торкунова А.В.³⁰, Тавровского Ю.В.³¹, Тимофеева И.Н.³², Цыганкова А. П.³³, Шаклеиной Т.А.³⁴.

¹² Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1 (1). С. 6-23; Он же. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 44-57.

¹³ Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 42-55.

¹⁴ Воскресенский А.Д. Локига новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. Т 11. № 4. С. 5-26.

¹⁵ Гаджиев К. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века? // Международная жизнь. Сентябрь, 2017. С. 72-89.

¹⁶ Гарбузов В. Н. Свет и тени американской исключительности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (11). С. 5-21.

¹⁷ Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. 512 с.

¹⁸ Иванов И. Россия, Китай и новый миропорядок. Российская газета. 2018. № 126 (7589).

¹⁹ Аватков В., Каширина Т. Тенденции развития современных международных отношений // Обозреватель. 2017. № 11. С. 5- 15.

²⁰ Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого Евразийского партнерства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 98-113.

²¹ Козлов К.В. «Большая дубинка» американского могущества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4 (580). С. 106-119.

²² Кортунов А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации. 2020. № 60. М.: НП РСМД, 2020. 60 с.

²³ Лебедева М.М. Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.

²⁴ Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. «Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель. 2018. № 8. С. 5-22.

²⁵ Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности [Электронный ресурс]. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 17.05.2020); Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Суценцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/>(дата обращения: 24.05.2020) ; Они же. Не одичать в «осыпающемся мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/>(дата обращения: 7.04.2020).

²⁶ Никитин А.И. Мировые державы и трансформация миропорядка // Философия политики и права. 2019. № 10. С. 168-186.

²⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47-66.

²⁸ Пляйс Я.А. Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6. № 1 (21). С. 6-19.

²⁹ Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2018. 607 с.

³⁰ Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.

³¹ Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин. Новая эпоха. М.: Издательство «Эксмо», 2018. 400 с.

³² Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь. 2014. № 18. М.: Спецкнига, 2014. 48 с.

³³ Цыганков А. П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо, 2015. 448 с.

³⁴ Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35-58.

К *третьей группе* относятся работы зарубежных исследователей, изучающих новые тенденции в мировой политике. Среди них можно выделить Айкенберри Дж.³⁵, Ачария А.³⁶, Бжезинского Зб.³⁷, Гилла С.³⁸, Игхо Натufe О.³⁹, Каплана Р.⁴⁰, Киссинджера Г.⁴¹, Кеохейна Р., Колгана Дж.⁴², Ласкюретта К.М.⁴³, Ло Б.⁴⁴, Манкоффа Дж.⁴⁵, Найя Дж.⁴⁶, Пайкина З.⁴⁷, Фридмана Д.⁴⁸, Фукуямы Ф.⁴⁹, Хааса Р.⁵⁰, Хуашэн Чж.⁵¹, Цинсуна В.⁵², Эллисона Г.⁵³ и др. В работах данных авторов исследуются причины кризиса либеральной модели мирового порядка и возвышение развивающихся стран – Китая и России.

К *четвертой группе* относятся фундаментальные труды российских исследователей, посвященных политике внерегиональных государств в отношении стран Центральной Азии. Среди них, работы Аваткова В.А.⁵⁴,

³⁵ Ikenderry J. G. The End of liberal International Order? // International Affairs. 2018. V. 94. № 1. P.7-23.

³⁶ Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 157 p.

³⁷ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. 256 с.; Он же. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар.отношения, 2006. 288 с.; Он же. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Междунар.отношения, 2010. 192 с.

³⁸ Gill S. Power and Resistance in the New World Order. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 238 p.

³⁹ Igho Natufe O. Russian Foreign Policy: In Search of Lost Influence. Moscow: KRASAND, 2015. 297 p.

⁴⁰ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

⁴¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2015. 512 с.

⁴² Colgan D. Jeff, Keohane O. The Liberal Order is Rugged. Fix it Now or Watch It Wither // Foreign Affairs. May/June, 2017. P. 36-44.

⁴³ Lascurettes Kyle M. Orders of Exclusion: The Strategic Sources of Order in International Relations. New York Oxford University Press, 2020. 352 p.

⁴⁴ Lo B. Russia and the New World Disorder. London : Chatham house ; Washington : Brookings institution press, cop. 2015. 341 p.

⁴⁵ Mankoff J. The United States in a World of Great Power Competition // Journal of International Analytics. 2020. № 11 (3). Pp. 78-94.

⁴⁶ Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.

⁴⁷ Пайкин З. Новая парадигма для Большой Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-dlya-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴⁸ Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

⁴⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 576 с.

⁵⁰ Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 350 с.; Haas R. How a World Order Ends and What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February, 2019. P. 22-30.

⁵¹ Хуашэн Чж. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 69-85.

⁵² Цинсун В. «Евразийский момент». Политика новых держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661). С. 71-80.

⁵³ Allison G. The Myth of the Liberal Order. From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs. July/August, 2018. P. 124-133.

⁵⁴ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71-78.

Агеева А.И.⁵⁵, Анашкиной Е.Б.⁵⁶, Ануфриева К.С.⁵⁷, Бакланова Б. В.⁵⁸, Богатурова А.Д.⁵⁹, Белоглазова А. В.⁶⁰, Большакова А. Г.⁶¹, Борисова А.В.⁶², Братерского М.В.⁶³, Бурханова А. А.⁶⁴, Варбанец П. Д.⁶⁵, Васильевой Н.А.⁶⁶, Вардомского Л. Б.⁶⁷, Волынчук А.Б.⁶⁸, Власова В.С.⁶⁹, Гребениченко С.Ф.⁷⁰, Гусева Л. Ю.⁷¹, Дадабаевой З. А.⁷², Дегтерева Д. А.⁷³, Денисова Е. А.⁷⁴, Дружиловского С. Б.⁷⁵, Добринской О.А.⁷⁶, Егиазаряна А. А.⁷⁷, Егорова В.Г.⁷⁸,

⁵⁵ Агеев А.И., Куроедов Б.В. Стратегическая матрица государств Центральной Азии // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 12- 25.

⁵⁶ Анашкина Е.Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 19-34.

⁵⁷ Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 200с.

⁵⁸ Бакланов Б.В. Центральная Азия – современные геополитические ракурсы // Россия и мусульманский мир. 2009. № 8. С. 81-97.

⁵⁹ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

⁶⁰ Белоглазов А.В. Политика России в Центральной Азии в начале XXI в. // Россия и мусульманский мир. 2008. № 8. С. 82-87.

⁶¹ Большаков А. Г. Внешняя политика Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2011. № 6. С. 83 -96.

⁶² Борисов А.В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (2). С. 192-206.

⁶³ Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 39-48.

⁶⁴ Бурханов А.А. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 18-29.

⁶⁵ Варбанец П.Д. Внешняя политика Турции в Центральной Азии и на Кавказе: отголоски событий «арабской весны» // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. В. 4. 2012. С. 59- 66.

⁶⁶ Васильева Н.А., Лагутина М.Л. Формирование Евразийского Союза в контексте глобальной регионализации // Евразийская Экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 19-29.

⁶⁷ Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и Большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 9-26.

⁶⁸ Волынчук А.Б. Россия в Евразии: баланс геоэкономических и геополитических инструментов интеграции // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 51-64.

⁶⁹ Власов В.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Киргизской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. 308 с.

⁷⁰ Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Центральная Азия и геостратегия России // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 1-29.

⁷¹ Гусев Л.Ю. Возможности и пределы осуществления политики ЕС в Центральной Азии // Международная аналитика. 2016. № 3 (17).

⁷² Дадабаева З. А. Новая Европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 153-179.

⁷³ Дегтерев Д. А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63-75.

⁷⁴ Денисов Е. А. Центральная Азия как регион международной политики // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1. С. 81-97.

⁷⁵ Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002-2012 гг.) // Обозреватель. 2013. № 6. С. 73-88.

⁷⁶ Добринская О.А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 36-56.

⁷⁷ Егиазарян А.А. Основные особенности «полупериферийных стратегий» Ирана, Турции и России в отношении региона Центральной Азии и Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. Т. 16. В. 1. 2013. С. 64- 80.

⁷⁸ Егоров В.Г, Штоль В.В. Русский язык – фактор интеграции постсоветского пространства // Международная жизнь. 2017. № 12. С. 88-105.

Жильцова С.С.⁷⁹, Жирнова О.А.⁸⁰, Звягельской И.Д.⁸¹, Зиглера Ч.Э.⁸², Зиядуллаева Н. С.⁸³, Ивановой И.И.⁸⁴, Игитян М.Ю.⁸⁵, Казанцева А.А.⁸⁶, Карпенко А.О.⁸⁷, Керима Х.⁸⁸, Князева А. А.⁸⁹, Корецкого В.А.⁹⁰, Крутько А.А.⁹¹, Кузьминой Е.М.⁹², Курылева К.П.⁹³, Лагутиной М.Л.⁹⁴, Маруева А.Ю.⁹⁵, Малашенко А.В.⁹⁶, Малышевой Д.Б.⁹⁷, Мамедовой Н.М.⁹⁸, Месамеда

⁷⁹ Жильцов С.С. Стратегия Запада на постсоветском пространстве / Мировая политика в фокусе современности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. 515 с.; Он же. Политика России в Каспийском регионе. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 240 с.; Он же. Политика Японии в Центральной Азии: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 46-55. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения. 2009. 200 с.

⁸⁰ Жирнов О.А. Политика России на постсоветском пространстве: прошлое, настоящее и будущее (Обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 124-163.

⁸¹ Звягельская И.Д. Россия в Центральной Азии: ведущий игрок или один из многих? / Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. 592 с.

⁸² Зиглер Ч.Э. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 13-22.

⁸³ Зиядуллаев Н. Государства Центральной Азии в условиях глобализации: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 6 (48). С. 145-155; Он же. Государства Центральной Азии в меняющемся мире // Экономические стратегии. 2007. № 3. С. 2-13.; Он же. Государства Центральной Азии в современном мире: стратегии развития и глобальные вызовы // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12. С. 8-17.

⁸⁴ Иванова И.И. Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 39-47.

⁸⁵ Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. 2019. № 3. С. 250-259.

⁸⁶ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 382 с.; Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2018. V.18. N.2. С. 292-303.

⁸⁷ Маруев А. Ю., Карпенко А.О. Восточный вектор геостратегии России // Обозреватель. 2010. № 1. С. 6-17.

⁸⁸ Хас К. Особенности внешней политики Турции в Центральной Азии // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 16-20.

⁸⁹ Князев А. А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 35-44; Он же. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012. 420 с.

⁹⁰ Корецкий В.А. К вопросу о социально-политической ситуации в Центральной Азии (геополитический анализ) // Вест.Моск.Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 29-38.

⁹¹ Крутько А.А. Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты. Бишкек, 2019. 278 с.

⁹² Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука, 2007. 151 с.; Она же. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (3). С. 229-239; Она же. Политика ЕС в отношении Евразийской экономической интеграции и Большой Евразии / Осенняя сессия международного форума «Евразийская экономическая перспектива». Сборник докладов. СПб., 2020. С. 29-35.

⁹³ Курылев К.П. Central Asia in Foreign Policy Priorities of Russia: History and Current Status // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. Р. 427-437.

⁹⁴ Лагутина М.Л., Темнышев И.А. Эволюция понятия «Евразия» в современном гуманитарном знании // Современные Евразийские исследования. 2016. № 1. С. 17-25; Лагутина М.Л., Набока А.В. Геополитические перспективы развития евразийской интеграции // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 48-57.

⁹⁵ Маруев А. Ю., Карпенко А.О. Военно-политические аспекты формирования интересов России на южном геополитическом векторе // Военная мысль. 2009. № 11. С. 9-16.

⁹⁶ Малашенко А.В. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 118 с.

В. И.⁹⁹, Мехдиева Э.Т.¹⁰⁰, Мещерякова К.Е.¹⁰¹, Мурашкина Н.Ю.¹⁰², Наумкина В.В.¹⁰³, Николаева С. А.¹⁰⁴, Новоселова Е.В.¹⁰⁵, Нуртазина М.М.¹⁰⁶, Погорельской С.В.¹⁰⁷, Пономаревой Е.Г.¹⁰⁸, Притчина С. А.¹⁰⁹, Пряхина В.Ф.¹¹⁰, Пузановой О.В.¹¹¹, Рудова Г.А.¹¹², Столповского О.¹¹³, Стрелкова А.А.¹¹⁴, Строкова А.¹¹⁵, Сыздыковой Ж.С.¹¹⁶, Токтамысова С.Ж.¹¹⁷, Томберга

⁹⁷ Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 101-108; Она же. Партнерство России и Узбекистана // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2021. № 2 (28). С. 121-131.

⁹⁸ Мамедова Н. М. Иран: интересы в ЦА и возможности влияния // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 4 (262). С. 85-90; Она же. Казахстанская экономическая модель // *Мировое и национальное хозяйство*. 2013. № 3-4 (26-27). С. 6- 9; Она же. Экономические модели других центрально-азиатских государств // *Мировое и национальное хозяйство*. 2013. № 3-4 (26-27). С. 7- 13.

⁹⁹ Месамед В.И. Иран: 10 лет в постсоветской Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://cac-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml (дата обращения: 23.03.2021); Он же. Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога. М.: Институт Ближнего Востока, 2010. 267 с.

¹⁰⁰ Мехдиев Э.Т. «Неоосманизм» в региональной политике Турции // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 2 (47). С. 32-39; Он же. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // *Международные отношения*. 2017. № 4. С. 1-15.

¹⁰¹ Мещеряков К.Е. Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991-2012 гг. Диссерт. на соискание доктр.ист.наук. 2015. 709 стр.

¹⁰² Мурашкин Н.Ю., Акылбаев И. Япония и Центральная Азия: «тихое» партнерство с привлечением внерегиональных игроков [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-i-tsentralnaya-aziya-tikhoe-partnerstvo-s-privlecheniem-vneregionalnykh-igrokov/> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁰³ Наумкин В.В. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. М.: РСМД, 2013. 64 с.

¹⁰⁴ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитических планах США // *Россия и мусульманский мир*. 2012. № 8. С. 125-141.

¹⁰⁵ Новоселов С.В. Геостратегия и современная внешняя политика Исламской Республики Иран // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 2 (43). С. 118-124.

¹⁰⁶ Нуртазин М.М. Роль Республики Казахстан в геополитической трансформации в рамках «Евразийского проекта» // *Проблемы постсоветского пространства*. 2018. № 5 (2). С. 191-202.

¹⁰⁷ Погорельская С.В. Политика ФРГ в Центральной Азии // *Актуальные проблемы Европы*. 2011. № 3. С. 106-130.

¹⁰⁸ Пономарева Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // *Обозреватель*. 2015. № 11. С. 59-73; Пономарева Е., Рудов Г. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // *Обозреватель*. 2013. № 9. С. 18-30.

¹⁰⁹ Притчин С.А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 6 (63). С. 76-92.

¹¹⁰ Пряхин В.Ф. Европейский Союз и Центральная Азия: поиски новой концепции сотрудничества // *Актуальные проблемы Европы*. 2011. № 3. С. 133- 152.

¹¹¹ Парамонов О.Г., Пузанова О.В. Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997-2017 гг.) // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 42-60.

¹¹² Рудов Г.А. Российско-кыргызские отношения: история и современность. М.: Бишкек-Илим, 2001. 607 с.; Он же. Нам суждено жить вечно в дружбе: Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. Москва; Бишкек: Илим. 2002. 352 с.

¹¹³ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. Т. 13. В. 1. С. 120-131; Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. Т. 13. В. 4. С. 74-89.

¹¹⁴ Стрелков А.А. Политика Европейского Союза в постсоветском регионе // *Актуальные проблемы Европы*. 2011. № 2. С. 9- 38.

¹¹⁵ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Общ.фонд Александра Князева. Б.: 2008. 200с.

¹¹⁶ Сыздыкова Ж. Геополитические интересы России в Центральной Азии // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 8. С. 263-265. Она же. Мегапроект Китая «Один пояс, Один путь»: внутренние и внешние вызовы // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. № 4 (68). С. 1182-1189.

И.Р.¹¹⁸, Троицкого Е.Ф.¹¹⁹, Федоровой И.Е.¹²⁰, Хейфеца Б.А.¹²¹, Хопёрской Л.Л.¹²², Чазова О. П.¹²³, Чуфрина Г.И.¹²⁴, Шангараева Р.Н.¹²⁵, Шумилова М.М.¹²⁶, Ягья В.С.¹²⁷.

К *пятой группе* относятся работы американских исследователей, занимающихся изучением геополитических и геоэкономических процессов в странах Центральной Азии. Можно выделить работы Бермана И.¹²⁸, Вайца Р.¹²⁹, Глянца М.¹³⁰, Кули А.¹³¹, Ларуэль М.¹³², Легволда Р.¹³³, Лемона Э.¹³⁴, Макглинчи Э.¹³⁵, Манкоффа Дж.¹³⁶, Олкотт М.¹³⁷, Пейруза С.¹³⁸, Румера Е.¹³⁹, Старра Ф.¹⁴⁰, Стронски П.¹⁴¹, Шоттенфельда Дж.¹⁴².

¹¹⁷ Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Метаморфозы постсоветской интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 1-36.

¹¹⁸ Томберг И.Р. Газ Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 7-22.

¹¹⁹ Троицкий Е.Ф. Центральная Азия в системе международных отношений (1992-2009 гг.). Автореф. на соиск. уч. степени доктора ист. наук. Томск, 2010. 43 с.

¹²⁰ Федорова И.Е. Элементы панинизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 437-442.

¹²¹ Хейфец Б.А. Страны Евразийского экономического союза и китайская инициатива «пояс и путь»: возможности и риски // Вестник института экономики НАН Беларуси. Сборник науч. статей. Минск, 2021. С. 134-145; Он же. Каким маршрутом пойдет Россия по одному простому китайскому пути. М.: Институт экономики РАН, 2020. 62 с.

¹²² Хоперская Л.Л. Евразийский интеграционный проект: позиция центральноазиатских элит // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3. С. 84-100.

¹²³ Чазов О.П. Интересы и политика России в Центральной Азии в новых геополитических условиях // Обозреватель. 2012. № 5. С. 44-55.

¹²⁴ Чуфрин Г.И. Россия и Центральная Азия. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 220 с.

¹²⁵ Шангараев Р. Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11. С. 73-82.

¹²⁶ Шумилов М.М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 2. С. 76-94.

¹²⁷ Ягья В.С. Пономарева Е. Научное сотрудничество – форма и метод публичной дипломатии // Обозреватель. 2015. № 8. С. 69-82.

¹²⁸ Berman I. Central Asia's Encouraging Development. Why the Region Is Embracing Greater Cooperation and Coordination [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-asia/2017-08-08/central-asias-encouraging-development> (дата обращения: 23.03.2020).

¹²⁹ Weitz R. U.S. New Silk Road Initiative Needs Urgent Renewal // Central Asia-Caucasus-Analyst. 3 March.2015. P. 7-10.

¹³⁰ Глянец М.Х. Большая игра в Большой Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (3). С. 238-243.

¹³¹ Cooley A. Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. USA, 2012. 272 p.; Cooley A. Heathershaw J. Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia. USA, 2017. 320 p.

¹³² Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia . Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. UK., 2012. 271 p.; Cooley A., Laruelle M. The Changing logic of Russian Strategy in Central Asia. From Privileged Sphere to Divide and Rule? // PONARS Eurasia Policy Memo. 2013. № 261. P. 1-6.

¹³³ Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред. Р. Легволда. Лондон, 2004.

¹³⁴ Lemon E. Mirziyoyev's Uzbekistan: democratization or authoritarian upgrading? Foreign Policy Research Institute. USA., 2019.

¹³⁵ McGlinchey E. Avoiding the Great Game and Domestic Unrest in Eurasia // PONARS Eurasia Policy Memo. 2005. № 402. P. 217-221; Central Asia's Autocrats: Geopolitically Stuck, Politically Free // PONARS Eurasia Policy

В *шестую группу* работ включены труды китайских исследователей, занимающихся изучением политики Китая в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс-Один путь». Среди них можно выделить Ван Щуцуня¹⁴³, Ли Синя¹⁴⁴, Ли Юнхуэй¹⁴⁵, Лю Цзайци¹⁴⁶, Фань Сюэсуна¹⁴⁷, Фэн Ишу¹⁴⁸ и др.

К *седьмой группе* относятся работы ученых из Турции и Ирана, в которых анализируются международные отношения в странах Центральной Азии. Среди них можно выделить исследования таких авторов, как Ахмадийана Б. А.¹⁴⁹, Балчи Б¹⁵⁰., Джаббари Насира Х.¹⁵¹, Санаи М.¹⁵², Фидана Х.¹⁵³, Сулу А.Э.¹⁵⁴.

Memo. 2015. № 380. P. 1-5; Questioning Sinophobia in Central Asia // PONARS Eurasia Policy Memo. 2019. № 630. P. 1-5.

¹³⁶ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2009. 359 p.; Политика США в Центральной Азии после 2014 г. // Pro et Contra. Январь-апрель, 2013. С. 41-57.

¹³⁷ Olcott M.B. Central Asia's Catapult to Independence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/kazakhstan/1992-06-01/central-asias-catapult-independence> (дата обращения: 23.03.2020); Центральная Азия: как превратить бывших поданных в друзей? / Россия: ближайшее десятилетие / под ред. Э. Качинса и Д. Тренина. М., 2004. С. 131-135; Второй шанс Центральной Азии. Москва; Вашингтон, 2005. 487 с.

¹³⁸ Laruelle M., Peyrouse S. Regional Organizations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. Working Paper. 2012. N. 10. 57 p.

¹³⁹ Rumer E.B. China, Russia and the Balance of Power in Central Asia // Strategic Forum. November, 2006. № 223. P. 1-8; Rumer E., Trenin D., Huasheng Zh. Central Asia. View from Washington, Moscow and Beijing. New York, 2015. 223 p.

¹⁴⁰ Starr F.S. Making Eurasia Stable // Foreign Affairs. January/February, 1996. P. 73-82; A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. July/August, 2005. P. 145-156.

¹⁴¹ Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition. Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_331_Stronski_Ng_Final1.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁴² Lemon E., Schottenfeld J. Putin's Ploys in Central Asia and His Weakening Influence in the Region [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁴³ Ван Шуцунь, Цинсун Вань. На пути к взаимовыгодному сотрудничеству «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС – конкуренты или партнеры? // Свободная мысль. 2014. № 4 (1646). С. 91-102.

¹⁴⁴ Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/kitayskiy-vzglyad-evraziyskogoe-prostranstvo/> (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁴⁵ Ли Юнхуэй. Большое Евразийское партнерство и китайско-российские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 42-51.

¹⁴⁶ Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149-155.

¹⁴⁷ Фань Сюэсун. Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии. Дис. на соис. уч. степени канд. полит. наук. Москва, 2018. 265 с.

¹⁴⁸ Фэн Ишу. Шелковый путь на кончике кисти. М.: Издательство Шанс, 2019. 335 с.

¹⁴⁹ Ахмадийан Б.А. Отношения Тегерана и Душанбе: от дня вчерашнего к сегодняшнему [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20170829/240130734.html> (дата обращения: 24.05.2020).

¹⁵⁰ Balci V. How Central Asian Republics Perceive the Emerging Eurasian Union [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2015/01/24/how-central-asian-republics-perceive-emerging-eurasian-union-pub-58943> (дата обращения: 23.03.2020).

В *восьмую группу* включены работы ученых стран Центральной Азии, в которых исследуется место государств региона в современной системе международных отношений. Среди них можно выделить работы следующих авторов: Джекшенкулова А. Дж.¹⁵⁵, Джоробековой А.Э.¹⁵⁶, Лаумулина М.Т.¹⁵⁷, Тогусакова О.А.¹⁵⁸.

К *девятой группе* работ относятся фундаментальные исследования, раскрывающие вопросы формирования и реализации внешней политики стран Центральной Азии в условиях изменения геополитической ситуации. Среди них можно выделить Акматалиеву А.М.¹⁵⁹, Додонова В.Ю.¹⁶⁰, Иманалиева М.С.¹⁶¹, Кадыркулову А.С.¹⁶², Кангельдиева А.Н.¹⁶³, Комилову Х. Г.¹⁶⁴, Кушкумбаева С.К.¹⁶⁵, Майтдинову Г. М.¹⁶⁶, Медеубаеву Ж.М.¹⁶⁷,

¹⁵¹ Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв.Сарат.ун-та. Нов.сер.Сер.Социология.Политология.2019.Т.19.Вып.1. С. 106-112.

¹⁵² Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб.: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Садра», 2017. 320 с.

¹⁵³ Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. V. 12. № 1. Pp. 109-121.

¹⁵⁴ Sucu A.E., Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey have a Central Asian project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82-96.

¹⁵⁵ Джекшенкулов А.Дж. Внешняя политика стран Центральной Азии // Вестник КPCY. 2015. Т. 15. № 12. С. 79-84; Он же. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: «Научная книга», 2000. 306 с.

¹⁵⁶ Джоробекова А.Э. Основные тенденции и направления интеграционных процессов в Центральной Азии. Бишкек, 2007. 156 с.

¹⁵⁷ Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при президенте РК, 2009. 436 с.; Он же. Центральноазиатская политика США при президентстве Б. Обамы // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Вып. 4. Т. 13. С. 47-62; Он же. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Часть 1. Астана: КИСИ, 2015. 416 с.

¹⁵⁸ Тогусаков О.А., Акаев А.А. Состояние внешних миграционных процессов стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9. С. 93-99.

¹⁵⁹ Акматалиева А.М. Основы внешней политики Кыргызской республики. Бишкек, 2014. 222 с.

¹⁶⁰ Додонов В.Ю. Инвестиционная активность ведущих стран мира в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 3 (48). С. 94-113; Он же. Торговые войны США и потенциал их влияния на экономику Казахстана // Проблемы постсоветского пространства. 2018. № 5 (4). С. 390-407.

¹⁶¹ Иманалиев М.С. Очерки о внешней политике Кыргызстана. Бишкек, 2002. 160 с.

¹⁶² Кадыркулова А.С. Национальные интересы независимого Кыргызстана в условиях нового геополитического пространства. Автореф. дис. на соис. степени канд. полит.наук. Бишкек, 2006. 24 с.

¹⁶³ Кангельдиев А.Н. Перспективы и приоритеты внешней политики Кыргызской республики на современном этапе // Вестник КPCY. 2015. Т. 15. № 12. С. 98-101.

¹⁶⁴ Комилова Х.Г. Республика Таджикистан в системе международных отношений и геополитических координат в условиях нового мирового порядка (региональный формат). Дис. на соис. уч. степени докт. истр. наук. Душанбе, 2020. 353 с.

¹⁶⁵ Кушкумбаев С.К. Внешняя политика Казахстана в глобальном мире // Перспективы партнерства Казахстана и Украины в новых геополитических и геоэкономических условиях: Материалы Международного круглого стола. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 88 с.

¹⁶⁶ Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т.4.№ 1. С.9-16.

¹⁶⁷ Медеубаева Ж.М. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991-2010). Астана, 2012. 288 с.

Саидова З.Ш.¹⁶⁸, Султанова Б.К.¹⁶⁹, Сыздыкова М.З.¹⁷⁰, Токаева К.Ж.¹⁷¹,
Толипова Ф. Ф.¹⁷²,

К *десятой группе* относятся работы, посвященные выстраиванию отношений стран региона с внерегиональными государствами. Среди них работы таких авторов, как Курманова З.К.¹⁷³, Парамонова В.В.¹⁷⁴, Сыроежкина К.Л.¹⁷⁵, Шайхутдиновой М.Е.¹⁷⁶.

Вышеперечисленные работы отражают особенности внешнеполитической стратегии внерегиональных акторов в Центральной Азии, направленной на укрепления своего регионального влияния.

Однако следует признать отсутствие комплексных фундаментальных, теоретико-концептуальных работ обобщающего характера, раскрывающих интересы внерегиональных акторов в странах Центральной Азии в условиях формирования нового мирового порядка. Подавляющая часть исследований, посвященных проблемам Центральной Азии и политике центрально-азиатских стран на современном этапе, рассматривают лишь отдельные аспекты региональной геополитической и геоэкономической динамики, не учитывая комплекс механизмов, которые используются ведущими центрами мировой политики в странах Центральной Азии.

¹⁶⁸ Саидов З.Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2017 гг.). Душанбе: Контраст, 2017. 142 с.

¹⁶⁹ Султанов Б.К. Этапы развития внешней политики Республики Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2001. №6 С. 159-170; Султанов Б.К. Основные приоритеты внешней политики Казахстана // Центральная Азия: 1991-2009 гг. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. С. 69-79.

¹⁷⁰ Сыздыков М.З. Принцип многовекторности во внешней политике Казахстана: факторный анализ // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции. Материалы II Международной научно-практической конференции. Омск, 2015. С. 99-106.

¹⁷¹ Токаев К.Ж. Внешняя политика Республики Казахстан в период становления нового мирового порядка. Дис. на соис. уч. степени докт.полит.наук. 2001. 440 с.

¹⁷² Толипов Ф.Ф. К вопросу «о большой стратегии» Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т.14.Вып.3. С. 171-182.

¹⁷³ Курманов З.К. Кыргызстан-Россия: смена парадигм? // Кыргызско-российские отношения: позитивные реалии и перспективы сотрудничества: Материалы Международного круглого стола, посвященного 20-летию образования КРСУ. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. 117 с.

¹⁷⁴ Парамонов В.В. Россия и Китай в Центральной Азии: концептуальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4(41). С. 122-131.

¹⁷⁵ Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. В трех книгах. Книга 2. В формате стратегического партнерства. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 384 с.

¹⁷⁶ Шайхутдинов М. Е. Казахстан и стратегические интересы глобальных игроков в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 89-100.

Объект исследования - Центральная Азия как современный феномен геополитики.

Предмет исследования – соперничество внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте трансформации мирового порядка.

Цель исследования – выявить роль Центральной Азии в формировании нового мирового порядка.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. Концептуализировать понятие «Центральная Азия» как особого феномена в мировой политике;
2. Оценить геополитическую роль Центральной Азии в условиях формирования нового мирового порядка;
3. Выявить концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии;
4. Определить место и роль Центральной Азии во внешнеполитической стратегии США;
5. Выявить геополитическую динамику в Центральной Азии в контексте кардинальных трансформаций в мире;
6. Раскрыть растущее значение многосторонних форматов сотрудничества в политике внерегиональных акторов в отношении стран Центральной Азии;
7. Выявить особенности «мягкой силы» в политике внерегиональных акторов в Центральной Азии;
8. Проанализировать политику «мягкой силы» России в центральноазиатских странах;
9. Выявить приоритетные направления российской политики в Центральной Азии.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основной теоретической базой данного диссертационного исследования выступает системный подход, который позволил осуществить анализ стратегии внерегиональных акторов в отношении Центральной Азии. Также автором

предложен и применен геополитический подход к исследованию Центральной Азии, согласно которому регион включен в современные геополитические процессы.

В диссертационном исследовании использована совокупность общенаучных и специальных методов познания, с помощью которых анализировались рассматриваемые в работе процессы и явления. Из общенаучных методов в работе использовались анализ, синтез, индукция, дедукция, диагноз и прогноз. К категории специальных (частнонаучных) методов относятся структурный, институциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, метод комплексного анализа, метод правового анализа, метод системного исследования, метод контент-анализа. При этом базовыми установками проводимого исследования являются принципы системности, объективности и историзма.

Основные результаты исследования, полученные автором, и их научная новизна.

Настоящая диссертация представляет собой комплексное исследование новейших геополитических процессов в современной Центральной Азии:

1. Дана авторская трактовка геополитического концепта «Центральная Азия», введенного в оборот после распада СССР. Доказано, что, несмотря на этимологическую связь с географическим термином «Центральная Азия», современное понятие «Центральная Азия» является политическим конструктом, имеющим узкие политико-географические границы. Эти отличия обуславливают научные дискуссии вокруг данного понятия. Введенный в научный оборот термин «Центральная Азия» отражает геополитические задачи центрально-азиатских стран и внерегиональных акторов, которые связаны с формированием на международной арене благоприятного имиджа региона и восприятием его в качестве геополитической единицы.

2. Дана авторская оценка геополитического значения Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка. Установлено, что

возросшая геостратегическая роль региона в глобальной политике определяется переформатированием системы международных отношений, борьбой за рынки сбыта и источники сырья.

3. Автором выявлены концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии. Установлено, что общим для стран Центральной Азии является опора на принципы проведения многовекторной внешней политики, которая открывает им широкие возможности, в первую очередь, финансово-экономические, во внешнем мире. Отличия касаются форм проведения многовекторной внешней политики: Казахстан, Киргизия, Таджикистан реализуют внешнеполитический курс, направленный на максимальную вовлеченность в международные отношения, Узбекистан придерживается принципа неучастия в военно-политических альянсах, Туркменистан исходит из статуса нейтралитета.

4. Доказано, что активная политика внерегиональных государств в Центральной Азии является частью их общей внешнеполитической стратегии, направленной на доминирование в мировой политике (США и страны Запада), изменение/повышение своего статуса в мировой иерархии государств (Турция), установление контроля над энергетическими ресурсами (Китай, Япония), формирование пояса стабильности и добрососедства (Россия).

5. Выявлено, что соперничество геополитических акторов в Центральной Азии существенно возросло в условиях кардинальных трансформаций в мировой политике. Одним из показателей усиления внимания к региону является широкое разнообразие форм взаимодействия, инициаторами создания которых выступают внерегиональные акторы. Многообразие форм взаимодействия и вовлечения в многосторонние механизмы выступают: евразийская экономическая интеграция, американские проекты сотрудничества, консультативные советы, министерские встречи и другие форматы взаимодействия. В условиях меняющейся системы международных

отношений многообразные формы сотрудничества выступают в качестве эффективных инструментов внерегиональных государств в продвижении их интересов в Центральной Азии.

6. Установлено, что страны региона активно участвуют в многосторонних форматах сотрудничества, предлагаемых внерегиональными акторами, усматривая в них возможность решить свои внутривластные и экономические проблемы. Участие стран региона в многосторонних форматах обусловлено не ценностными ориентирами, а желанием реализовать свои национальные интересы и сбалансировать влияние внерегиональных акторов.

7. Автором доказано, что, несмотря на возрастание в мировой политике практического значения военной силы и экономических санкций, инструменты «мягкой силы» по-прежнему востребованы в стратегии внерегиональных государств в Центральной Азии. В частности, активно используются неправительственные организации, образовательные структуры, институты продвижения иностранного языка, оказывая существенное влияние на формирование благоприятного образа внерегиональных государств в странах региона.

8. Автором выявлены сильные и слабые стороны «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. К сильным сторонам относятся гуманитарные связи России со странами региона как по линии двустороннего, так и многостороннего форматов сотрудничества (СНГ, ЕАЭС); медийные ресурсы; общие историко-культурные ценности. Среди слабых сторон, можно выделить отсутствие единой консолидирующей идеи (концепция «евразийства» выглядит недостаточно привлекательно); сужение пространства использования русского языка; восприятие элитами стран региона российской внешней политики в Центральной Азии через призму наследия Российской империи.

9. Выявлены основные целевые установки политики России в Центральной Азии в целом и особенности двустороннего сотрудничества со

странами региона. Одной из главных целевых установок региональной политики России является поддержание стабильности и безопасности посредством объединения общих усилий, направленных на купирование или минимизацию угроз.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трактовка геополитического концепта «Центральная Азия» после распада СССР.

Демонтаж СССР привел к появлению в центре Евразии новых независимых государств, пространственно-территориальные границы которых стали формировать контуры региона под названием «Центральная Азия». Однако данное политическое название является искусственно сконструированным концептом, не отражающим географические, исторические, социокультурные, религиозные особенности рассматриваемого пространства. Эти особенности стали, во-первых, основанием для широкого политологического дискурса вокруг сути данного понятия, во-вторых, возможностью для геополитических центров силы, преимущественно США, выдвигать внешнеполитические концепции расширения географических границ политического пространства под названием «Центральная Азия». При этом введенное в оборот понятие «Центральная Азия» выполнило свою главную задачу – сформировало благоприятный имидж региона на международной арене и сделало пять суверенных республик (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) узнаваемыми.

2. Геополитическое значение Центральной Азии в контексте формирования нового мирового порядка.

В условиях кардинальной трансформации всей системы международных отношений заметно усиление роли Центральной Азии в мировой политике. В регионе, отличающимся не только своей геополитической уникальностью, но и богатым ресурсным потенциалом, усиливается геополитическое и геоэкономическое противостояние между ведущими державами мировой политики. Очень болезненно страны Запада

реагируют на активную и инициативную региональную политику России и Китая. В своем стремлении сдержать Россию и Китай в Центральной Азии США и ЕС используют все возможные инструменты регионального влияния. В условиях формирования полицентричного мирового порядка активно действуют в регионе Турция, Иран и Япония, стремящиеся укрепить свои региональные позиции. При этом в регионе существует очень высокий конфликтный потенциал в виде внутривосточных проблем, межгосударственных конфликтов, трансграничных угроз, катализатором которых могут стать внешние силы. Следовательно, Центральная Азия является геополитическим феноменом в мировой политике, где переплетаются вызовы и возможности. При этом в условиях трансформации мирового порядка у стран региона наблюдается дихотомия в отношении с внерегиональными государствами, где прослеживается субъектно-объектная модель сотрудничества. С одной стороны, страны региона самостоятельно выстраивают свою внешнюю политику с опорой на принципы равноправия и взаимной выгоды, укрепляя международную субъектность. С другой стороны, геополитическая конкуренция и стремление внерегиональных государств к включению этих стран в свою орбиту влияния делает их объектами современной мировой политики.

3. Концептуальные сходства и отличия во внешнеполитических стратегиях стран Центральной Азии.

Республики Центральной Азии с момента обретения независимости и по настоящее время стремятся проводить открытую, многовекторную и сбалансированную внешнюю политику. Такие предпочтения в отношении концептуальных основ своей внешней политики обусловлены желанием политических лидеров государств региона сохранить свой национальный суверенитет и избежать появления такого сценария, где бы им отводилось подчиненное место. Несмотря на то, что все государства Центральной Азии стремятся проводить сбалансированную внешнюю политику, маневрируя между мировыми центрами силы ради реализации своих национальных

интересов, в основе которых лежит экономический прагматизм, тем не менее, формы этой политики значительно разнятся ввиду национальных особенностей и предпочтений правящей элиты этих стран. К отличительным особенностям внешней политики некоторых стран Центральной Азии – Узбекистана и Туркменистана – относится их особый внеблоковый статус, который несмотря на свою специфику достаточно ограниченного внешнеполитического положения, позволяет им успешно развивать и углублять сотрудничество со всеми государствами мирового сообщества, реализуя свои национальные интересы и защищая национальную безопасность.

4. Политика США в Центральной Азии в контексте общей стратегии доминирования в мировой политике.

Центральной Азии отводится не приоритетное, но важное место во внешней политике США. Одной из главных задач для американской администрации в этом геополитически важном регионе является укрепление позиций США в рамках усилий по сохранению своего лидирующего положения в мире. В последнее время США пытаются нарастить свое присутствие в Центральной Азии посредством позиционирования себя привлекательным экономическим и инвестиционным партнером для республик в условиях региональной геополитической и геоэкономической активности России и Китая. Смещение акцентов с идеологических принципов на проведение прагматичной внешней политики в Центральной Азии нацелено на переориентацию экономических и политических контактов стран региона с российского и китайского направлений в сторону сотрудничества с США. Реализации этой цели призвана способствовать антироссийская риторика, которая стала традиционным элементом внешнеполитической тактики Вашингтона. Интенсивное взаимодействие России и Китая со странами региона обусловили появление американской стратегии в Центральной Азии на 2019-2025 гг. Целью данной стратегии является не столько содействие укреплению суверенитета стран региона, сколько

попытка сохранить за собой статус глобального гегемона, сдерживать процессы интеграции России и стран Центральной Азии, а также ослабить китайскую экономическую экспансию.

5. Усиление геополитического соперничества в Центральной Азии в условиях кардинальных трансформаций в мире.

Помимо США другие внерегиональные акторы ведут очень активную политику в Центральной Азии. ЕС развивает сотрудничество с государствами региона в двустороннем и многостороннем форматах в таких областях, как политика, экономика, транспорт и безопасность. Однако в системе интересов ЕС в Центральной Азии особое место занимают углеводороды, что обусловило заинтересованность Брюсселя в прокладке трубопроводов из Центральной Азии через Кавказ в Европу. На протяжении всего периода независимости стран Центральной Азии ЕС активно помогает государствам региона в их экономическом и социальном развитии посредством оказания значительной материальной помощи в виде грантов, кредитов, а также по линии различных европейских программ - БОМКА, КАДАП и т.д. Усиливая особую роль в развитии стран Центральной Азии, ЕС стремится укрепить свои региональные политические позиции. Руководство ЕС имеет долгосрочные интересы в Центральной Азии, что доказывают принятые в отношении региона стратегические документы. Используя различные инструменты, ЕС пытается увести регион из-под влияния России. Несмотря на тот факт, что геополитические и геоэкономические интересы ЕС и США по многим параметрам являются близкими, Брюссель предпочитает действовать в регионе самостоятельно.

В системе внешнеполитических приоритетов Китая Центральная Азия занимает особое место, что обусловлено географическим положением региона и его богатыми природными и сырьевыми ресурсами. Китай рассматривает Центральную Азию как источник стратегического сырья для своей растущей экономики. Соседство с республиками, имеющими высокий конфликтный потенциал, ставит во главу угла вопросы безопасности в

региональной политике Китая. По мере укрепления экономических позиций Китая в странах Центральной Азии будет расти его политическое влияние.

б. Усиление роли многосторонних форматов сотрудничества в политике внерегиональных акторов в отношении стран Центральной Азии.

Геополитические планы Турции в отношении Центральной Азии с 90-х г. практически не изменились. В настоящее время Турция стремится к объединению тюркских народов под своей эгидой и параллельно возрождению былой мощи Османской империи. Идейное содержание внешней политики Турции в Центральной Азии конструируется на основе трех концептов – пантюркизма, неоосманизма и панисламизма. Под руководством амбициозного политического лидера, каким является Р. Эрдоган, Турция заметно расширяет свое влияние в регионе посредством религиозного фактора. Опираясь на институциональные механизмы многостороннего регионального сотрудничества (Организация тюркских государств) Турция создает максимально выгодные для себя геополитические возможности в Центральной Азии.

По сравнению с Турцией Иран имеет ограниченные возможности в Центральной Азии вследствие принадлежности национальных государств региона к тюркскому миру, за исключением Таджикистана. Характерной чертой внешней политики Ирана в Центральной Азии является опора на реалистический экономический прагматизм. Пребывая в сложном международном положении и находясь под санкциями Запада, Иран стремится стать активным игроком в Центральной Азии. На фоне обострения геополитической конкуренции в регионе Иран все активнее укрепляет сотрудничество со странами региона в рамках многосторонних форматов по линии ЕАЭС и ШОС, при этом, нисколько не снижая акцента на развитии и углублении двустороннего сотрудничества.

Наряду с Ираном Япония перешла от идеологических к более прагматичным подходам: укрепление экономического сотрудничества с

республиками Центральной Азии. Начиная с 90-х г., у Японии стали постепенно формироваться долгосрочные экономические, политические, гуманитарные интересы в Центральной Азии, которые к началу нового столетия приобрели ясные концептуальные очертания. Углеводородный потенциал региона стимулирует Японию, отличающуюся своей динамично развивающейся моделью экономического развития, к установлению более тесного сотрудничества с государствами Центральной Азии. Приоритетом региональной политики Японии является попытка создать геополитическую конкуренцию интересам Китая и России через различные инструменты влияния. Многосторонний формат сотрудничества «Диалог Япония – Центральная Азия», созданный по инициативе японского руководства в начале XXI в., в настоящее время служит эффективной площадкой, с помощью которой Япония пытается укрепить свои позиции в Центральной Азии. С одной стороны, Япония благодаря своей финансово-экономической мощи и опоре на многосторонний механизм имеет хорошие шансы создать в Центральной Азии благоприятные возможности для расширения своего политического влияния. С другой стороны, отсутствие общей географической границы между Японией и Центральноазиатскими государствами тормозит процесс взаимного притяжения.

7. Инструменты «мягкой силы» в стратегии внерегиональных государств в Центральной Азии.

Ведущие страны Запада и Востока в геополитической борьбе в Центральной Азии активно опираются на инструменты «мягкой силы», среди которых можно выделить идейно-ценностные механизмы, развернутую деятельность НПО (особенно американских и европейских), культурную дипломатию, образовательные проекты. При этом реализация мягкой политики направлена не только на формирование лояльного политического лобби в государствах региона, но и на работу с населением, преимущественно с молодежью, часть которой в будущем может составить основу нового кадрового потенциала для управления национальными государствами.

Несмотря на возрастающую роль «жесткой силы» в мировой политике, политика «мягкой силы» внерегиональных государств стала одной из форм проекции их геополитической борьбы в Центральной Азии.

8. «Мягкая сила» России в странах Центральной Азии.

Из-за упущенных возможностей в 90-е г., Россия только недавно стала активно создавать и использовать инструменты «мягкой силы» в странах Центральной Азии. Совместное пребывание некогда в составе единого советского государства и общее историко-культурное наследие со странами региона стали одним из главных преимуществ России в процессе продвижения ее «мягкой силы» в Центральной Азии. Однако эти ценности постепенно размываются на фоне смены поколений в национальных республиках. Сужается пространство использования русского языка, в котором представители политической элиты стран региона необоснованно усматривают серьезную угрозу своей национальной идентичности, что стимулирует их на законодательном уровне отказаться от его употребления в языковой сфере.

9. Приоритеты политики России в странах Центральной Азии.

Россия является важным партнером государств Центральной Азии в силу особых уз, которые связывают народы этих государств. По линии двустороннего и многостороннего форматов сотрудничества между Россией и государствами региона активно развиваются политические, экономические, военно-технические, гуманитарные связи. Во внешней политике России Центральной Азии отводится приоритетное место, что обусловлено общими политическими и экономическими выгодами, взаимной заинтересованностью в устойчивости политических режимов, а также желанием коллективными усилиями поддерживать региональную стабильность и безопасность.

Однако влияние России в регионе довольно ограничено другими геополитическими соперниками, которые либо сильны своими экономическими ресурсами (Китай), либо идеологическими ценностями (страны коллективного Запада, Турция). Негативно отражаются на

сотрудничестве между Россией и странами Центральной Азии рост националистических тенденций и попытки властвующей политической элиты пересмотреть общую с Россией историю, конструируя ее новый нарратив с целью укрепить национальную государственность.

Научно-практическая значимость работы. Результаты, полученные по итогам проведенного диссертационного исследования, могут иметь прикладное значение для российских ведомств и организаций, занимающихся разработкой внешней политики на центральноазиатском направлении с учетом всех вызовов и ограничений. В условиях усиления геополитического соперничества в Центральной Азии непредвзятый анализ происходящих в регионе экономических и политических процессов крайне важен для разработки Россией эффективной поведенческой тактики. Рекомендации по расширению возможностей влияния России в Центральной Азии могут быть инкорпорированы в разработку комплексной региональной стратегии. Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы для проведения дальнейших научных политологических исследований по Центральной Азии, а также при разработке курса лекций по геополитике, мировой политике и политологии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены в докладах и выступлениях:

- «On the Way to a Stable World: Security and Sustainable Development» (США, 5 марта 2015 г.); «Россия, Иран, Турция: новые реалии сотрудничества» (г. Бишкек, 17 ноября 2016 г.); «Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество» (Чита, 22 сентября 2017 г.); «Международные транспортные коридоры и перспективные зоны интенсивного развития в условиях глобализации» (г. Москва, 18 декабря 2018 г.); «Геополитическая трансформация Черноморского региона» (г. Москва, 26 сентября 2019 г.); «Центральная Азия в контексте геополитических изменений: внутренние вызовы и политика внерегиональных государств» (г. Бишкек, 16 марта 2020 г.); Международная видеоконференция

«Информационное и аналитическое сопровождение евразийской интеграции» (г. Москва, 16 июня 2020 г.); Международная научно-практическая конференция в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне «Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество» (Чита, 17-18 сентября 2020 г.); Международный вебинар «Шанхайская организация сотрудничества и региональные возможности» (г. Тегеран, 14 декабря 2021 г.).

Полученные в ходе диссертационного исследования результаты легли в основу курса лекций по учебным дисциплинам в Кыргызско-Российском Славянском университете «Политическая география», «Политическая история России и зарубежных стран», «Центральная Азия в системе международных отношений» для бакалавров направления подготовки «Международная политика», а также «История политики», «Основы политического анализа», «Политический консалтинг и консультирование» для магистрантов направления подготовки «Стратегический анализ и прогнозирование в политике».

Основное содержание диссертации отражено в 2-х индивидуальных монографиях «Центральная Азия в современных мирополитических процессах» (Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 12 п.л.) и «Центральная Азия во внешней политике Турции и Ирана» (Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 10 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, 15 параграфов, заключения и библиографии.

ГЛАВА I. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ

1.1. Концептуализация понятия «Центральная Азия»

Демонтаж СССР в 1991 г. обусловил появление на политической карте мира нового политико - географического региона, который стал именоваться «Центральная Азия». Постепенно это новое постсоветское название региона утвердилось в политическом и научном дискурсах. Автором нового названия выступил президент Казахстана Н. Назарбаев (1993 г.), который в новых геополитических реалиях надеялся таким образом привлечь внимание мирового сообщества к региону. Однако новое название региона хоть и использовалось прежде, но только исключительно в географическом контексте, включающим помимо территории пяти суверенных республик, пространство сопредельных государств. Следовательно, возникла понятийно-терминологическая путаница: регион стали именовать неоднозначно, используя наряду с понятием «Центральная Азия», такие названия как «Средняя Азия» и «Туркестан».

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть эволюцию понятия «Центральная Азия», которое восходит к географической интерпретации ученых XIX в. В 1830 г. А. фон Гумбольдт ввел понятие «Центральная Азия» в мировой научный оборот, понимая под регионом обширную область, охватывающую территории внутренней части Азиатского материка¹⁷⁷. Позднее немецкий географ Ф. Рихтгофен выделил более четкие границы Центральной Азии, простирающиеся на западе от водоразделов Памира до водоразделов исполинских рек Китая и Большого Хингана на востоке¹⁷⁸.

В середине XIX в., когда развернулось геополитическое соперничество между Российской и Британской империями в регионе, в

¹⁷⁷ Худяков Ю.С. Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования внутренней Азии. 2008. № 2/3. С. 7.

¹⁷⁸ Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? Region [Электронный ресурс]. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> (дата обращения: 3.02.2020).

оборот было введено понятие «Туркестан», т.е. «земля тюрков». В это понятие, заимствованное англичанами у иранцев и афганцев, включали территории Кокандского и Хивинского ханств, а также Бухарского эмирата¹⁷⁹. Впоследствии, название «Туркестан» стали широко использовать в Российской империи, а после присоединения вышеуказанных ханств, на их основе в 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство¹⁸⁰. В этот период широкое распространение также получило название «Средняя Азия», под которым понимали пространство от Каспийского моря до Памира и от Гиндукуша до Арало-Иртышского водораздела¹⁸¹.

В апреле 1921 г. Туркестан был преобразован в советскую социалистическую республику, в состав которой вошла Средняя Азия от Каспия до Восточного Туркестана (Кашгар или современный СУАР Китая), южный и юго-восточный Казахстан от Арала до Балхаша¹⁸². На севере Казахстана сформировалось влиятельное национальное движение Алаш-Орда, выступавшее за создание казахской автономии в составе РСФСР¹⁸³, а с конца 1922 г. – в составе СССР. 12 июня 1924 г. советская власть приняла решение провести национально-территориальное размежевание в регионе с целью укрепления и развития национальной государственности у народов Средней Азии. В результате размежевания были образованы Узбекская и Туркменская советские социалистические республики, Киргизская автономная область, Таджикская Автономная Советская Социалистическая республика в составе Узбекской ССР, Кара-Калпакская автономная область с вхождением сначала в Казахскую АССР, а затем Узбекскую ССР. Позднее в связи с принятием Конституции СССР в 1936 г. автономные области – Киргизская и Казахская - были преобразованы в союзные республики в составе СССР. При этом стоит отметить, что национально-территориальное

¹⁷⁹ Центральная Азия в составе российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С.13.

¹⁸⁰ Размахов К.Е. Создание советской автономии в Туркестане в 1917-1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 42.

¹⁸¹ Бискэ Ю.С., Севастьянов Д. В. Куда исчезает Средняя Азия? // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2003. № 23. С. 62.

¹⁸² Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 14.

¹⁸³ Там же.

размежевание в Средней Азии было частью общей стратегии модернизации традиционных обществ в составе СССР. В условиях неблагоприятной для Советского государства внешнеполитической обстановки, характеризующейся нарастающей агрессией со стороны геополитических противников, советское руководство форсировало преобразовательные процессы в «кочевых» регионах. Считалось, что на западные, южные и восточные границы СССР могло произойти нападение со стороны Великобритании через территории Персии и Китая в Средней Азии¹⁸⁴.

Административно-территориальное деление в СССР было тесно связано с экономическим районированием. Так, Казахская ССР и Среднеазиатские республики входили в число крупных экономических районов, которых на территории СССР сформировалось 18¹⁸⁵. Особенности экономического развития стали одним из факторов обусловивших деление региона на Казахскую ССР и республики Средней Азии. Так, в советском политическом и научном дискурсах сложилось понятие «Средняя Азия и Казахстан». Помимо экономических причин обособления Казахстана, известный российский востоковед И. Звягельская выделяет исторические и культурные особенности развития республики, этнический состав населения, а также географическое положение относительно России¹⁸⁶.

Стоит подчеркнуть, что на Западе в различных значениях использовали такие понятия, как «Туран», «Туркестан», «Российский Туркестан», «Центральная Азия», «Средняя Азия»¹⁸⁷. При этом историки и политики предпочтение отдавали более широкой трактовки понятия «Центральная Азия», понимая под регионом пространство, охватывающее

¹⁸⁴ Синицын Ф.Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917-1991. М.: Центрполиграф, 2019. С. 83.

¹⁸⁵ Лаврищев А.Н. Экономическая география СССР. М.: Издательство «Экономика», 1964. С. 27.

¹⁸⁶ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 6.

¹⁸⁷ Pierce R. A. Russian Central Asia 1867-1917. University of California Press, 1960. P. 5.

территории Афганистана, Северо-Восточного Ирана, Пакистан, Северную Индию, Западный Китай и Монголию¹⁸⁸.

Как уже упоминалось выше, после распада СССР регион «Средняя Азия и Казахстан» по согласованному желанию новых независимых государств, стал именоваться «Центральная Азия». Это решение было принято на саммите пяти государств региона в Ташкенте в 1993 г.¹⁸⁹. Желание сблизиться со странами Запада стало одним из факторов, повлиявших на выбор термина «Центральная Азия» в качестве названия нового геополитического пространства в центре Евразии. Как известно, при переводе русскоязычного названия «Центральная Азия» на английский язык, мы получаем термин «Central Asia», который ассоциируется с пятью государствами региона и широко используется в академическом сообществе стран Запада.

Также это решение о переходе к новому политическому названию можно рассматривать как первую попытку самоидентифицировать регион на международной арене. Политические лидеры новых независимых государств стремились через новое название региона определить постсоветскую региональную идентичность Центральной Азии в противовес своей советской идентичности. В основе новой «центральноазиатской идентичности» лежал целый комплекс геополитических факторов, объединяющих государства региона. Они включали¹⁹⁰: территориальную близость государств; природно-ресурсный потенциал; общее историческое прошлое; языковую и религиозную схожесть.

Интересно, что российская исследователь М.В. Назукина рассматривала региональную идентичность как результат деятельности политических акторов, которые конструируют ее в своих интересах¹⁹¹. В этом

¹⁸⁸ Мальшева Д.Б. Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии // *Контур* глобальных трансформаций. 2020. Т. 13. № 3. С. 143.

¹⁸⁹ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. и др. *Международные отношения в Центральной Азии*. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 13.

¹⁹⁰ Дворников Ю.В. *Геополитический «ландшафт» Центральной Азии и российские интересы (географический аспект)*. Автореф. дисс. на соиск. канд. геогр. наук. 2001. С. 6.

¹⁹¹ *Идентичность: личность, общество, политика*. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 510.

случае «региональная идентичность определяется как процесс интерпретации регионального своеобразия, через который региональная уникальность приобретает институционализированные черты в определенных символах и мифах сообщества»¹⁹². Своеобразие региона «Центральная Азия» заключалось в его уникальном геополитическом положении в центре Евразии, на пересечении важных торгово-экономических маршрутов, между Севером и Югом, Западом и Востоком, а также наличием богатого природно-ресурсного потенциала. Не случайно, еще в XIX в. английский географ Х. Маккиндер выдвинул геополитическую концепцию Хартленда или Срединной земли, в которую включал страны Средней Азии¹⁹³. При этом Х. Маккиндер подчеркивал, тот кто владеет Хартлендом, тот управляет всем миром. Введение в оборот нового политического понятия «Центральная Азия» призвано было подчеркнуть важное значение нового региона, особую геополитическую значимость, с которой отождествляли регион сами страны этого политического пространства.

Создание нового имиджа региона в глазах мирового сообщества было крайне необходимо новым независимым государствам, нуждающимся в международной финансово-экономической поддержке. Появление нового названия региона было ориентировано на внешнюю среду и должно было служить достижению тройного результата: 1) закрепить процесс переориентации традиционных политических связей новых независимых государств; 2) утвердить их новый статус на международной арене в качестве самостоятельных субъектов; 3) обеспечить их максимальное и длительное существование¹⁹⁴.

В научном дискурсе стран Запада также нет единой концепции к пониманию понятия «Центральная Азия». На современном этапе одна из структур ООН ЮНЕСКО, занимающаяся вопросами науки, образования и

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Исмаилов Э. М. О геополитической функции «Центральной Евразии» в XXI в. // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 56.

¹⁹⁴ Шарко С. Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности и иллюзии? // Международная жизнь. 2013. № 10. С. 69.

культуры, включает в топоним «Центральная Азия» не только пять новых независимых государств, но и ряд других территорий - Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), автономный район Внутренняя Монголия, собственно Монголию, Тибет, Бурятию, Тыву, Горный Алтай, Прибайкальский район, Кашмир, Афганистан и иранскую провинцию Хорасан¹⁹⁵. Большинство западных ученых склонны рассматривать регион в составе пяти суверенных республик – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан¹⁹⁶. Норвежский антрополог Э. Фатланд именует пять республик региона общим названием «Советистан», подчеркивая их советскую идентичность¹⁹⁷. Э. Фатланд акцентирует внимание на советских чертах, которые до сих пор сохранились в государствах региона, управляемых выходцами из советской номенклатуры. В данной работе прослеживается явная недооценка автором набирающего обороты национализма, что проявляется в языковой политике Центрально-азиатских республик, направленной на форсированное распространение национального языка.

Искусственно сконструированное понятие «Центральная Азия» с яркой геополитической окраской обусловило желание внерегиональных акторов переформатировать границы региона. В этой связи, можно согласиться с российским ученым К.С. Ануфриевым, который отмечал, что физико-географические границы региона являются практически неизменными, в то время как историко-политические рубежи региона будут постоянно колебаться под воздействием геополитических процессов¹⁹⁸. Благодаря своим углеводородным запасам, такие страны региона, как Казахстан, Туркменистан и Узбекистан входят в так называемый «стратегический

¹⁹⁵ Центральная Азия в составе российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С.11.

¹⁹⁶ Lakatos A., Kozstur A. Global politics, Regional Competition: Great Power Politics in Central Asia // *Hiperborea Journal*. Vol. 4. No. 1 (2017). Pp. 61-76; Cooley A. Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. USA, 2012. 272 p.; Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia . Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. UK., 2012. 271 p.

¹⁹⁷ Фатланд Э. Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. М.: РИПОЛ классик, 2018. 528 с.

¹⁹⁸ Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 8.

энергетический эллипс»¹⁹⁹. В число приоритетов внешней политики США на Центральноазиатском треке входила и продолжает оставаться главной – стратегическая задача по переориентации углеводородных экспортных потоков, идущих из Центральной Азии, с российского направления на западные маршруты, в страны Европы.

С целью укрепить позиции США в Евразии и придать американской политике доггосрочный характер американский политолог В. Старр предложил в 2005 г. объединить страны Центральной Азии и Афганистан в один большой регион под название «Большая Центральная Азия»²⁰⁰. Однако в культурном и этническом смысле Афганистан не имеет ничего общего со странами региона. Исключением является Таджикистан, с которым у Афганистана имеется культурная общность и общая географическая граница.

Интересным представляется расовый подход российского востоковеда В. Белокреницкого к структурированию геополитического пространства Центральной Азии. По его мнению, эту зону можно разделить на три части: 1) Центральный Казахстан (южнее 50-й параллели, так как севернее ее расположены земли, входящие в «русский Восток»); 2) Пустынные Туркмения и Узбекистан и горная Киргизия (это чисто туранские земли); 3) Иран-Афганистан-Пакистан-Индия (это Иран в расширенном смысле – «Ариана», «земля ариев»)²⁰¹. Российский геополитик А.Г. Дугин предлагает рассматривать Центральную Азию, имея в виду географическое понятие (прим. автора), как геополитический ромб, на вершинах которого находятся Россия и Иран²⁰². Между Москвой и Тегераном с запада на восток располагаются страны Южного Кавказа (Армения, Грузия и Азербайджан), Туркменистан, Афганистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Эта концепция особенно актуальна в условиях формирования модели

¹⁹⁹ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. С. 7.

²⁰⁰ Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/partnerstvo-dlya-sentralnoj-azii/> (дата обращения: 25.06.2020).

²⁰¹ Белокреницкий В. Геополитическая вертикаль в сердце Азии // Pro et Contra. 1997. № 2. С. 102.

²⁰² Дугин А.Г. С. Геополитика: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. С. 488.

полицентричного мира и неприятия Россией и Ираном американской исключительности.

Социокультурные особенности региона позволяют интерпретировать понятие «Центральная Азия» с позиции цивилизационного подхода. Американский ученый иранского происхождения Ш. Хантер выделяла географические и культурные особенности региона, которые не соответствуют принятому политическому понятию «Центральная Азия». Она отмечала, что географически некоторые из республик, преимущественно Казахстан, больше тяготеют к северо-западу Азии, в то время как Афганистан и северо-восточные части Ирана, в особенности провинция Хорасан, являются частями Центральной Азии²⁰³. Страны Центральной Азии отличаются своим культурным, лингвистическим и религиозным разнообразием, вследствие чего подвержены значительному внешнему влиянию. Например, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан являются частью тюркского мира, в то время как Таджикистан имеет общие корни с персоязычными странами. На развитие Казахстана большое влияние оказывают Россия и Китай, в то время как будущее Туркменистана зависит от устойчивых отношений с Ираном и Афганистаном. По мнению европейского исследователя О. Роя, в культурное центральноазиатское пространство можно включить территорию существования тюрко-персидской цивилизации, растянувшейся от Стамбула до Дели, от Исфахана до Бухары²⁰⁴. После распада СССР в регионе начался ренессанс исламских ценностей, которые стали одним из факторов конфессионально-культурной идентификации стран Центральной Азии²⁰⁵. На современном этапе ислам все большее влияние оказывает на общественно-политические процессы суверенных государств. В этой связи, справедливо полагает О.Рой, что регион формируют не только пять независимых государств с преимущественно мусульманским

²⁰³ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 3-4.

²⁰⁴ Roy O. The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations. L.; N.Y., 2011. P. 2.

²⁰⁵ Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_11_malashenko.shtml (дата обращения: 7.02.2020).

населением²⁰⁶. К этому геополитическому пространству следует причислять Азербайджан, где большинство населения также исповедует ислам (около 85%). В целом, несмотря на политическую, институциональную и культурную гомогенность, которую республикам удалось достичь в составе СССР, другие глубоко укоренившиеся особенности, существовавшие в регионе до прихода Российской империи и распространения советского влияния, реанимировались в 1991 г. и продолжают доминировать и влиять на внешнюю политику центральноазиатских государств²⁰⁷. Однако стоит отметить, что благодаря заложенной в советское время социально-экономической базе и сложившимся тесным связям, в 1991 г. новым независимым государствам удалось избежать полного распада.

Таким образом, по прошествии тридцати лет, можно констатировать, что введенное в оборот понятие «Центральная Азия» выполнило свою главную задачу – сформировало благоприятный имидж региона на международной арене и сделало пять суверенных республик (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) узнаваемыми. Однако интеграции стран Центральной Азии на уровне региона так и не произошло. Попытки создать региональное объединение по образцу европейской интеграции не увенчались успехом. Существующая разобщенность между республиками снижает их шансы на укрепление своей субъектности в мировой политике. На современном этапе процесс структурирования региона по-прежнему остается незавершенным, о чем свидетельствуют существующие различные концептуальные подходы к интерпретации понятия «Центральная Азия» и предпринимаемые внерегиональными государствами попытки переформатировать границы региона.

Современное понятие «Центральная Азия» является политическим конструктом, имеющим более широкие географические границы, нежели чем те, которые были определены на политической карте мира после распада

²⁰⁶ Roy O. The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations. L.;N.Y., 2011. 222 p.

²⁰⁷ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 3-4.

СССР. Введенный в оборот политическими лидерами республик термин «Центральная Азия» призван был привлечь внимание мирового сообщества к этому геополитически значимому пространству. С помощью нового названия региона суверенные республики не только планировали подчеркнуть свою новую региональную идентичность на основе территориальной общности, но и получить материальные ресурсы в виде кредитов, займов, грантов как основы для строительства своих национальных государств. В постсоветских геополитических реалиях термин «Центральная Азия» должен был содействовать укреплению субъектности новообразованных государств во внешней среде и открыть хорошие возможности для их национального развития.

В данном исследовании акцент делается на понятии «Центральная Азия» как политическом конструкте, который не вбирает в себя все то разнообразие, которое присуще его географическому топониму, и включает в себя исключительно пять суверенных государств. Все остальные государства, проецирующие свое влияние на Центральную Азию и упомянутые в данном исследовании, будут именоваться внерегиональными акторами.

1.2. Центральная Азия как геополитический феномен в системе международных отношений

Исчезновение с политической карты мира Советского государства в 1991 г. открыло новую веху в мировой истории и вместе с тем создало предпосылки для формирования новой системы международных отношений. Такие атлантистские суждения, как «конец истории»²⁰⁸ и «фактический дрейф бывшей сверхдержавы под управление Запада»²⁰⁹, явно символизировали наступление однополярного мира во главе с лидером либерально-демократического мира - США. Крушение биполярного мира предоставило США возможность «переделать мир по американскому образу

²⁰⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

²⁰⁹ Brzezinski Z. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 4.

и подобию», «применяя свои собственные ценности на всем мировом пространстве»²¹⁰.

В одностороннем порядке США и их союзники воспользовавшись благоприятной обстановкой в Евразии, где отсутствовала равная по их меркам геополитическая сила, принялись стремительно перекраивать евразийское пространство, вмешиваясь в дела суверенных государств и расширяя сферы своего геополитического влияния. Начало стремительного закрепления основ однополярного мира было положено операцией НАТО на Балканах, где страны либерально-демократического блока меняли политический ландшафт региона в соответствии со своими интересами и ценностями. Эти удручающие события поставили под удар принципы международного права, которые как нормативная система, сложившаяся после окончания II Мировой войны, призвана была регулировать отношения между субъектами международных отношений и поддерживать хрупкий мир во всем мире. Уже тогда стала вырисовываться истинная суть НАТО как важнейшего инструмента американской внешней политики, используемого для решения не только геополитических, но и экономических задач²¹¹. Для России итог этой операции был неутешительный: был нанесен удар по ее политическим и энергетическим интересам на Балканах. В это же самое время военно-политическое проникновение НАТО успешно осуществлялось в Центральной Азии: страны региона, стремясь диверсифицировать свои внешнеполитические связи, присоединялись к североатлантической программе «Партнерство ради мира».

С началом нового столетия Россия все больше стала ставить под сомнение американский унилатерализм, направленный на формирование мира по-американски (*Pax Americana*). На фоне серьезных глобальных вызовов и угроз в лице международного терроризма, распространения оружия массового уничтожения и т.д. все отчетливее прослеживалась необходимость

²¹⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 733.

²¹¹ Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 52.

действовать сообща, прилагая коллективные усилия в деле по поддержанию международной стабильности и безопасности. Россия как правопреемница СССР демонстрировала желание играть более существенную роль в решении важных глобальных вопросов. На практике это выразилось в поддержке Россией антитеррористической кампании США в Афганистане. Россия одна из первых поддержала США в вопросе о размещении американского военного контингента в странах Центральной Азии (Узбекистане, Таджикистане, Киргизии), согласилась обмениваться разведывательными данными, разрешила пролет иностранных самолетов с гуманитарной помощью над своей территорией, «выразила готовность оказывать всяческую поддержку США и членам коалиции в поиске и ликвидации террористических групп»²¹². Однако США были не готовы менять свою глобальную стратегию, направленную на закрепление их мирового лидерства. Наоборот, с приходом к власти в США республиканца Дж. Буша-младшего американская внешняя политика стала откровенно мессианской и агрессивной²¹³. Все отчетливее прослеживался напористый и милитаристский характер американской внешней политики, целью которой было утвердиться в стратегически важных регионах мира. Мир оказался в кольце военных баз и опорных пунктов – форпостов американской империи²¹⁴. Начиная с 1 сентября 2001 г., США построили или расширили свои военные базы в 10 странах Европы, Центральной Азии и Африки²¹⁵.

В начале XXI в. трансформировались взгляды американских неоконсерваторов, которые, по их же мнению, стали подлинно реалистическими, чем прежде. В рамках этого нового реализма, отрицающего необходимость следования цели поддержания баланса сил, США

²¹² Шаклеина Т.А. Международная безопасность в начале XXI в.: позиции России и США // Россия и современный мир. 2002. № 3 (36). С. 42.

²¹³ Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша – младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. // Новая и Новейшая история. 2014. № 2. С. 97.

²¹⁴ Брутенц К. На то и создавалось НАТО. Российская газета, 4 апреля 2014. № 77 (6349).

²¹⁵ Там же.

признавались «безраздельно господствующей мировой державой, а все другие страны, пусть и ранжируемыми, но клиентами»²¹⁶.

Неготовность России признавать исключительное господство США в мире и следовать навязываемым универсальным моделям поведения была продемонстрирована в Мюнхене в 2007 г. Тогда президент России В. Путин отчетливо дал понять всему мировому сообществу, что односторонние подходы США к решению глобальных проблем являются контрпродуктивными. Кроме того В. Путин отметил, что постепенно в глобальном мире увеличивается экономическое и политическое влияние таких быстро растущих государств, как Индия, Китай, Бразилия. Именно эти государства, включая Россию, «будут укреплять многополярность»²¹⁷. С этого момента концепция «многополярный мир» прочно вошла в российский политический и научный дискурс, а Россия стала позиционировать себя как страна, являющаяся одним из архитекторов формирующегося полицентричного мира.

Подъем региональных стран, которые по своему экономическому и военному потенциалу, нисколько не уступали, а наоборот даже превосходили США (например, Китай) символизировали о серьезных изменениях в системе международных отношений. Пересмотру подверглась и роль России в мировой политике. Новые внешнеполитические акценты и установки были зафиксированы в Концепции внешней политики России, утвержденной 15 июля 2008 г. В ней, в частности, отмечалось, что Россия намерена не только реализовывать международную повестку дня, но и участвовать в ее формировании²¹⁸. В формирующемся полицентричном мире Россия определила для себя приоритетную задачу войти в клуб ключевых

²¹⁶ Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша –младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. // Новая и Новейшая история . 2014. № 2. С. 98.

²¹⁷ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 23.04.2020).

²¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.04.2020).

глобальных игроков²¹⁹. Несмотря на финансово-экономический кризис 2008 г., Россия намеревалась укрепить свой особый статус в мировой политике и войти в пятерку наиболее богатых стран мира (по валовому ВВП)²²⁰. Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. показал высокую степень зависимости государств друг от друга и необходимость выработки новых подходов к взаимодействию как в сфере политики, так и экономики. Эти новые подходы должны были привести к повышению роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике²²¹. На фоне развития процессов глобализации отчетливое развитие получили тенденции к интеграции и регионализации. В рамках формирующегося многополярного мира возросла роль уже сформировавшихся или еще только институционализирующихся региональных экономических блоков (БРИКС, МЕРКОСУР, АСЕАН, ЕврАзЭС), претендующих на свое место в мировой экономике и политике. Эти новые экономические явления ввиду своего значительного внутреннего потенциала постепенно могли трансформироваться в один из влиятельных полюсов формирующегося полицентричного мира. Однако, по справедливому замечанию российского ученого Г. Толорая, перспективы развития такого сценария оставались пока неясными, так как ему противодействовало слишком много факторов, начиная от технологической и социальной отсталости стран Востока и заканчивая сознательной политикой Запада по блокированию этих процессов²²². Страны коллективного Запада действительно использовали широкий арсенал внешнеполитических инструментов («цветные революции», технологии управляемого хаоса, гибридные войны) для того чтобы сохранить свои лидирующие позиции в меняющемся мире. Применение Западом этих технологий отчетливо проявилось в украинском кризисе 2014 г.

²¹⁹ Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М.: Проспект, 2020. С. 90.

²²⁰ Кортунов С.В. Россия в мировой политике после кризиса / Мировая политика в условиях кризиса. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 398.

²²¹ Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М.: Проспект, 2020. С. 91.

²²² Толорая Г. БРИКС: шанс изменить миропорядок? // Мир перемен. 2011. № 3. С. 137.

Украинский кризис 2014 г. и присоединение Крыма к России, а также обостряющееся геополитическое противостояние между Западом и Россией ускорили глобальные трансформационные процессы, сопровождающиеся возникновением напряженности в различных уголках мира. Появление новых разрушительных тенденций и разделительных линий в мировой политике символизировали нежелание США признавать полицентричный характер современного мира. Социально-политический хаос, возникающий в разных регионах мира, являлся противодействием «закреплению в мировых делах новых центров силы вместо так и не утвердившегося однополярного мира»²²³. Наметилась тенденция не к ограничению применения силы, а, наоборот, к ее расширению, что увеличивало степень вероятности появления региональных войн среднего масштаба, которые позволяли применять и испытывать новые виды оружия, стратегии и тактики ведения военных кампаний»²²⁴. Долгое время страны коллективного Запада противостояли формированию полицентричного мира, используя для этого разветвленный инструментарий противоборства, включая гибридные войны. Но мир все больше становился многополюсным. Если раньше мировой порядок можно было считать лишь только концепцией, то в новых международных реалиях он стал объективной исторической реальностью²²⁵.

Поворотной вехой в международных отношениях стала Специальная военная операция России на Украине, начатая в феврале 2022 г. Эти события ускорили мировые трансформационные политические и экономические процессы, результатом которых в перспективе станет полное переформатирование мирового порядка. При таких обстоятельствах геополитическое соперничество на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности, будет только нарастать. В новых международно-политических реалиях США будут продолжать фокусировать

²²³ Громыко Ал.А. О новом мировом порядке, или о большом беспорядке // Азия и Африка. 2014. № 12. С. 2.

²²⁴ Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т.1. № 1. С. 21.

²²⁵ Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 30.

свое внешнеполитическое внимание на постсоветском пространстве, включая страны Центральной Азии, предпринимая попытки вытеснить Россию с территории ее жизненно важных интересов. Еще в 90-х г. американский стратег Зб. Бжезинский писал, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»²²⁶.

На современном этапе Центральная Азия, как и в XIX в. в период «Большой игры», оказалась ареной столкновения геополитических и геоэкономических интересов ведущих мировых держав. При этом непримиримые противоречия за доминирование в регионе развернулись между старыми центрами силы и новыми геополитическими конкурентами. Во времена «Большой игры» Российская и Британская империи боролись за сферы влияния в Средней Азии, прежде всего, за рынки сбыта и источники сырья²²⁷. Для достижения своих стратегических целей Петербург и Лондон опирались на различные военно-политические и экономические инструменты. Британская империя предпочитала использовать широкий инструментарий для утверждения своего господства над зависимыми территориями, прибегая к помощи закулисных сделок, компромиссных подходов и денежных субсидий местным правителям²²⁸. Но в случае отказа местных правителей от поддержки «гармонии» в двусторонних отношениях, Британская империя использовала военную силу²²⁹. В целом, военно-политическая активность Российской и Британской империй в Центральной Азии была частью тех усилий, которые были направлены на поддержание глобального баланса сил²³⁰.

Это опасное военно-политическое противостояние, которое могло перерасти в полномасштабную войну между двумя ведущими европейскими

²²⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 45.

²²⁷ Терехов В. Памирские экспедиции Б.Л. Громбчевского // Власть. 2011. № 5. С. 157.

²²⁸ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 29.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Denoon D. The Strategic Significance of Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://worldfinancialreview.com/the-strategic-significance-of-central-asia/> (дата обращения: 10.02.2020).

державами, закончилось победой Российской империи, которая присоединила Среднюю Азию к своей территории, замкнув свои южные границы. Разграничение на Памире, достигнутое 11 марта 1895 г. между Российской и Британской империями, ознаменовало окончание «Большой игры» в Средней Азии²³¹. С тех пор Средняя Азия вошла в состав сначала Российской империи, а затем СССР. Распад Советского государства привел к появлению новых независимых государств, которые стремились занять свое место в мире, оставив позади себя советское прошлое. При этом образовавшийся в Центральной Азии «геополитический вакуум» поспешили заполнить ведущие державы мировой политики. Страны Запада сразу же проявили интерес к центрально-азиатским суверенным республикам, развернув в регионе активную деятельность, направленную на интенсификацию двустороннего сотрудничества. Под лозунгами «расширения демократии» США стремились переформатировать геополитическое пространство региона, подчинив его своим геостратегическим интересам. Политика подчинения себе территорий геополитической значимости в Евразии являлась частью общей американской стратегии по установлению основ однополярного мира со своей лидирующей ролью.

На современном этапе мир переживает период трансформаций, меняется модель мирового устройства, в которой развивающиеся государства пытаются потеснить страны «золотого миллиарда». Процесс перехода мира в новую фазу своего развития проходит очень сложно и болезненно, обостряя политические, экономические, религиозные противоречия между государствами. На этом фоне усиливается динамика геополитических процессов в Центральной Азии, где сталкиваются интересы ведущих центров силы мировой политики. В мировой геополитике Центральной Азии отводится значимое место в силу стратегического расположения региона и наличия богатого разнообразия природных ресурсов. Регион располагается на

²³¹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 198.

пересечение важных евразийских транспортных коммуникаций, значимость которых сложно переоценить для развития мировой экономики. Центральная Азия может соединить между собой европейские и азиатские регионы посредством разветвленной сети автомобильных и железных дорог. Благодаря стратегическим географическим позициям регион создает возможности для соединения по кратчайшему пути страны Кавказа и Среднего Востока со странами Восточной Азии, юга и севера Евразии²³². В связи с этим Центральная Азия выступает удобным форпостом, откуда с легкостью можно осуществлять контроль как за указанными транзитными маршрутами, так и за тыловыми районами крупнейших государств Азии – Китая, Индии и России²³³. Транзитные возможности усиливают стратегическую значимость Центральной Азии в мировой политике и делают ее неотъемлемым элементом крупных инфраструктурных проектов, реализуемых как европейскими, так и азиатскими странами. Ввиду этого наблюдается процесс интенсивного роста влияния ключевых глобальных и региональных центров силы, которые оказывают значительное воздействие на траекторию развития региона. При этом транзитный потенциал стран Центральной Азии остается нереализованным по причине отсутствия выхода государств региона к морям и слаборазвитой инфраструктуры.

В Центральной Азии имеется разнообразный природно-ресурсный потенциал. Здесь сосредоточены не только большие запасы углеводородов, но и ресурсы пресной воды, а также широкое разнообразие цветных металлов. Страны верховья: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан - богаты значительными запасами нефти, газа, угля, в то время как в странах низовья: Киргизия и Таджикистан - сосредоточен гидроэнергетический потенциал, для развития которого отсутствует нужная инфраструктура. Согласно данным, в регионе имеются залежи угля в размере 38 трлн. тонн, нефти – 3,3 трлн. тонн, природного газа – 6,7 трлн. куб. м, урана – около 0,7 млн. тонн, гидроэнергия

²³² Васильев Л. Геополитическая ситуация в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2013. № 9. С. 92.

²³³ Там же.

– 500 млрд. киловатт в год²³⁴. Все эти богатства региона распределены неравномерно: в Казахстане сосредоточено около 85-90% нефти и угля, в Туркменистане – около 40% газа, в Узбекистане и Казахстане – по 30% газа, в Таджикистане – около 75% запасов гидроэнергии²³⁵. Однако такие факторы, как географическая замкнутость и неразвитая сеть транспортных коммуникаций, не позволяют странам региона наладить эффективные поставки своих углеводородных ресурсов на мировые рынки.

Территории двух из пяти государств региона, Казахстана и Туркменистана, примыкают к Каспийскому морю, что еще больше повышает их значимость в мировой политике и экономике. В этом случае речь идет не только о богатых залежах углеводородов, но и об уникальном биологическом потенциале. По оценкам экспертов, именно здесь сосредоточено 90% мировых запасов икры осетровых²³⁶. Каспийский регион играет особую геополитическую роль в мире. Считаясь одним из крупнейших углеводородных резервуаров, Каспийский регион вместе с Персидским заливом формирует стратегический «энергетический эллипс»²³⁷. Этот «эллипс» содержит в себе 2/3 разведанных залежей нефти и более 40% доказанных мировых запасов природного газа²³⁸.

Наряду с преимуществами, в Центральной Азии существует высокий конфликтный потенциал, детонатором активизации которого могут стать как внутренние факторы, так и внешние силы. Региональную стабильность могут пошатнуть следующие проблемы: неэффективное государственное управление, коррумпированность властвующих режимов, негативное влияние неформальных элементов на политическую систему, набирающий силу национализм, религиозный экстремизм, межэтнические и территориальные противоречия и т.д. Этими проблемами как средством достижения своих

²³⁴ Хачиев Г. Центральная Азия: портрет на фоне мировой экономики // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2 (44). С. 140-141.

²³⁵ Там же. С. 141.

²³⁶ Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI в. М., 2010. С. 197.

²³⁷ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. С. 7.

²³⁸ Дарабади П. Указ.соч. С. 198.

внешнеполитических интересов могут воспользоваться внешние игроки. Таким образом, Центральная Азия сталкивается с комплексом внутренних и внешних угроз, что стало основанием причисления стран региона к категории «хрупких государств» (fragile states). «Хрупкость» создает потенциал крушения и образования «несостоявшихся государств» (failed states), не способных контролировать собственную территорию²³⁹. По итогам 2021 г. в Индексе «хрупкости государств» страны Центральной Азии заняли следующие позиции: Казахстан – 116 место из 179, Киргизия – 68, Таджикистан – 71, Туркменистан – 97, Узбекистан – 80 (чем ниже место, тем выше рост угрозы)²⁴⁰. Следовательно, существует высокая степень вероятности дестабилизации обстановки в странах региона.

Страны Центральной Азии, обретя в 1991 г. возможность самостоятельно строить свою национальную государственность, уже более тридцати лет стремятся следовать принципам либерально-демократической модели развития. При этом становление государственности в странах Центральной Азии, во-первых, не обуславливалось потребностями общественного развития, а во-вторых, определяло ее избыточную централизацию и деспотичный характер²⁴¹. Остроту стратегической ситуации в Центральной Азии придает столкновение узкокланового эгоизма правящих элит с общенациональными интересами масс внутри отдельных государств региона, включая незавершенные процессы самоидентификации этих государств²⁴². Во всех странах региона наблюдается персонификация власти и отсутствие системной оппозиции. За тридцать лет суверенного развития так и не произошла либерализация политических систем стран региона, которая как и отмечали ведущие исследователи Центральной Азии, возможна не раньше,

²³⁹ Казанцев А. Центральная Азия: светская государственность перед вызовом радикального ислама [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pered-vyzovom-radikalnogo-islama/> (дата обращения: 10.02.2020).

²⁴⁰ Fragile State Index 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://fragilestatesindex.org/global-data/> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁴¹ Егоров В., Штоль В. Демократизация постсоветских политических режимов: консервативный сценарий // Международная жизнь. 2018. № 3. С. 65.

²⁴² Шарко С. Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности или иллюзии? // Международная жизнь. 2013. № 10. С. 67.

чем произойдут изменения в культуре этих стран²⁴³. На политический процесс стран Центральной Азии большое влияние оказывают традиционные элементы, такие как трайбализм, клановость и регионализм. При выборе того или иного кандидата на высокую должность большую роль играет не принцип меритократии, а принадлежность к клану или роду. Так, в странах Центральной Азии сложилась сложноструктурированная клановая система, интеграция которой по вертикали и горизонтали обусловлена разными мотивами и приоритетами²⁴⁴. Все это затрудняет формирование демократических политических институтов и создает лишь имитацию демократизации стран Центральной Азии. С точки зрения развития принципов демократии в странах Центральной Азии представляется, что этот процесс будет по-прежнему проходить сложно и противоречиво. О приверженности демократическим принципам было продекларировано после распада СССР. Однако государства региона, наоборот, только укрепляют авторитарный стиль правления. Периодическое проведение парламентских и президентских выборов в этих странах служит лишь средством повышения легитимации власти и «демонстрации Западу своей приверженности демократическим процедурам»²⁴⁵.

В странах региона до сих пор не завершен поиск своей национальной идентичности, в процессе которого властвующие элиты нередко демонстрируют отход от принципа сбалансированности в этнической и языковой политике. Справедливо отмечает российский политолог С. Жильцов, что «опора только на титульные нации создает риски для внутреннего развития, делает государство неустойчивым, повышая угрозу

²⁴³ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г. и др. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 22.

²⁴⁴ Егоров В.Г., Рекк Д.А. Кланов в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. С. 39.

²⁴⁵ Жильцов С.С. Центральная Азия: особенности политического развития // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 158.

внутригосударственного конфликта и межэтнических столкновений»²⁴⁶. В последнее время усиливаются националистические настроения в странах региона, где властвующие политики используют националистическую риторику для расширения электоральной поддержки.

Соседство с Афганистаном, где до сих пор не достигнуто внутривластное согласие, увеличивает риск нестабильности в Центральной Азии. Угрозы, исходящие с территории Афганистана и имеющие транснациональный характер, такие как наркотрафик и международный терроризм, представляют серьезный вызов безопасности и стабильности Центральной Азии. Не исключено, что спешный уход США из Афганистана в 2021 г., является частью американской стратегии, которая позволит сформировать им в «мягком подбрюшье Евразии» новый центр терроризма и хаотичности, из которого поползут метастазы во все страны региона, включая Китай»²⁴⁷.

Центральная Азия является источником трудовых ресурсов. Однако, даже несмотря на масштабную трудовую миграцию, преимущественно в страны ближнего зарубежья, население региона выросло на 47 % за последние 30 лет²⁴⁸. При этом рост населения региона обостряет проблему занятости, которая комбинирует в себе дефицит квалифицированных кадров и низкое качество человеческого капитала²⁴⁹. Например, еще в советское время Центральная Азия считалась «трудоизбыточной» территорией, где существовал и продолжает сохраняться избыток рабочей силы низкой квалификации²⁵⁰. При этом советские власти нашли решение проблемы дефицита квалифицированных кадров посредством организации процесса миграции населения из европейской части страны в среднеазиатские

²⁴⁶ Жильцов С.С., Слизовский Д., Шуленина Н., Маркова Е. Формирование национальной идентичности в странах Центральной Азии: итоги, проблемы, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Вып.1. Т. 21. С. 54.

²⁴⁷ Арутюнян Г. Особенности трансформации миропорядка // Международная жизнь. 2022. № 1. С. 42.

²⁴⁸ Противоречия социально-экономического развития Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-centralasia-socecon> (дата обращения: 15.03.2020).

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 7.

республики, что стало причиной «русификации» их государственной и общественной жизни²⁵¹. В связи с массовой эмиграцией русскоязычного населения и «утечки мозгов» государства Центральной Азии уже сейчас сталкиваются с проблемой кадрового дефицита.

В Центральной Азии имеется самый перенаселенный и напряженный в Евразии регион - это Ферганская долина. После распада СССР в 1991 г. Ферганская долина была разделена государственными границами между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, что стало предпосылкой для появления межэтнических, территориальных противоречий, развернулась жесткая борьба за ресурсы. При этом для каждой Центральноазиатской республики долина имеет важное социально-экономическое значение. Сельское хозяйство является приоритетной сферой деятельности этих государств. Например, в узбекской части Ферганской долины, занимающей 4,3 % территории, куда входят Андижанская, Наманганская и Ферганская области проживает около 28 % населения, в киргизской части (40,4% территории) долины (Баткенская, Джалал-Абадская и Ошская области) – 51, 9% населения, в таджикской части (17,6 % территории) (Согдийская область) – около 30%²⁵².

Ферганская долина отличается своим конфликтным потенциалом, который проявляется в противоречиях между различными этническими группами. В постсоветский период в этом регионе четко наметились две негативные тенденции – перенаселенность и нехватка земли. Например, в 90-х гг. средняя плотность населения здесь составила 100 чел. на 1 кв. км, в то время как в ее «узбекской части» - около 300²⁵³. Именно поэтому Зб. Бжезинский охарактеризовал эту часть Евразии как «котел этнических противоречий». В этой связи, можно согласиться с мнением российского политолога и дипломата Г. Рудова, что Ферганскую долину и весь

²⁵¹ Васильев Л. Указ. соч.

²⁵² Данков А. Ферганская долина: проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2 (50). С. 131.

²⁵³ Лунев С. Ферганская долина как одна из моделей регионального развития [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/09-1997/st_04_lunev.shtml (дата обращения: 23.03.2020).

Центрально-Азиатский регион могут дестабилизировать три блока взаимосвязанных факторов²⁵⁴: 1) кризисные явления в социально-экономической сфере, связанные с демографическими, миграционными проблемами и уровнем безработицы; 2) проблемы анклавов; 3) геополитические интересы внешних игроков, а также новые вызовы и угрозы региональной безопасности. Именно в Ферганской долине высок риск активизации радикальных исламских организаций. Здесь развернули свою деятельность «светская националистическая партия Бирлик, запрещенная узбекским правительством, и предшественники Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Хизбут-Тахрир – Адолат, Товба и Лашкарлари»²⁵⁵. Самой опасной группировкой в регионе является Исламское движение Узбекистана (ИДУ), которое участвовало в боевых действиях в СУАР (автономный район Китая), Таджикистане и в Афганистане²⁵⁶. По данным узбекских спецслужб, ИДУ тесно сотрудничало с «Аль-Каидой» и движением «Талибан»²⁵⁷.

Страны Центральной Азии неоднородны как по своему социально-экономическому потенциалу, так и соответственно по уровню развития. Это проявляется в позициях стран региона в мировых рейтингах по уровню ВВП, которые значительно разнятся. Например, по данным Международного валютного фонда за 2018 г., уровень ВВП Казахстана составил 173 млрд. долларов,, Узбекистана – 66,5 млрд. долларов, Туркменистана – 35,7 млрд. долларов, Таджикистана – 6, 92 млрд. долларов, Киргизии – 6,55 млрд. долларов²⁵⁸. Таким образом, экономика Казахстана является ведущей в регионе, за ним в тройку входят Узбекистан и Туркменистан. По структуре

²⁵⁴ Рудов Г. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации // Обозреватель. 2014. № 11. С. 17.

²⁵⁵ Егоров Е.Н. Исламский радикализм в Центральной Азии: Хизбут-Тахрир и Исламское движение Узбекистана // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3 (33). С. 189.

²⁵⁶ Хаустова Н.А., Глазунов О.Н. Контуры стратегической нестабильности XXI в.: Геополитические игры на мировой шахматной доске: Прогнозы до 2030 г. М., 2016. С. 67.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Экспертные рейтинги стран мира по размеру ВВП и уровню ВВП на душу населения [Электронный ресурс]. URL: <https://infoselection.ru/infokatalog/biznes-i-finansy/ekonomika-i-rynki/item/755-vvp-stran-mira>(дата обращения: 23.03.2020).

экономика Таджикистана схожа с экономикой Киргизии, однако преимущество Душанбе придает Таджикский алюминиевый завод (ТадАЗ), который входит в десятку крупнейших производителей алюминия в мире²⁵⁹. Такой неоднородный экономический потенциал и разный уровень развития предопределяет существенные различия в системе вызовов, с которыми сталкиваются центральноазиатские государства в своем развитии²⁶⁰.

Достаточно полную характеристику специфических черт Центральной Азии предложил американский ученый Д. Денун²⁶¹. Во-первых, это географическое положение Центральной Азии, ее связующая функция между Азией и Европой, обуславливающая необходимость недопущения доминирования какой-либо одной державы в регионе. Во-вторых, жизненно важным активом региона являются его углеводородные ресурсы. В-третьих, государства региона сталкиваются с дилеммой, связанной с активностью исламских радикалов, стремящиеся к власти. Существующие в регионе структуры экстремистского характера могут стать одним из факторов общественно-политической нестабильности. Таким образом, Центральная Азия имеет преимущества в виде своего местоположения и наличия природных ресурсов, но в то же время является «пороховой бочкой» Евразии, где сохраняется высокая степень неопределенности и существует множество факторов для появления взрывоопасной ситуации. В регионе переплетаются между собой внутривнутриполитические проблемы (хрупкий баланс клановых групп в политике, тотальная коррупция, падение уровня жизни населения и т.д.) и транснациональные вызовы и угрозы (радикальный ислам, экстремизм, терроризм).

За годы независимости у России и стран Центральной Азии сложились очень тесные политические, экономические и культурно-гуманитарные связи. Перспективы двустороннего сотрудничества между этими странами во

²⁵⁹ Агеев А.И., Куроедов Б. В. Стратегическая матрица государств Центральной Азии // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 16.

²⁶⁰ Там же. С. 17.

²⁶¹ Denoon D. The Strategic Significance of Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://worldfinancialreview.com/the-strategic-significance-of-central-asia/> (дата обращения: 10.02.2020).

многим будет определять современный характер этого взаимодействия. При этом активность России в Центральной Азии очень эмоционально воспринимается на Западе. Любое усиление влияния России на постсоветском пространстве и в Центральной Азии в частности противоречило и продолжает противоречить американским интересам, для которых особое значение имеет концепция "геополитического плюрализма" на территории бывшего СССР и недопущения возникновения "равной силы"²⁶². Страны коллективного Запада стремятся воспрепятствовать сближению России и стран региона. В настоящее время главной задачей политики стран Запада в Центральной Азии остается стремление подорвать региональные позиции России и Китая. В последние годы Китай активно наращивает свое экономическое присутствие в странах Центральной Азии, используя для этого как двусторонние экономические проекты, так и инициативу Экономического пояса Шелкового пути как важные инструменты своей политики в регионе.

В новых международно-политических реалиях США будут продолжать фокусировать свое внешнеполитическое внимание на постсоветском пространстве, включая страны Центральной Азии, предпринимая попытки вытеснить Россию с ее жизненно важного пространства и неся угрозу ее национальной безопасности. Еще в 90-х г. американский стратег Зб. Бжезинский писал, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»²⁶³.

Безусловно, учитывая всю сложность происходящих в современном мире политических процессов, представляется невозможным их осмысление посредством лишь только геополитического подхода. Однако в отношении событий, происходящих в Центральной Азии, фундаментальная концепция геополитики остается актуальной – это борьба за расширение сфер влияния. Процесс ослабления мировой гегемонии США генерировал «новую эру

²⁶² Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 293.

²⁶³ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 45.

конкуренции великих держав», в которой Китай и Россия используют свою увеличивающуюся силу для утверждения интересов и ценностей, идущих вразрез с интересами и ценностями США²⁶⁴.

На современном этапе между Западом и Россией накопился огромный конфликтный потенциал, который отрицательно влияет на мировые и региональные политические процессы. Каждый рассматривает друг друга как угрозу своим стратегическим интересам. Запад считает, что Россия подрывает основы либерального мирового порядка, в свою очередь, Россия видит в США и ЕС вызов своей национальной безопасности и государственному суверенитету. Деструктивный характер политики Запада в отношении России проявляется во вмешательстве во внутренние дела постсоветских государств, в организации и продвижении «цветных революций», в использовании информационных войн как средства подрыва влияния своего противника. Навязывая в Центральной Азии свои идеологические, геополитические, геоэкономические интересы Запад ведет подрывную деятельность в отношении России и прилагает усилия по дискредитации любых интеграционных проектов с ее участием.

В условиях формирования полицентричного мирового порядка выросли амбиции стран Ближнего Востока (Турция, Иран) и Восточной Азии (Япония), которые с момента появления в центре Евразии новых независимых государств проявляют на этом направлении повышенную политико-дипломатическую активность. Уверенную самостоятельность в Центральной Азии демонстрирует Турция, которая имеет здесь свои стратегические интересы. Иран стремится стать участником евразийских проектов и восполнить недостаток международных коммуникаций укреплением взаимодействия со странами Центральной Азии. Существенное влияние на геополитические процессы в регионе оказывает Япония, которая заинтересована в центральноазиатских энергоносителях.

²⁶⁴ Allison G. The New Spheres of Influence // Foreign Affairs. March/April, 2020. Vol. 99. № 2. P.30.

Благодаря научно-технической революции появились новые инструменты геополитической мощи и влияния, например, «мягкая сила». Все активнее ведущие центры силы мировой политики используют такие инструменты влияния для укрепления своих позиций в Центральной Азии. На современном этапе лидеры ведущих мировых держав, которые заинтересованы в усилении влияния своих государств на мировой арене, понимают, что необходимо работать над усовершенствованием внешнеполитического имиджа. Именно поэтому брендинг стал неотъемлемым элементом внешнеполитической стратегии ведущих стран мира, позволяющий им воздействовать как на правящие элиты, так и на общественное мнение стран Центральной Азии. Американский политолог Дж. Най подчеркивал: «Традиционная мудрость всегда гласила, что государство с более крупной армией преобладает, однако в информационный век выиграть может государство с наиболее выигрышным имиджем»²⁶⁵.

На фоне трансформации мирового порядка формируются новые интеграционные структуры, государства-участники которых стремятся совместными усилиями продвигать свои политические и экономические интересы. Возрастает активность средних и малых государств, которые через различные евразийские институты пытаются увеличить свою роль в мировых политических и экономических процессах. В формирующемся полицентричном мире, концептуальные основы которого активно продвигают Россия и Китай, странам периферии или полупериферии предлагается изменить свое место в мировой политике и экономике посредством присоединения к евразийской интеграции и китайскому экономическому проекту, в рамках которого отношения между малыми, средними и сильными государствами строятся на принципах равноправного диалога. Выбор стран региона в пользу сотрудничества с Россией и Китаем может стать одним из факторов укрепления полицентричного миропорядка.

²⁶⁵ Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 17.

Современная международная реальность такова, что либерально-демократическая модель, торжество которой было провозглашено после окончания холодной войны, пришла в упадок. Обозначилась и несостоятельность стратегии Запада по распространению в глобальном масштабе норм и принципов демократии, в процессе навязывания которых в мире появилось огромное количество очагов нестабильности. Россия, которая противостоит вмешательству Запада в дела суверенных государств (Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина) и реформатированию политических систем этих государств по западным лекалам, рассматривается как вызов «либеральному порядку», который, по сути, сложился де-факто, но никогда не становился «предметом подлинно коллективного урегулирования после окончания холодной войны»²⁶⁶. Специальная военная операция России на Украине продемонстрировала решительность Москвы в деле по защите своих геополитических интересов на постсоветском пространстве. Однако у России по-прежнему отсутствует привлекательная экономическая и социальная модели развития, которую бы она могла предложить странам постсоветского пространства как альтернативу западной модели развития. Финансовая и экономическая слабость России в условиях санкционной политики стран Запада при неблагоприятном развитии событий может резко уменьшить ее влияние на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности. Учитывая экономическую взаимозависимость и взаимодополняемость стран-участниц евразийской интеграции, локомотивом которой выступает Россия, антироссийские санкции могут негативно отразиться на многосторонней кооперации. При этом у России и стран Центральной Азии появилась хорошая возможность сплотиться перед лицом глобальных и региональных вызовов и угроз с целью коллективной защиты своих экономических интересов. Однако неясно как долго страны Центральной Азии смогут сохранять маневренность в своей внешней политике? Не исключено, что в

²⁶⁶ Яковенко А. Либеральный «конец истории». Российская газета. № 176 (7934) 112.08.2019.

перспективе страны региона вынуждены будут сделать более однозначный внешнеполитический выбор.

Таким образом, повышенный интерес к Центральной Азии со стороны внерегиональных игроков является закономерным и обусловлен следующими факторами: во-первых, потеря США своего преобладающего статуса в мире ведет к обострению борьбы за стратегические сферы влияния; во-вторых, в формирующемся полицентричном мире происходит подъем региональных государств, претендующих на изменение своего статуса в мировой политике.

В условиях трансформации мирового порядка возросло геостратегическое значение Центрально-Азиатского региона, борьба за сферы влияния в котором коррелируется с укреплением влияния на международной арене. Регион имеет достаточно стратегических преимуществ для того, чтобы по-прежнему оставаться объектом притяжения ведущих держав и, следовательно, оказывать влияние на мировую политическую и экономическую системы. При этом мировые политико-экономические процессы проецируются на регион, задавая свою логику регионального развития политических процессов. Между тем страны Центральной Азии сталкиваются с проблемой стратегической нестабильности, когда взаимосвязанные и многоуровневые эндогенные и экзогенные факторы могут привести к региональной дестабилизации. Следовательно, Центральная Азия является геополитическим феноменом в мировой политике, где переплетаются вызовы и возможности. Та держава, которая будет доминировать в регионе, не только получит доступ к геополитическому и геоэкономическому потенциалу региона, но и должна будет взять на себя ответственность за будущее его развитие.

1.3. Доктринальные основы внешней политики центральноазиатских государств: общее и особенное

В декабре 1991 г., получив независимость, новые независимые государства Центрально-Азиатского региона взяли курс на постепенное

вхождение в мировое сообщество в качественно новом статусе - полноправных субъектов. Скорейшее решение вопроса о внешней политике стран региона предопределялось насущными социально-экономическими проблемами, которые требовали осуществление преобразований по модели товарно-рыночных отношений. Формируя основы внешней политики, центральноазиатские страны должны были учитывать свое геополитическое положение и международный фон, где происходило закрепление США в качестве мирового лидера.

Политическая и экономическая модернизации, в основу которой были положены принципы либеральной демократии, обусловила необходимость новым независимым государствам налаживать сотрудничество с западными странами и международными структурами. Понимая, что им представился исторический шанс, страны Центральной Азии уверенно взяли курс на проведение самостоятельной и открытой внешней политики. В основу их внешнеполитической деятельности был положен принцип балансирования, позволявший им лавировать между глобальными и региональными игроками и реализовывать национальные интересы. Постепенно страны Центральной Азии начали формировать широкий круг сотрудничества, последовательно расставляя акценты в своей внешнеполитической деятельности.

Находясь в сердце Евразии, на стыке между Западом и Востоком, и при этом отрезанных от международных морских путей, эти страны наилучшим решением в выборе оптимальной модели внешнеполитического поведения выбрали балансирование на международной арене или следование принципу проведения многовекторной внешней политики. У каждой страны региона постепенно выделились свои особенности балансирования между интересами ведущих акторов мировой политики, что позволяло им укреплять свою независимость и особый геополитический статус. Одним из факторов, обусловившим выбор данной модели поведения новых независимых государств региона, стало бездействие России на этом внешнеполитическом направлении. Справедливо отмечал Л. Васильев, что одной из причин выбора

многовекторной внешней политики стала «неподготовленность России после распада СССР выработать свою адекватную политику в отношении развития сотрудничества» с государствами региона²⁶⁷. В 90-е г. сосредоточение внимания России на западном направлении своей внешней политики обусловило геополитическое дистанцирование от неё республик Центральной Азии. Страны региона, столкнувшись со своими общественно-политическими и экономическими проблемами, попали в орбиту влияния внешних сил²⁶⁸.

Казахстан. На выбор Казахстана в пользу многовекторной внешней политики повлияли два важных фактора: выгодное геополитическое положение и наличие углеводородных ресурсов. Соседство Казахстана с такими крупными глобальными игроками, как Россия и Китай, повышают его геостратегическую значимость.

Первое упоминание о многовекторной внешней политике Казахстана было сделано во время пресс-конференции, организованной одержавшим победу на президентских выборах Н. Назарбаевым 2 декабря 1991 г. В своей речи он отметил, что, несмотря на наличие у казахского народа глубоких корней с тюркским народом, Казахстан будет придерживаться «разумного баланса между Европой и Азией»²⁶⁹. Такой подход к внешней политике Казахстана концептуально сформировался уже к 16 мая 1992 г., когда была представлена «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства». Этот документ был опубликован в виде статьи президента Казахстана Н. Назарбаева в газете «Казахстанская правда», состоящей из трех разделов, один из которых был посвящен стратегии нового независимого государства во внешней политике и международных отношениях, а также вопросам национальной безопасности²⁷⁰. В документе выделялись основные

²⁶⁷ Васильев Л. Геополитическая ситуация в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2013. № 9. С. 93.

²⁶⁸ Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1 (38). С.11.

²⁶⁹ Султанов Б. Этапы развития внешней политики республики Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6. С. 160.

²⁷⁰ Абжанов Х.М. Н.А. Назарбаев: неизвестные страницы научного предвидения и созидания // Отечественная история. 2012. № 4 (60). С. 5.

внешнеполитические ориентиры Казахстана – это ведущие страны Запада, Китай, Россия, Турция, а также сотрудничество с международными организациями²⁷¹.

Особенно трудно казахстанской многовекторной дипломатии было лавировать между интересами западных и восточных стран в каспийском вопросе, при этом умело отстаивать свои национальные интересы²⁷². В итоге Казахстану удалось создать условия для энергетического сотрудничества с западными и российскими компаниями на Каспии.

С первых дней независимости Казахстана четко прослеживается пристальное внимание руководства страны к стратегическому планированию. Первым долгосрочным документом, определяющим приоритетные треки внешней политики Казахстана и составленным с помощью международных экспертов, стала «Стратегия независимости. Казахстан-2030». Впервые эта программа была озвучена Н. Назарбаевым в Послании к народу Казахстана в 1997 г. Новая Стратегия состояла из следующей системы внешнеполитических приоритетов²⁷³:

1. Самым главным приоритетом провозглашалось развитие и укрепление доверительных и равноправных отношений с Россией.
2. Вторым приоритетом были названы отношения с Китаем.
3. Была поставлена цель усилить связи и интеграционные процессы с государствами Центральной Азии.
4. Планировалось укрепить отношения со странами Ближнего и Среднего Востока.
5. Взят курс на усиление связей с индустриально развитыми демократическими государствами.

²⁷¹ Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 260.

²⁷² Лаумулин М. Многовекторность внешней политики Казахстана – плюсов больше, чем минусов [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1078126740> (дата обращения: 23.03.2020).

²⁷³ Долгосрочная Стратегия развития Казахстана «Казахстан-2030» [Электронный ресурс]. URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 2.04.2020)

- б. Развивать сотрудничество с международными структурами (ООН, МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк и др.).

Таким образом, в первом документе, имеющем долгосрочный стратегический характер, приоритетной внешнеполитической задачей объявлялось выстраивание взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами: Россией, Китаем и странами Центральной Азии. Одной из главных внешнеполитических установок было стремление к полноценной региональной интеграции. В целом, в 90-е г. была заложена основа для последующей разработки модели внешнеполитического поведения Казахстана на международной арене, основанной на принципах независимости, открытости и прагматичности.

В начале XXI в. руководство Казахстана подвело итоги внешнеполитической деятельности первого десятилетия независимого развития. Так, в Послании на 2003 г. отмечалось, что Казахстан «смог выстроить хорошие стабильные взаимоотношения со всеми странами, не нанося ущерба своим стратегическим интересам»²⁷⁴. Также в Послании подчеркивалось, что Казахстан будет и дальше придерживаться многовекторной внешней политики, «которая соответствует его геополитическому расположению и экономическому потенциалу»²⁷⁵.

В системе внешнеполитических приоритетов Казахстана четко прослеживалось, с одной стороны, стремление развивать двусторонние взаимовыгодные контакты, с другой - принимать активное участие в многосторонних форматах сотрудничества. С учетом качественных изменений, происходивших на международной арене, пересматривались и корректировались приоритеты в стратегических внешнеполитических документах страны. В экономическом аспекте Казахстан особое значение придавал региональной интеграции. Выступая 2 апреля 2004 г. на

²⁷⁴ Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана от 16 апреля 2002 г. // <http://knb.gov.kz/ru/article/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-ot-16-aprela-2002-g> (дата обращения: 2.04.2020).

²⁷⁵ Там же.

международной научно-практической конференции «Евразийство: от идеи к практике», президент Казахстана Н.Назарбаев отметил важность региональной интеграции, которая позволит преодолеть технологическую отсталость, экономические проблемы, укрепить государственность²⁷⁶. Уже тогда первый президент Казахстана справедливо отмечал, что региональная интеграция – это объективная, а не форсированная тенденция, тем более, что «добровольная интеграция не создаёт никакой угрозы национальному суверенитету и абсолютно адекватна задачам нового столетия»²⁷⁷.

Главное внимание во внешней политике Казахстана было уделено ведущим центрам силы – России, Китаю, США и Европейскому Союзу (ЕС), в отношении которых руководство республики проявляло высокую степень заинтересованности в развитии и укреплении сотрудничества. В условиях всевозрастающей уязвимости перед такими международными угрозами как терроризм, религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков, и понимание важности коллективных усилий, вопросы безопасности стали для Казахстана одной из ключевых сфер сотрудничества с вышеуказанными государствами. Конструктивный диалог по вопросам безопасности и военно-политического сотрудничества Казахстан стремился наладить по линии таких организаций, как ОДКБ, ШОС, НАТО в рамках программы Партнерство ради мира (участником этой программы Казахстан стал еще в 1994 г.), ОБСЕ.

В 2010 г. Казахстан получил возможность председательствовать в крупнейшей региональной организации по безопасности - ОБСЕ. Это стало своеобразным признанием особой роли Казахстана в мировых и региональных делах, а также его впечатляющих успехов в экономическом развитии. О причинах выбора Казахстана в качестве председателя в ОБСЕ на основе предложенной руководством страны инициативе еще в 2003 г. писал депутат парламента Казахстана Н.Н. Турецкий. Он подчеркивал, что «консенсусное решение государств-участников ОБСЕ основано на

²⁷⁶ Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 2004 год. Астана: Деловой мир Астана, 2009. С. 206.

²⁷⁷ Там же. С. 206-207.

признании успешности внутренней и внешней политики страны, нацеленных на политическую стабильность в стране и в регионе»²⁷⁸. Историческая возможность стать председателем ведущей европейской организации по вопросам безопасности позволила Казахстану повысить авторитет и укрепить имидж страны на международной арене в качестве миролюбивого государства.

Успешным было не только западное направление внешней политики Казахстана. На востоке, в исламском мире, Казахстану удалось создать себе не менее хорошую репутацию. В 2011 г. республика стала председателем одной из крупнейших организаций в мусульманском мире – Организации исламского сотрудничества (ОИС), в состав которой входит 57 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек. Таким образом, Казахстан умело реализовывал заявленную еще в начале 90-х г. идею о связующей роли своей страны между Западом и Востоком.

На фоне усиления геополитического соперничества между США, Россией и Китаем руководство Казахстана решило расставить акценты в приоритетах своей внешнеполитической деятельности. Так, в 2014 г. была обнародована Концепция внешней политики Казахстана до 2020 г. В качестве внешнеполитических приоритетов выделялись следующие направления: стремление к развитию внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии и укрепление сотрудничества в рамках евразийской интеграции²⁷⁹. В тройку приоритетов вошла проблема определения статуса Каспийского моря, которую руководство Казахстана планировало решить на основе принципов и норм международного права²⁸⁰. В целом, мировая политическая и экономическая неопределенность сподвигли Казахстан к сосредоточению стратегического внимания на решении проблем и укреплению сотрудничества на региональном уровне.

²⁷⁸ Турецкий Н.Н. Путь Казахстана к председательству в ОБСЕ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2010. № 7. С. 156.

²⁷⁹ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020).

²⁸⁰ Там же.

Казахстан, на территории которого функционируют несколько подразделений МАГАТЭ, известен своими инициативами в решении глобальных ядерных проблем. В процессе урегулирования иранской ядерной проблемы Казахстан предоставил свою территорию для проведения переговорного процесса и выступил посредником в этом деле, что еще больше укрепило его субъектность в международных делах.

Казахстан не упускал из виду ближневосточное и азиатское направления сотрудничества, стремясь укреплять контакты с такими странами, как Турция, Япония, Республика Корея. Инвестиционный потенциал этих государств был привлекательным для развития экономики Казахстана. Первый президент Казахстана всегда подчеркивал братский характер казахстано-турецких отношений и стремился к развитию взаимовыгодного сотрудничества с Турцией в двустороннем и многостороннем форматах. С Японией Казахстан укреплял сотрудничество в области разработки полезных ископаемых и подготовки кадров. Южная Корея стала для Казахстана выгодным торгово-экономическим партнером. По итогам 2018 г. товарооборот между двумя государствами достиг 2,16 млрд. долларов²⁸¹. При поддержке Южной Кореи Казахстан планировал реализовывать масштабные инфраструктурные проекты: строить кольцевую алматинскую дорогу БАКАД и совместный автосборочный завод, расширять нефтяное месторождение Тенгиз²⁸².

Транзит власти в 2019 г. в Казахстане стал предпосылкой для разработки новой концепции внешней политики. Этот стратегический документ, закреплявший преемственность внешнеполитического курса Первого Президента Казахстана, был принят 6 марта 2020 г. По содержанию концепция мало чем отличается от предыдущих подобных документов: сохранился курс на реализацию многовекторной внешней

²⁸¹ Товарооборот между РК и Южной Кореей поставит исторический рекорд [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/economic/80049/tovarooborot-mezhdu-rk-i-yuzhnoy-koreyey-postavit-istoricheskiy-rekord.html> (дата обращения: 2.04.2020).

²⁸² Там же.

политики²⁸³. Однако в документе можно выделить ряд особенностей. Во-первых, Казахстан планировал закрепить за собой статус «лидирующего государства в регионе Центральной Азии»; во-вторых, превратить второй по значимости город после столицы – Алматы – в центр многосторонней дипломатии. Такие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление своей региональной доминирующей роли, были выдвинуты руководством Казахстана на фоне динамичного экономического развития Узбекистана. Проводимая узбекскими властями экономическая либерализация, а также разрабатываемые меры по повышению позиций в мировых рейтингах позволяли Узбекистану потеснить Казахстан по экономическим показателям и выйти на передовые позиции в Центральной Азии. Между тем, в случае получения Алматы статуса межрегионального центра ООН статус Казахстана в решении вопросов безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях существенно увеличится.

Таким образом, начиная с момента обретения независимости в 1991 г. и до настоящего времени, Казахстан четко ориентирован на проведение многовекторной внешней политики, в основе которой лежат принципы прагматизма и защита своих национальных интересов. При этом именно географическое положение Казахстана предопределило модель его внешнеполитического поведения. Большая заслуга в проведении внешней политики Казахстана принадлежит президенту страны, что априори детерминирует ее субъективный характер.

С первых дней независимости, столкнувшись с серьезными социально-экономическими трудностями, Казахстан выступил инициатором евразийской интеграции, понимая важность и необходимость формирования общего евразийского экономического пространства. На современном этапе Казахстан продолжает реализовывать один из своих главных внешнеполитических

²⁸³ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 2.04.2020).

приоритетов – укреплять сотрудничество по линии евразийских интеграционных объединений.

На протяжении всего суверенного периода развития Казахстана можно заметить тенденцию подчинения принципов внешней политики внутренним экономическим задачам. Следование многовекторной внешней политике помогали и помогают Казахстану создавать благоприятные условия для реализации своего экономического потенциала и привлечения крупных западных инвесторов. Однако в условиях резкой трансформации всей системы международных отношений руководству республики будет все труднее балансировать между ведущими мировыми державами.

Киргизия. Также как и Казахстан, с первых дней независимости Киргизия отдала предпочтение следованию принципам проведения многовекторной внешней политики. Такой выбор был предопределен геостратегическим положением республики, находящейся в центре пересечения интересов глобальных акторов. Являясь небольшой политической единицей в мировой политике, Киргизия стремилась укрепить и сохранить свой суверенитет. Самым наилучшим способом реализации этой национальной задачи стала политика маневрирования между ведущими центрами силы на международной арене. Справедливо отмечает экс-министр иностранных дел Киргизии А. Джекшенкулов, что «Киргизия – компактное и уязвимое государство, вынужденное выбирать многовекторность во внешней политике»²⁸⁴. Другой кыргызстанский политолог З. Курманов считает, что многовекторный характер внешней политики Киргизии «является следствием недостаточной роли России в сдерживании других сверхдержав, борющихся за влияние в Центральной Азии, в связи с чем у Киргизии возникает дополнительная необходимость ориентации на другие страны и миры»²⁸⁵.

²⁸⁴ Интервью экс-главы МИД Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1077559.html> (дата обращения: 20.04.2020).

²⁸⁵ Курманов З. Кыргызстан - Россия: смена парадигм? / Кыргызско-Российские отношения: позитивные реалии и перспективы сотрудничества: Материалы Международного круглого стола, посвященного 20-летию образования Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. С. 16.

Используя механизм балансирования между государствами ближнего и дальнего зарубежья, Киргизия стремилась заручиться уважением и доверием во всем мире²⁸⁶. Однако у новообразованного суверенного государства не было опыта самостоятельного проведения внешней политики. Эту проблему позволили решить те специалисты, которые, являясь уроженцами Киргизии, получили квалификацию в ведущих дипломатических образовательных учреждениях в Москве и стали работать в системе внешнеполитических ведомств СССР. После распада СССР дипломатические знания и опыт этих специалистов стали востребованы в Киргизии²⁸⁷.

Первая попытка систематизации внешнеполитических ориентиров Киргизии была предпринята в конце XX в. В 1999 г. руководство республики выдвинуло единую внешнеполитическую концепцию – доктрину Великого шелкового пути, которая стала основой инициативы «Дипломатия Шелкового пути». Речь шла о предложении возродить политические, экономические и культурные коммуникации между государствами, расположенными вдоль древнего торгового маршрута. В этом масштабном трансконтинентальном проекте Кыргызстан брал на себя роль связующего звена между странами Запада и Востока, Севера и Юга. Об особом положении Киргизии на Великом Шелковом пути и его новых внешнеполитических установках писал в своей книге первый президент Киргизии А.Акаев. Он отмечал: «Будучи в самом центре евразийского материка, на стыке нескольких цивилизаций, восприняв в веках и впитав в себя многообразие культур и мировоззрений, Кыргызстан в современных условиях ведет линию на то, чтобы стать мостом дружбы и сотрудничества между всеми странами, которые входят в регион Великого шелкового пути»²⁸⁸.

²⁸⁶ Акаев А. История, прошедшая через мое сердце. Москва-Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», Илим, 2003. С. 254.

²⁸⁷ Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курьлев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С.316.

²⁸⁸ Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышляя о внешней политике и мироустройстве. М.: Международные отношения, 2004. С. 68.

Содержательная часть доктрины Великого шелкового пути включала следующие направления внешней политики Киргизии: 1) восточный вектор – Китай, Корейский полуостров, Япония; 2) западный вектор – Кавказ, страны Ближнего и Среднего Востока, Балканы, Западная Европа; 3) северный вектор – страны СНГ; 4) южный вектор – Иран, Афганистан, Индия, Пакистан²⁸⁹. Таким образом, в системе международных отношений Киргизия с учетом исторических и географических особенностей поставила перед собой внешнеполитическую задачу выступить в качестве связующего звена между всеми государствами евразийского трансконтинентального маршрута.

Ключевые положения доктрины Великого шелкового пути стали основой для формирования концепции внешней политики Киргизии, утвержденной 17 мая 1999 г. Этот документ сочетал в себе стратегические внешнеполитические ориентиры республики и механизмы их реализации. Главным инструментом реализации намеченных задач во внешней политике провозглашалась опора на двустороннюю, многостороннюю и экономическую дипломатию²⁹⁰.

Смена власти в Киргизии в 2005 г. объективно вынесла на повестку дня вопрос о разработке новой концепции внешней политики. Скорректированные принципы и приоритеты внешней политики Киргизии были утверждены в Концепции внешней политики от 10 января 2007 г. Одно из основных положений Концепции – курс на «формирование обновленного внешнеполитического облика Киргизии на международной арене»²⁹¹. Такая формулировка явно подчеркивала желание новой правящей элиты Киргизии проводить более активную внешнюю политику в целях решения насущных национальных задач. Между тем концептуальные контуры нового стратегического внешнеполитического документа сохранили свои предыдущие содержательные элементы: прослеживалась приверженность к

²⁸⁹ Акаев Б.Б. Великий Шелковый путь – взгляд из XXI в. // Известия вузов. 2010. № 5. С. 129.

²⁹⁰ Акматалиева А.М. Основы внешней политики Кыргызской республики. Бишкек, 2014. С. 60.

²⁹¹ Концепция внешней политики КР от 10 января 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=14679 (дата обращения: 5.04.2020)

проведению многовекторной внешней политики. Как и прежде Киргизия позиционировала себя как связующее звено между Западом и Востоком, местом переплетения четырех культурно-цивилизационных пластов: европейского, опосредованного через Россию, арабо-мусульманского, персидского и китайского²⁹². В Концепции внешней политики от 10 января 2007 г. определились следующие приоритетные направления:

1. Принимать активное участие в укреплении стабильности и безопасности в регионе;
2. Развивать добрососедские отношения с сопредельными государствами и углублять интеграционные процессы в Центральной Азии;
3. Содействовать укреплению интеграционных процессов на пространстве СНГ;
4. Укреплять дружественные связи с высокоразвитыми странами Запада и Востока, а также их межгосударственными союзами и объединениями;
5. Развивать сотрудничество с организациями системы ООН и ее учреждениями;
6. Укреплять сотрудничество с развивающимися странами и странами с переходной экономикой²⁹³.

Принципиально важным было положение о «развитии дружественных сбалансированных отношений с Россией, КНР и США»²⁹⁴, которое отвечало национальным интересам Киргизии. Однако, как показали дальнейшие события, правящему режиму во главе с президентом республики К. Бакиеву не удалось найти баланс между западной и евразийской внешнеполитическими ориентациями. Очень точную оценку внешней политике Киргизии во время правления К. Бакиева дал российский политолог

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

А. Князев. Он отмечал, что характерными ее чертами стала хаотичность, слабость и некомпетентность²⁹⁵.

Под воздействием как внешних, так и внутренних факторов 7 апреля 2010 г. в Киргизии произошла очередная смена власти. С одной стороны, отсутствие четкой стратегии социально-экономических преобразований и как следствие рост социального недовольства стали одной из причин активизации оппозиции. С другой стороны, власти дискредитировали себя на международной арене, показав свою несостоятельность и непоследовательность в деле проведения внешней политики, так как не смогли умело балансировать между США и Россией. Предметом острых противоречий стала американская база, дислоцированная в аэропорте Манас, за которую власти Киргизии одновременно хотели получать прибыль со стороны двух ведущих государств мира.

Временное правительство во главе с Р. Отунбаевой, созданное в Киргизии после государственного переворота 7 апреля 2010 г. и завершившее свою деятельность в декабре 2011 г., также старалось придерживаться открытой и многовекторной внешней политики. Так, в 2005 г. во время своей пресс-конференции, организованной «Голосом Америки», Р. Отунбаева выделила стратегические внешнеполитические ориентиры Киргизии²⁹⁶. Во-первых, Россия и Китай, рассматривались в качестве государств, с которыми республика стремилась развивать взаимовыгодные партнерские отношения. Во-вторых, интерес Киргизии к сотрудничеству с США продиктован желанием республики развивать демократию по западному образцу, укреплять экономику и безопасность. В-третьих, укреплять мирные и добрососедские отношения с центральноазиатскими государствами. В-четвертых, как евроазиатская страна, Киргизия посредством сотрудничества с Брюсселем и Токио старалась впитать европейские и азиатские ценности. В

²⁹⁵ Князев А. Президент Бакиев слабо компетентен во внешней политике [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/674726.html> (дата обращения: 2.04.2020).

²⁹⁶ Отунбаева Р. Кыргызстан проводит многовекторную внешнюю политику [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosameriki.com/a/a-33-2005-06-15-voa2/602645.html> (дата обращения: 2.04.2020).

то же время существовало мнение о демонстрации Временным правительством Киргизии своей лояльности США²⁹⁷. Особенно эти рассуждения усилились после встречи Р. Отунбаевой с президентом США Б. Обамой в сентябре 2010 г. в Нью-Йорке. Б. Обама высоко оценил усилия Временного правительства, направленные на восстановление демократических институтов в республике²⁹⁸. Рассуждения о проамериканском крене внешней политики Киргизии были верны лишь отчасти. Временное правительство во главе с Р. Отунбаевой старалось следовать принципу балансирования на международной арене. Незадолго до своего приезда в США Р. Отунбаева встречалась с президентом России Д. Медведевым в Астане. В ходе этой встречи Р. Отунбаева подчеркнула, что чувствовала «плечо России»²⁹⁹ в самый сложный период истории постсоветской Киргизии, имея в виду межэтнические столкновения, произошедшие на юге республики после государственного переворота 2010 г. Несмотря на то, что Россия в рамках ОДКБ отказалась предоставить военную помощь Киргизии для подавления беспорядков на юге, тем не менее помогла своими консультациями и обеспечила республику гуманитарной поддержкой. Уже будучи в статусе экс-главы государства Р. Отунбаева во время беседы с журналистами в Вашингтоне отметила, что Россия является единственным партнёром Киргизии в области военного сотрудничества³⁰⁰.

1 декабря 2011 г. по результатам всенародных выборов президентом страны стал А. Атамбаев. Перед страной остро встала необходимость корректировки концепции внешней политики и приоритетных внешнеполитических направлений. Ключевые принципы внешней политики Киргизии в период президентства А. Атамбаева были сформулированы в Национальной стратегии устойчивого развития республики на 2013-2017

²⁹⁷ Шумилов М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 2. С. 91.

²⁹⁸ Там же. С. 92.

²⁹⁹ Встреча с президентом Киргизии Р. Отунбаевой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8276> (дата обращения: 15.04.2020).

³⁰⁰ Интервью с Розой Отунбаевой: США, Россия, Манас и ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/59771> (дата обращения: 15.04.2020).

гг³⁰¹. В ней, в частности, отмечалось, что «национальная внешняя политика Киргизской Республики должна стать предсказуемой, последовательной и экономически выгодной»³⁰². В документе провозглашались следующие приоритеты внешней политики: во-первых, перезагрузка отношений с соседними государствами: Казахстаном, Китаем, Таджикистаном и Узбекистаном, во-вторых, выход на новый уровень стратегического сотрудничества с Россией³⁰³. В правление А.Атамбаева заметно возросло понимание необходимости вступления Киргизии в Таможенный Союз и Единое экономическое пространство, что позволило бы республике придать существенный импульс внутреннему экономическому росту. За время правления А.Атамбаева киргизско-российские отношения действительно достигли небывалых успехов. Во-первых, в 2013 г. было подписано Соглашение с Газпромом о сотрудничестве в сфере транспортировки, распределения и реализации природного газа в Киргизии. Это позволило создать условия для полноценной обеспеченности страны газом по умеренным ценам. Во-вторых, в 2017 г. Россия полностью списала долг Киргизии в общем размере 500 млн. долл. благодаря политическим усилиям А. Атамбаева. Однако содержательность и интенсивность киргизско-российского сотрудничества стала поводом для характеристики его политики как пророссийской³⁰⁴. Между тем, зарубежные визиты А. Атамбаева демонстрировали желание правящего режима повышать уровень отношений Киргизии с ведущими государствами Запада и Востока. За время своего президентского срока А. Атамбаев посетил Турцию, страны арабского мира, ведущие государства Европы, Индию. За этот период Киргизию посетили политические лидеры таких ведущих стран мира, как Ирана (Х. Роухани) и Германии (А. Меркель). Это дает основание утверждать, что в период президентства А. Атамбаева Киргизия в своей внешней политике старалась

³⁰¹ Стратегия устойчивого развития КР на периоды 2013-2017 гг. Бишкек, 2012.

³⁰² Там же. С. 20.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Мусабаева А. Внешнеполитический курс президента Атамбаева: хроника и анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://caa-network.org/archives/8139> (дата обращения: 15.04.2020).

балансировать между глобальными и региональными игроками, пытаюсь укрепить сотрудничество по всем азимутам - с государствами Запада и Востока, Севера и Юга. При этом в системе внешнеполитических приоритетов Киргизии особое место отводилось ее стратегическому союзнику – России. Известный киргизский политик, ученый А. Джекшенкулов подчеркивал, что при разработке новой внешнеполитической концепции необходимо учитывать исторические и культурные связи с Россией, которая является экономическим донором республики и гарантом ее безопасности в регионе. На основе этого, А. Джекшенкулов отмечал, что главным внешнеполитическим ориентиром и стратегическим союзником Киргизии должна быть сильная Россия³⁰⁵.

Новые тренды в мировой политике и экономике сподвигли руководство Киргизии принять Концепцию внешней политики 2019 г. По своему содержанию новый стратегический документ мало чем отличался от предыдущих концепций. В нем также отмечалось, что республика «проводит прагматичную, сбалансированную, открытую, многовекторную и последовательную внешнюю политику»³⁰⁶. Примечательно, что в этой редакции приоритеты внешней политики республики структурированы по сферам: политическая, финансово-экономическая, экологическая, культурно-гуманитарная. В политической сфере отмечается, что Киргизия взаимодействует с ООН, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ, ОБСЕ, ОИС, ССТГ и другими международными структурами исходя из своих национальных интересов, связанных с обеспечением национальной и региональной безопасности, а также решением социально-экономических проблем. В финансово-экономической и экологической сферах акцентируется внимание на необходимости расширения экспортных возможностей страны и выхода на мировые рынки посредством использования своего участия в ВТО, ЕАЭС и Всеобщей системе преференций (ВСП+) в рамках ЕС. Обращает на себя

³⁰⁵ Джекшенкулов А. Многополярный мир и Кыргызстан // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 9. С. 130.

³⁰⁶ Концепция внешней политики КР от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 8.04.2020)

внимание стремление Киргизии способствовать продвижению проекта «CASA 1000» с целью обеспечения энергетической безопасности республики и диверсификации энергетических маршрутов. Как известно, энергетический проект «CASA 1000» направлен на укрепление сотрудничества в сфере энергетики между государствами Центральной и Южной Азии в рамках американской инициативы «Новый Шелковый путь». На современном этапе нерешенность вопроса вокруг потенциальных инвесторов, готовых взять на себя обязательства по продолжению строительства масштабного энергетического проекта Верхне-Нарынского каскада ГЭС в Киргизии, делает перспективы реализации CASA-1000 довольно туманными.

В соответствии с концепцией внешней политики от 2019 г. основной целью Киргизии в сфере развития культурно-гуманитарного сотрудничества является повышение привлекательности страны на международной арене. При этом особое внимание уделяется инструментам «мягкой силы», включающим продвижение национальных киргизских брендов и оказание поддержки киргизской диаспоре за рубежом³⁰⁷.

В целом, с момента обретения независимости в 1991 г. и по настоящее время Киргизия старается следовать принципам проведения многовекторной внешней политики. Основной концептуальной идеей республики с ее уникальным географическим положением является поиск баланса между глобальными и региональными акторами мировой политики. Однако, как показала практика, республике не всегда удается успешно балансировать между великими державами и проводить последовательную внешнюю политику. Одним из факторов этой преходящей внешнеполитической непоследовательности является политическая некомпетентность власти.

Таджикистан так же, как и другие новые независимые государства Центральной Азии, с первых дней обретения суверенитета начал процесс укрепления своей международной субъектности. Впервые о приоритетных направлениях внешнеполитической деятельности Таджикистана было

³⁰⁷ Там же.

продекларировано во время обращения к народу нового главы республики И. Рахмона, избранного в 1992 г. Они включали³⁰⁸:

1. вхождение республики в мировое сообщество;
2. установление дипломатических отношений с дружественными государствами;
3. присоединение к международным организациям;
4. укрепление и развитие отношений со странами СНГ, прежде всего с Россией, Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменией;
5. установление сотрудничества со всеми заинтересованными странами мира, прежде всего с Афганистаном, Пакистаном, Китаем, Ираном и другими государствами Азии, Африки, Европы и Америки на принципах равноправия, взаимной выгоды и невмешательства в дела друг друга.
6. занятие своего достойного места на международной арене.

Таким образом, в первые годы своей независимости Таджикистан ставил перед собой приоритетную задачу - стать полноправным участником международного сообщества. В качестве приоритетных внешнеполитических векторов было выбрано российское направление и сотрудничество со странами Центральной Азии. Такое решение предопределялось сложной внутривнутриполитической ситуацией и необходимостью осуществить успешное государственное строительство в независимом Таджикистане с опорой на поддержку региональных государств. Страна находилась на грани гражданской войны, испытывала серьезные социально-экономические трудности, нехватку средств на содержание своих представительств за рубежом, остро нуждалась в квалифицированных дипломатических кадрах³⁰⁹. Начатый процесс интеграции в международное сообщество был остановлен началом гражданской войны в Таджикистане в 1992 г. В таких условиях, не

³⁰⁸ Назаров Т., Сагторзода А. Современная таджикская дипломатия. Душанбе: Ирфон, 2004. С. 64-65.

³⁰⁹ Саидов З. Ш. Отношения республики Таджикистан со странами Европы, США и Канады в период гражданской войны // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. № 4. С. 116.

желая изоляционироваться от внешнего мира и ограничиваться только сотрудничеством на региональном уровне, Таджикистан представил пять измерений своей внешней политики. 28 декабря 1993 г. Председатель Верховного Совета Республики Таджикистан Э. Рахмон озвучил эти пять фундаментальных концептуальных положений внешней политики³¹⁰. С учетом специфического географического и геополитического расположения республики, а также ее экономических интересов были выделены следующие внешнеполитические сегменты³¹¹: 1) СНГ, где прослеживалась тенденция к укреплению всесторонних связей; 2) Центральная Азия, которая стремилась к экономическому и политическому единству; 3) пространство персоязычных государств, имеющих историческое и культурное родство и реальные перспективы национального развития; 4) мусульманские страны Востока, связанные не только единством обычаев и духовных традиций, но и возможностями и потребностями национального развития; 5) мировое сообщество, которое характеризовалось своей внутренней и внешней сплоченностью и последовательно двигалось в направлении единой общечеловеческой цивилизации. Таким образом, внешнюю политику Таджикистан намеревался осуществлять в этой системе внешнеполитических координат. При этом в 90-е г. большое значение придавалось развитию отношений с Россией, сотрудничество с которой рассматривалось как основной фактор военной, политической и экономической поддержки в условиях гражданской войны.

Постепенно оправляясь от последствий гражданской войны и укрепляя национальную государственность, Таджикистан стал более уверенно вести себя на мировой арене, отдавая предпочтение по примеру соседей проведению активной и сбалансированной внешней политики. Так, на десятой годовщине XVI Сессии Верховного Совета Республики Таджикистан,

³¹⁰ Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан. Душанбе: Контраст, 2019.

³¹¹ Саидов З.Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2017 гг.): Учебное пособие. Душанбе: Контраст, 2017. С. 19-20.

проходившей 15 ноября 2002 г., была озвучена официальная концептуальная основа внешней политики республики, основанная на принципах проведения политики «открытых дверей». К этому времени удалось создать нормативную и инфраструктурную базу в дипломатической сфере, которая отразилась на качестве осуществления внешней политики³¹². Была сформирована зарубежная дипломатическая инфраструктура (посольства, консульства, дипломатические миссии), на высоком уровне осуществлялась подготовка квалифицированных дипломатов, укреплялась дипломатическая нормативно-правовая база³¹³. Таким образом, основным инструментом реализации внешнеполитических задач Таджикистана объявлялась многовекторная дипломатия или доктрина политики «открытых дверей», суть которой заключалась в диверсификации межгосударственных отношений, открытости всем политическим направлениям, международным контактам, торгово-инвестиционному сотрудничеству³¹⁴.

В начале XXI в. геополитические трансформации в Центральной Азии создали благоприятные условия для Таджикистана, чтобы реализовать его задуманные теоретические установки во внешней политике в практической плоскости. Заметная динамика наметилась в отношениях Таджикистана со странами Запада. В рамках антитеррористической операции в Афганистане Таджикистан дал согласие на использование своих аэродромов в Душанбе и в Кулябе для переброски солдат и военной техники в Афганистан³¹⁵. На фоне расширения военно-политического сотрудничества с США в 2002 г. руководство Таджикистана приняло решение вступить в программу НАТО «Партнерство ради мира». Итогом сближения двух стран в военной сфере стало появление солидной договорно-правовой базы, состоящей из 12

³¹² Алиева Р.Р. Формирование основополагающих принципов внешней политики республики Таджикистан // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (41). С. 5.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан. Душанбе: Контраст, 2019. С. 10.

³¹⁵ Дьякова Н. США-страны СНГ: военные аспекты политики // Международная жизнь. 2012. № 9. С. 53.

документов в сфере военно-технического сотрудничества, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков³¹⁶.

Импульс развития получили отношения между Таджикистаном и ЕС. В 2004 г. в Таджикистане было открыто представительство Европейской комиссии, а в 2009 г. между Таджикистаном и ЕС было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Душанбе стимулировал экономический интерес на расширение и укрепление контактов с Брюсселем.

Активизировалось экономическое и политическое сотрудничество Таджикистана с Китаем. Росли объемы торговли между двумя странами. Так, если в 2001 г. товарооборот между двумя странами составлял 7,4 млн. долл., то в 2010 г. он достиг практически 1,5 млрд. долл.³¹⁷. Китай оказывал Таджикистану существенную поддержку в проведении социально-экономической модернизации.

Экономические мотивы и вопросы обеспечения безопасности явились основными побудительными факторами проведения Таджикистаном активной внешней политики на иранском и афганском направлениях. На фоне сохраняющегося конфликтного потенциала в Афганистане в 2006 г. политические лидеры Таджикистана, Ирана и Афганистана приняли решение создать многосторонний механизм противодействия региональным вызовам и угрозам – Трехстороннюю комиссию. Посредством этого нового формата Иран надеялся снизить военно-политическую активность США в Таджикистане и в Афганистане, двух близких по культурным, этническим, лингвистическим и историческим признакам Тегерану государствах. Наиболее интенсивно велось сотрудничество Таджикистана и Ирана в сфере энергетики. При финансовой поддержке Ирана в Таджикистане началось строительство важного национального объекта – Сангтудинской ГЭС-2.

³¹⁶ Там же. С. 54.

³¹⁷ Алиева Р.Р. Республика Таджикистан в сфере влияния геополитических процессов Центральной Азии и мировых держав // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. № 2 (54). С. 209.

Зрелость внешней политики Таджикистана с акцентом на проведение многовекторной дипломатии продемонстрировало выступление Э. Рахмона во время встречи с дипломатическими работниками страны 15 марта 2013 г. по случаю открытия нового здания МИД. В своем выступлении перед дипломатами президент Таджикистана подчеркнул, что геополитические, природно-экономические, демографические возможности республики, а также её уровень социально-экономического развития требуют «проведения активной, реалистичной и взвешенной политики»³¹⁸. Э. Рахмон также отметил, что «успех внешней политики во многом зависит от баланса целей и возможностей их претворения»³¹⁹. Такая концептуальная коннотация внешней политики республики подтверждала стремление руководства страны продолжать сбалансированную, открытую внешнюю политику. Тогда же президент Таджикистана дал поручение правительству и министерству иностранных дел республики начать разработку новой концепции внешней политики с учетом новых политических и экономических тенденций на международном и региональном уровнях.

27 января 2015 г. была принята новая Концепция внешней политики Таджикистана³²⁰. В документе по-новому были расставлены акценты на задачах внешнеполитической деятельности, ее основных направлениях и приоритетах. Однако многовекторная модель внешнеполитического поведения республики сохранялась. В Концепции отмечалось, что республика будет и дальше осуществлять многовекторную внешнюю политику с опорой на принципы реализма и прагматизма³²¹. Концепция внешней политики Таджикистана 2015 г. демонстрировала стремление руководства страны создать благоприятные внешние условия для решения своих внутренних социально-экономических проблем. В качестве приоритетных

³¹⁸ Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: структура и специфика. Диссертация на соискание уч. степени канд.полит.наук. Душанбе, 2017. С. 73.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontsepsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 15.05.2020).

³²¹ Там же.

внешнеполитических направлений были выбраны «традиционные партнеры» – государства-участники СНГ. Таджикистан был намерен укреплять стратегическое партнерство с Россией. Также приоритетом во внешней политике объявлялось развитие добрососедских отношений со странами Центральной Азии. По-разному строились отношения Таджикистана с региональными государствами. Водные противоречия вносили напряженность в отношения между Таджикистаном и Узбекистаном. В отношениях с Киргизией по-прежнему остро стоял вопрос о приграничных территориях. Однако, учитывая повышенную активность международных отношений в Центральной Азии на современном этапе, в перспективе можно ожидать увеличение степени доверия между государствами и возможного взаимовыгодного решения ряда застарелых региональных проблем, среди которых территориальные и водно-энергетические конфликты. Анализ новой концепции внешней политики Таджикистана и предыдущих ее версий показывает значимость регионального сотрудничества для республики, а именно выстраивание дружественных и доверительных отношений с соседями.

В настоящее время одним из основных ориентиров внешней политики Таджикистана является сотрудничество со стратегическим партнером и союзником - Россией. Двустороннее и многостороннее сотрудничество между этими государствами развивается и укрепляется в сфере политики, экономики, безопасности. В Таджикистане действует на долгосрочной основе 201-ая российская военная база, являющаяся важным фактором сохранения стабильности и безопасности не только Таджикистана, но и региона в целом. Россия является важным торгово-экономическим партнером Таджикистана. Около 25 совместных таджикско-российских предприятий действуют в Таджикистане.

Одним из приоритетных направлений во внешней политике Таджикистана является стратегическое партнерство с Китаем. Таджикистан - одно из первых государств Центральной Азии, выразивший поддержку

китайскому проекту «Один пояс-один путь» (ОПОП). Принятая в Таджикистане Национальная стратегия развития до 2030 г. коррелируется с китайским проектом ОПОП и направлена на расширение и углубление сотрудничества с Китаем в сфере энергетики, транспорта, промышленности и сельского хозяйства.

Таджикистан развивает сотрудничество со странами Запада, однако эти отношения не отличаются интенсивностью. Достаточно ограниченная договорно-правовая база сформировалась между Таджикистаном и США³²². Между тем в динамичном ключе развиваются экономические и политические контакты Таджикистана с ЕС. Между двумя сторонами действует Комитет по сотрудничеству. Ведутся переговоры о вступлении Таджикистана в европейскую Общую систему преференций (GSP+) и подготовке нового Расширенного соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

В последние годы заметно укрепилось сотрудничество Таджикистана с Саудовской Аравией, Катаром, Египтом, ОАЭ. Так, крупные проекты реализовал в Таджикистане Катар: элитный жилой комплекс «Диар Душанбе» и джума-мечеть, которая стала одной из крупнейших в Центральной Азии. Также заметна активизация сотрудничества Таджикистана с азиатскими странами: Индией, Японией, Южной Кореей. Япония оказывает помощь Таджикистану по линии программы Официальная помощь в целях развития. Между двумя странами действует таджикско-японская межправительственная комиссия по экономическому, техническому и научному сотрудничеству.

Большое значение Таджикистан придает участию в многосторонних форматах сотрудничества на международном и региональном уровнях, являясь участником таких организаций, как ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОДКБ, ОИС, СВМД. Это отражает желание Таджикистана стать более активным и максимально вовлеченным участником решения региональных и глобальных

³²² Попов Д.С. Двусторонние отношения США и Таджикистана на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 88.

проблем³²³. В 2019 г. Таджикистан председательствовал на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности, в региональной организации Соперания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в Организации экономического сотрудничества. Показательно, что 17 мая 2019 г. в ходе конференции по проблемам международной безопасности Таджикистан выступил с инициативой о создании Антинаркотического центра ШОС в Душанбе³²⁴. Все эти события демонстрируют открытый характер внешней политики Таджикистана и желание стать активным участником мировых политических и экономических процессов.

Таким образом, в первое десятилетие после обретения независимости внешняя политика Таджикистана была сориентирована на российский и Центральноазиатский внешнеполитические векторы, которые считались приоритетными в сложных внутривполитических условиях. В начале XXI в. внешняя политика Таджикистана приобрела многовекторный характер. Республика стала демонстрировать курс на проведение разновекторной внешней политики, ориентируясь на несколько внешнеполитических азимутов и стремясь лавировать между глобальными и региональными игроками. На современном этапе руководство республики сохраняет приверженность принципам проведения политики «открытых дверей», надеясь с ее помощью решить свои внутренние проблемы.

Туркменистан имеет стратегическое геополитическое положение и богатый потенциал природных ресурсов. Однако по своей форме внешняя политика Ашхабада отличается от модели внешнеполитического поведения других стран Центральной Азии. С целью создания благоприятных внешнеполитических условий для развития национальной экономики, решения социальных проблем и укрепления власти С. Ниязова в

³²³ Салимов Ф. Анализ участия и политики Таджикистана в международных организациях [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/analiz-uchastiya-i-politiki-tadzhikistana-v-mezhdunarodnyh-organizatsiyah> (дата обращения: 15.05.2020).

³²⁴ Таджикистан назвал приоритетные направления работы в качестве председателя ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://bigasia.ru/content/news/politiki-tadzhikistan-nazval-prioritetnye-napravleniya-raboty-v-kachestve-predsedatelya-shos/> (дата обращения: 15.05.2020).

Туркменистане было принято решение провозгласить международный нейтралитет. 12 декабря 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию по Туркменистану № 50/80³²⁵, тем самым признав постоянный нейтралитет этой центральноазиатской республики. Интересным представляется тот факт, что подобная практика была осуществлена впервые, когда мировое сообщество признало и поддержало нейтральный статус государства.

Первая Концепция внешней политики Туркменистана была принята в декабре 1995 г.³²⁶. В ней отмечалось, что внешняя политика страны «определяется международно-правовым статусом постоянного позитивного нейтралитета»³²⁷. В концепции раскрывалась суть содержательной части нейтралитета Туркменистана, связанного с позитивной и конструктивной направленностью внешней политики государства, что предполагало осуществление активной внешнеполитической деятельности, нацеленной на поддержание мира и стабильности, развитие дружественных отношений с другими участниками мирового сообщества на принципах согласия и партнерства³²⁸. Особое значение во внешней политике придавалось развитию сотрудничества с соседними государствами, с которыми Туркменистан связывают исторические, политические, экономические и культурные связи³²⁹.

Надо учитывать, что в экономической сфере Туркменистан зависел от экспорта углеводородов, это обуславливало проведение активной внешней политики, направленной на привлечение иностранных инвестиций и диверсификацию углеводородных маршрутов. В связи с этим руководство Туркменистана стремилось коррелировать в своей внешнеполитической деятельности политику нейтралитета с политикой «открытых дверей», чтобы

³²⁵ Резолюция ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.gov.tm/wp-content/uploads/2016/05/Rezolyutsiya-OON.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

³²⁶ Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства от 27 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ir.rudn.ru/books/b1/p5/66.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

содействовать интеграции Туркменистана в мировую экономику путем привлечения иностранных инвестиций³³⁰. В 2006 г. о важности сотрудничества Туркменистана с зарубежными государствами в инвестиционной сфере подчеркивал С. Ниязов. Он писал: «Туркменистан, придающий большое значение сотрудничеству с иностранными государствами, признан многими международными финансовыми организациями и всемирно известными компаниями страной, имеющей необходимую правовую базу для проведения эффективной инвестиционной политики. В целях поддержания энергетической безопасности государства мы уделяем серьёзное внимание совершенствованию нефтегазового комплекса, модернизации производств по переработке сырья и получению конечного высококачественного продукта, выводу и удачному размещению продукции на мировых рынках, созданию современных производств, оснащению отрасли новейшими технологиями, расширению сотрудничества с международными компаниями и предприятиями, имеющими положительный опыт работы и производящими продукцию, отвечающую нашим потребностям»³³¹.

В феврале 2007 г. к власти в Туркменистане пришел новый президент Г. Бердымухамедов. Новым руководством был продекларирован курс на проведение открытой, многовекторной внешней политики в контексте нейтрального статуса Туркменистана. Не ограничиваясь этими заявлениями, руководство республики стало «демонстрировать региональные геополитические амбиции, обзаводиться новыми ближними и дальними союзниками»³³². По сравнению с внешней политикой С. Ниязова внешнеполитическая деятельность Г. Бердымухамедова отличалась своей исключительной динамичностью. В этой связи можно согласиться с российским политологом А. Куртовым, который выделял несколько особенностей внешней политики Туркменистана после прихода новой

³³⁰ Эфегил Э., Олжай А.М., Кыдык Х. Сотрудничество Туркменистана с международными региональными организациями // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 5 (11). С. 145.

³³¹ Туркменистан. Август 2006. № 7-8 (16-17).

³³² Новейшая политическая история: Прикаспийская «геополитическая ось» (1991-2011 гг.): учебное пособие / под ред. проф. П.Л. Карабущенко. Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 289.

власти³³³. Во-первых, устойчивый рост числа дипломатических контактов нового руководства. Во-вторых, в отличие от С. Ниязова, который предпочитал не совершать визиты за границу, Г. Бердымухамедов, напротив, активизировал «дипломатическую мобильность» государства. В-третьих, укрепление отношений Туркменистана с соседними государствами и возросшая активность в налаживании сотрудничества с ведущими международными организациями.

10 декабря 2012 г. президентом Туркменистана была утверждена Концепция внешней политики на пятилетний период (2013-2017 гг.)³³⁴. Центральной темой концепции стали вопросы обеспечения безопасности в глобальном и региональном масштабах. В числе приоритетных внешнеполитических задач было развитие взаимовыгодного международного партнерства в торгово-экономической, энергетической, транспортно-коммуникационной, культурно-гуманитарной сферах. Отмечалось, что Туркменистан планировал участие в реализации крупных международных проектов, в том числе в области создания новых транспортно-коммуникационных и энергетических коридоров по линии Восток-Запад и Север-Юг³³⁵.

В феврале 2017 г. в связи с окончанием срока действия предыдущего концептуального документа была разработана новая внешнеполитическая концепция (2017-2023)³³⁶. В концепции прослеживалась четкая корреляция внешнеполитических целей и задач с внутренними экономическими потребностями страны. Особое значение, как и прежде, придавалось политике нейтралитета, опора на которую помогала Туркменистану выстраивать

³³³ Куртов А. Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://ca-c.org/annual/2008/50.shtml> (дата обращения: 15.05.2020).

³³⁴ Концепция внешнеполитического курса Туркменистана на 2013-2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich295-turkmenische-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020).

³³⁵ Там же.

³³⁶ Концепция внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана 2017-2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich826-2017-2013-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020).

плодотворные и равноправные отношения со всеми партнёрами³³⁷. В соответствии с новым стратегическим внешнеполитическим документом выделялись следующие приоритетные направления внешней политики Туркменистана:

1. Широкое и многоформатное сотрудничество с ООН;
2. Активное участие в решении важнейших вопросов охраны окружающей среды, управление водными ресурсами, предупреждение и смягчение последствий от природных и техногенных катастроф;
3. Проведение эффективной экологической и водной дипломатии;
4. Стремление неуклонно исполнять положения Генеральной Ассамблеи ООН о надёжном и устойчивом транзите энергоресурсов;
5. Развивать сотрудничество с ООН в вопросах транспортной системы;
6. Расширять сотрудничество с международными и региональными организациями;
7. Развивать тесные и многосторонние связи с ближайшими соседями;
8. Продолжать активное сотрудничество по Каспийскому вопросу;
9. Укреплять сотрудничество с Россией как стратегическим партнёром Туркменистана;
10. Расширять сотрудничество с государствами Закавказья, Украиной, Беларусью, Молдовой;
11. Укреплять отношения с Китаем на взаимовыгодной и долговременной основе, а также с другими государствами АТР;
12. Продолжать сотрудничество со странами Европы и США по вопросам сохранения мира и стабильности в Центральной Азии и т.д.

Анализ Концепции показывает, что основным приоритетным и стратегическим вектором внешней политики Туркменистана является всестороннее сотрудничество с ООН по ключевым вопросам в сфере

³³⁷ Президент Гурбангулы Бердымухамедов: внешняя политика Туркменистана нацелена на создание благоприятных условий для внутреннего развития и обеспечение национальных интересов на мировом пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article5092&cat11> (дата обращения: 21.05.2020).

экологии, транспорта, углеводородных ресурсов и т.д. С учетом исторических и культурных связей сотрудничество Туркменистана с соседними государствами также вошло в список внешнеполитических приоритетов страны. В соответствии с Концепцией внешней политики 2017-2023 гг. Туркменистан взял курс на продолжение укрепления сотрудничества с Россией и Китаем, а также со странами Запада. При этом Китай рассматривался как крупнейший внешнеторговый партнер Туркменистана. Основные потоки (более 90%) туркменского газа шли в Китай. Например, по официальным данным в 2017 г. объем поставок газа в Китай превысил 30 млрд. кубометров³³⁸. Вероятно, чтобы как-то преломить данную зависимость от Китая, в июле 2019 г. Туркменистан заключил контракт на пять лет с «Газпромом» на поставку газа России в объеме 5,5 млрд. кубометров в год. Возвращение России на туркменский газовый рынок стало своеобразной кульминацией на фоне активизации туркмено-российского сотрудничества. Следовательно, в газовой сфере особенно проявляется многовекторный характер внешней политики Туркменистана, направленный на диверсификацию маршрутов экспорта углеводородов.

Внешняя политика Туркменистана, в основе которой лежит принцип нейтралитета, по сути мало чем отличается от многовекторной внешней политики соседних государств и очень похожа на политику военного нейтралитета Узбекистана. Международный нейтральный статус Туркменистана – это возможность сохранить и укрепить свой национальный суверенитет и избежать возможной геополитической зависимости. Ашхабад во внешней политике опирается на тактику лавирования между ведущими центрами силы и использует свой нейтральный международный статус, когда чувствует угрозу своим национальным интересам. Справедливо отмечает А. Князев, что нейтралитет является ситуативным инструментом внешней политики Туркменистана, который, с одной стороны, позволяет

³³⁸ Туркмения: газовый гигант или газовый протекторат Китая? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html> (дата обращения: 21.05.2020).

дистанцироваться от участия в военных альянсах или проектах, а с другой - не исключает варианты военного сотрудничества с рядом государств, например с Россией и с США³³⁹.

Впервые основные принципы внешней политики **Узбекистана** были изложены в Конституции, принятой 8 декабря 1992 г. Перечень этих принципов включал: суверенное равенство государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимость границ, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела других государств³⁴⁰. Особое внимание было уделено принципу взаимодействия с государствами в многосторонних форматах сотрудничества. В Конституции отмечалось, что «республика может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, исходя из высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности»³⁴¹. Уже тогда в Основном законе руководство Узбекистана зафиксировало за собой право выхода из тех или иных межгосударственных союзов, чьи принципы шли вразрез с национальными интересами страны. Этот принцип predetermined отношение Узбекистана к любым формам коллективного сотрудничества.

В декабре 1996 г. был разработан и принят документ, включающий более широкий перечень внешнеполитических приоритетов Узбекистана. В нем провозглашалось, что важной задачей внешней политики Узбекистана являлось принятие активного участия в работе ООН, ОБСЕ и других международных организациях. Приоритетным направлением сотрудничества стало участие в межгосударственных образованиях, в том числе экономических, «которые позволяют обеспечить стабильность, устойчивое развитие и национальную безопасность страны, содействуют информационному, технологическому и коммуникационному вхождению

³³⁹ 25-летие провозглашения нейтралитета Туркменистан отмечает в глубоком кризисе [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-12-10/5_8037_turkmenistan.html (дата обращения: 21.05.2020).

³⁴⁰ Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tzst.uz/images/Konstitutsiya_Respubliki_Uzbekistan_Rus.pdf (дата обращения: 21.05.2020)

³⁴¹ Там же.

Республики Узбекистан в мировые хозяйственные связи»³⁴². Принципиально важным аспектом в этом документе был отказ от участия Узбекистана в военно-политических блоках³⁴³. Такая позиция Узбекистана во внешней политике объяснялась боязнью республики стать «разменной монетой» в геополитической игре глобальных акторов в регионе. Особенно это касалось участия республики в военно-политическом союзе – ОДКБ, где лидерство по праву принадлежало России. Такой расклад явно противоречил амбициозным планам первого президента Узбекистана И. Каримова, который сам претендовал на статус регионального лидера ввиду демографического, экономического и военного потенциала своей страны. В итоге в 1999 г. Узбекистан отказался подписать Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности и присоединился к антироссийскому блоку ГУАМ.

Приостановив свое участие в ОДКБ и максимально дистанцировавшись от России, И. Каримов принялся разыгрывать «американскую карту». С началом антитеррористической операции США в Афганистане в сентябре 2001 г. Узбекистан продемонстрировал свое желание оказать военно-политическое содействие западной коалиции во главе с США в борьбе с террористами. Так, в декабре 2001 г. на территории Узбекистана в Карши-Ханабаде была открыта американская военная база. Итогом сближения Узбекистана и США стал визит И. Каримова в Вашингтон в марте 2002 г., где стороны подписали Декларацию и стратегическом партнерстве и сотрудничестве, в соответствии с которой США обязались в случае «внешней угрозы безопасности и территориальной целостности Республики Узбекистан» провести срочные консультации для принятия ответственных

³⁴² Об основных принципах внешнеполитической деятельности республики Узбекистан от 26 декабря 1996 г. [Электронный ресурс]. URL:<http://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/85/3402/>(дата обращения: 25.05.2020).

³⁴³ Там же.

мер³⁴⁴. На встрече президент США Дж. Буш мл. подчеркнул особую роль Узбекистана в военно-политической деятельности США в регионе.

Крен внешней политики Узбекистана изменился на 180 градусов после того, как США стали активно вмешиваться во внутренние дела республики, пытаясь с помощью неправительственных структур изменить характер ее политической системы в соответствии с принципами демократии. В ответ на это официальные власти приняли решение отказать в перерегистрации отделению Фонда Сорос в Узбекистане в 2004 г., который функционировал в стране с 1996 г.

Андижанские события 2005 г. окончательно испортили узбекско-американские отношения. В ходе спецоперации по освобождению захваченного террористами узбекского города Андижан погибли по разным данным от 100 до 800 человек³⁴⁵. Ученые выделяют несколько причин, вызвавших Андижанские события 2005 г., начиная от социально-экономических проблем³⁴⁶ до внешнего вмешательства. Президент Узбекистана И. Каримов абсолютно не сомневался, «что нападение на Андижан было подготовлено с международной помощью, включая спонсируемые американцами НПО»³⁴⁷. Между тем США потребовали провести международное расследование андижанских событий, надеясь на законных основаниях отстранить действующего президента от власти и установить в стране лояльный марионеточный политический режим³⁴⁸. В таких условиях в августе 2005 г. власти Узбекистана приняли решение о выводе американской авиабазы из страны. В ответ США распорядились приостановить финансирование государственного сектора Узбекистана по

³⁴⁴ Попов Д. Место Узбекистана в Центральноазиатской политике США // Россия и мусульманский мир. 2015. № 9 (279). С. 64.

³⁴⁵ Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 163.

³⁴⁶ Малышева Д. Промежуточные итоги политической трансформации Центральной Азии на примере Киргизии, Узбекистана и Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2006. № 12.

³⁴⁷ Попов Д. Место Узбекистана в Центральноазиатской политике США // Россия и мусульманский мир. 2015. № 9 (279). С. 66.

³⁴⁸ Малышева Д. Запад и "андижанское дело". На Каримова не действуют ни угрозы, ни увещания [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1119073020> (дата обращения: 25.05.2020).

линии Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), мотивировав свои действия отсутствием в стране «политического прогресса»³⁴⁹.

Обострились отношения между Узбекистаном и ЕС. Брюссель жестко отреагировал на события в Андижане, введя пакет санкций и приостановив Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, действующее с 1999 г.

Однако незадолго до андижанских событий 2005 г. И. Каримов предпринял попытку уравновесить влияние США в Узбекистане российским фактором. В 2003 г. в ходе рабочего визита В. Путина в Самарканд И. Каримов отметил, что признает «роль и интересы России в Средней Азии»³⁵⁰. Такие заявления открыли новую страницу в узбекско-российских отношениях. В 2004 г. между Узбекистаном и Россией было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве, в 2005 г. - Договор о союзнических отношениях. Активизировал Узбекистан свое участие в рамках евразийских многосторонних форматов сотрудничества: в январе 2006 г. стал полноправным членом ЕврАзЭС, в феврале того же года изъявил желание восстановить свое членство в ОДКБ.

Переход от западного к евразийскому вектору внешнеполитического сотрудничества внес серьезные коррективы во внешнюю политику Узбекистана. В системе новых внешнеполитических ориентиров республики фигурировала не только Россия, но и Казахстан, Туркменистан, Турция и Китай³⁵¹. В мае 2005 г. И. Каримов нанес государственный визит в Китай, в ходе которого был подписан договор о партнерстве и сотрудничестве между двумя странами. Также по итогам встречи был подписан контракт, по которому китайская национальная нефтяная компания получила возможность вести разработку газовых месторождений в Бухарско-Хивинском

³⁴⁹ Каримов нарвался на санкции [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1122871140> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁵⁰ Абдуллаева Е. Устойчивое неравновесие: отношения России в политике Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2005. № 12. С. 123.

³⁵¹ Дадабаева З. А. Новая европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 158.

нефтегазовом районе и присоединилась к консорциуму по добыче нефти в Приаралье³⁵².

Постепенно Узбекистан в своей внешней политике вновь стал смещаться от евразийского курса к западному направлению. Понимая стратегическую важность Узбекистана для геополитических интересов в Центральной Азии, ЕС и США стали придерживаться примирительной позиции. В октябре 2009 г. ЕС отменил последние санкции в отношении Узбекистана, а американские официальные представители активизировали политические и экономические механизмы своего влияния в Ташкенте³⁵³.

С учетом качественного изменения характера международных отношений в 2012 г. правящая элита Узбекистана приняла новую концепцию внешней политики³⁵⁴. Инициатором этого внешнеполитического документа, имеющего долгосрочный характер, выступил президент Узбекистана И. Каримов. В Концепции в очередной раз отмечалось, что Узбекистан оставляет за собой право присоединяться, или, наоборот, выходить, или приостанавливать свое участие в различных военно-политических альянсах в зависимости от текущих предпочтений или долгосрочных перспектив. Принципиально важным аспектом нового внешнеполитического документа являлся запрет на дислокацию на территории Узбекистана иностранных военных баз и неучастие узбекских вооруженных сил в любых миротворческих операциях за пределами страны. Во многом концептуальная основа нового стратегического внешнеполитического документа Узбекистана сформировалась под воздействием повышенной региональной активности ведущих центров мировой политики. По сути, республика объявила военный нейтралитет, развеяв надежды глобальных центров силы использовать территорию Узбекистана для размещения своих военных контингентов. В то

³⁵² Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 94.

³⁵³ Мальшева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 21.

³⁵⁴ Концепция внешней политики Узбекистана от 13 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://parliament.gov.uz> (дата обращения: 21.05.2020).

же время наметилось очередное военно-политическое сближение с США. Узбекистан стал активно проявлять интерес к возобновлению поставок американского оружия. Уже 22 сентября 2012 г. Конгресс США одобрил возобновление поставок оружия Узбекистану, которые были приостановлены в 2004 г.³⁵⁵.

В целом в президентство И. Каримова Узбекистан в своей внешней политике отдавал предпочтение двум внешнеполитическим векторам – американскому и российскому, стараясь умело лавировать между ними.

На современном этапе Узбекистан демонстрирует особый уровень активности во внешней политике на фоне следования традиционной линии внешнеполитического поведения. После смерти И. Каримова, о преемственности внешнеполитического курса было заявлено Ш. Мирзиёевым во время его выступления в парламенте в сентябре 2016 г.³⁵⁶. Новый президент подтвердил курс на «конструктивное сотрудничество со всеми зарубежными странами и мировым сообществом»³⁵⁷. Тогда же были продекларированы приоритеты внешней политики Узбекистана. Главным приоритетом внешнеполитической деятельности республики объявлялся Центрально-Азиатский регион. С этого момента Узбекистан активно вовлечен в международные отношения на региональном уровне, направленные на установление взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах: экономика, транспорт, безопасность. Такая региональная стратегия внешней политики Узбекистана соответствовала внутренним реформам, начатым в республике. Среди других внешнеполитических приоритетов Узбекистана выделялись следующие: укрепление дружественных связей с Россией, развитие всестороннего сотрудничества с США, выстраивание стратегического партнерства с Китаем, развитие партнерских отношений с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона и европейскими странами, а

³⁵⁵ Малащенко А. Узбекистан: каких перемен ждать? / Московский центр Карнеги, октябрь 2012 . Том 14. Выпуск 5. С. 5.

³⁵⁶ Шавкат Мирзиёев о внешней политике Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/567/58768/> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁵⁷ Там же.

также государствами Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока³⁵⁸. Об открытом характере внешней политики Узбекистана было заявлено Ш. Мирзиёевым на торжественном собрании, посвященном 24-летию конституции. В своем докладе президент Узбекистана отметил, что страна продолжит «эффективное сотрудничество со всеми странами как ближнего, так и дальнего зарубежья, всем мировым сообществом»³⁵⁹. В ходе выступления также было продекларировано, что Узбекистан останется приверженным проведению миролюбивой, открытой и прагматичной политики³⁶⁰. Внешнеполитические установки, заявленные президентом Узбекистана, скоро стали постепенно реализовываться в практической плоскости. Доказательством проведения Узбекистаном разновекторной внешней политики явились следующие события: во-первых, президент Узбекистана Ш. Мирзиёев продемонстрировал высокий интерес к участию в китайском мегапроекте «Один пояс-один путь»; во-вторых, в мае 2018 г. в ходе официального визита Ш. Мирзиёева в США были достигнуты договоренности о начале нового этапа стратегического партнерства между двумя странами; в-третьих, в ноябре 2018 г. начаты переговоры с европейским Союзом о подписании Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве (СРПС); в-четвертых, в сентябре 2019 г. Ш. Мирзиёев подписал Закон «О ратификации Республикой Узбекистан Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств», что ознаменовало присоединение республики к Тюркскому совету; в-пятых, в ходе официального визита Ш. Мирзиёева в Японию в декабре 2019 г. достигнута договоренность между двумя странами о дальнейшем укреплении дружественных отношений; в-шестых, в декабре 2020 г. Узбекистан получил статус наблюдателя при ЕАЭС. Между тем в своей многовекторной внешней политике Узбекистан, как и при первом президенте И. Каримове, продолжает

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Доклад избранного президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании в честь 24-летия конституции [Электронный ресурс]. URL: <https://uwed.uz/ru/pages/president-report> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶⁰ Там же.

придерживаться нейтральной позиции по отношению к любым военно-политическим союзам, усматривая в них угрозу своим национальным интересам.

В связи с принятием Стратегии развития Узбекистана на 2017-2021 гг.³⁶¹ прослеживаются усилия политического режима республики подчинить внешнюю политику внутренним целям и задачам развития страны. С целью придать импульс развитию национальной экономики Узбекистан сконцентрировал усилия на проведении активной внешней политики. В мае 2017 г. в ходе визита Ш. Мирзиёева в Китай было подписано более 100 контрактов на общую сумму 23 млрд. долларов³⁶². В 2018 г. во время визита в США президенту Узбекистана удалось подписать более 20 деловых сделок с ведущими американскими компаниями на общую сумму 4,8 млрд. долларов³⁶³. Наблюдается интенсификация экономического сотрудничества по линии Узбекистан-ЕАЭС. С 2016 по 2019 гг. товарооборот между Узбекистаном и государствами-участниками ЕАЭС увеличился в два раза с 4,5 до 9,1 млрд. долларов³⁶⁴. Интересно, что около 30 % составляет доля внешней торговли Узбекистана с ЕАЭС. В основном экспортируется на евразийский рынок сельхозпродукция, которая составляет 75 %. Итогом проведения такой активной внешней политики стал резкий подъем национальной экономики. За три года с момента объявления Стратегии национального развития Узбекистана республике удалось в несколько раз повысить ВВП. В 2017 г. уровень ВВП составил 30,6 млрд. долларов, тогда как в 2019 г. увеличился до 58,3 млрд. долларов³⁶⁵.

³⁶¹ Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁶² Юани в кармане или гостинцы из Поднебесной [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20170515/5409178/Mirziyev-itogi-vizit-kitai.html> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶³ Визит Государственного секретаря Помпео в Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/secretary-pompeos-visit-to-uzbekistan-ru/> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶⁴ Саммит лидеров ЕАЭС: Узбекистан — наблюдатель, общий рынок газа и вакцина [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/42620-sammit-liderov-eaes-uzbekistan-nabljudatel-obschij-rynok-gaza-i-vaktsina.html?page=58> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶⁵ ВВП Узбекистана в 2019 году вырос до \$58,3 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://fergana.media/news/113937/> (дата обращения: 25.05.2020).

С момента обретения Узбекистаном независимости США проявляли большой интерес к этой Центральноазиатской республике, подчеркивая ее ключевую роль в регионе. На современном этапе Вашингтон очень активно поддерживает проводимые внутривластные реформы в Узбекистане и готов оказывать республике финансовую поддержку. Так, в 2016 г. США оказали помощь Узбекистану в размере 100 млн. долларов³⁶⁶. Если руководство Узбекистана продолжит либерализацию экономики на основе запланированных реформ, то в перспективе возможна интеграция узбекских компаний с западным капиталом³⁶⁷. Следовательно, не исключается возможность резкого поворота внешней политики Узбекистана в западном направлении, как это было при И. Каримове. Между тем включение Узбекистана в качестве наблюдателя в Евразийский экономический Союз позволяет предположить, что узбекские власти будут продолжать лавировать между ведущими западными и евразийскими центрами силы.

В целом, Узбекистан стремится проводить многовекторную внешнюю политику, сочетающую элементы открытости и замкнутости (блоковой нейтральности). Для республики принципиальное значение имеет внешнеполитическая установка, связанная с неучастием в различных военно-политических блоках. Современная активная и открытая внешняя политика Узбекистана коррелируется с внутренними задачами страны, направленными на решение социально-экономических проблем.

Таким образом, на основе анализа концептуальных внешнеполитических документов стран Центральной Азии можно выделить общие черты, присущие внешнеполитическому поведению всех региональных государств. Во-первых, посредством участия в двусторонних и многосторонних форматах сотрудничества страны Центральной Азии стремятся укрепить свой статус в мировой политике в качестве

³⁶⁶ В США сообщили, что выделили Узбекистану в 2019 году \$100 млн [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10062463> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶⁷ Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2018. Том 18. № 2. С. 301.

самостоятельных государств, проводящих активную внешнюю политику. Во-вторых, стремление подчинить внешнюю политику внутренним задачам развития страны. В-третьих, проведение всеми странами региона прагматичной и миролюбивой внешней политики с целью диверсификации политических и экономических связей. В-четвертых, опора на принцип балансирования во внешней политике с целью не допустить геополитической зависимости от какой либо внешнеполитической силы. Выделенные выше общие черты внешней политики стран региона позволяют концептуально классифицировать ее как «многогранную многовекторность», имеющую многофункциональное значение.

К отличительным особенностям внешней политики некоторых стран Центральной Азии, Узбекистана и Туркменистана, относится их внеблоковый или нейтральный статус. Внеблоковый статус закрепляет принцип неучастия Узбекистана в различных военно-политических альянсах, которые рассматриваются как угроза национальным интересам и национальной безопасности страны. С момента обретения независимости и по настоящее время Туркменистан в своей внешней политике следует принципу постоянного нейтралитета, который не мешает стране разнообразить свою внешнюю политику. Также эти два государства стремятся придерживаться умеренной удалённости от России и не принимают участие в евразийских интеграционных проектах, за исключением СНГ. При этом Узбекистан в президентство Ш. Мирзиёева присматривается к участию в евразийской интеграции с учетом проводимых в стране экономических реформ.

Принципиальным моментом в анализе концептуальных основ внешней политики стран Центральной Азии является ее персонифицированный характер. Центральное место в разработке основных внешнеполитических ориентиров той или иной Центральноазиатской страны принадлежит главе государства. Этот феномен несет в себе угрозу тем республикам, к власти в которых может прийти такой политический лидер, который не обладает

гибкостью и рациональностью в проведении диверсифицированной внешней политики.

Несмотря на то, что политический режим в Киргизии более демократичный по сравнению с другими режимами государств региона, но и в этом случае президент определяет основные направления внешней политики государства, осуществляет общее руководство внешней политикой страны и представляет республику в международных отношениях³⁶⁸. Например, еще в 2012 г., когда в Киргизии была принята новая конституция, в соответствии с которой страна объявлялась парламентской республикой, на рассмотрение законодательной ветви власти был вынесен законопроект «О внешней политике Кыргызстана». Один из инициаторов этого законопроекта М. Иманалиев подчеркнул, что в области внешней политики президента необходимо наделить большими полномочиями, указав при этом на два важных фактора: во-первых, поддерживать эффективность выстраивания отношений с соседними авторитарными государствами, во-вторых, придерживаться последовательной внешней политики³⁶⁹.

Если учитывать благоприятное геополитическое положение, активное проникновение в регион ведущих центров силы, борьбу за сферы влияния, выбор руководства стран Центральной Азии в пользу проведения многовекторной внешней политики представляется оправданным. В то же время выступая «разменной монетой» в геополитической игре глобальных и внерегиональных акторов, страны региона получают существенные финансово-экономические выгоды, что делает их заложниками своего географического расположения, которое воспринимается ими как залог их будущего благополучного развития. Такой подход, с одной стороны, позволяет сохранить суверенитет, с другой - повышает степень уязвимости таких государств, особенно при отсутствии экономической основы для

³⁶⁸ Концепция внешней политики Киргизской Республики от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁶⁹ Иманалиев М. Президент получил больше полномочий во внешней политике [Электронный ресурс]. URL: https://www.gezitter.org/interviews/11565_imanaliev_prezident_poluchil_bolshe_polnomochiy vo_vneshney_politi ke/ (дата обращения: 3.05.2020).

развития (Таджикистан, Киргизия) и высокого уровня коррупции во властных структурах. Думается, что трансформация современной системы международных отношений, а также развитие процессов регионализации и интеграции выносят на повестку дня вопрос о более однозначном внешнеполитическом выборе стран региона. Так, участие в евразийской экономической интеграции отвечает национальным интересам региональных государств и позволяет перейти от стратегии и тактики получения выгод от геополитического противоборства ведущих центров силы мировой политики в регионе к интенсивному социально-экономическому развитию с целью укрепления основ государственности, национального благополучия и повышения своей конкурентоспособности в глобальной экономике.

ГЛАВА 2. ИНТЕРЕСЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ СИЛЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

2.1. Центральная Азия во внешней политике США

После распада СССР в 1991 г. геополитическое пространство Центральной Азии оказалось в фокусе внимания США. Между тем ещё в январе 1987 г. в США была издана Стратегия национальной безопасности, в которой отмечалось, что основные усилия США в Евразии должны быть направлены на предотвращение доминирования СССР в регионе (или любой другой враждебной державы или коалиции сил)³⁷⁰. Уже тогда США, хоть и не считали Центральноазиатское направление своим внешнеполитическим приоритетом и не имели определенных стратегических ориентиров³⁷¹, понимали всю геополитическую значимость региона и принялись активно расширять и укреплять свои позиции на этом направлении.

Несмотря на то, что США и Центральная Азия расположены далеко друг от друга, на разных континентах, их история пересекалась дважды³⁷². Первый раз во время Гражданской войны в США (1861-1865), когда жесткая торговая блокада Севера, наложенная на Конфедератов, лишила российских текстильных производителей американского хлопка. Альтернатива американскому хлопку была найдена на юге, в Средней Азии, куда Российская империя расширяла свои «естественные границы». Спустя столетие, во время холодной войны, американская администрация получила сведения, что СССР размещает ракетные установки и проводит свои ядерные испытания в Средней Азии, «подальше от любопытных американских глаз». В целях получить более детальную информацию об этих стратегических установках США искали подходящие для разведывательных операций территории в Иране и Пакистане, откуда предполагалось вести наблюдение за

³⁷⁰ Igho Natufe O. Russian foreign policy. In search of lost influence. Moscow, 2015. P. 135.

³⁷¹ Шохзода С. Механизмы безопасности в Центральной Азии: теория и практика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 136.

³⁷² Maynes Ch.W. America Discover Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2003-03-01/america-discovers-central-asia> (дата обращения: 2.06.2020).

советской деятельностью в Средней Азии. Стремление США поближе подобраться к советским ядерным объектам в Средней Азии стало одним из факторов поддержки американской администрацией радикальных исламистов в Афганистане во время нахождения там советского военного контингента (1979-1989 гг.).

Поэтапное проникновение США в регион началось с установления двусторонних дипломатических отношений с новыми независимыми государствами. 27 декабря 1991 г. дипломатические отношения установлены с Киргизией, 7 января 1992 г. – с Казахстаном, 16 января 1992 г. – с Узбекистаном, 18 февраля 1992 г. – с Таджикистаном, 19 февраля 1992 г. – с Туркменистаном. Растущий интерес к Центральной Азии со стороны США доказал визит американского государственного секретаря Джеймса Бейкера в январе 1992 г. Его целью было убедить региональных политических лидеров взять за основу турецкую модель общественно-политического развития в процессе государственного строительства³⁷³. Политикам в Вашингтоне турецкая модель, успешно сочетающая исламские и западные ценности, виделась как наиболее подходящий пример для новых независимых государств с преобладающим мусульманским населением. В рамках своей внешнеполитической стратегии в Центральной Азии США ставили перед собой задачу экспортировать в страны региона демократию, рыночную экономику, западный образ жизни и культуру.

Одно из центральных мест в американской внешней политике в регионе занял ядерный вопрос. На территории Казахстана после распада СССР осталось ядерное оружие, будущее которого очень волновало американскую администрацию и формировало повестку в отношениях между США и Казахстаном в начале 90-х г. Во время своего визита в США в мае 1992 г. президент Казахстана Н.Назарбаев выдвинул свои условия решения ядерного вопроса. В свою очередь США обязались обеспечить республику

³⁷³ Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 2 (26). С. 79.

экономической помощью взамен отказа Казахстана от ядерного оружия, однако без предоставления гарантий безопасности, на что надеялась казахстанская сторона³⁷⁴. После длительных переговоров в декабре 1993 г. Казахстан присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)³⁷⁵, обязавшись вывести его на территорию России. Помощь в реализации этого процесса предложили США, используя для этого программу Нанна-Лугара по сокращению ядерной угрозы в постсоветских странах³⁷⁶. Взаимовыгодное решение ядерного вопроса заложило основу для дальнейшего политического и экономического сотрудничества между двумя странами. В 1994 г. во время очередного визита Н.Назарбаева в Вашингтон было подписано несколько соглашений о сотрудничестве в экономической, военной и космической сферах³⁷⁷. Чтобы продемонстрировать поддержку и одобрение политики Казахстана, президент США Б. Клинтон выразил готовность увеличить финансовую помощь Казахстану с 91 млн. долларов до 311 млн. долларов³⁷⁸. 14 февраля 1994 г. между Н. Назарбаевым и Б. Клинтонем была подписана «Хартия о демократическом партнерстве между Республикой Казахстан и США», согласно которой Казахстан обязался следовать принципам демократического развития.

В рамках стратегии продвижения НАТО на Восток США пытались наладить военное сотрудничество со странами региона, инициировав их вступление в специально разработанную программу альянса. Все государства региона с 1994 по 1995 г., за исключением Таджикистана (присоединился в 2002 г.), стали участниками специальной программы «Партнёрство ради мира» (ПРМ), которая концептуально была разработана американскими

³⁷⁴ Кулпаева Б.Т. Роль института политического лидерства в формировании внешнеполитической стратегии республики Казахстан // Актуальные вопросы науки и практики XXI в. 2016. С. 42.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 30.

³⁷⁷ Комлякова Ю. Американское влияние на процессы демократизации в постсоветских республиках Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Вып. 1. Том 17. С. 138.

³⁷⁸ Там же.

военными как альтернатива полноценному членству в НАТО³⁷⁹. Первым государством, присоединившимся к ПРМ, стала Киргизия. НАТО проявляло значительный интерес к этой стране, так как здесь располагалось несколько стратегических аэродромных военных полей, которые, несмотря на их плачевное состояние, могли быть реанимированы³⁸⁰. Таким образом, страны Центральной Азии были интегрированы в западную систему безопасности и получили возможность развивать более тесное сотрудничество с США и их союзниками в военной сфере. Несмотря на то, что масштабная военно-политическая активность США в регионе наметилась в начале XXI в., еще в 1997 г. Пентагон принял решение о включении Центральной Азии в зону ответственности Центрального командования Вооруженных сил США³⁸¹.

США с большой заинтересованностью продолжали выстраивать свой внешнеполитический курс в отношении стран Центральной Азии. Весной 1995 г. госсекретарь США У. Кристофер в своей программной речи объявил, что одним из главных внешнеполитических приоритетов США на постсоветском пространстве является «поддержка независимости соседей России»³⁸². На активизацию политики США в регионе большое влияние оказали сведения о наличии в недрах Казахстана больших запасов нефти и газа³⁸³. В связи с этим Центральная Азия приобретала важное геополитическое и геоэкономическое значение: через данную территорию планировалось проложить транспортные и трубопроводные маршруты и в конечном итоге соединить два нефтеносных пространства Центральную Азию и Ближний Восток³⁸⁴.

Углеводородный интерес стал одним из ключевых элементов внешнеполитической линии США в Центральной Азии. Желая получить

³⁷⁹ Spero J. Paths to peace for NATO's partnerships in Eurasia in the Sperling J.et. Limiting Institutions. The Challenge of Eurasian Security Governance. Manchester University Press. 2003.

³⁸⁰ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 153-154.

³⁸¹ Баранов А.Ю. ШОС и политика США в Центральной Азии. Автр. дисс. на соискание уч. степени канд. полит. наук. М., 2011. С. 24.

³⁸² Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. С. 22.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Юлдашева Г. Стратегия США в Центральной Азии: проблемы и достижения // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Том 14. Вып.2. С. 168.

контроль над транспортировкой нефти и газа, Вашингтон стал активно склонять лидеров прикаспийских государств к участию в трубопроводных проектах в обход России. Не случайно в октябре 1997 г. сенатор С. Браунбек в сотрудничестве с американским профессором Ф. Старром выдвинули инициативу «Шелкового пути», которая позднее получила свое широкое развитие в концепции «Большая Центральная Азия»³⁸⁵. Сами Центральноазиатские республики проявляли значительный интерес к транспортно-энергетическим маршрутам, лоббируемым США, и особенно к привлечению иностранного капитала в нефтегазовую отрасль.

Указ президента Б. Ельцина от 14 сентября 1995 г., направленный на укрепление позиций России «в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на территории постсоюзного пространства»,³⁸⁶ заставил американскую администрацию выработать в отношении Центральной Азии целостную стратегию. К середине 1997 г. США разработали так называемую стратегическую схему целей, направленную на выдавливание возможных геополитических конкурентов из региона. В соответствии с этими целями Каспийский регион объявлялся сферой американских интересов, а в Центральной Азии фокус был сосредоточен на углеводородном потенциале³⁸⁷.

Особое влияние на внешнеполитическую стратегию США в Центральной Азии оказал труд бывшего советника по национальной безопасности США Дж. Картера З. Бжезинского. В 1997 г. выходит в свет его книга под названием «Великая Шахматная доска», где раскрываются эффективные механизмы и способы достижения лидерства США в глобальной политике. По мнению З. Бжезинского, именно контроль над

³⁸⁵ Юлдашева Г., Шукурзода М. Стратегия нового Шелкового пути - проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1321863540> (дата обращения: 10.06.2020).

³⁸⁶ Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 30.

³⁸⁷ Шумилов М.М., Павлов А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С.39.

Евразией позволит США укрепить их глобальное лидерство. Американский стратег подчеркивал необходимость для США заполнить образовавшийся геополитический вакуум в Евразии, стремиться к разработке ресурсов и контролю над ними, предотвратить возможность того, «чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона»³⁸⁸.

Под лозунгом демократизации новых независимых государств США принялись реализовывать в регионе свои геополитические и геоэкономические интересы. В июле 1997 г. заместитель госсекретаря США С. Тэлботт во время своего выступления в Университете Джона Хопкинса озвучил четыре направления, по которым США планировали оказывать содействие в развитии странам Центральной Азии. Они включали: 1) продвижение демократии и установление гражданского общества; 2) стимулирование процессов приватизации и создания свободной рыночной экономики; 3) оказание помощи в разрешении подрывающих региональную стабильность конфликтов; 4) осуществление интеграции государств региона в международное сообщество³⁸⁹. Американская администрация обстоятельно подходила к Центрально-Азиатскому направлению своей внешней политики. Еще в начале 90-х г. президент США Б. Клинтон для эффективного проведения внешнеполитического курса на постсоветском пространстве пригласил С. Тэлботта, считавшегося специалистом по России и постсоветскому пространству, в Госдепартамент. Специально для него была создана новая должность, которая называлась посол по особым поручениям и специальный помощник госсекретаря по новым независимым государствам бывшего СССР. Озвученные С.Тэлботтом области оказания американской помощи странам региона были, по сути, ширмой, за которой скрывались истинные намерения США подчинить своему влиянию геостратегическое пространство Центральной Азии.

³⁸⁸ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 167.

³⁸⁹ Зиглер Э.Ч. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 14.

Таким образом, к концу XX в. у США выработалась система внешнеполитических приоритетов в Центральной Азии: развивать военно-политическое сотрудничество со странами региона в рамках программы «Партнерство ради мира» с целью их интеграции в систему европейской коллективной безопасности; не допустить восстановление влияния России; получить контроль над углеводородными маршрутами.

После событий 11 сентября 2001 г. усилилась военно-политическая активность США в Центральной Азии, что резко изменило региональное соотношение сил. В рамках поддержки странами региона антитеррористической операции «Несокрушимая свобода» Вашингтон получил возможность нарастить свое военное присутствие в Центральной Азии. Страны Центральной Азии разрешили размещение на своей территории американских военных баз, открыли воздушное пространство для полетов, организовали дозаправку военных самолетов.

Центральное место во внешней политике США в регионе занимал Узбекистан, обладающий большим природно-ресурсным потенциалом и имеющий развитую транспортно-коммуникационную инфраструктуру. Именно эта страна стала главным бенефициаром американской финансовой помощи в рамках антитеррористической кампании в Афганистане. В сентябре 2001 г. американский конгресс выделил Узбекистану грант на оружие и другие военные цели в размере 25 млн. долларов США. В январе 2002 г. Вашингтон сообщил, что Узбекистан получит еще 100 млн. долларов из 4-х миллиардов, выделенных американским конгрессом на борьбу с терроризмом. В феврале 2002 г. между Вашингтоном и Ташкентом было подписано расширенное соглашение о сотрудничестве в военной сфере, предусматривающее обучение и тренировку узбекских солдат и совместные учения. В 2002 г. Вашингтон также выделил Ташкенту 60 млн. долларов на поддержку национальной безопасности и 25 млн. долларов на поддержку коммуникационных систем.

Свои стратегические военно-политические позиции США удалось укрепить и в других странах Центральной Азии. В декабре 2001 г. киргизский парламент одобрил размещение американской базы в гражданском аэропорту Манас, где с каждым днем увеличивался контингент иностранных военных (к осени 2002 г. на киргизской территории насчитывалось 1900 войск из 9 стран). Таджикистан позволил разместить на своей территории не только военный персонал и самолеты, но и выступил в качестве базы поддержки для французских миротворцев, действующих в Афганистане. В январе 2002 г. Туркменистан согласился принять участие в американской программе по предоставлению технической помощи, чтобы улучшить защиту своих границ³⁹⁰. В июле 2002 г. Казахстан разрешил использовать алматинский аэропорт американским самолетам с целью экстренной посадки или дозаправки. Растущее присутствие США в регионе и дислокация американских военных в ряде государств Центральной Азии создали совершенно иной формат геополитических отношений и подвергли трансформации традиционные сферы интересов³⁹¹.

Развернутое, широкомасштабное военное присутствие США в Центральной Азии ознаменовало начало нового долгосрочного этапа американской внешней политики в регионе. В феврале 2002 г. государственный секретарь США К. Пауэлл в своем выступлении перед Комитетом по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США заявил, что «США обретут такие долгосрочные интересы и военное присутствие в Центральной Азии, о каких мы ранее и не мечтали»³⁹². В сентябре 2002 г. была объявлена «Стратегия национальной безопасности США», в которой фигурировало три принципиально важных момента: 1) в «Стратегии» впервые открыто провозглашалась цель сохранения военной гегемонии США в мире; 2) открыто утверждалось право США на применение военной силы в одностороннем порядке; 3) объявлялось о возможности

³⁹⁰ Oil, Transition and Security in Central Asia. New York: Routledge, 2003. P. 229-230.

³⁹¹ Сенгупта А. 11 сентября 2001 г. и Центральная Азия // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 45.

³⁹² Китспоттер В. де. Большая игра в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2005. № 3. С. 96.

использования этой силы превентивным образом³⁹³. Эти положения позволяли США использовать силу в любых случаях, когда, по их мнению, возникала угроза их национальным интересам. При появлении такой ситуации это могло привести к дестабилизации региона, в котором имели свои геостратегические интересы Россия и Китай. Кроме того, военно-политическая активность США в регионе подрывала авторитет таких евразийских интеграционных структур, как ШОС и ОДКБ, в функции которых входило обеспечение региональной безопасности.

В контексте усилий, направленных на стабилизацию обстановки в Афганистане, приоритетность Центральноазиатского, а также кавказского направления во внешней политике США была продекларирована на официальном уровне во время саммита НАТО в Стамбуле в 2004 г. На этом саммите были разработаны основные измерения политики НАТО в Центральной Азии: во-первых, расширение политических консультаций и обмен информацией с правительствами стран региона; во-вторых, оказание содействия странам региона в проведении военной реформы, создании институтов обороны, а также развитии военного потенциала³⁹⁴. Для достижения успехов в процессе реализации поставленных задач был назначен специальный представитель НАТО на Кавказе и в Центральной Азии.

На Западе приход США в регион считали большим даром судьбы для развития центральноазиатских государств. По мнению президента евразийских исследований Ч.В. Мейнса, одно из богатейших государств мира, настолько могущественное, что его военные и экономические возможности кажутся безграничными, внезапно начало выражать большую озабоченность теми событиями, которые происходили в одном из самых

³⁹³ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2018. С. 610.

³⁹⁴ Белобров Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/> (дата обращения: 10.06.2020).

отдаленных и бессильных регионов мира³⁹⁵. По его мнению, от присутствия США в Центральной Азии должны были выиграть все заинтересованные стороны. Оценивая дальнейшие преимущества военно-политического присутствия США для стран региона, Ч.В. Мейнс отмечал: «США, став де-факто защитником и гарантом региона, получили возможность играть конструктивную роль, которая будет способствовать как их собственным интересам, так и интересам самих государств Центральной Азии»³⁹⁶. Однако перспективы получились не столь оптимистичными, как их описывали и представляли политики в Вашингтоне. Ускоренный курс на демократизацию центральноазиатских авторитарных режимов, взятый администрацией Дж. Буша-младшего, не оправдал себя. Этот курс подразумевал активную финансовую поддержку политической оппозиции, раскручиванию деятельности независимых СМИ, активизацию работы с правозащитными организациями. Справедливо отмечает узбекский ученый Б. Эргашев, что именно тогда «политическая оппозиция смогла выработать концептуально новые платформы действий, учитывавшие достижения и ошибки демократических сил в Центральной и Восточной Европе»³⁹⁷. Итогом такого внутреннего вмешательства США в дела суверенных государств стало свержение власти в Киргизии в марте 2005 г. и Андижанские события мая 2005 г.

Ситуацией с правами человека, которые систематически нарушались в странах Центральной Азии, были недовольны американские конгрессмены, которые настаивали на том, чтобы США не меняли принципов демократии на политическую лояльность авторитарных режимов³⁹⁸. Так, согласно отчету конгресса о несоблюдении прав человека в Узбекистане, в 2004 г.

³⁹⁵ Maynes Ch.W. America Discover Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2003-03-01/america-discovers-central-asia> (дата обращения: 10.06.2020).

³⁹⁶ Ibid.

³⁹⁷ Эргашев Б. США в отношениях с политической оппозицией стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 28.

³⁹⁸ Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под. Ред. Т.А. Шаклейной. М.: «Аспект Пресс», 2014. С. 205.

администрация Дж. Буша-младшего была вынуждена прекратить оказание финансовой помощи Ташкенту³⁹⁹. Такое решение было принято даже несмотря на «содействие Ташкента в проведении антиталибской операции в Афганистане, которое было остро необходимо Пентагону»⁴⁰⁰.

Затянувшееся военно-политическое пребывание США в Центральной Азии негативно отражалось на региональных позициях России и Китая. Победа над талибами и приход к власти подконтрольного Вашингтону политического лидера Х. Карзай в Афганистане поставили под сомнение целесообразность дальнейшего военного присутствия США в регионе. Затянувшаяся дислокация американских военных баз все больше беспокоила Россию и Китай. Военно-политическая активность США у границ России создавала угрозу ее национальной безопасности. У Китая также особую озабоченность вызывало военное присутствие США в Центральной Азии. Особенно негативно Пекин относился к присутствию в регионе американских военно-воздушных сил, способных в кратчайшие сроки добраться до западных границ Китая⁴⁰¹. США предпринимали попытки осуществить разведывательные полеты над Китаем, используя для этого аэропорт Манас. Позднее первый президент Киргизии А. Акаев прокомментировал их: «После 11 сентября Америка развила широкую акцию по борьбе с терроризмом. Мы считали нужным принять участие... А американцы все перевернули. Главная цель была другая. Когда я поставил вопрос о том, чтобы оговорить сроки, появилось недовольство со стороны Белого дома. А кроме того, теперь об этом уже можно сказать, американская администрация обратилась ко мне с просьбой дать разрешение посадить в аэропорту Манас самолет-разведчик. Я сразу сказал, что этот вопрос не обсуждается... Вот это американцы

³⁹⁹ Троицкий М.А. Конгресс и политика США в отношении России // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2013. № 2. С. 59.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Степанов А.С., Нгуен М.М. Экономическое и военное соперничество США, Китая и России в Центральной Азии // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 8.

восприняли как вызов»⁴⁰². В итоге, в 2005 г. Россия и Китай на саммите ШОС подняли вопрос о сроках пребывания американских военных баз в Киргизии и Узбекистане. Таким образом, Москва и Пекин согласованно выступили против американского доминирования в Центральной Азии и продемонстрировали желание взять на себя ответственность за обеспечение региональной безопасности.

Однако США не спешили уходить из региона и планировали использовать Афганистан как плацдарм для дальнейшего военно-политического воздействия на крупные государства Евразии: Иран, Китай, Индию, Пакистан, а также уменьшить влияние России и Китая в Центральной Азии⁴⁰³. Для США возникла необходимость разработки новых механизмов усиления своей региональной роли. По этой причине была выдвинута новая концепция американского геополитического влияния под названием «Большая Центральная Азия». Ее автором стал авторитетный американский исследователь международных отношений Ф. Старр, который в 2005 г. в своей статье под названием «Партнерство для Центральной Азии» акцентировал внимание на необходимости дальнейшего присутствия США в регионе⁴⁰⁴. Он подчеркивал, что теперь у США появился шанс превратить Афганистан и весь регион в зону безопасных суверенных государств с жизнеспособной рыночной экономикой, где будут сформированы светские и открытые политические системы⁴⁰⁵. По его мнению, это позволило бы укрепить контакты региональных государств с США. Основным инструментом для достижения этой цели, по мнению Ф. Старра, должно было стать создание регионального формата взаимодействия – Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА). Таким

⁴⁰² Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. С. 309.

⁴⁰³ Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. С. 86.

⁴⁰⁴ Starr F.S. A Partnership for Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴⁰⁵ Ibid.

образом, Ф. Старр предложил институционализировать отношения между центральноазиатскими республиками и Афганистаном и создать в регионе новую модель сотрудничества, в которой ведущим центром должны были стать США. Являясь специалистом по истории Центральной Азии, Ф. Старр в основу своей концепции заложил исторические опоры, «которые некогда соединяли и объединяли регионы и народы Центральной Азии и Среднего Востока между собой»⁴⁰⁶.

Основным недостатком данной концепции являлась попытка объединить в одном формате совершенно разные по экономическим и политическим параметрам страны Центральной Азии и Афганистан. Несмотря на все трудности, с которыми столкнулись республики в процессе строительства государственности после распада СССР в 1991 г., им удалось выстроить жизнеспособную политическую систему и найти свою национальную модель экономического развития. При этом большую роль сыграл экономический и инфраструктурный фундамент, заложенный в союзных республиках в советское время. Справедливо отмечает И. Звягельская, что потребуются много лет и усилий, чтобы поднять Афганистан до уровня развития любого даже самого бедного государства Центральной Азии, прошедшего в составе СССР длинный и необратимый путь модернизации⁴⁰⁷.

Концепция Ф. Старра с расширенными географическими контурами региона оказала значительное влияние на внешнюю политику США в Центральной Азии. Вслед за его публикациями стали происходить трансформации в структуре Госдепартамента США. Было образовано единое Бюро по делам Южной и Центральной Азии, ответственное за проведение американской политики в странах Центральной Азии, Афганистане,

⁴⁰⁶ Шохзода С. Механизмы безопасности в Центральной Азии: теория и практика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 137.

⁴⁰⁷ Звягельская И. Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/klyuchi-ot-schastya-ili-bolshaya-czentralnaya-aziya/> (дата обращения: 10.06.2020).

Пакистане, Индии и ряда других стран⁴⁰⁸. Таким образом, в основу официального внешнеполитического курса США в Центральной Азии был заложен афганцентричный подход⁴⁰⁹.

Между тем к середине 2000-х г. резко сократилось влияние США в Центральной Азии. Во-первых, закрытие американской военной базы в Карши-Ханабаде в Узбекистане 29 июля 2005 г. лишило их важного стратегического союзника в регионе. Начиная с 90-х г. Узбекистан рассматривался американской администрацией как наиболее привлекательный партнер в Центральной Азии, отличающийся своей особой линией внешнеполитического поведения в отношении России (например, вступление Узбекистана в антироссийский блок ГУАМ в 1999 г.). Во-вторых, база в Карши-Ханабаде считалась крупнейшим американским военным объектом в Центральной Азии. Численность военных на этой базе составляла от 1,5 до 5 тыс. человек⁴¹⁰. С закрытием базы в Узбекистане США утратили возможность доминировать в военном отношении в регионе. В-третьих, поддержка политической оппозиции в Киргизии и Узбекистане через неправительственные структуры, результатом которой стала дестабилизация общественно-политической обстановки в этих республиках, негативно отразились на имидже США в регионе.

Не упустить ускользающий регион из орбиты американского влияния было призвано турне государственного секретаря США К. Райс в Центральную Азию в октябре 2005 г. В ее задачи входило: 1) найти место, куда можно было бы вывести военную базу из Узбекистана; 2) убедить глав государств центральноазиатских республик в необходимости создания региональной организации без участия ключевых игроков Евразии: России,

⁴⁰⁸ Попов Д. Центральная Азия во внешней политике США. 1991-2016 гг. М., 2016. С. 151.

⁴⁰⁹ Сафранчук И. Альтернативные варианты американской политики в Афганистане // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 6.

⁴¹⁰ Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 93.

Китая и Ирана⁴¹¹. Первый визит был совершен в Киргизию, где, выступая на брифинге К. Райс отметила, что Киргизии важно поддерживать дружественные отношения со своими соседями и у республики нет необходимости выбирать между Россией и США⁴¹². Такие заявления были обусловлены желанием Вашингтона добиться благосклонности Киргизии в вопросе о переброске американского военного контингента из Узбекистана в аэропорт Манас. Руководство республики незамедлительно согласилось в надежде укрепить свои контакты со странами Запада. Между тем такое решение киргизских властей явно противоречило их обязательствам, взятым республикой в качестве государства-члена в ОДКБ.

Следующий визит в этом же году госсекретарь США нанесла в Казахстан, где с высокой трибуны в Назарбаев Университете (НУ) были затронуты вопросы демократизации стран Центральной Азии. Интересно, что Казахстан удостоился похвалы со стороны США за свои усилия по преобразованию Астаны. К. Райс отметила, что у Казахстана появился шанс стать лидером в регионе⁴¹³. В условиях напряженности вокруг американо-узбекских отношений Вашингтон стремился найти другую точку опоры в регионе и сделал ставку на Казахстан.

Несмотря на сокращение ресурсов влияния в Центральной Азии, США продолжили политику, направленную на ущемление интересов других традиционных игроков, в первую очередь России и Китая. Афганоцентричный подход продолжал оставаться краеугольным камнем в американской внешнеполитической стратегии в регионе. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2006 г., страны Южной и Центральной Азии объединены в одно стратегическое направление в системе американских внешнеполитических приоритетов. В Стратегии подчеркивалось, что «Южная

⁴¹¹ Свободная женщина Востока. Госсекретарь США едет объединять Среднюю Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/616520> (дата обращения: 16.06.2020).

⁴¹² Condoleezza Rice tries to win Central Asia's sympathies for USA's purposes [Электронный ресурс]. URL: <https://english.pravda.ru/world/9059-rice/> (дата обращения: 16.06.2020).

⁴¹³ Rice Wraps Up Trip to Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4957325> (дата обращения: 10.06.2020).

и Центральная Азия являются регионом стратегической значимости, где американские интересы и ценности вовлечены как никогда прежде»⁴¹⁴. Особая роль была закреплена за Афганистаном как связующего сухопутного моста между Южной и Центральной Азией. Тем самым Вашингтон стремился увести регион из-под влияния России и Китая, переориентировав его внешнюю политику на южное направление. В Стратегии провозглашалось дальнейшее следование общему американскому курсу в регионе, направленному на продвижение эффективной демократии, расширение реформ рыночной экономики, диверсификацию глобальных источников энергии, укрепление безопасности и борьбу с международным терроризмом. Широкий круг стратегических задач, которые поставила перед собой американская администрация в регионе, доказывали долгосрочный характер внешней политики США на Центральноазиатском направлении.

Новая администрация во главе с президентом США Б. Обамой внесла коррективы в концепцию официальной политики Вашингтона в Центральной Азии, однако суть ее осталась прежней – консолидировать страны Центральной Азии вокруг Афганистана. В отличие от своего предшественника Б. Обама хотел быстрее завершить затянувшуюся войну в Афганистане и связать будущее восстановление этой страны с республиками Центральной Азии. В этом деле именно Узбекистан рассматривался США в качестве ключевого партнера по установлению мира и стабильности в этой исламской республике. К тому времени отношения между США и Узбекистаном вновь приобрели дружественный характер, что подкреплялось планом действий по укреплению двустороннего сотрудничества, подписанного в 2009 г.

Американская стратегия экономического восстановления и развития Афганистана предусматривала укрепление его связей с государствами

⁴¹⁴ The National Security Strategy of the USA. March, 2006. Pp. 39-40. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2006.pdf> (дата обращения: 4.06.2020).

Центральной Азии, а также интенсификацию боевых действий с талибами⁴¹⁵. Для реализации этой цели в 2009 г. была открыта Северная сеть поставок (система автомобильных, железнодорожных и воздушных путей) как дополнительный канал снабжения коалиционных сил в Афганистане. Для стран Центральной Азии, которые стали ключевым звеном Северной сети поставок, открылась возможность получения дополнительных финансово-экономических выгод. Например, по данным Управления служб общего назначения США за период с 2010 по 2012 г. американские войска в Афганистане закупили у компаний из Центральной Азии и Кавказа канцелярских принадлежностей, строительного оборудования и других товаров на сумму около 40 млн долларов⁴¹⁶.

Несмотря на начавшийся процесс вывода американских войск из Афганистана США продолжали рассматривать Центральную Азию как сферу своих геополитических интересов, разрабатывая инструменты расширения своего долгосрочного влияния. Важность региона для США доказывал визит государственного секретаря США Х. Клинтон. С 30 ноября по 2 декабря 2010 г. в ходе своего центральноазиатского турне она посетила Казахстан, Киргизию и Узбекистан⁴¹⁷. Основная цель поездки была направлена на укрепление и расширение контактов с указанными странами. Например, в Астане Х. Клинтон отметила, что США признают лидирующую позицию Казахстана в Центральной Азии. В Бишкеке Х. Клинтон приветствовала переход страны к парламентской форме правления и заверила новую власть в том, что США будут продолжать оказывать дальнейшую помощь развитию Киргизии. В Ташкенте госсекретарь очень выдержано говорила о необходимости придавать большее значение соблюдению прав человека. В свою очередь президент Узбекистана И. Каримов, который незадолго до этого

⁴¹⁵ Попов Д. Место Узбекистана в Центральноазиатской политике США // Россия и мусульманский мир. 2015. № 4. С. 68.

⁴¹⁶ Северная сеть поставок - не такая уж дойная корова, как рассчитывали центральноазиатские элиты [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1351485480> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴¹⁷ Множество значений визитов госсекретаря США в страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7222205.html> (дата обращения: 10.06.2020).

вышел из Евразийского экономического сообщества (2008 г.) и в очередной раз показал свое негативное отношение к евразийским интеграционным проектам, высоко оценил сотрудничество с США в различных областях. В итоге центральноазиатское турне Х. Клинтон позволило произвести ревизию тех сфер (безопасность, экономика, политика), которые составляли основу сотрудничества между США и странами региона.

Начало процесса вывода американских войск из Афганистана было положено в июле 2011 г. В этом же году была выдвинута новая внешнеполитическая инициатива США в Центральной и Южной Азии, направленная на экономическое и инфраструктурное привязывание двух регионов друг к другу. Новый проект стал ответом США на динамичное развитие евразийской интеграции, которую американские правящие круги рассматривали как неоимперский проект России по восстановлению ее влияния на постсоветском пространстве. Эта концепция «Новый Шелковый путь»⁴¹⁸ была сформулирована Х. Клинтон в июле 2011 г. и позднее одобрена Генеральной Ассамблеей ООН. Официальное утверждение этой концепции произошло на Стамбульской конференции в ноябре 2011 г. Участники конференции признали, что Афганистан является мостом, соединяющим Южную Азию, Центральную Азию, Китай и Ближний Восток⁴¹⁹. В рамках инициативы предполагалось осуществлять сотрудничество по четырем ключевым областям⁴²⁰: 1) энергетическое сотрудничество и формирование региональных энергетических рынков. Отмечалось, что Центральная Азия богата сырьевыми и гидро-энергетическими ресурсами, в импорте которых нуждаются страны Южной Азии; 2) торгово-экономическое и транспортно-коммуникационное сотрудничество; 3) таможенное и пограничное взаимодействие; 4) развитие деловых отношений и социальных контактов.

⁴¹⁸ U.S. Support for the New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (дата обращения: 19.06.2020).

⁴¹⁹ Ишбулдина К. Стамбульский процесс по Афганистану через призму теорий урегулирования конфликтов // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 142.

⁴²⁰ U.S. Support for the New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (дата обращения: 19.06.2020).

Таким образом, США навязали очередную модель сотрудничества для государств Южной Азии, связующим звеном которой стал Афганистан.

Новый американский проект, как отмечалось выше, стал ответом на набирающую обороты евразийскую интеграцию и укрепление позиций России на постсоветском пространстве, включая страны Центральной Азии. Не случайно американский профессор Э. С. Качинс (с февраля 2019 г. является президентом Американского университета в Центральной Азии) в своей статье «Закладывая основы для Нового Шелкового пути Афганистана», опубликованной в *Foreign Affairs* в 2011 г., подчеркивал: «Мощные экономические силы движут воссоединением Евразии, и любой лидер, который не приложит усилия, чтобы сделать свою территорию более привлекательной и эффективной для бурно развивающейся торговли товарами, проиграет»⁴²¹.

Официальной целью американской концепции «Нового Шелкового пути» объявлялось содействие либерализации торговли между Афганистаном и его соседями с особым акцентом на создании благоприятного режима на таможенных пунктах и улучшение логистической и энергетической инфраструктуры⁴²². Это должно было укрепить региональные связи Афганистана и придать импульс его экономическому развитию. Исходя из этого, в проекте «Новый Шелковый путь» можно заметить концептуальную преемственность с предшествующей ей идеей Ф. Старра «Большая Центральная Азия». В обоих проектах ключевая роль отведена Афганистану как связующему звену между Южной и Центральной Азией.

Между тем проект «Большая Центральная Азия» так же, как и «Новый Шелковый путь» был воспринят в России и Китае с определенной долей скептицизма⁴²³. Например, китайские эксперты оценивали этот проект как

⁴²¹ Kuchins A.C. Laying the Groundwork for Afghanistan's New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2011-12-05/laying-groundwork-afghanistans-new-silk-road> (дата обращения: 24.06.2020).

⁴²² Ibid.

⁴²³ Коргун В. Страны Центральноазиатского региона не способны договориться по афганской проблеме [Электронный ресурс]. URL: <https://military->

попытку США сохранить свое влияние в регионе⁴²⁴ на фоне вывода американских войск из Афганистана. В то же время официальные власти Китая сомневались в готовности Вашингтона выделить необходимый политический и экономический капитал для поддержки крупных проектов в рамках предложенной концепции⁴²⁵. Российские эксперты отмечали, что главная задача американской концепции «Нового Шелкового пути» - это обеспечение долгосрочного присутствия США в регионе и осуществление экономической переориентации стран Центральной Азии в южном направлении⁴²⁶. Как видно, российские и китайские эксперты были солидарны в убеждении относительно стремления США посредством новой концептуальной идеи создать основу для своего дальнейшего долгосрочного присутствия в регионе. Помимо официально объявленной цели, в американском проекте «Новый Шелковый путь» можно было усмотреть геополитическую подоплеку, связанную с желанием сдержать Россию и Китай в Центральной Азии.

В рамках «Нового Шелкового пути» предполагалось реализовать два инфраструктурных проекта: газопроводный проект Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) и энергетический проект CASA-1000. Однако из-за нестабильной ситуации в Афганистане и сложностей в индо-пакистанских отношениях перспективы строительства газопровода ТАПИ пока выглядят достаточно туманно. Проект CASA-1000, стоимость которого составляет 1,2 млрд. долларов, нацелен на поставку электроэнергии из богатых водными ресурсами Таджикистана и Киргизии в страны Южной Азии – Афганистан и Пакистан⁴²⁷. В 2014 г. США выделили странам Центральной Азии 15 млн. долл. на строительство специальной

kz.ucoz.org/news/v_korgun_strany_ca_regiona_ne_sposobny_dogovoritsja_po_afganskoj_probleme/2011-11-16-1338 (дата обращения: 24.06.2020).

⁴²⁴ Zimmerman T. The New Silk Roads: China, the U.S. and the Future of Central Asia. October 2015. New York University. P. 14.

⁴²⁵ Ibid.

⁴²⁶ Попов Д.С. Центрально-Азиатская стратегия администрации Барака Обамы и интересы России в регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/article/10272/> (дата обращения: 24.06.2020).

⁴²⁷ Zimmerman T. The New Silk Roads: China, the U.S. and the Future of Central Asia. October 2015. New York University. P. 15.

энергетической инфраструктуры⁴²⁸. В мае 2016 г. проект CASA -1000 официально стартовал. Этот проект рассматривался как первый шаг на пути создания регионального энергетического рынка «Центральная Азия – Южная Азия» (CASAREM). Геополитический аспект данного проекта не вызывает сомнений и представляет угрозу энергетическим интересам России и Китая в регионе. Однако, как и в случае с трубопроводом ТАПИ, перспективы проекта CASA -1000 также остаются неясными. Основная проблема – это незавершенное строительство крупных гидроэлектростанций в Таджикистане (Рогунская ГЭС) и Киргизии (Камбарата-1), способных поставлять нужное количество электроэнергии в южные страны. Кроме того, эксперты сомневаются, что Киргизия и Таджикистан смогут выполнять взятые на себя обязательства по экспорту электроэнергии, учитывая, что в самих этих странах существует острая потребность в ней⁴²⁹. В Таджикистане около 40 % электроэнергии страны потребляет алюминиевый завод ТАЛКО в г. Турсунзода⁴³⁰. Киргизия сталкивается с рядом проблем в своей водно-энергетической сфере — это маловодье и растущая потребность в электроэнергии со стороны населения республики⁴³¹. Водно-энергетические проблемы продолжают остро стоять на региональной повестке дня и время от времени становятся источником напряжённости между государствами. Несмотря на это, Таджикистан и Киргизия связывают большие надежды с проектом CASA-1000.

Не трудно заметить, что проект «Новый Шёлковый путь» больше носит геополитический характер, нежели чем геоэкономический, и направлен на отрыв стран Центральной Азии от России и Китая. На пути реализации этих проектов существует много препятствий, справиться с которыми Вашингтону

⁴²⁸ Степанов А.С., Нгуен М.М. Экономическое и военное соперничество США, Китая и России в Центральной Азии // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 9.

⁴²⁹ Центрально-азиатский энергетический проект CASA-1000 – несбыточная мечта? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1371792300> (дата обращения: 29.06.2020).

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Не останутся ли кыргызстанцы без света. Все об импорте электричества [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20200528/1048468631/kyrgyzstan-import-ehlektroehnergiya-obzor-peregovory.html> (дата обращения: 29.06.2020).

вряд ли удастся в ближайшей перспективе. Справедливо отмечал российский востоковед В. Коргун, что данные проекты «тонут в бесконечных дискуссиях и зыбких планах без видимой четкой перспективы, хотя они, безусловно, важны в масштабах всего региона»⁴³².

Большим ударом по стратегическим планам США в Центральной Азии стало закрытие американской военной базы или Центра транзитных перевозок (ЦТП) (название введено в 2009 г.) в Киргизии в 2014 г. Более 10 лет эта база считалась американским военно-стратегическим форпостом в регионе. Вашингтон надеялся сохранить базу, предложив киргизской стороне больше денег за ее аренду⁴³³. Однако власти Киргизии продемонстрировали самостоятельность в решении этого вопроса и денонсировали договор о размещении американской базы в республике. Это решение позволило не только укрепить национальную безопасность Киргизии, но и улучшить отношения с Россией.

Украинский кризис 2014 г. и обострение отношений между Россией и странами Запада отразились на политике США в Центральной Азии. Направленность этой политики приобрела еще более динамичный характер и стала носить откровенный антироссийский характер. В 2015 г. в Стратегии национальной безопасности США отмечалось, что серьезным вызовом для американской национальной безопасности является «российская агрессия»⁴³⁴. Официальные лица из Вашингтона позволили себе предостеречь страны Центральной Азии от опасности, которая, по их мнению, исходила от России. В своем выступлении в Институте Брукингса первый заместитель государственного секретаря Э. Блинкен заявил, что «действия России на ее периферии, в том числе нарушение территориальной целостности и суверенитета Украины, угрожают самой основе международного порядка – не

⁴³² Коргун В. Перспективы энергетического сотрудничества в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-v-tsentralnoy-a/> (дата обращения: 5.07.2020).

⁴³³ Key US base in central Asia faces closure after Kyrgyz MPs' vote [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/16/us-base-closure-kyrgyzstan-manas> (дата обращения: 5.07.2020).

⁴³⁴ National Security strategy of the USA. February 2015. Pp. 1-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf> (дата обращения: 5.07.2020).

только в регионе, и не только в Европе, но и за ее пределами по всему миру»⁴³⁵. Однако в тот момент США не исключили возможность сотрудничества с Китаем, особенно в сфере развития азиатской инфраструктуры⁴³⁶.

С 2014 г. на Западе развернулась активная дискуссия с элементами конструирования политических мифов о «российской агрессии» в отношении постсоветского пространства и Центрально-Азиатского региона, в частности. Помимо бесосновательных обвинений в расшатывании основ евразийской безопасности в постбиполярный период Россию также обвиняли в «непрекращающемся стремлении подорвать безопасность и суверенитет своих бывших владений»⁴³⁷. Такие рассуждения не просто являлись предвзятыми и некорректными, но и абсолютно не соответствовали действительности. На Западе забыли примеры разрушительных действий США и их союзников по НАТО в Югославии еще в 1999 г., действия, направленные на перекраивание европейской политической карты. В контексте усилий по сохранению своего глобального лидерства США игнорировали интересы геополитических противников России и Китая. Посредством таких новых форм сотрудничества, раскрутить которые активно пыталась администрация Б. Обамы, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), США планировали взять Евразийский континент в плотное кольцо своих экономических и политических сателлитов и отодвинуть Россию и Китай на задний план, пытаясь сохранить однополярный мир⁴³⁸.

На фоне ухудшения американо-российских отношений Вашингтон стремился интенсифицировать сотрудничество со странами региона. Осенью

⁴³⁵ Первый заместитель госсекретаря Блинкен о долгосрочных перспективах США в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/states-blinken-vision-central-asia-ru/> (дата обращения: 5.07.2020).

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Berman I. Central Asia's Encouraging Development [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-asia/2017-08-08/central-asias-encouraging-development> (дата обращения: 5.07.2020).

⁴³⁸ Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. С. 14.

2015 г. госсекретарь Дж. Керри совершил турне по странам Центральной Азии с целью укрепить политические и экономические контакты. Визит главы американского внешнеполитического ведомства отличался своими специфическими особенностями. Во-первых, этот визит являлся историческим, так как впервые госсекретарь США посетил все пять центральноазиатских республик. Во-вторых, несмотря на столкновение геополитических интересов США и России на постсоветском пространстве, в частности на Украине, Вашингтон решил заверить страны региона в надежности и нерушимости их сотрудничества в экономической, политической и гуманитарной сферах. Между тем Дж. Керри заверил политических лидеров центральноазиатских государств в отсутствии «политической интриги» в его визите и объявил, что США готовы работать с Россией и Китаем в развитии региона⁴³⁹. В то же время продекларированные намерения расходились с практическими действиями США в Центральной Азии, направленные на усиление своего снижающегося геополитического влияния. С этой целью США разработали в отношении региона новый многосторонний формат сотрудничества. Речь шла о ежегодной встрече на одной площадке государственного секретаря США и министров иностранных дел стран Центральной Азии. Во время своего турне по региону Дж. Керри принял участие в первой встрече такого многостороннего формата, которая состоялась в узбекском городе Самарканде. Участники формата «С5+1» подписали Декларацию о партнерстве и сотрудничестве⁴⁴⁰. В соответствии с этим документом стороны договорились выстраивать сотрудничество по следующим направлениям⁴⁴¹: 1) улучшать взаимовыгодное сотрудничество в сфере региональной торговли, транспортно-коммуникационных,

⁴³⁹ Керри Дж. США поддерживают интеграционные инициативы в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2015-11-02--d.kerri-ssha-podderzhivajut-integracionnye-iniciativy-v-centralnoj-azii-20368> (дата обращения: 5.07.2020).

⁴⁴⁰ Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/joint-declaration-of-partnership-and-cooperation-by-the-five-countries-of-central-asia-and-the-united-states-of-america-samarkand-uzbekistan/> (дата обращения: 17.06.2020).

⁴⁴¹ Ibid.

энергетических связей и транзитных возможностей, в том числе усовершенствование существующей инфраструктуры и продвижение общих правил и нормативной базы в целях полномасштабной реализации большого экономического потенциала региона; 2) совершенствовать благоприятный деловой климат в регионе для привлечения прямых иностранных инвестиций и содействовать местному предпринимательству, а также расширению и укреплению деловых и инвестиционных контактов между государствами Центральной Азии и США; 3) принять меры по борьбе с экологическими вызовами, в том числе путём достижения нового Соглашения, принятого в Париже, что способствовало бы установлению климатического режима, приемлемого для всех стран; 4) объединить усилия в борьбе с климатическими изменениями путем продвижения в регионе чистой энергетики и «зеленых» технологий; 5) развивать сотрудничество в области предотвращения и противодействия таким трансграничным угрозам и вызовам, как терроризм, распространение ОМУ, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми; 6) поддерживать Афганистан и его развитие в качестве независимого, мирного, процветающего государства, признавая, что ситуация в Афганистане остается важным фактором безопасности и стабильности всего региона; 7) вносить вклад в глобальные и региональные усилия в сфере нераспространения, в том числе соблюдая положения Договора о Зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии и стремиться к вступлению в силу Протокола к данному Договору; 8) развивать более тесное сотрудничество в гуманитарной сфере и укреплять обширные связи между народами, а также поощрять широкие образовательные, культурные и деловые обмены; 9) содействовать защите прав человека, развитию демократических институтов и практик, укреплению гражданского общества путем соблюдения общепризнанных норм и принципов международного права, включая Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека, Декларацию о принципах международного права, Хельсинский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Таким образом, США в рамках формата «С5+1» намеревались укреплять и расширять политические контакты со странами региона с акцентом не на идеологическую повестку, а на экономические вопросы. На фоне набирающих ход новых геоэкономических процессов в регионе, в которых локомотивами выступали Россия и Китай, Вашингтон принял решение опираться на тактику прагматизма, сосредоточив политические и экономические усилия на укреплении сотрудничества с государствами региона в таких сферах, как экономика, энергетика, логистика и инфраструктура.

Современные региональные геополитические тенденции требовали выработки Вашингтоном нового подхода к региону, в развитии которого США стремились играть более весомую роль. Формат «С5+1» был призван продемонстрировать долгосрочный интерес Вашингтона к Центральной Азии и решимость ослабить позиции своих геополитических конкурентов – России и Китая. Впервые США рассматривали регион как отдельное от Афганистана стратегическое пространство, пытаясь сплотить входящие в это пространство страны, которые по многим признакам отличались друг от друга и с трудом могли эффективно координировать свои действия в различных сферах.

Все настойчивее США продолжали продвигать экономическую и инфраструктурную повестку дня в рамках формата «С5+1». В августе 2016 г. участники формата С5+1 встретились в Вашингтоне, где договорились дать старт пяти амбициозным проектам на сумму до 15 млн. долларов. Эти проекты включали: 1) региональный диалог Глобального контртеррористического форума (GCTF); 2) конкурентоспособность бизнеса Центральной Азии (САВС); 3) разработка транспортного коридора (ТCD); 4) энергия будущего (Power the Future); 5) поддержка национального и регионального адаптационного планирования⁴⁴².

⁴⁴² Совместные проекты США и Центральной Азии (С5+1) [Электронный ресурс]. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c5-1-projects-ru/> (дата обращения: 17.06.2020).

Приход к власти в США нового президента Д. Трампа 20 января 2017 г. не изменил особого места, которое занимала Центральная Азия в американской внешней политике. Несмотря на то что регион не являлся приоритетным направлением внешней политики США, Вашингтон не оставлял его без внимания, особенно на фоне региональной политико-дипломатической и экономической активности России и Китая. 18 декабря 2017 г. в обнародованной Стратегии национальной безопасности США⁴⁴³ Россия и Китай были названы «ревизионистскими державами», представляющими угрозу американской национальной безопасности. Растущее влияние России и Китая в мире и в Центральной Азии стало главным фактором для такого определения этих стран. Между тем нежелание США и ЕС признавать право России принимать активное участие в мировой политике обусловило появление феномена «демонизации», используемого для подрыва авторитета своего противника на международной арене. Справедливо отмечает К. Гаджиев, что политический истеблишмент стран Запада видит в России экзистенциальную угрозу либеральному миропорядку, американской гегемонии в мире. Именно поэтому, по его мнению, «ставиться целью лишить Россию опоры, изолировать ее, всеми возможными и невозможными средствами вывести на периферию глобальной политики»⁴⁴⁴. При этом рассматривать Россию как угрозу было бы неправильно. Заявления некоторых государств Запада об исходящей опасности со стороны России скорее обусловлены «неправильным восприятием и навязчивой идеей о «бандитском» поведении Путина»⁴⁴⁵. Также прослеживается навязчивая идея о возрождении неоимперских амбиций России в отношении восприятия любых интеграционных объединений на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности. Официальные политики в США ошибочно

⁴⁴³ National Security Strategy 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-2017/#google_vignette (дата обращения: 17.06.2020).

⁴⁴⁴ Гаджиев К. О демонизации противника во внешнеполитической стратегии США // Власть. 2018. № 6. С. 8.

⁴⁴⁵ Белень С. НАТО в мире переоценки // Россия в глобальной политике. 2017. Май-Июнь, 2017. № 3. С. 142.

склонны рассматривать евразийские интеграционные процессы, в которых России отводится ключевое место, как «ресоветизацию региона».

Активность России в регионе и широкое использование ею инструментов «мягкой силы» явно доставляло и продолжает доставлять беспокойство США. Так, директор Американского института внешней политики Госдепа США профессор М. Хан оценивал политику России в Центральной Азии как «гибридный империализм», сочетающий в себе использование инструментов «мягкой силы» - мобилизацию русской диаспоры и манипуляцию общественным мнением посредством информационных технологий. Он отмечал, что Россия стремится ограничить продвижение Запада, Европейского Союза и НАТО в регионы, которые она считает своими⁴⁴⁶. Однако подобные рассуждения явно отличаются своей гипертрофированностью. С одной стороны, Россия действительно в интересах своей национальной безопасности стремится близко не допустить НАТО к своим границам. С другой стороны, Россия не может считать регион «своим», так как страны этого региона стали полноценными субъектами мировой политики.

Интересно, что в 2018 г. военный эксперт вашингтонского исследовательского института Heritage Foundation Л. Коффи подчеркивал, что для США пришло время осваивать Центральную Азию с новой силой, так же, как это было в начале 90-х годов. Л. Коффи предложил классифицировать цели США в регионе в соответствии с системой 4-х «С»: стабильность, суверенитет, светскость и секьюритизация Афганистана⁴⁴⁷.

Стабильность. США должны поддерживать региональную безопасность, открывая перед странами региона множество возможностей в сфере экономики, торговли, энергетики. Поддержание стабильности в регионе позволило бы центральноазиатским республикам привлечь

⁴⁴⁶ Khan M. Where is Central Asia in the Current U.S. Grand Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://cgpolicy.org/articles/where-is-central-asia-in-the-current-u-s-grand-strategy/> (дата обращения: 17.06.2020).

⁴⁴⁷ Coffey L. The Strategic Importance of Central Asia for the USA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ocamagazine.com/2018/03/11/the-strategic-importance-of-central-asia-for-the-u-s-a/> (дата обращения: 17.06.2020).

необходимые иностранные инвестиции, превратив эти страны в стабильную и безопасную зону транспортировки углеводородов.

Суверенитет. Вашингтон должен стремиться к тому, чтобы страны региона оставались полностью суверенными, особенно на фоне растущего влияния России и Китая. Необходимо предостеречь страны региона от слишком быстрого согласия на китайские инвестиции в рамках проекта «Один пояс-один путь», которые могли бы подрвать их национальный суверенитет.

Светскость. США должны содействовать сохранению светского характера политических режимов государств региона, особенно в свете разгрома Исламского государства (ИГ) на Ближнем Востоке и переноса их активности в Афганистан. Особую опасность представляли боевики, воевавшие на стороне ИГ (около 2000) и вернувшиеся на родину, в Центральную Азию.

Секьюритизация Афганистана. Страны Центральной Азии, особенно граничащие с Афганистаном, должны быть вовлечены в процесс восстановления мирной жизни в этой стране. Как и Ф. Старр, Л. Коффи считал, что в культурном, экономическом, историческом и географическом плане Афганистан является частью Центральной Азии.

Предложенная Л. Коффи классификация американских целей является актуальной, так как отражает специфику региональной политики США. Особое место в американской политике в регионе стали действительно занимать вопросы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. По-прежнему США стремятся ограничить региональное влияние России и Китая. Однако эффективная борьба с радикальным экстремизмом и терроризмом невозможна только при участии США. В этом деле требуется тесное сотрудничество с крупными региональными игроками - Россией и Китаем. Их участие представляется важным при решении афганской проблемы. Например, многие афганские политики видят выход из острой напряженной ситуации именно в конструктивном взаимодействии

США и России на афганском направлении⁴⁴⁸. Китай также заинтересован в стабилизации обстановки в Афганистане и выражает серьезную озабоченность положением дел в этой стране. Власти Китая обеспокоены деструктивным влиянием афганской проблемы на региональную безопасность, особенно на сухопутные маршруты в рамках Экономического пояса Шелкового пути, которые проходят возле афганской границы. Кроме того, перспективы урегулирования афганской проблемы во многом зависят от степени вовлеченности не только глобальных игроков в процесс мирного урегулирования, но и региональных акторов – Пакистана, Ирана, Индии. Справедливо отмечает ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России М. Конаровский, что на политическом ландшафте Афганистана существует много неизвестных элементов, которые могут стать причиной очередного витка внутривнутриполитического противоборства⁴⁴⁹.

В условиях жесткой геополитической и геоэкономической конкуренции с Россией и Китаем в 2019 г. появилась полноценная Стратегия США в отношении Центральной Азии⁴⁵⁰. Данный документ впервые демонстрировал, что США воспринимают данный регион как отдельное от Афганистана геостратегическое пространство. Перед тем как обнародовать Стратегию госсекретарь США М. Помпео совершил визит в регион. Незадолго до этого визита представитель госдепартамента США во время брифинга отметил, что Россия и Китай стали проводить активную политику в регионе, которая несет угрозу американским стратегическим интересам⁴⁵¹. Между тем как подчеркнул представитель госдепартамента, в интересах национальной безопасности Вашингтона является сохранение независимости стран региона

⁴⁴⁸ Асатрян Г. Э. Размышления о проблемах российско-американского взаимодействия по Афганистану // <http://www.iimes.ru/?p=48478> (дата обращения: 23.07.2020).

⁴⁴⁹ Конаровский М. США в Афганистане: от военно-политической эйфории до дилеммы вывода войск // *Международная жизнь*. Октябрь, 2019. С. 20-21.

⁴⁵⁰ United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).

⁴⁵¹ Background Briefing on U.S.-Central Asian Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/background-briefing-on-u-s-central-asian-relations/> (дата обращения: 23.07.2020).

и содействие проведению демократических реформ в этих странах, которые откроют дорогу к западным рынкам и инвестициям. Таким образом, на официальном уровне было заявлено, что главной задачей США в Центральной Азии являлось противодействие политике России и Китая. Вашингтон надеялся переориентировать торгово-экономические связи стран региона с евразийского направления в сторону стран Запада, сделав евроатлантическое сотрудничество для них приоритетом.

Итак, в феврале 2020 г. государственный секретарь США М. Помпео посетил Казахстан и Узбекистан в связи с динамичной геополитической активностью России и Китая в регионе. Не удивительно, что именно эти Центральноазиатские страны стали объектами особого внимания со стороны США. Вашингтон рассматривал их как стратегические центры, обладающие лидерским потенциалом, вокруг которых можно было объединить все государства региона. В своих выступлениях в Астане и Ташкенте М. Помпео затронул вопросы, связанные с растущим влиянием Китая и России. Взяв на себя роль защитника суверенитета центральноазиатских государств, госсекретарь предостерег республики от угроз, которые несут в себе китайские и российские инвестиции в долгосрочной перспективе. Интересно, что в этот раз госсекретарь США очень осторожно подходил к критике ситуации, которая сложилась с правами человека в этих республиках, и обвинял в их нарушении только Китай (имея в виду китайских уйгуров, проживающих в СУАР). Визит М. Помпео в регион продемонстрировал, что США видели свой главный приоритет в сотрудничестве с государствами региона не только в сфере безопасности, но и в экономической и энергетической областях. Так, в Астане М. Помпео отметил, что «партнерство с компаниями США обеспечит самый лучший результат для любого государства»⁴⁵². США заинтересованы в расширении экономического сотрудничества с Казахстаном, так как по уровню экономического развития

⁴⁵² Помпео в Ташкенте: что США предложат Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/pompeo-v-tashkente-chto-ssha-predlozhat-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 23.07.2020).

эта Центральноазиатская республика превосходит все остальные региональные государства. Растущая роль Казахстана в качестве транспортно-коммуникационного и торгового хаба между странами ЕС и Китаем делает его важным партнером для американского бизнеса⁴⁵³. Тем самым Вашингтон старался позиционировать США как наиболее выгодного экономического партнера для государств региона, приуменьшая значение евразийской интеграции. В целом, находясь под сильным влиянием России и Китая, Казахстан становится все более важным стратегическим фактором для США в регионе⁴⁵⁴.

Об экономических преимуществах, которые страны Центральной Азии могли бы получить от сотрудничества с США, М. Помпео говорил не только во время встреч в двустороннем формате, но и в рамках формата «С5+1», заседание которого состоялось 3 февраля 2020 г. В фокусе внимания участников формата были вопросы поддержки суверенитета, экономического сотрудничества, борьбы с терроризмом, продвижения демократии и защита прав человека. Страны Центральной Азии рассматривают США как источник инвестиций и современных технологий. Им импонировало желание Вашингтона поддерживать их национальный суверенитет. Например, глава МИД Казахстана М. Тлеуберди отметил, что формат «С5+1» является эффективной площадкой для привлечения американских инвестиций и технологий в регион⁴⁵⁵. Председатель правления Киргизского совета по международным отношениям и безопасности Э. Осмонбетов солидарен с казахскими коллегами. В интервью агентству «Кабар» он отметил, что «США как один из главных игроков в регионе позволяет получить инвестиции,

⁴⁵³ Гегелашвили Н.А., Модникова И.В. Некоторые особенности внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 5.

⁴⁵⁴ President to Powerbroker: The Future of Nursultan Nazarbayev's Kazakhstan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hudson.org/events/1674-president-to-powerbroker-the-future-of-nursultan-nazarbayev-s-kazakhstan42019> (дата обращения: 5.08.2020).

⁴⁵⁵ Казахстан рассчитывает на американские инвестиции – итоги встречи "Центральная Азия–США" [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/economy/20200701/14369243/Kazakhstan-rasschityvaet-na-amerikanskie-investitsii--itogi-vstrechi-Tsentrlnaya-AziyaSShA.html> (дата обращения: 5.08.2020).

новые технологии, что очень важно в век глобализации и цифровизации»⁴⁵⁶. Также он подчеркнул, что «формат «С5+1» и стратегия США позволяют сохранять суверенитет, независимость и территориальную целостность стран региона, и это самое главное»⁴⁵⁷. Однако данный формат сотрудничества между Центральноазиатскими странами и США не следует рассматривать как панацею от всех проблем. Необходимо понимать, что это одно из средств в системе американских внешнеполитических инструментов, призванных оторвать регион от России и замедлить процессы интеграции в Евразии. В этой связи уместно процитировать министра иностранных дел России С. Лаврова, который подчеркнул, что «суть данного проекта заключалась в том, чтобы развернуть все проекты с участием стран Центральной Азии на юг без участия Москвы»⁴⁵⁸.

Через несколько дней после визита М. Помпео в Центральную Азию администрация Д. Трампа официально обнародовала «Стратегию США для Центральной Азии на 2019-2025 гг.: продвижение суверенитета и экономического процветания»⁴⁵⁹. Как видно из названия документа роль США в регионе трансформировалась с государства, позиционирующего себя «демократическим мессией» в государство-защитника национального суверенитета республик, заботящегося об их экономическом благополучии. Старший директор по Южной и Центральной Азии в Совете национальной безопасности США Л. Кертис назвала причины появления этого стратегического документа⁴⁶⁰. Она отметила, что в регионе произошли «важные сдвиги» и пришло время для выработки нового подхода и видения в

⁴⁵⁶ Формат С5+1 новый шанс для стран Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://kabar.kg/news/format-s5-1-novyi-shans-dlia-stran-tcentral-noi-azii/> (дата обращения: 5.08.2020).

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Лавров С. США могут злоупотребить партнерством в формате "С5+1" [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/28976586.html> (дата обращения: 5.08.2020).

⁴⁵⁹ United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 5.08.2020).

⁴⁶⁰ Putz С. A New US Strategy for Central Asia: Continuity Under Better Conditions [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/a-new-us-strategy-for-central-asia-continuity-under-better-conditions/> (дата обращения: 5.08.2020).

отношении региона⁴⁶¹. Кроме того, Л. Кертис подчеркнула, что произошли изменения в динамике регионального лидерства, которые открыли новые возможности для тесного внутрирегионального сотрудничества. Речь идет о стремлении США поддержать процессы межгосударственного сближения в Центральной Азии и тем самым ограничить влияние России в регионе, остановив присоединение Узбекистана и Таджикистана к евразийской интеграции.

Принципиально новым моментом в Стратегии является восприятие региона не как средства достижения военно-политических целей в Афганистане, а как цель сама по себе. Так, в Стратегии отмечается, что «Центральная Азия является геостратегическим регионом, важным для интересов национальной безопасности США, независимо от уровня американского участия в Афганистане»⁴⁶².

Таким образом, Центральная Азия была и остается важным объектом американских внешнеполитических интересов. Активная политика на этом направлении является частью глобальной стратегии США, направленной на закрепление их статуса мирового лидера.

Начиная с 90-х г. под лозунгами демократизации региона США стремились реализовывать свои геополитические и геоэкономические интересы в регионе. Следовательно, цели внешней политики США в Центральной Азии можно разделить на первичные и вторичные. К первичным целям относилось стремление США ограничить влияние традиционных центров силы и укрепить свои региональные геополитические позиции. Систему вторичных целей формировало желание Вашингтона демократизировать страны региона, внедрить принципы рыночной экономики с целью эффективного социально-экономического развития, укрепить их региональную стабильность и безопасность. Однако попытки Вашингтона

⁴⁶¹ Ibid.

⁴⁶² United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 5.08.2020).

провести политическую и экономическую модернизацию стран Центральной Азии по западным стандартам не увенчались успехом. В настоящее время центральноазиатские политические режимы являются авторитарными по своему характеру и лишь создают имитацию демократических преобразований. В экономической сфере страны региона, за исключением Казахстана и Узбекистана, продолжают сталкиваться со структурными проблемами, требующими эффективных методов государственного управления и решения.

В настоящее время в Центральноазиатской политике США произошла смена акцентов. Теперь повестку дня формируют не столько вопросы демократизации, сколько стратегия продвижения и сохранения суверенитета и экономического процветания стран региона. США позиционируют себя своеобразным защитником стран региона от якобы исходящей опасности со стороны России и Китая. На фоне укрепления экономического сотрудничества между Россией, Китаем и странами Центральной Азии Вашингтон предпочел сменить повестку дня с идеологической тематики на экономические вопросы в надежде переориентировать евразийские экономические предпочтения республик в сторону сотрудничества с США.

Основная проблема США в регионе связана с их неправильным восприятием политики России в Центральной Азии и оценением российских действий через призму имперских подходов. Действительность такова, что страны региона уже сложно назвать объектами мировой политики, так как за тридцать лет они добились укрепления своего статуса в качестве субъектов мирового сообщества и стремятся выстраивать сотрудничество со всеми странами на принципах равноправия.

Принятая Стратегия США в Центральной Азии на 2019-2025 гг. доказывает, что Вашингтон будет и дальше продолжать активно проецировать свое влияние в регионе, наращивая региональное присутствие. Ресурсный потенциал и геополитическое положение Центральной Азии продолжают оставаться главными императивами внешней политики США на

этом направлении. Помимо заявленных в Стратегии целей, связанных с поддержкой суверенитета стран региона и стремлением обеспечить их безопасность, в ней скрываются куда более амбициозные цели: желание предотвратить реинтеграцию России с государствами Центральной Азии и сдержать экономическую экспансию Китая. Именно поэтому на современном этапе США создают для себя в Центральной Азии образ выгодного источника экономической помощи и привлекательного инвестиционного и технологического партнера.

В перспективе США будут стремиться нарастить свое политическое и экономическое присутствие в регионе. На фоне обострения конкуренции между США, с одной стороны, и Россией, и Китаем, с другой - Вашингтон будет прилагать значительные усилия с целью разнообразить свой имеющийся геополитический инструментарий влияния в регионе: проамериканские элиты Центральноазиатских обществ, НПО и СМИ. Всё это вкуче – серьезный вызов для российских и китайских региональных интересов.

2.2. Стратегия Европейского союза в Центральной Азии

Новая геополитическая реальность, возникшая после распада СССР, и появление на политической карте мира Центральноазиатского региона привлекло внимание Европейского Союза (ЕС). Развитию двустороннего и многостороннего сотрудничества способствовал процесс становления государственности в новых независимых республиках. Центральная Азия не считалась приоритетом внешней политики ЕС и рассматривалась в контексте общей стратегии Запада, направленной на сдерживание исламского радикализма и предотвращение распространения ядерного оружия⁴⁶³. Однако геополитические процессы, происходившие в регионе в 90-х гг., проявлявшиеся в усилении активности внерегиональных игроков и развитии

⁴⁶³ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 155.

конфликтной динамики их взаимодействия на фоне региональной напряженности и внутривосточных проблем центральноазиатских государств превращали регион в стратегическое направление в системе внешнеполитического взаимодействия ЕС⁴⁶⁴. Политики в ЕС осознавали, чтобы добиться реализации стратегических целей, им необходимо развивать политические контакты с республиками, оказывать им экономическую помощь и вовлекать их в сотрудничество с европейскими институтами.

Политико-экономическое и культурно-образовательное влияние на центральноазиатские государства ЕС оказывал через различные программы сотрудничества. Через эти программы страны региона получали щедрую материальную помощь от Брюсселя. Так, в 90-е г. освоение Центральной Азии шло в рамках программы по оказанию содействия и технической помощи - ТАСИС. Эта программа содействовала развитию рыночной экономики, принципов демократии и защите прав человека в странах региона. По линии ТАСИС независимые республики получали гранты и ноу-хау в форме экспертных консультаций, исследований и профессиональной подготовки и т.д.⁴⁶⁵.

Особое беспокойство у ЕС было связано с возможным приходом к власти в республиках исламских фундаменталистов. Под воздействием этих опасений в конце января 1992 г. глава МИД Германии Х.Д. Геншер обратился с призывом, как можно быстрее интегрировать «азиатские республики бывшего СССР в СБСЕ и тем самым усилить западный вектор в их внешней политике»⁴⁶⁶. Итогом такого призыва стало подписание всеми странами региона Хельсинского заключительного акта в 1992 г. и включение республик в состав СБСЕ. Именно на Хельсинской встрече было принято решение изменить название организации с Соперничания по безопасности и

⁴⁶⁴ Юн С. М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии в 1992-2001 гг. Автореф. дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук. Томск, 2005. С. 17.

⁴⁶⁵ Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007-2013 гг.: предварительные итоги / Под. общ. ред. А.Е. Чеботарева. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр германских исследований КазНУ им. аль-Фараби; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2013. С. 14.

⁴⁶⁶ Фрольцов В.В. Политика ФРГ в Центральной Азии (1991-1998) // Вестник БДУ. Сер. 3. 2008. № 3. С. 27.

сотрудничеству в Европе (СБСЕ) на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Основной целью ОБСЕ провозглашалось поддержание военно-политической стабильности и развитие сотрудничества «от Ванкувера до Владивостока»⁴⁶⁷. ОБСЕ внимательно следила за происходящими трансформациями в странах региона, оказывая им содействие в демократическом развитии и в вопросах обеспечения региональной безопасности и стабильности. С целью быстрого реагирования на происходящие события в регионе ОБСЕ открыла свои представительства в столицах республик: в Душанбе в 1994 г., в Казахстане, Туркменистане и Киргизии – в 1999 г. Для ОБСЕ важное значение имело сотрудничество с Узбекистаном. Там возникли три структуры организации – Офис координаторов проектов (Ташкент), Центральноазиатская молодежно-информационная сеть (Ташкент), Информационный экологический центр (Андижан).

Особенной активностью в Центральной Азии отличалась политика Германии, власти которой были заинтересованы в репатриации этнических немцев, проживавших в новых независимых государствах⁴⁶⁸. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане проживало 957,5 тыс. немцев, в Киргизии – 101,3 тыс., Узбекистан – 39,8 тыс., Таджикистан – 32,6 тыс., в Туркменистане – 4,5 тыс.⁴⁶⁹. В 1992-1993 г. Германия, единственная среди стран ЕС, открыла посольства во всех республиках с целью укрепить и расширить сотрудничество в двустороннем формате по всем ключевым направлениям⁴⁷⁰. Следовательно, ведущая роль в определении политики ЕС по отношению к проблемам Центральной Азии принадлежала Германии⁴⁷¹.

Учитывая высокую зависимость ЕС от углеводородов, Брюссель проявлял повышенный интерес к сырьевому потенциалу и транзитно-

⁴⁶⁷ Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. Ю. Косова. СПб.: Питер, 2012. С. 211.

⁴⁶⁸ Фрольцов В.В. Политика ФРГ в Центральной Азии (1991-1998) // Вестник БДУ. Сер. 3. 2008. № 3. С. 27.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Юн С.М. Политика «Великих держав» Европейского Союза в Центральной Азии: различия в подходах // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 6. С. 101.

⁴⁷¹ Кузнецова С.И. Центральная Азия и Закавказье // Россия и мусульманский мир. 2004. № 6. С. 150.

логистическим возможностям стран региона. Стратегическое расположение стран Центральной Азии на пересечении международных транспортно-коммуникационных коридоров, включающих сети автомобильных и железных дорог, стало стимулом для ЕС дать старт проекту ТРАСЕКА в 1993 г. Целью проекта было не только связать в одну транспортно-логистическую систему государства Центральной Азии и Кавказа, но и получить контроль над евразийскими торгово-экономическими потоками. Политики в ЕС были заинтересованы как в экономической свободе стран региона, так и в оказании им поддержки в политической независимости, продвигая проекты маршрутов в обход России⁴⁷².

К концу 1993 г. на фоне возрастания стратегической значимости Центральной Азии для ЕС политика России в регионе стала рассматриваться как угроза европейским интересам. В Европе положительная оценка места и роли России в регионе в качестве стабилизирующего фактора сменилась на прогнозы о провоцировании новых конфликтов⁴⁷³. С целью увести регион из-под российского влияния ЕС поощряли внутреннюю интеграцию в Центральной Азии, хотя однозначно в регионе развивался процесс дезинтеграции⁴⁷⁴.

ЕС приветствовал процессы регионализации в Центральной Азии в 90-е г., когда политические лидеры Казахстана, Киргизии и Узбекистана предприняли попытку создать в регионе союз по европейской модели интеграции. Так, в 1994 г. лидеры трех вышеупомянутых государств подписали договор о создании единого экономического пространства (ЕЭП). Особенно страны ЕС поддерживали идею создания Центральноазиатского

⁴⁷² Мехдиев Э. Т. Евразийские транспортные коридоры и ЕАЭС // Международная аналитика. 2018. № 2 (24). С. 51.

⁴⁷³ Юн С. М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии в 1992-2001 гг. Автореф. дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук. Томск, 2005. С. 18.

⁴⁷⁴ Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 121.

Союза⁴⁷⁵. Во-первых, если бы страны региона, несмотря на свои территориальные и межэтнические проблемы, смогли объединиться с целью получения экономических выгод, то регион стал бы более благополучным и стабильным. Во-вторых, создание экономического союза в Центральной Азии облегчило бы Брюсселю задачу по реализации своих энергетических проектов.

Стремление получить доступ к углеводородным запасам центральноазиатских республик, прежде всего прилегающих к Каспийскому бассейну, (Казахстан, Туркменистан) стимулировали ЕС разработать программу ИНОГЕЙТ, нацеленную на межгосударственное сотрудничество в сфере транспортировки нефти и газа из региона в Европу. Эта программа была инициирована Еврокомиссией в ноябре 1995 г. во время Конференции на уровне глав правительств «Межгосударственное управление нефте- и газопроводами на Южном Кавказе, в Центральной Азии, Украине и Молдавии», проводимой в Брюсселе⁴⁷⁶.

ЕС прилагал немалые усилия для продвижения своих энергетических проектов в регионе, пытаясь убедить страны Центральной Азии в необходимости диверсифицировать маршруты экспорта углеводородов. Политика ЕС в регионе была нацелена на объединение двух стратегически важных регионов – Центральноазиатского и Каспийского – в единую энергоресурсную базу и перенаправление их энергетических потоков в сторону Европы. Однако республики не спешили разрывать свои энергетические связи с Россией, но и не отказывались от возможного участия в этих проектах. Так, к концу 90-х г. ЕС совместно с США стремился подключить страны региона к проекту Основного экспортного газопровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

⁴⁷⁵ Tarihi A., Yazilar I., Yazilar T. European Union's Foreign Policy Towards Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tesadernegi.org/european-unions-foreign-policy-towards-central-asia.html?0c86f0&0c86f0> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴⁷⁶ Пашковская И. Европейский Союз: энергетическая политика в отношении новых независимых государств. Аналитические доклады. Выпуск 1 (22). Июль, 2009. С. 7.

В 90-х г. усилия ЕС в Центральной Азии были нацелены на расширение политических и торгово-экономических контактов с каждым государством в отдельности. В отношениях с Таджикистаном ЕС опирался на Соглашение о торговле и сотрудничестве (СТС), подписанное еще в 1989 г. между ЕС и СССР и одобренное через обмен письмами в 1994 г.⁴⁷⁷. В 1995 г. ЕС подписал Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) с Казахстаном и Киргизией о взаимодействии по широкому кругу вопросов. Эти соглашения заложили основу для эффективного сотрудничества между ЕС и Казахстаном, ЕС и Киргизией в сфере политики, экономики и культуры. Так, в соглашении между ЕС и Киргизией провозглашались следующие цели партнерства: обеспечить соответствующие рамки для политического диалога между сторонами, способствующие развитию политических отношений; поддерживать усилия республики в деле укрепления демократии, развития экономики и успешного перехода к рыночной экономике; способствовать развитию торговли и инвестиций, гармоничным экономическим отношениям между сторонами, чтобы таким образом содействовать их непрерывному экономическому развитию; создать основу для сотрудничества в правовой, экономической, социальной, финансовой и культурной областях⁴⁷⁸. Соглашения, подписанные с Казахстаном и Киргизией вступили в силу в 1999 г., пройдя соответствующие стадии ратификации. В Узбекистане СПС действует с 1999 г. В Туркменистане данное соглашение так и не вступило в силу.

В целом, в 90-е г. ЕС не рассматривал Центральную Азию в качестве приоритетного вектора своей внешней политики и лишь присматривался к региону, изучая его стратегические преимущества. Как уже упоминалось выше, особый динамизм был характерен для внешней политики Германии в

⁴⁷⁷ Хорошун А.Ю. Анализ взаимоотношений республики Таджикистан и Европейского Союза в рамках Стратегии Европейского Союза в Центральной Азии 2014-2020 г. // Известия Академии наук республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 1 (259). С. 81.

⁴⁷⁸ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими Сообществами и их Государствами-Членами с одной стороны, и Кыргызской Республикой с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17139> (дата обращения: 12.08.2020).

регионе, что было обусловлено большим количеством этнических немцев, проживавших в новых независимых государствах. Интерес ЕС к Центральной Азии подогревался внутренними процессами, которые происходили в самом союзе. В конце XX в. ЕС окончательно институционализировался как крупное интеграционное объединение и стремился встать в ряд с такими ведущими державами мира, как США, Китай, Япония. Активность в Центральной Азии позволяла Брюсселю укрепить свою международную субъектность и расширить политическое и экономическое влияние в центре Евразии.

После терактов 11 сентября 2001 г. в центре внимания ЕС в Центральной Азии оказались вопросы региональной безопасности, борьба с терроризмом, незаконным распространением наркотиков и организованной преступностью. Особенно остро на повестке дня стояла проблема наркотрафика. После начала антитеррористической кампании США в Афганистане резко вырос экспорт наркотиков. Так, доля героина, изъятого в Таджикистане, увеличилась с 58% в 2000 г. до 84% в 2004 г.⁴⁷⁹. В европейские страны наркотики попадали по двум маршрутам: первый, так называемый «Балканский маршрут», проходил через Турцию; второй - «северный маршрут» - начинался на севере Афганистана и шел транзитом через территорию Центральной Азии и России⁴⁸⁰. В борьбе с наркоугрозой ЕС оказывал странам региона поддержку в рамках специально разработанной программы КАДАП. Однако ситуацию переломить так и не удалось в силу специфики общественно-политического развития Афганистана. Сложная социально-экономическая ситуация в этой стране превратила сбыт наркотиков в один из основных источников дохода.

В начале XXI в. в связи с повышенной активностью геополитических акторов в Центральной Азии Брюссель сформулировал конкретные цели в

⁴⁷⁹ Комилова Х. Центральная Азия и Европейский Союз: новые реалии // Современная Европа. 2009. № 2 (38). С. 55

⁴⁸⁰ Tarihi A., Yazilar I., Yazilar T. European Union's Foreign Policy Towards Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tesadernegi.org/european-unions-foreign-policy-towards-central-asia.html?0c86f0&0c86f0> (дата обращения: 12.08.2020).

отношении региона. Так, в 2002 г. ЕС обнародовал Стратегический документ 2002-2006 и индикативную программу для Центральной Азии 2002-2004⁴⁸¹. В Стратегическом документе нашли отражение цели ЕС в регионе, оценка внутривосточной ситуации в республиках, анализ оказанной им помощи, деятельность других доноров, стратегия реагирования и приоритеты сотрудничества. На реализацию Стратегии 2002-2006 гг. ЕС планировал выделять странам региона 50 млн. евро ежегодно. Ключевая цель новой Стратегии - содействие региональной стабильности и безопасности, оказание помощи в их стремлении к устойчивому экономическому развитию и в борьбе с бедностью. Для достижения этих целей предполагалось работать по трем измерениям: 1) содействовать обеспечению безопасности и предотвращению конфликтов; 2) ликвидировать источники политической и социальной напряженности; 3) улучшать условия в сфере торговли и инвестиций. Как видно из Стратегии, европейская политика в Центральной Азии определила важность таких вопросов, как поддержание безопасности и стабильности. В рамках усилий, направленных на реализацию этой цели, ЕС стремился укрепить границы стран региона и предотвратить возможную эскалацию территориальных конфликтов, поэтому в 2002 г. ЕС разработал специальную программу для Центральной Азии – Программа содействия управлению границами (БОМКА). Основным финансовым донором программы была Австрия. В рамках программы осуществлялась координация и консолидация действий центральноазиатских пограничных ведомств. Между тем уже на первых этапах своей деятельности в регионе координаторы программы столкнулись с такими проблемами, как нерациональное использование ограниченных ресурсов БОМКА. Страны-участницы запросили у координаторов средства на закупку оборудования для пограничного контроля, сумма которых в несколько раз превышала бюджет

⁴⁸¹ Strategy Paper 2002-2006 and Indicative Programme 2002-2004 for Central Asia. 12 October, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libertas-institut.com/uk/ECTIS/EUStrategyPaperCentralAsia.pdf> (дата обращения: 25.06.2020)

программы⁴⁸². Между ЕС и странами Центральной Азии возникли разногласия в подходах к эффективному управлению границами. В отличие от стран региона Брюссель планировал вкладывать средства не в оборудование, а в образование персонала как эффективной системы управления границами.

Интересно, что ЕС вопреки переоценке своей внешней политики в Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 г. не ставил перед собой цель выстраивать привилегированное сотрудничество с государствами Центральной Азии. Так, в опубликованном в 2004 г. документе под названием «Европейская политика соседства» страны Центральной Азии не упоминались. Эта программа включала принципы сотрудничества ЕС со странами Северной Африки и Ближнего Востока в сфере развития демократии, уважения прав человека, соблюдения верховенства закона, развитие рыночной экономики⁴⁸³. На основе этих принципов ЕС стремился изменить общественно-политические системы стран Центральной Азии. Однако не рассматривал возможность будущего вступления стран региона в ЕС и НАТО, даже с теоретической точки зрения⁴⁸⁴.

Отсутствие планов по интеграции стран Центральной Азии в ЕС и НАТО несколько не снижало значимости региона для Брюсселя. Наоборот, интерес к региону усиливался на фоне развернувшегося соперничества между США, Россией и Китаем в середине 2000-х г. Это предопределило резкую активность ЕС в регионе, что выразилось в появлении специального представителя ЕС по странам Центральной Азии. 5 октября 2006 г. Верховный комиссар ЕС по внешней политике Х. Солана назначил французского дипломата П. Мореля в качестве специального представителя по Центральной Азии. В задачи П. Мореля входило «налаживание хороших отношений между странами Центральной Азии и ЕС, основанных на

⁴⁸² Гаврилис Дж. Программа БОМКА: содействие ЕС в управление границами в Центральной Азии. Брифинг EUCAM. 2009. № 11. С. 2.

⁴⁸³ Малышева Д. Центральная Азия и Европейский Союз // Россия и новые государства Евразии. 2010. № 2 (7). С. 24.

⁴⁸⁴ Европейский союз в XXI в.: время испытаний. М., 2012. С. 424.

уважении взаимных ценностей и интересов» и чуткое реагирование на региональные угрозы и проблемы, которые могут повлиять на европейскую политику⁴⁸⁵.

Являясь образцом демократии, ЕС все труднее было осуществлять свою политику в странах региона с отчетливо выраженными признаками авторитарной политической системы. В начале XXI в. надежды Запада на быструю демократизацию стран Центральной Азии стали постепенно развеиваться. Страны региона продолжали сталкиваться с проблемой нарушения прав человека и принципов верховенства закона. С целью сохранить свой авторитет защитника демократии во всем мире ЕС жестко отреагировал на события в Андижане в 2005 г., обвинив власти Узбекистана в несанкционированном применении силы. Итогом жесткой позиции ЕС стало введение эмбарго на поставки оружия в Узбекистан и запрет выдачи виз высшим должностным лицам республики. ЕС все труднее было продвигать свои интересы в Центральной Азии и в то же время оставаться верным своим ценностям⁴⁸⁶.

В середине 2000-х г. усилившееся геополитическое соперничество в Центральной Азии ускорило разработку и принятие первой комплексной стратегии ЕС в отношении региона. Этот документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» был принят в 2007 г.⁴⁸⁷. В нем отражались основные направления сотрудничества, а также механизмы реализации этого сотрудничества. Большое влияние на разработку документа оказала не только интенсификация политических и экономических контактов Центральноазиатских республик с ЕС, но и укрепление стратегических позиций России и Китая в регионе. Незадолго до принятия Стратегии министр иностранных дел Германии Ф.В. Штайнмайер заявил, что, несмотря на историческую связь стран региона с Россией и Китаем, Центральная Азия

⁴⁸⁵ Пьер Морель стал новым представителем ЕС по Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1160373240> (дата обращения: 12.08.2020).

⁴⁸⁶ Melvin N.J. The European Union's Strategic Role in Central Asia. CEPS Policy Briefs. March 2007. № 128.

⁴⁸⁷ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 31 May 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/38858/1/st10113.en07.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

должна оставаться свободной от монополии любого из них⁴⁸⁸. Так же, как и США, ЕС прилагал усилия, чтобы не допустить возвращения региона в орбиту влияния России.

В Стратегии отмечалось, что в начале XXI в. пришло время для формирования нового партнерства между ЕС и государствами Центральной Азии в глобализирующемся мире⁴⁸⁹. В документе особое внимание было обращено на общие вызовы и угрозы, среди которых выделялись вопросы безопасности, регионального экономического взаимодействия, сотрудничество в сфере энергетики, окружающей среды, соблюдения прав человека и образования. Как и в предыдущем стратегическом документе 2002-2006 г., приоритетным интересом ЕС в регионе в соответствии с новой Стратегией провозглашалось обеспечение безопасности и стабильности Центральной Азии. Помимо этого отмечалось, что ЕС также заинтересован в соблюдении прав человека и верховенства закона в республиках. В целом курс на реализацию обозначенных в стратегическом документе задач объяснялся следующими факторами: 1) стратегическое, политическое и экономическое развитие центральноазиатских государств, а также растущие трансрегиональные вызовы прямо или косвенно влияли на интересы ЕС; 2) Европейские инициативы по расширению сотрудничества (политика соседства ЕС, инициатива Черноморской синергии) географически сближали ЕС и государства Центральной Азии; 3) значительный углеводородный запас региона и стремление республик диверсифицировать внешнеэкономических партнеров, и маршруты транспортировки углеводородов отвечали интересам ЕС в области обеспечения европейской энергетической безопасности. На реализацию указанных в Стратегии задач ЕС выделял Центральноазиатским странам грант в размере 750 млн. долларов или 673,8 млн. евро. Эти средства предполагалось распределить между странами Центральной Азии поэтапно,

⁴⁸⁸ Voloshin G. The European Union's Normative Power in Central Asia: Promoting Values and Defending Interests. London: Palgrave Macmillan, 2014. P.43.

⁴⁸⁹ The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 31 May 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/38858/1/st10113.en07.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

разделив на две программы. В рамках первой центральноазиатской многолетней индикативной программы на 2007 -2010 г. денежные средства в размере 352,8 млн. евро распределялись следующим образом: на двусторонние проекты выделялось 215, 8 млн. евро, на региональные программы – 137 млн. евро⁴⁹⁰. В рамках второй программы на 2011-2013 гг. выделялось 321 млн. евро, что означало ежегодное увеличение объемов финансовой помощи на 20%. Из них на двустороннее сотрудничество отводилось 216 млн., на региональные программы – 105 млн. евро⁴⁹¹.

Таким образом, ЕС был заинтересован в устойчивом развитии центральноазиатских республик с целью эффективного взаимодействия с ними в сфере экономики и энергоресурсов. Особенно для ЕС как крупного потребителя углеводородов было выгодным сотрудничество в сфере энергетики. Этот углеводородный интерес подогревался трудностями, с которыми Брюссель столкнулся в 2006 г. из-за российско-украинского газового кризиса. В целях обеспечения своей энергетической безопасности руководством ЕС был разработан комплекс задач, среди которых выделялась политика, направленная на диверсификацию поставок энергоносителей⁴⁹². К середине 2000-х г. на центральноазиатском рынке углеводородов были представлены такие западные нефтедобывающие компании, как «Shell» (Голландия), «TotalFinaElf» и «Schlumberger» (Франция), «ENI» и «Agip» (Италия), «British Petroleum» и «Lasmo» (Великобритания), «REPSOL» (Испания), «Wintershall» (Германия), «Petrom» (Румыния) и «Statoil» (Норвегия)⁴⁹³. Также США совместно с ЕС разрабатывали серию проектов по прокладке трубопроводов и транспортировке по ним газа. Связующим звеном между ЕС и странами Центральной Азии должна была выступить Турция⁴⁹⁴.

⁴⁹⁰ Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: рабочая тетрадь. М.: Спец книга, 2013. С. 24.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Ткачук К.В. Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты (2000-2014 гг.). Автореф. дис. на соис. уч. степени канд. ист. наук. Москва, 2016. С. 21.

⁴⁹³ Бурханов А. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 25.

⁴⁹⁴ Комилова Х. Центральная Азия и Европейский Союз: новые реалии // Современная Европа. 2009. № 2 (38).

Речь шла о строительстве амбициозного проекта Nabucco, связанного с прокладкой газопровода по территории Кавказа и Центральной Азии с выходом в Европу. Можно выделить три главных фактора, объясняющих столь значительный интерес Запада к продвижению этого газового проекта⁴⁹⁵. Во-первых, очевидная потребность ЕС в обеспечении энергетической безопасности. Во-вторых, стремление Брюсселя снизить европейскую зависимость от российских поставок газа. В-третьих, геополитические намерения ЕС ограничить энергетические возможности других глобальных игроков, в частности, Китая. Исходя из этого, прослеживается корреляция между внешнеполитическими установками ЕС и США в Центральной Азии. Страны Запада стремились, во-первых, предотвратить поступление центральноазиатской нефти в Китай, и во-вторых, не допустить транзит каспийской нефти к импортерам через территорию России⁴⁹⁶.

Особое значение в Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии придавалось демократическим реформам. Брюссель подчеркивал, что необходимым условием для развития сотрудничества являлось продвижение в республиках демократических идеалов и соблюдение прав человека⁴⁹⁷. Однако все сильнее идеологические установки ЕС входили в противоречие с прагматическими интересами.

В своей политике в Центральной Азии ЕС в соответствии со Стратегией планировал выстраивать отношения с государствами региона на основе сбалансированного двустороннего и регионального подходов. В процессе политического взаимодействия особое внимание предполагалось акцентировать на особенностях той или иной страны, включая ее проблемы и достижения. Цель регионального подхода - максимально интегрировать между собой страны Центральной Азии. Стоит отметить, что ЕС так же, как и

С. 57.

⁴⁹⁵ Пашковская И. Газопровод «НАБУККО»: проект создания // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 77.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Болгова И. В. Ценностный аспект в центральноазиатском векторе внешней политики Европейского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/122670/> (дата обращения: 12.08.2020).

США, пытались «растянуть» политико-географические границы региона, которые сложились после распада СССР. В контексте общей энергетической политики в зоне Каспийского моря ЕС рассматривал Центральную Азию и Южный Кавказ как единый регион⁴⁹⁸.

Учитывая общерегиональные тенденции, ЕС планировал реализовывать свои стратегические интересы не только посредством программ, разработанных в рамках ООН, ОБСЕ, НАТО, международных финансовых институтов, но и предполагал вести «открытый и конструктивный» диалог с евразийскими региональными объединениями – Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС), Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ)⁴⁹⁹. Однако все эти намерения остались исключительно на уровне деклараций, так как в Стратегии намеренно не освещались вопросы взаимодействия между Брюсселем и Москвой в регионе⁵⁰⁰. Между тем именно с Россией, которая является локомотивом евразийских интеграционных структур, ЕС следует искать эффективные механизмы сотрудничества в Центральной Азии.

Интересным представляется анализ экспертных оценок Стратегии ЕС в Центральной Азии 2007 г. Например, Нил Дж. Мелвин подчеркивал, что новая Стратегия ЕС в Центральной Азии позволила усилить позиции Брюсселя на этом внешнеполитическом треке, преобразовать его маргинальную роль в доминирующую. Самым главным преимуществом ЕС в регионе по сравнению с другими игроками, по мнению Нил Дж. Мелвина, являлась приверженность сочетанию экономического и социального модернизма, политического плюрализма, верховенства права и культурного разнообразия⁵⁰¹. Казахстанский политолог М. Лаумулин считал, что в Стратегии отсутствовал единый скоординированный концептуальный

⁴⁹⁸ Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 124.

⁴⁹⁹ Погорельская С.В. Политика ФРГ в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 113.

⁵⁰⁰ Малышева Д. Центральная Азия и Европейский Союз // Россия и новые государства Евразии. 2010. № 2 (7). С. 27.

⁵⁰¹ Melvin N.J. The European Union's Strategic Role in Central Asia. CEPS Policy Briefs. March 2007. № 128.

подход⁵⁰². Он отмечал, что Стратегия явилась результатом спорадических попыток Берлина оформить стратегические интересы ЕС и выработать некое подобие единой политики, но при этом Германия стремилась соблюсти в первую очередь собственные интересы, которые выдавались за общеевропейские⁵⁰³. Отчасти это действительно было так, потому что с момента образования новых независимых государств Центральная Азия стала одним из приоритетов внешней политики Германии. Именно Германия пролоббировала принятие Стратегии через Европейский Совет, выступила с предложением двукратно увеличить объемы помощи странам региона, настаивала на более активном использовании инструментов дипломатии в региональной политике ЕС⁵⁰⁴. При этом «остальные страны ЕС занимали пассивную позицию в период разработки политической стратегии ЕС в регионе»⁵⁰⁵. В то же время думается, что основной отрицательной стороной Стратегии 2007 г. являлось, во-первых, стремление ЕС охватить все возможные сферы сотрудничества с центральноазиатскими республиками, во-вторых, игнорирование особой роли России в регионе и отсутствие интереса к разработке совместных с ней региональных проектов. Это априори снижало шансы на будущую результативность запланированных ЕС в Стратегии задачах и делал европейскую политику в регионе малоэффективной. Между тем все три отчета Еврокомиссии, которые были представлены Евросовету и Европарламенту в 2008, 2010, 2012 гг. содержали положительную оценку хода реализации Стратегии 2007 г. В последнем отчете от 2012 г. отмечалось, что реализация Стратегии 2007 г. позволила ЕС существенно интенсифицировать отношения с государствами региона и доказала свою

⁵⁰² Лаумулин М. Изменения в Стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. Вып. 4. С. 36.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Франции и Великобритании в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 56.

⁵⁰⁵ Там же.

действенность, продемонстрировав прогресс в достижении намеченных целей⁵⁰⁶.

В странах Центральной Азии эксперты давали неоднозначные оценки ходу реализации европейской Стратегии, выявляя как достижения, так и недостатки⁵⁰⁷. Усиление политического влияния стало бесспорным достижением ЕС в регионе. На фоне успехов отмечались и следующие проблемы: 1) медленный темп реализации европейских проектов в регионе; 2) Европарламент призвал более жестко реагировать на преследование правозащитников в Узбекистане и Туркменистане; 3) подчёркивалась необходимость интеграции стран региона в мировую экономическую систему посредством вступления в ВТО; 4) особый акцент был сделан на необходимости увеличения импорта нефти и газа из Казахстана и Туркмении, а также диверсификации маршрутов транзита углеводородов. Большинство проблем, с которыми сталкивался ЕС в регионе, было связано с нежеланием европейских политиков учитывать геополитические интересы России, а также с авторитарной спецификой политических режимов республик.

В рамках взятой ЕС внешнеполитической линии на укрепление региональной стабильности и безопасности осуществлялась помощь странам Центральной Азии в сфере эффективного управления водными ресурсами. Участие ЕС в решении сложных региональных территориальных и водных проблем отвечало стратегическим интересам Брюсселя, направленным преимущественно на реализацию энергетических проектов. Так, в апреле 2008 г. был запущен Берлинский процесс по воде для решения водных проблем и защиты окружающей среды в Центральной Азии⁵⁰⁸. В рамках Берлинского плана была принята программа «Трансграничное управление водными ресурсами в Центральной Азии», нацеленная на оптимизацию

⁵⁰⁶ Progress Report on the implementation of the EU Strategy for Central Asia Implementation Review and outline for Future Orientations [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/20120628_progress_report_en.pdf (дата обращения: 12.08.2020).

⁵⁰⁷ Омаров Н. Зачем Европе Центральная Азия? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1214802120> (дата обращения: 12.08.2020).

⁵⁰⁸ Дадабаева З.А. Новая европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 173.

сотрудничества в водном секторе в регионе и улучшения качества жизни людей. 3 декабря 2008 г. во время встречи представителей всех республик Центральной Азии и стран-членов ЕС на повестку дня для обсуждения был вынесен проект документа «Укрепление регионального сотрудничества ЕС-Центральная Азия по вопросам окружающей среды и водных ресурсов»⁵⁰⁹. Однако, несмотря на усилия ЕС, страны Центральной Азии так и не смогли прийти к согласию по решению водной проблемы. По-прежнему низким был уровень доверия между республиками, и отсутствовало желание идти друг другу на уступки.

Одним из рычагов политического влияния ЕС в регионе являлись инвестиции. В 2010 г. ЕС учредил специальный Фонд содействия инвестициям в Центральной Азии, в бюджет которого было передано 179 млн. долларов на 2010-2015 г.⁵¹⁰. Фонд осуществлял свою работу по следующим направлениям: 1) улучшение энергетической инфраструктуры; 2) обеспечение защиты окружающей среды и контроль последствий изменения климата; 3) создание и развитие малых и средних предприятий, поддержка занятости; 4) улучшение социальных услуг и инфраструктуры, в том числе в сфере образования и здравоохранения⁵¹¹. Безусловным приоритетом инвестиционной деятельности ЕС в регионе была сфера энергетики.

Как уже упоминалось выше, европейские эксперты положительно оценивали итоги реализации Стратегии ЕС в Центральной Азии, что отразилось в последнем отчете, представленном в 2012 г. Еврокомиссией. Однако никаких оснований для подобных положительных оценок не было. Дело в том, что мировой экономический кризис негативно отразился на ЕС и их финансово-экономических возможностях. В итоге запланированные средства на реализацию Стратегии так и не были выделены. Это негативно

⁵⁰⁹ Лихачева А.Б. Взаимодействие России и ЕС в ключевых сферах социально-экономического развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 4. С. 53.

⁵¹⁰ Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 108.

⁵¹¹ Там же.

отразилось на образе ЕС в глазах центральноазиатских государств как силы, конкурентной России⁵¹².

Эксперты из Центральной Азии по многим аспектам раскритиковали Стратегию ЕС в Центральной Азии 2007-2013 гг., считая, что Брюссель по своему влиянию в регионе во многом уступает таким глобальным геополитическим акторам, как Россия, Китай и Индия⁵¹³. Данная Стратегия, по мнению экспертов, была преимущественно сфокусирована на реализации европейских задач, нежели чем носила взаимовыгодный характер. Например, М. Лаумулин оценил данную Стратегию как «рецидив имперского мышления»⁵¹⁴. Ученый считает, что подобные документы являются показателем существования у его разработчиков гегемонистических устремлений. Известный ученый из Узбекистана В. Парамонов справедливо подчеркивал необходимость усилить координацию действий ЕС с Россией и Китаем в таких ключевых сферах взаимодействия, как политика, экономика и безопасность⁵¹⁵. Однако европейские официальные лица не были готовы к выстраиванию сотрудничества с Россией в регионе. Наоборот, все большее беспокойство у Брюсселя вызывало растущее влияние России и Китая в Центральной Азии, особенно в сфере энергетики. В такой ситуации ЕС продолжал придерживаться традиционной установки, направленной на снижение регионального политического и экономического влияния России. С целью укрепить контакты со странами региона в ноябре 2012 г. верховный представитель ЕС по иностранным делам К. Эштон совершила турне по Центральной Азии. Придерживаясь традиционной для ЕС идеологической риторики, на повестку дня в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане К. Эштон поставила вопрос о необходимости соблюдения прав

⁵¹² Панфилова В. Брюссель укрепляет позиции в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://military-kz.ucoz.org/news/brjussel_ukrepljaet_pozicii_v_centralnoj_azii_es_obespokoen_rastushhim_vlijaniem_rossii_v_regione/2012-11-27-3418 (дата обращения: 21.08.2020).

⁵¹³ Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007-2013 гг.: предварительные итоги / Под. общ. ред. А.Е. Чеботарева. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр германских исследований КазНУ им. аль-Фараби; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2013.

⁵¹⁴ Там же. С. 162.

⁵¹⁵ Там же.

человека. Также К. Эштон выразила поддержку проводимым политическим и экономическим реформам в регионе. На пресс-конференции в Бишкеке было заявлено, что ЕС планирует укреплять сотрудничество со странами региона в области экономики и безопасности. Очень точно проанализировал цели визита К. Эштон в Центральную Азию А. Куртов. Он отметил, что Брюссель озабочен растущей интенсивной деятельностью России и Китая в освоении энергетического потенциала региона, подчекнув, что «ресурсы, с одной стороны, уплывают в направлении Поднебесной, с другой – "Газпром" на энергетическом поле укрепляет свои позиции»⁵¹⁶.

Чтобы придать положительную динамику отношениям между ЕС и странами Центральной Азии и укрепить политический диалог, Брюссель пустил в ход экономические и финансовые инструменты влияния. В рамках многолетней индикативной программы для Центральной Азии 2014-2020 г.⁵¹⁷ было предусмотрено увеличение донорской помощи странам региона по европейским программам до 1 млрд. евро. Помимо увеличения размеров экономической помощи в Стратегии выделялись следующие задачи⁵¹⁸: повысить гибкость реагирования на обстоятельства; отдавать приоритет страновому подходу с учетом различий между государствами региона; акцентировать внимание на новых угрозах, связанных с религиозным радикализмом и проникновением боевиков, в том числе из Исламского государства (ИГ). В своем сотрудничестве со странами Центральной Азии ЕС продолжал настаивать на необходимости соблюдения верховенства закона и защите прав человека.

Украинский кризис 2014 г. продемонстрировал, что страны Запада не признают особые интересы России на постсоветском пространстве, в частности, в Центральной Азии. Очень критично европейские ученые и политики воспринимали динамично развивающуюся евразийскую

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Multiannual Indicative Programme Regional Central Asia 2014-2020 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/20160526_1_en.pdf (дата обращения: 07.07.2020).

⁵¹⁸ Гусев Л. Конкуренция и взаимодействие ЕС и ЕАЭС в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2450566.html> (дата обращения: 12.08.2020).

интеграцию. Абсолютно нивелировалась экономическая сторона евразийской интеграции и подчеркивался исключительно ее геополитический характер. «В правила хорошего тона европейских ученых входило низведение роли Евразийского Экономического Союза до простого инструмента «российского доминирования» над центральноазиатской, кавказской и европейской периферией»⁵¹⁹.

Возникшая напряжённость между ЕС и Россией из-за украинского кризиса побудила Брюссель действовать более активно в Центральной Азии для защиты своих геополитических интересов. Так, в декабре 2015 г. на ежегодной встрече министров иностранных дел в формате «Европейский Союз-Центральная Азия» верховный представитель ЕС по иностранным делам и политики безопасности Ф. Могерини стремилась заверить страны Центральной Азии о взаимовыгодном сотрудничестве. Она также отметила, что для ЕС выстраивание отношений со странами региона в двустороннем и многосторонних форматах являлось приоритетом⁵²⁰. Таким образом, если до украинских событий Центральная Азия не имела преобладающего значения во внешней политике Брюсселя, то в новых международно-политических реалиях, характеризующихся жесткой конфронтацией между Западом и Россией, регион прочно вошел в сферу европейских внешнеполитических приоритетов.

В рамках озвученного приоритета по отношению к Центральной Азии Брюссель принял решение обновить имеющиеся формы соглашений в формате двустороннего сотрудничества и вывести их на более высокий уровень. Этот процесс был запущен в 2015 г. Так, в декабре 2015 г. Казахстан стал первым государством в Центральной Азии, с которым ЕС подписал Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве (СРПС). Такая форма сотрудничества предусматривала широкое поле взаимодействия в

⁵¹⁹ Шопрад Э. ЕвроСоюз и Евразийский Экономический Союз – возможности сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18616> (дата обращения: 07.07.2020).

⁵²⁰ Могерини Ф. ЕС придает высокий приоритет отношениям со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-12-21--mogerini-es-pridaet-vysokij-prioritet-otnoshenijam-so-stranami-centralnoj-azii-21045> (дата обращения: 07.07.2020).

таких областях, как торговля, инвестиции, энергетика, транспорт, охрана окружающей среды, образование и т.д. Начиная с 2017 г., велись переговоры о подписании подобного соглашения с Киргизией, которые успешно завершились в июле 2019 г., предоставив республике право стать участником СРПС. С ноября 2018 г. в процессе обсуждения находятся вопросы о подписании СРПС с Узбекистаном и Таджикистаном. Несмотря на то, что Европейский Парламент до сих пор не ратифицировал Соглашение с Туркменистаном, подписанное еще в 1998 г., тем не менее, в последнее время наметилась интенсификация политико-дипломатических контактов. Так, в июле 2019 г. Ф. Могерини посетила с рабочим визитом Туркменистан, в ходе которого было подписано Соглашение между правительством Туркменистана и ЕС, Европейским сообществом по атомной энергии ЕС о создании, привилегиях и иммунитетах Делегации ЕС в Туркменистане.

Также политическую активность в регионе Брюссель усилил по линии многостороннего формата сотрудничества. С 2007 г. проходят ежегодные министерские встречи между Верховным представителем ЕС и пятью министрами иностранных дел центральноазиатских государств с целью обсуждения актуальных международных и региональных проблем.

По мере укрепления влияния России в регионе, особенно по линии евразийских интеграционных объединений, градус напряжения в отношениях между ЕС и Россией увеличивался. Активизация политики России в Центральной Азии воспринималась европейскими официальными лицами как угроза суверенитету центральноазиатских государств и рассматривалась как попытка возродить СССР. В то же время на официальном уровне Брюссель декларировал необходимость развивать сотрудничество с Россией. Например, в апреле 2017 г. на встрече с министром иностранных дел России С. Лавровым Ф. Могерини отметила: «Мы намерены поднять уровень сотрудничества с Россией, используя все те сферы, в которых Евросоюз и Россия могут быть полезны друг другу в разрешении существующих кризисов. Мы живем в тяжелое время, когда ни один сантиметр, ни одни

дуюм сотрудничества нельзя потерять»⁵²¹. Однако дальше этих декларативных заявлений дело не дошло.

В новых геополитических условиях, сопровождавшихся снижением доминирующего влияния Запада в мире, ЕС стремился усилить свою политику на центральноазиатском внешнеполитическом треке. Во-первых, в сентябре 2017 г. ЕС начал подготовку к новой стратегии в отношении региона. Во-вторых, пристальное внимание ЕС стал уделять организации и проведению министерских встреч в формате «Европейский Союз-Центральная Азия». Так, на состоявшейся в ноябре 2017 г. очередной такой встрече, Ф. Могерини заявила в пресс-релизе, что регион имеет стратегическое значение для ЕС. На этой встрече одним из приоритетных вопросов было обсуждение афганской проблемы и путей её решения. Очевидно было, что ЕС повторял внешнеполитическую линию США в Центральной Азии и также был намерен задействовать страны региона в процессе мирного урегулирования в Афганистане⁵²².

На современном этапе резко усилилась геополитическая борьба внерегиональных государств за транспортно-коммуникационные маршруты, проходящие через территорию Центральной Азии. Речь идет об обновленной версии Шелкового пути, контроль над которым пытаются получить мировые центры силы. ЕС так же, как США, Россия, Китай, намерен отстаивать и продвигать свои стратегические интересы на Новом Шелковом пути, предлагая транспортные и инфраструктурные проекты для развития стран Центральной Азии. Об этом Ф. Могерини заявила на пленарной сессии Европейского парламента, который прошел в марте 2018 г. в Страсбурге: «Европа и пять стран Центральной Азии сейчас близки, как никогда. Это наши соседи. Шелковый путь - это отнюдь не некое напоминание о прошлом,

⁵²¹ Могерини Ф. высказалась за открытый диалог ЕС и России как глобального игрока [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17415> (дата обращения: 14.07.2020).

⁵²² Могерини Ф. Центральная Азия стратегически важна для Евросоюза [Электронный ресурс]. URL: <https://orient.tm/mogerini-centralnaya-aziya-strategich/> (дата обращения: 22.08.2020).

а один из самых важных инфраструктурных проектов»⁵²³. В очередной раз выступление главы внешнеполитического ведомства ЕС продемонстрировало, что Брюссель воспринимает регион как консолидированный феномен мировой политики. Так, по мнению Ф.Могерини, под воздействием глобальных трансформационных процессов «Центральная Азия становится более независимой и сильной»⁵²⁴. В своей речи особое внимание Ф. Могерини уделила вопросам безопасности и инвестиционному сотрудничеству, которое является взаимовыгодным как для ЕС, так и для стран Центральной Азии. Как известно, инвестиции используются странами Запада как внешнеполитический инструмент достижения лояльности со стороны центральноазиатских политических элит. Последние рассматривают европейские инвестиции как один из самых важных факторов для своего национального развития. Согласно экспертным данным, ЕС является абсолютным лидером в категории прямых иностранных инвестиций в Центральную Азию⁵²⁵. С 2015 по 2019 гг. ЕС инвестировал в регион 332 млрд. долл.⁵²⁶. Между тем ЕС использует инвестиции как механизм достижения политических целей. В 2017 г. министр иностранных дел С. Лавров отмечал политический характер инвестиционной активности ЕС в регионе. Он подчеркивал, что в Центральной Азии «наблюдаются случаи, когда европейские инвестиции носят политически мотивированный характер, а основная цель оказываемой финансовой помощи — одностороннее открытие рынков стран региона для товаров из ЕС»⁵²⁷. Несмотря на то, что торговля между ЕС и странами региона не отличается особой интенсивностью и разнообразием товаров, Брюссель заинтересован в

⁵²³ Могерини Ф. Новый Шелковый путь – один из самых важных инфраструктурных проектов [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/mogerini-novyy-shelkovyy-put-odin-iz-samyh-vazhnyh-infrastrukturyh-proektov_a3183917 (дата обращения: 22.08.2020).

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Борисов Д. Кто «вкладывается» в страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/denis-borisov-/kto-vkladyvaetsya-v-strany-tsentralnoy-azii-reyting/> (дата обращения: 3.09.2020).

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Лавров С. Инвестиции ЕС в страны Центральной Азии носят политический характер [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20170316/lavrov-investitsii-es-v-strani-tsentralnoi-azii-nosyat-politicheskii-harakter> (дата обращения: 3.09.2020).

росте двусторонних торгово-экономических отношений, особенно с точки зрения своего экспорта в регион. ЕС экспортирует в Центральную Азию транспортное оборудование и продукцию машиностроения. Импорт товаров из стран Центральной Азии в ЕС включает углеводороды, металлы и хлопок.

На фоне динамичного развития экономического проекта Китая (ЭПШП) и евразийской интеграции (ЕАЭС) осенью 2018 г. ЕС инициировал новую Стратегию по экономическому сопряжению с Азией (Стратегия евро-азиатского соединения)⁵²⁸. В рамках этой Стратегии сухопутный маршрут пролегает через Каспийский регион и территорию Центральной Азии. В Стратегии выделялись следующие направления сотрудничества: создание транспортных связей, энергетических и цифровых сетей, укрепление взаимосвязей между людьми. Ежегодная сумма средств, выделяемых на реализацию стратегии, преимущественно на развитие инфраструктуры, составляет 1,3 трлн. евро⁵²⁹. Очевидно, что стратегия евро-азиатского соединения стремиться потеснить китайский и российский экономические проекты в Евразии. Однако не исключается развитие такого сбалансированного сценария, в котором существует возможность налаживания партнерских отношений между ЕС, Россией и Китаем. Особенно определяющими для политики ЕС в Центральной Азии будут хорошие отношения с Россией. Справедливо заметил российский эксперт Д. Суслов: «Вопрос, разумеется, не стоит о том, чтобы ЕС отдал эти страны в российскую «сферу влияния». Речь идет лишь об учете российских интересов экономического и гуманитарного характера и об уважении евразийских интеграционных процессов, которые имеют естественный характер и идут на благо участвующих в них государств»⁵³⁰.

⁵²⁸ Connecting Europe and Asia: The EU Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/50699/Connecting%20Europe%20&%20Asia:%20The%20EU%20Strategy (дата обращения: 22.08.2020).

⁵²⁹ Новая стратегия ЕС по экономическому сопряжению с Азией [Электронный ресурс]. URL: <http://caspeo.ru/novaya-strategiya-es-po-ekonomicheskomu-sopryazheniyu-s-aziej/> (дата обращения: 22.08.2020).

⁵³⁰ Суслов Д. В разных пространствах: новая повестка для отношений Россия-ЕС. Валдайская записка. Июнь, 2016. № 49. С. 9-10.

Долгосрочный характер политики ЕС в Центральной Азии подтвердила разработка новой Стратегии под названием «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для сильного партнерства». Стратегия была представлена 7 июля 2019 г. в Бишкеке в ходе 15-ой министерской встречи «ЕС-Центральная Азия»⁵³¹. На официальном уровне было заявлено, что для ЕС страны Центральной Азии являются менее приоритетными для сотрудничества, чем страны в рамках программы Восточного соседства. Тем не менее ЕС неуклонно укрепляет дипломатические отношения со странами региона, активно содействуя их устойчивому развитию⁵³². Принятие новой Стратегии объяснялось следующими мировыми и региональными тенденциями. Во-первых, набирающая обороты экономическая активность Китая в регионе посредством продвижения китайской инициативы ЭПШП. Во-вторых, трансформация внешней политики Узбекистана и ее конструктивная направленность рассматривалась как предпосылка для ускорения процессов Центральноазиатской интеграции⁵³³. В Стратегии 2019 г., так же, как и в Стратегии 2007 г., был взят курс на содействие устойчивости, процветанию и региональному сотрудничеству в Центральной Азии⁵³⁴. ЕС подтвердил свою приверженность к укреплению в центральноазиатских республиках принципов демократии, прав человека и верховенства закона. В Стратегии провозглашалось содействие странам региона в продвижении суверенитета и устойчивости обществ. По сути цели, выдвинутые в новой Стратегии ЕС в Центральной Азии, совпадали с внешнеполитическими установками новой американской Стратегии в регионе на 2019-2025 гг. В обоих документах подчеркивалась необходимость защищать суверенитет стран Центральной Азии, для которых основной угрозой, по мнению стран Запада, было

⁵³¹ The EU's new Central Asia Strategy [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (дата обращения: 22.08.2020).

⁵³² Ibid.

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. P. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

растущее влияние и расширяющиеся региональные возможности России и Китая.

Как и в Стратегии 2007 г., в новой Стратегии 2019 г. ЕС нацелился продолжать курс на укрепление двусторонних отношений с пятью республиками Центральной Азии в рамках СПС и содействовать региональной интеграции. Принципиально новым моментом являлась установка на формирование прочного, современного и не-привилегированного партнерства со странами Центральной Азии для того чтобы регион развивался как стабильное, более устойчивое, процветающее и тесно интегрированное экономическое и политическое пространство⁵³⁵. Это означало, что на фоне украинского кризиса ЕС принял решение не препятствовать взаимодействию стран Центральной Азии с другими государствами и интеграционными объединениями. Интересно, что в Стратегии упоминается китайская инициатива «Одни пояс-один путь» и другие евразийские проекты как возможность для удовлетворения основных потребностей региона⁵³⁶. Это наталкивает на мысль, что ЕС не исключал возможности координации своих действий в регионе с другими геополитическими игроками – Китаем и Россией. Таким образом, новая Стратегия ЕС в Центральной Азии являлась менее идеологизированной и более прагматичной.

В отличие от предыдущей стратегии новая Стратегия ЕС в Центральной Азии коррелировалась с другими европейскими внешнеполитическими документами: Глобальной Стратегией внешней политики и безопасности ЕС, Новым европейским консенсусом по развитию, Стратегией ЕС по соединению Европы и Азии, Стратегией ЕС по Афганистану.

Очень точную оценку новой Стратегии ЕС в Центральной Азии дал российский эксперт Н. Мендкович, подчеркнув, что она является «менее конфронтационной и более ориентированной на партнерство с Россией и

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Там же.

другими региональными игроками, несмотря на сохраняющиеся разногласия»⁵³⁷.

В соответствии со Стратегией 2019 г. ЕС взял курс на максимальную интеграцию стран региона в процесс мирного урегулирования в Афганистане, пытаясь переложить ответственность за будущее этой исламской республики на центральноазиатские государства. Предполагалось обсуждение афганского вопроса на всех диалоговых площадках по линии ЕС-Центральная Азия, а также поддержка различных проектов с участием трех сторон⁵³⁸. В Стратегии подчеркивалось, что Центральная Азия и Афганистан становятся все более значимыми друг для друга, учитывая, что их интересы пересекались в таких сферах, как региональная безопасность и стабильность, управление водными ресурсами и транспортные коммуникации. Интересно, что ЕС подключил Афганистан к 10 фазе программы, разработанной для стран Центральной Азии - БОМКА, в рамках которой осуществляется межгосударственное сотрудничество в области управления границами. В сентябре 2020 г. специальный представитель ЕС в Центральной Азии П. Буриан объявил, что ЕС принял решение выделить крупную сумму - 21, 75 млн. евро на реализацию 10-й фазы БОМКА⁵³⁹. При этом за все время существования данной программы общая сумма выделенных средств составила 40,1 млн. евро.

Интересно, что на фоне представления новой Стратегии ЕС в Центральной Азии Германия, закрепившая за собой статус самого активного европейского игрока в регионе, приняла решение свернуть программы прямой помощи для Киргизии и Таджикистана в рамках Федерального министерства экономического сотрудничества и развития (BMZ). Принятие

⁵³⁷ Мендкович Н. Новая Стратегия ЕС в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/novaya-strategiya-es-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 17.07.2020).

⁵³⁸ The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. P. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

⁵³⁹ ЕС выделил €21.75 млн на реализацию 10-й фазы программы БОМКА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/es-vydellil-2175-mln-na-realizaciyu-10-fazy-programmy-bomka/> (дата обращения: 17.07.2020).

такого решения, по мнению главы BMZ, было обусловлено следующими факторами: страны, которым оказывалась эта поддержка, не демонстрируют прогресса в борьбе с коррупцией, соблюдении прав человека и улучшении качества государственного управления. BMZ согласился поддержать новые проекты, направленные на реформы в сфере медицины, малых и средних предприятий и профессионального обучения, только в Узбекистане (Казахстан и Туркменистан не были партнерами программы). Либерально-экономические реформы, проводимые руководством Узбекистана, в Германии рассматривают как основу для дальнейшего перспективного сотрудничества. Не случайно, Узбекистан стал единственной страной из региона, выбранной в качестве партнера в рамках новой «Стратегии 2030», принятой Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии.

Таким образом, анализ эволюции внешней политики ЕС в Центральной Азии позволяет сделать следующие выводы. **Во-первых,** Центральная Азия была и остается значимым направлением внешней политики ЕС ввиду своего географического положения и ресурсного потенциала. ЕС развивает двусторонние и многосторонние форматы взаимодействия со всеми странами региона, в рамках которых обсуждаются вопросы укрепления сотрудничества в сфере политики, экономики, безопасности. Между тем основу внешнеполитической стратегии ЕС в регионе формирует энергетический интерес и целенаправленные попытки диверсифицировать экспортные углеводородные потоки стран региона. Однако по степени своего политического и экономического влияния ЕС во многом уступает традиционным геополитическим акторам в регионе - России и Китаю. Несмотря на разнообразный внешнеполитический инструментарий, колоссальные ресурсы, широкие возможности, используемые Брюсселем для укрепления своих позиций в Центральной Азии, ЕС до сих пор не стал доминирующей силой в регионе. Но в то же время страны Центральной Азии рассматривают ЕС как одного из привлекательных экономических,

инвестиционных и политических партнеров. Технологический потенциал и инновационные возможности ЕС также востребованы в странах региона. **Во-вторых**, ЕС продолжает выступать в качестве посредника в решении сложных региональных проблем, существующих между странами региона. Такие европейские программы, как БОМКА, КАДАП и другие, имеют своей целью повышение авторитета Брюсселя в регионе за счет активного участия ЕС в качестве медиатора в вопросах рационального использования водных ресурсов и эффективного управления границами. **В-третьих**, несмотря на имеющуюся схожесть в интересах ЕС и США в Центральной Азии, Брюссель предпочитает действовать в качестве самостоятельного актора в регионе. **В-четвертых**, одной из приоритетных внешнеполитических задач ЕС в Центральной Азии является содействие региональной кооперации с целью максимального вовлечения в политические и экономические процессы. **В-пятых**, новая Стратегия ЕС в Центральной Азии 2019 г. демонстрирует значимость региона для внешней политики Брюсселя, усилия которого будут направлены на укрепление своих региональных позиций в условиях нарастающего геополитического противоборства. Думается, что политика ЕС в регионе была бы намного успешней, если бы Брюссель стремился к координации своих действий с более сильными региональными игроками. Несмотря на существующие трения в отношении между ЕС и Россией, есть вероятность, что обе стороны будут постепенно брать курс на нормализацию отношений, особенно в контексте осознания общих интересов в сфере безопасности и взаимовыгодного использования евразийских транспортных коммуникаций.

2.3. Китайский фактор в Центрально-Азиатском регионе

Близость географических границ обусловила необходимость выстраивания тесных разносторонних контактов Китая со странами Центральной Азии. Территории трех из пяти стран региона - Казахстана, Киргизии, Таджикистана - соприкасаются с Китаем. Протяженность их общей

границы составляет более 3 тыс. км. Этнический фактор также сближает Китай и страны региона, но в то же время этот фактор может стать потенциальным источником нестабильности. В Китае, преимущественно в западной его части, проживают уйгуры, казахи, кыргызы, таджики, узбеки и др., поддерживающие со своей исторической родиной тесные родственные и религиозно-культурные связи⁵⁴⁰.

Демонтаж СССР в 1991 г. и появление новых независимых государств к западу от границ Китая были восприняты в Пекине как угроза региональной и национальной безопасности. В Китае опасались, что политическая, экономическая и социальная нестабильность в странах региона может стать детонатором дестабилизации обстановки внутри Китая. Особое беспокойство было связано с возможным усилением этнической и религиозной напряженности в Синьцзяне, Тибете и внутренней Монголии. Геополитическая трансформация у китайских границ совпала со стремительным ростом возрождения ислама в Синьцзяне. Возвращение ислама в культурное пространство китайской автономии создало благодатную идеологическую почву для радикалов⁵⁴¹. Религиозный экстремизм мог усилить сепаратистские тенденции в Синьцзяне и вновь пробудить у уйгуров стремление создать самостоятельное государство на основе идей панисламизма и пантюркизма. В то же время ренессанс ислама происходил в странах Центральной Азии. «Даже в условиях еще сохранявшегося коммунистического режима и идеологического давления на религиозные структуры, жизнь мусульманского сообщества резко активизировалась»⁵⁴². В Китае опасались любого сближения между новыми независимыми государствами и синьцзянскими мусульманскими кругами, а также местными сепаратистскими силами, ратующими за возрождение

⁵⁴⁰ Бао И. Китай: стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 12. С. 76.

⁵⁴¹ Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2. С. 30.

⁵⁴² Муртазин М. Социо-политический аспект реисламизации на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4. С. 170.

государственности уйгуров⁵⁴³. В итоге основная стратегическая задача, которая стояла в тот период перед руководством Китая, - это создать вокруг своей территории «пояс безопасности» и не допустить негативного влияния исламских радикалов в странах региона на ситуацию в Синьцзяне.

Концептуальная основа центральноазиатской политики Китая являлась составной частью общей внешнеполитической концепции, принятой еще на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. Опираясь на принципы проведения независимой и самостоятельной внешней политики, Китай стремился подчинить свой внешнеполитический курс экономическим целям развития страны⁵⁴⁴. На современном этапе эта концепция формирует основные принципы внешней политики Китая. Они включают⁵⁴⁵: 1) Китай самостоятельно вырабатывает свою позицию по тем или иным международным вопросам, не подчиняется никакому внешнему давлению, не устанавливает никаких стратегических отношений с крупными державами или блоками стран, не участвует в гонке вооружений, не проводит военную экспансию; 2) Китай выступает против гегемонизма и защищает мир во всем мире, считая, что все государства являются равноправными членами международного сообщества; 3) Китай активно содействует созданию справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка; 4) Китай желает создать и развивать дружественное сотрудничество со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, а именно: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Именно на основе пяти принципов мирного сосуществования Китай стремился выстраивать отношения со странами

⁵⁴³Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3. С. 20.

⁵⁴⁴Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 16.

⁵⁴⁵Там же. С. 16-17.

Центральной Азии, придавая своей политике в регионе миролюбивый характер.

В 1992 г. Центральная Азия стала важным вектором дипломатической активности Китая. В январе этого года последовательно были установлены дипломатические отношения со всеми государствами региона. Китай был особенно инициативен на центральноазиатском внешнеполитическом треке. Именно по приглашению китайской стороны с февраля 1992 г. по октябрь 1993 г. Китай с официальными визитами посетили все главы государств пяти центральноазиатских государств, а также большинство глав правительств⁵⁴⁶.

Чтобы заверить страны региона в миролюбивом характере внешней политики своей страны, премьер-министр Госсовета Китая Ли Пен в апреле 1994 г. посетил регион с официальным визитом. В Ташкенте были продекларированы концептуальные принципы политики Китая в отношении центральноазиатских стран: продолжительное и добрососедское мирное сосуществование, развитие равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, стремление к совместному процветанию, уважение выбора народов центральноазиатских государств и невмешательство во внутренние дела, уважение независимости и суверенитета, способствование стабильному развитию⁵⁴⁷. Следует подчеркнуть, что на региональном уровне при выстраивании своей внешней политики Китай никогда не ставил перед собой цель закрепить за собой исключительный статус. Для Китая принципиально важное значение имело создание вокруг своих границ пояса добрососедских государств.

Понимая стратегическую значимость региона с его обширными торговыми рынками, Л. Пен обязан был представить Китай как привлекательного торгово-экономического партнера⁵⁴⁸. Экономика Китая и

⁵⁴⁶ Боровой В. Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 90-х гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 1. С. 54.

⁵⁴⁷ Китай и центральноазиатские страны: вместе открыть новую страницу в истории дружбы, сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/143271.htm> (дата обращения: 26.07.2020).

⁵⁴⁸ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 126.

стран Центральной Азии являлись взаимодополняемыми, следовательно, потенциал для экономического и торгового сотрудничества был существенным. Однако основным фактором, препятствовавшим развитию эффективного торгово-экономического сотрудничества, стала изношенная транспортная инфраструктура региона, нуждающаяся в комплексной модернизации. В начале 90-х г. прямое транспортное сообщение у Китая имелось только с Казахстаном и Киргизией⁵⁴⁹, и это благоприятно сказывалось на их торговом сотрудничестве.

В 90-е г. Китай очень активно осваивал рынки центральноазиатских стран, постепенно становясь определяющим фактором их экономического развития. Так, уже в 1994 г. Китай стал крупнейшим официальным экспортным рынком Киргизии и второй страной, откуда осуществлялся импорт. Уже тогда наблюдатели отмечали, что со временем Китай может стать доминирующим фактором в экономике Киргизии, с учетом растущих объемов официальной и челночной торговли (реэкспорт китайской продукции). Между тем в действиях Китая в Центральной Азии просматривался и политический контекст. Так, в 1996 г. в Киргизии в знак дружеских отношений с Китаем власти республики приняли решение переименовать улицу Ленина или проспект XXII партсъезда в улицу Дэн Сяопина.

Постепенно росло торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии. К середине 90-х г. Казахстан стал крупнейшим торговым партнером Китая в регионе. По официальным данным в 1997 г. объемы двусторонней торговли достигли более 500 млн. долларов. Укреплению экономических отношений между двумя странами способствовали такие факторы, как открытие железной дороги Алматы-

⁵⁴⁹ Парамонов В.В. и др. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008. С. 45.

Урумчи, доступ для Казахстана к китайскому морскому порту Ляньюньган, китайские инвестиции в западноказахстанские нефтяные месторождения⁵⁵⁰.

Выстраивать отношения со странами региона Китай стремился на двусторонней основе. Известный российский китаевед Ю.М. Галенович отмечал, что «для Китая отношения с каждой страной – это только часть его глобальной стратегии, прежде всего, потому, что двусторонние отношения Китай предпочитает вести отдельно с каждой страной, разделять все страны, поощрять индивидуальную эгоистичную политику каждой страны в отношениях со всеми остальными, иметь дело с ними поодиночке»⁵⁵¹. В 90-е г. высшее руководство Китая пыталось заверить страны региона в необходимости развивать двусторонние отношения во имя будущего. Так, в 1996 г. политические лидеры Центральноазиатских республик с одобрением встретили речь председателя КНР Цзян Цземина - «Совместно создавать прекрасное будущее сотрудничество Китая со странами Центральной Азии», на основе принципа «лицом к будущему, лицом к народу, лицом к данному региону, лицом к миру»⁵⁵².

Вопросы обеспечения региональной стабильности и безопасности оставались краеугольным камнем внешней политики Китая в Центральной Азии на протяжении последнего десятилетия XX в. В фокусе интересов были вопросы спорных границ между Китаем и странами региона. В Китае осознавали, что успешное урегулирование пограничных вопросов с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном позволило бы вывести двустороннее сотрудничество на новый уровень развития и снизить вероятность дестабилизации китайских западных рубежей. Начатый в начале 90-х г. по инициативе Китая процесс урегулирования приграничных споров с тремя центральноазиатскими странами завершился на рубеже XX-XXI в., когда были подписаны соответствующие соглашения. С Казахстаном Китай

⁵⁵⁰ Burles M. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. RAND, 1999. P. 53.

⁵⁵¹ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. С. 23.

⁵⁵² Китай и центральноазиатские страны: вместе открыть новую страницу в истории дружбы, сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/143271.htm> (дата обращения: 26.07.2020).

подписал последнее соглашение о демаркации государственной границе в 1998 г., с Киргизией - в 1999 г., с Таджикистаном - в 2002 г.

Понимая, что в одностороннем порядке не обеспечит защиту своих северо-западных рубежей, Китай инициировал новую модель многостороннего сотрудничества с участием России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Фундамент новой модели сотрудничества по приграничным проблемам был заложен в Шанхае в 1996 г., когда главы вышеупомянутых пяти государств подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах»⁵⁵³. Позднее в Москве в 1997 г. было подписано «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах»⁵⁵⁴. Эти события ознаменовали начало функционирования ежегодного «шанхайского формата» сотрудничества между пятью государствами и укрепления особого духа доверия между ними. Появление «шанхайского формата» стало прорывом китайской дипломатии и активизировало международные отношения в регионе.

Интерес Китая к Центральной Азии фокусировался вокруг углеводородного и минерального потенциала. В 90-е г. китайская экономика стремительно росла, и для ее обеспечения требовались топливные источники роста. Внутренние источники не могли в полной мере обеспечить энергетические потребности растущей экономики Китая, что обусловило особое внимание к Центральной Азии. Регион был подходящей территорией для диверсификации этих источников и маршрутов поставки энергоносителей. Однако до конца XX в. потребности Китая в нефти, даже несмотря на то, что он стал еще в 1993 г. нетто-импортером, решались за счет ее покупки на международных рынках, где нефть была в изобилии, а цены

⁵⁵³ Шанхайское соглашение с КНР 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10947126%40egNPA (дата обращения: 17.07.2020).

⁵⁵⁴ Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901779315> (дата обращения: 17.07.2020).

были низкими⁵⁵⁵. Между тем именно в этот период Китай начал создавать основу для последующего проведения эффективной энергетической политики в регионе. В этой связи Китай взял курс на развитие энергетического сотрудничества с Казахстаном, чьи богатые газовые и нефтеносные месторождения располагались недалеко от западной границы Китая. В 1997 г. китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) стала первой среди китайских инвесторов, пришедших в Казахстан⁵⁵⁶. С этой компанией Казахстан подписал Соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа, а также Соглашение по строительству нефтепровода из Казахстана в Китай⁵⁵⁷. В итоге Казахстан продал Китаю 60,3% акций «Актобемунайгаза».

Таким образом, в 90-е г. Китай демонстрировал дипломатическую активность в Центральной Азии, посредством которой создавалась прочная база для дальнейшего укрепления и развития сотрудничества в области безопасности, экономики и энергоресурсов. В этот период основные усилия Китая были направлены на поиск эффективных механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности.

В начале XXI в. потребность в энергоресурсах обусловила интенсивность политики Китая в Центральной Азии. Для своих внутренних нужд Китай резко увеличил импорт нефти, что стало отправной точкой в деле по разработке энергетической стратегии. Например, к концу 1999 г. зависимость Китая от импорта нефти возросла до 26%. Растущие на нефть цены негативно отражались на энергетическом секторе Китая. Российский дипломат А.Б. Дрякин отмечал, что «рост импорта нефти и повышение на нее мировых цен приводили к тому, что каждое повышение цен на нефть на 1 доллар стоило КНР лишних полмиллиарда американских долларов»⁵⁵⁸. В

⁵⁵⁵ Румер Е., Тренин Д., Чжао Х. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.: Новое издательство, 2008. С. 166.

⁵⁵⁶ Чуланова З. Стратегическое партнерство Казахстана и Китая в энергетической сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9426/> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵⁵⁷ Попов Д. Казахстан – ворота Китая в Центральную Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/en/node/63091> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵⁵⁸ Дрякин А.Б. Роль России в энергетической политике Китая: эволюция и перспективы // Вестник ТГУ. Вып. 8. 2015. № 148. С. 172.

таких обстоятельствах Китай сосредоточил свои дипломатические усилия в Центральной Азии на двух приоритетных для своих национальных интересов вопросах – энергетика и безопасность. Учитывая, что после 11 сентября 2001 г. кардинально изменилась геополитическая конфигурация в регионе, Китай стал проводить более активную политику по линии ШОС. За несколько месяцев до терактов в США в июне 2001 г. «шанхайский формат» был преобразован в полноценную международную организацию. Состав участников новой интеграционной структуры расширился, к организации присоединился Узбекистан. Новая модель отношений между двумя ядерными державами, Россией и Китаем, и центральноазиатскими государствами имела свои специфические особенности. В этой модели страны региона одновременно выступали в качестве субъектов политики в сферах экономики, безопасности, и объектов в российско-китайских отношениях⁵⁵⁹. Появление такой субъектно-объектной модели сотрудничества было обусловлено двумя факторами: независимым статусом центральноазиатских государств, имеющих право на проведение независимой внешней политики, и значительным разрывом в экономическом и политическом потенциале между этими странами и двумя ядерными державами⁵⁶⁰. Для Китая ШОС стал одним из основных рычагов влияния в регионе, направленного на укрепление его геостратегических позиций в сфере безопасности и экономики.

Дипломатические усилия Китая в Центральной Азии были сосредоточены на освоении нефтегазовых месторождений и вовлечении региональных государств в крупные энергетические проекты. Американская активность в Центральной Азии подталкивала Китай к реализации более результативной энергетической политики. Китай так же, как и США, проявлял большой интерес к разработке нефтяных месторождений в Казахстане. Между китайскими и американскими компаниями (Эксон-Мобил, Коноко-Филлипс) развернулась острая конкуренция за доступ к этим

⁵⁵⁹ Лузянин С.Г. ШОС: возможные пути развития // Азия и Африка сегодня. 2010. № 4 (633). С. 41.

⁵⁶⁰ Там же.

месторождениям. В августе 2003 г. китайская компания (CNPC) выкупила у саудовской компании 35%-ную долю месторождения Северный Бузач, а затем консолидировала свой пакет акций, приобретя акции Шеврон Тексако (у последней отношения с Казахстаном не сложились)⁵⁶¹. Помимо этого китайская корпорация Синорес осваивала месторождение Тенгиз, приобретя 50%-ную долю в трех крупных блоках. За 4,2 млрд. долл. Китай выкупил канадскую компанию «ПетроКазахстан».

Отчетливо наблюдалось желание Китая расширить свои возможности в сфере энергетики в регионе. В апреле 2004 г. Пекин форсировал строительство нефтепровода из Казахстана в Китай, запуск которого предусматривался в два этапа. На первом этапе (2006-2010) предполагалось строительство нефтепровода Атасу-Алашанькоу, на втором этапе (2011-2035) - строительство нефтепровода Кенкияк-Кумколь-Атасу. В мае 2006 г. был открыт нефтепровод Атасу-Алашанькоу, длина которого составила 1000 км. Предполагалось, что по этому нефтепроводу Китай будет получать до 20 млн. тонн нефти в год. Оценивая значение этого нефтепровода для Китая, профессор П. Гуан отмечал, что этот проект являлся серьезным прорывом внешней энергетической стратегии Китая, так как эта «магистраль стала первым трубопроводом, ведущим к западным районам страны, и первым трансграничным нефтепроводом»⁵⁶². Справедливо подчеркивал М. Поштитч, указывая на то, «что «стратегический подход» к энергетической политике проявлялся также в очевидной геополитической подоплеке крупномасштабных проектов с участием китайского капитала по добыче и транспортировке энергоресурсов в ряде стран, богатых энергоресурсами»⁵⁶³. Укрепляя свои позиции на энергетическом рынке Центральной Азии в качестве крупного импортера углеводородов, Китай постепенно расширял

⁵⁶¹ Гребенщиков Э. Россия и Китай на перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня. 2004. № 9 (566). С. 10.

⁵⁶² Гуан П. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 6 (54). С. 101.

⁵⁶³ Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. № 3 (20). С. 86.

масштабы своего геополитического влияния. Однако по сравнению со странами Запада Пекин склонен был признавать особые интересы России в Центральной Азии и не стремился с ней жестко конкурировать. Между тем китайские эксперты считали, что влияние России в регионе значительно ослабло. Например, Л. Лифань и Д. Шиу подчеркивали, что «...Россия пока не в состоянии восстановить свое прежнее положение в регионе, а путь к ее возрождению еще долог»⁵⁶⁴. Далее эксперты отмечали, что «реальная мощь России слабеет, она уже не в состоянии направлять достойные силы в Центральную Азию»⁵⁶⁵.

Несмотря на то, что стратегические интересы России и Китая в Центральной Азии существенно расходились, особенно на фоне активного проникновения США в регион, Москва и Пекин предпочли гармонизацию своих позиций и координацию своих действий. Китай и Россия стремились укрепить стратегическое сотрудничество и ограничить возможности США распространить свое глобальное доминирование в регионе⁵⁶⁶.

Схожие взгляды наметились у Китая и России по вопросу дальнейшего военного присутствия США в Центральной Азии, что обусловило принятие важного совместного решения относительно сроков пребывания антитеррористической коалиции в регионе. Так, в июне 2005 г. на саммите глав-государств членов ШОС в Астане Китай вместе с Россией приняли декларацию, которая призвала коалицию определиться «с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран - членов ШОС»⁵⁶⁷. Таким образом, Китай и Россия продемонстрировали твердое намерение взять на себя ответственность за поддержание стабильности и безопасности в Центральной Азии.

⁵⁶⁴ Акмалов Ш. ШОС и проблемы региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2 (38). С. 149.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Коргун В.Г. Центральная и Южная Азия: геополитические изменения после 11 сентября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4538/> (дата обращения: 27.07.2020).

⁵⁶⁷ Декларация глав-государств членов ШОС от 5 июля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17532> (дата обращения: 27.07.2020).

Укрепление позиций Китая на мировой арене потребовало корректировки внешнеполитической концепции сотрудничества с Центральноазиатскими странами. Рост экономики Китая и укрепление его мощи могли спровоцировать опасения у соседних государств, большинство из которых слабее Китая⁵⁶⁸. В период председательства Ху Цзиньтао в Китае для внешней политики была сформулирована концепция «мирного развития» на базе теории «мирного возвышения». Официально теория «мирного возвышения» была представлена премьер-министром Госсовета КНР Вэнь Цзябао в США в Гарвардском университете в 2003 г. Ее суть сводилась к следующему: «Китай является развивающейся страной, развитие которой в основном зависит от собственной инновационной системы, от внутреннего рынка, так что «мирное возвышение» не будет мешать другим государствам или представлять для кого-то угрозу»⁵⁶⁹. В 2004 г. внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения» была заменена на концепцию «мирного развития», которая коррелировалась с идеей Ху Цзиньтао «совместного построения гармоничного мира». В рамках концепции «гармоничного мира» Китай планировал уделять больше внимания отношениям с соседними государствами и содействовать их постепенному превращению в регионы долговременного и повсеместного процветания, мира и гармонии⁵⁷⁰. Центральная Азия как соседний регион представляла собой зону первостепенной важности для интересов Китая⁵⁷¹. На базе концепции «гармоничного мира» были сформулированы три базовых принципа сотрудничества со странами Центральной Азии: дружелюбное, безопасное и богатое соседство⁵⁷².

⁵⁶⁸ Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. Вып.1. 2012. С. 23.

⁵⁶⁹ Хань Ю. Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. 1 (239). С. 86.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Чанг С. Построение более гармоничного миропорядка в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. URL: https://www.libachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/076_Sinsin_Chang.pdf (дата обращения: 27.07.2020).

⁵⁷² Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. Вып.1. 2012. С. 23.

Уверенно преодолев мировой финансово-экономический кризис 2008 г., Китай стал проводить еще более активную политику в Центральной Азии, укрепляя свои геэкономические позиции. К этому моменту Китай достиг значительных успехов в сотрудничестве со странами Центральной Азии в области энергетики, включая разработку месторождений углеводородного сырья, строительство трубопроводов и гидроэлектростанций. С 2005 по 2010 гг. Китаю удалось реализовать в Казахстане стратегические сделки в нефтегазовом секторе, приобретя 100 % акций PetroKazakhstan (2005) и 50% акций АО «МангистауМунай Газ» (2009) (остальные 50 % получал «КазМунайГаз»). Последняя сделка открывала перед Китаем новые энергетические возможности в Казахстане⁵⁷³. Во-первых, за довольно небольшие деньги (2,6 млрд. долларов) Пекин приобрел почти 50% акций одной из крупнейших нефтегазовых компаний Казахстана. Во-вторых, после этой сделки присутствие Китая стало очень заметно не только в Актюбинской и Кызылординской, но и в Мангыстауской области. В-третьих, Пекин получил гарантированные ежегодные 2-3 млн. тонн нефти. В-четвертых, Китай укрепил свой имидж перспективного инвестора и будущего мирового лидера. В-пятых, с заключением этой сделки объем добычи нефти компаниями с китайским участием приблизился к 18020 млн. тонн, что означало создание ресурсной базы для нефтепровода «Западный Казахстан-Китай». Большим достижением в политике Китая в регионе стало открытие в декабре 2009 г. масштабного энергетического проекта – газопровода из Туркменистана в Китай через территорию Казахстана и Узбекистана с конечной точкой в китайском пограничном пункте Хоргос. О значимости данного события свидетельствовало присутствие на церемонии председателя КНР Ху Цзиньтао и глав государств Казахстана, Узбекистана и Туркменистана.

⁵⁷³ Сыроежкин К. Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. С. 335.

Не только в Казахстане наблюдался повышенный уровень активности Китая. Пекин также расширял механизмы своего геоэкономического влияния в других странах региона. С 2006 по 2010 г. Китай заключил соглашения с Таджикистаном о строительстве ЛЭП («Лолазор-Хатлон», «Юг-Север», ЛЭП-220), автомагистрали Душанбе-Худжант-Чанак, ГЭС «Нурабад-1», Зеравшанскую ГЭС и др.⁵⁷⁴. В Киргизии Китай также реализовывал крупные проекты, среди которых строительство подстанции «Датка», ЛЭП «Датка-Кемин», участвовал в модернизации бишкекской ТЭЦ, проявлял интерес к Камбаратинским ГЭС⁵⁷⁵. Растущее присутствие Китая в энергетике Центральной Азии закрепило за регионом статус «сырьевого придатка КНР»⁵⁷⁶. Например, по итогам 2008 г. доля сырья в поставках из стран региона в Китай составила около 91%, из которых 68% приходилось на энергоресурсы, около 15% - на черные и цветные металлы, приблизительно 6% - на химическое и около 2% - на текстильное сырье⁵⁷⁷.

Страны Центральной Азии стали не только «сырьевым придатком» Китая, но и крупными кредиторными должниками. Кредиты выступали главным внешнеполитическим инструментом укрепления региональных позиций Китая. Этот механизм Китай планировал закрепить по линии ШОС. Так, в ноябре 2010 г. во время встречи премьер-министров стран-участниц ШОС премьер-министр КНР Вэнь Цзябао предложил создать Банк развития ШОС. По мнению китайских ученых, такое предложение было своевременным и необходимым для усиления межгосударственного сотрудничества в рамках ШОС и финансовой поддержки региональных экономических проектов⁵⁷⁸. Казалось бы, что негативные последствия мирового экономического кризиса должны были сподвигнуть страны региона

⁵⁷⁴ Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. Вып. 1. 2012. С. 42.

⁵⁷⁵ Там же. С.44.

⁵⁷⁶ Там же. С. 45.

⁵⁷⁷ Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 13. Вып. 4. 2010. С. 67.

⁵⁷⁸ О создании банка развития ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7646474.html> (дата обращения: 27.07.2020).

и Россию поддержать эту заманчивую идею. Однако Россия на официальном уровне высказалась в поддержку реализации этого проекта, но в дальнейшем оттягивала процесс его перехода в практическую плоскость. Существование подобного финансового института в рамках ШОС, способного усилить экономические позиции Китая в Центральной Азии, было абсолютно не выгодно России. Между тем Китай продолжал наращивать свое финансовое присутствие в Центральной Азии, выступая главным кредитором стран региона⁵⁷⁹. При этом Пекин в рамках двусторонних договоренностей диктовал свои условия кредитования.

Непримиримая позиция Москвы по отношению к созданию Банка ШОС постепенно вызвала недовольство со стороны стран Центральной Азии. Руководитель программы «Россия в АТР» Московского центра Карнеги А. Габуев отмечал, что в неформальных разговорах раздражение «неконструктивной позицией» Москвы выражали многие чиновники и банкиры государств Центральной Азии, в особенности Казахстана⁵⁸⁰. Несмотря на отсутствие согласованности по этому вопросу, в 2013 г. в Бишкекской декларации, подписанной по итогам саммита, подчеркивалось: «Главы государств отметили важность проводимой работы по изучению вопросов создания Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС и поручили продолжить усилия в целях ее скорейшего завершения»⁵⁸¹.

Евразийская концепция интеграции России и проект «Нового Шелкового пути» США, которые активно лоббировались этими ведущими центрами силы в Центральной Азии, стали для Китая геополитическим вызовом. В ответ на этот вызов был выдвинут китайский мегапроект «Один пояс-один путь» (ОПОП), расширяющий экономические возможности Пекина

⁵⁷⁹ Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. Январь-февраль. № 1. С. 144.

⁵⁸⁰ Там же. С. 149.

⁵⁸¹ Бишкекская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 13 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1527> (дата обращения: 3.08.2020).

и укрепляющий его геополитические позиции в регионе. На экспертном уровне в Китае не только подчеркивали экономическую направленность данного проекта, но и объясняли его «как прорыв «стратегического окружения» на западном направлении, то есть как срыв американского курса на региональное сдерживание Китая»⁵⁸². Проект ОПОП можно было также рассматривать как китайскую версию глобализации в противовес вестернизации, направленной на конструирование благоприятного экономического климата для реализации интересов Китая в мире.

В рамках этого проекта председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Университете Назарбаева в сентябре 2013 г., предложил «объединить усилия и на основе инновационных методов взаимодействия создать Экономическую зону Великого шелкового пути, сделать поддерживаемые между евроазиатскими странами экономические связи более тесными»⁵⁸³. Целью проекта являлось укрепление экономического сотрудничества между странами, развитие торговли, реализация инфраструктурных проектов. Китайская концепция «Один пояс-один путь» (ОПОП) выдвигала пять приоритетов сотрудничества⁵⁸⁴: 1) координацию национальных экономических стратегий; 2) повышение связанности национальных инфраструктурных систем; 3) снятие препятствий для торговли и инвестиций; 4) финансовую кооперацию; 5) гуманитарные связи. В рамках концепции не предусматривалось создание наднациональных органов, проведение географических границ, установление отправных и конечных пунктов⁵⁸⁵. Именно эти, ни к чему не обязывающие принципы сотрудничества, стали привлекательными для стран Центральной Азии. Безусловным приоритетом в рамках развития ОПОП был курс на взаимодействие с ведущими евразийскими интеграционными объединениями – ЕАЭС и ШОС.

⁵⁸² Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // *Международная жизнь*. 2015. Август. С. 100.

⁵⁸³ Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М: Эксмо, 2015. С. 169.

⁵⁸⁴ Салицкий А.И., Семенова Н.К. Россия и евроазиатский проект Китая // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 7 (708). С.6.

⁵⁸⁵ Там же. С. 170.

Появление китайского мегапроекта ОПОП вызвало бурную дискуссию в академических кругах стран Запада и России по поводу его истинных целей. Однако первоначально интересной представляется оценка проекта китайскими учеными. Так, китайские исследователи считали проект очень важным для развития национальных экономик Китая и стран Центральной Азии, т.к. у этих стран существует отчетливая дополняемость экономических структур⁵⁸⁶. По мнению старшего научного сотрудника отдела стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Ю. Чжочао, при реализации китайского проекта необходимо учитывать геополитическую конкуренцию, которая разворачивается между мировыми державами в регионе⁵⁸⁷. Ю. Чжочао выделял одно из главных преимуществ проекта - это отсутствие в нем каких-либо обязательств по отношению к участникам. В частности, он отмечал: «ЭПШП – это не интеграционная структура, не региональная или международная организация, а инициатива взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития»⁵⁸⁸. В США довольно критично оценили китайский проект, рассматривая его как неоимперскую модель сотрудничества Китая со странами региона. Так, профессор Гарвардского университета Э. Фрейманн отмечал, что ОПОП являлся обновленной версией древнекитайской модели сотрудничества с соседними государствами, в основе которой лежали политические, а не экономические цели⁵⁸⁹. Э. Фрейманн оценивал китайский мегапроект как имперскую модель гармоничных отношений Китая с малыми странами. В последствии именно таким содержанием страны Запада стремились наполнить медийную повестку дня, раздувая миф «о китайской угрозе». Между тем развеять неоимперские страхи стран Центральной Азии и укрепить с ними высокий уровень доверия Пекин стремился посредством

⁵⁸⁶ Мозиас П.М. Указ. соч. С. 127.

⁵⁸⁷ Чжочао Ю. О концепции «экономического пояса Шелкового пути» // Постсоветский материк. 2015. № 1 (5). С. 25.

⁵⁸⁸ Там же. С. 27.

⁵⁸⁹ One Belt One Road and Great Power Competition: A Conversation with Eyck Freymann [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hudson.org/events/1912-virtual-event-one-belt-one-road-and-great-power-competition-a-conversation-with-eyck-freymann22021> (дата обращения: 3.08.2020).

своих постоянных официальных заявлений об отсутствии намерений вмешиваться во внутренние дела суверенных государств. Интересной представляется точка зрения российского китаевода Ю. Тавровского, который оценивал ОПОП как начало активизации стратегической обороны Китая, «призванной отвести от страны все более реальную угрозу одновременного военно-политического сдерживания и экономической блокады, заручиться поддержкой сопредельных государств, создать альтернативные торговые пути»⁵⁹⁰. По мнению ведущих российских востоковедов М.Л. Титаренко, А.Г. Ларина, В.А. Матвеева, концепция ЭПШП служит идеологической оболочкой для китайской экспансии в Центральную Азию⁵⁹¹. Ведущий эксперт из Казахстана К. Сыроежкин подчеркивал, что ЭПШП может сыграть в Центральной Азии свою позитивную роль при разумном подходе к анализу плюсов и минусов этой инициативы⁵⁹². Помимо экономических и военно-политических задач, китайский проект ОПОП может успешно решать и политические цели, содействуя мирному сотрудничеству. Справедливо отмечал сербско-американский экономист Б. Миланович, что «интеллектуальные предпосылки этого проекта уходят далеко в прошлое, к идее о том, что торговля полезна для мира во всем мире, а не к кантовскому взгляду на то, что прочный мир возможен только между демократическими странами»⁵⁹³. Таким образом, несмотря на разницу в характере политических режимов, любое заинтересованное государство имело возможность принять участие в ОПОП. Посредством экономических механизмов в рамках ОПОП Китай стремился создать условия для сотрудничества между странами Европы и Азии.

⁵⁹⁰ Тавровский Ю. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: Эксмо, 2015. С. 175.

⁵⁹¹ Титаренко М.Л., Ларин А.Г., Матвеев В.А. Концепция экономического пояса Шелкового пути и интересы России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 36.

⁵⁹² Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций. Вып. 6. Т. 9. 2016. С. 120.

⁵⁹³ Milanovich B. The west is mired in 'soft' development. China is trying the 'hard' stuff [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2017/may/17/belt-road-project-the-west-is-mired-in-soft-development-china-is-trying-the-hard-stuff> (дата обращения: 3.08.2020).

Инициатива ЭПШП является для Китая возможностью прочно укрепить свое влияние в Центральной Азии и воспрепятствовать монополизации региона другими геополитическими игроками. Безусловно, китайский проект ставит своей целью защитить интересы Поднебесной в Евразии и превратить Китай в сильное государство на мировой арене. С одной стороны, ЭПШП формирует состояние экономической зависимости центральноазиатских стран от Китая, но, с другой стороны, открывает широкие возможности для извлечения выгод. При этом большие сложности в рамках сотрудничества Китая и стран Центральной Азии возникают в финансовой сфере, «когда китайские кредиты и инвестиции в рамках ОПОП воспринимались не только как возможность заткнуть свои бюджетные дыры, но и зачастую как способ присвоения средств в целях личного обогащения»⁵⁹⁴. Именно это стало основной причиной пересмотра Китаем ряда значимых инфраструктурных проектов в свете снижения расходов⁵⁹⁵. В последнее время наметился переход Китая к новой стратегии экономического взаимодействия с государствами региона, в рамках которой предпочтение отдается производству готовой продукции, а не финансированию крупных инфраструктурных проектов⁵⁹⁶.

Траектория движения китайского мегапроекта ОПОП включала сухопутные трансевразийские транспортные коридоры (Экономический пояс Шелкового пути) (ЭПШП) и морские маршруты (Морской Шелковый путь) (МШП). В рамках сухопутного Шелкового пути, где Центральной Азии отводилось ключевое место, предполагалось создать три транзитных коридора: 1) от Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР через Центральную Азию и Россию в Европу; 2) от Синьцзяна через ЦА в обход Каспийского моря с юга до стран побережья Персидского залива и до Средиземноморья; 3) от западных и юго-восточных провинций Китая в

⁵⁹⁴ Степанов Н.С. Влияние ЕАЭС и ОПОП на ускорение модернизации экономических моделей развития России и Китая // Россия и современный мир. 2020. № 3 (108). С. 111.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Клей ван дер Д. Китай меняет стратегию в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20201206/248672798.html> (дата обращения: 3.08.2020).

Южную Азию, к побережью Индийского океана и в Юго-Восточную Азию⁵⁹⁷. Первые два маршрута начинались в китайском автономном районе Синьцзянь, что было связано с желанием Пекина продолжать содействовать экономическому развитию своих приграничных с Центральной Азией территорий. На фоне развития ЭПШП резко возросла роль сухопутного порта Хоргос, расположенного на границе между СУАР и Казахстаном, и являющегося стратегическим хабом на пути движения товаров из Китая в Европу. Так, в июле 2020 г. китайская компания China Railway Urumqi сообщила о рекордном количестве входящих и исходящих грузов через порт Хоргос⁵⁹⁸.

Китайский проект представляется весьма интересным как по своим целям, так и по солидному финансовому потенциалу. При успешной его реализации страны Центральной Азии получили бы мощный импульс для своего развития. В перспективе Китай планировал создать разветвленную транспортно-коммуникационную сеть, в границах которой будут циркулировать торговые потоки между Азией и Европой. С одного конца этой разветвленной сети должны были находиться активные «драйверы» Восточной Азии, с другого – развитые экономики Европы, а посередине, в сердце Евразии – обширные территории стран Центральной Азии со значительным ресурсным и экономическим потенциалом развития⁵⁹⁹. На развитие транспортной и логистической инфраструктуры вдоль Шелкового пути Китай выделял значительные финансовые ресурсы. Так, в ноябре 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил о готовности Китая вложить 40 млрд. долларов в фонд проекта ЭПШП для финансирования строительства и

⁵⁹⁷ Мозиас П.М. Китайский проект «Один пояс, один путь»: промежуточные результаты реализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. 2020. № 4. С. 125.

⁵⁹⁸ Сухопутный порт Хоргос между Китаем и Казахстаном бьет рекорды грузооборота [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3016452.html> (дата обращения: 3.08.2020).

⁵⁹⁹ Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и США для Евразии / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. С. 64.

модернизации автомобильных дорог, железнодорожных магистралей и трубопроводов⁶⁰⁰.

В рамках ЭПШП Китай реализует трубопроводные и инфраструктурные проекты, которые позволяют ему экономически привязать к себе страны Центральной Азии⁶⁰¹. Так, в 2015 г. Китай и Казахстан подписали соглашение о сотрудничестве в области индустриализации и инвестиций. В Казахстане реализуется 55 совместных с Китаем проектов на сумму 27,6 млрд. долларов в таких сферах, как металлургия, переработка нефти и газа, химическая промышленность и т.д. На современном этапе в рамках китайского проекта ОПОП Китай и Казахстан дали старт таким крупным инфраструктурным проектам, как порт Ляньюньган; сухой порт "Хоргос — Восточные ворота" на границе с Китаем; порт Актау на Каспийском море; новый железнодорожный коридор Казахстан — Туркменистан — Иран общей протяженностью около 900 км, соединяющий страны Центральной Азии с Персидским заливом и портом Бендер-Аббас на юге Ирана; а также международный транзитный коридор Западная Европа — Западный Китай, часть которого проходит через Казахстан⁶⁰².

Инвестиционное и инфраструктурное сотрудничество является краеугольным камнем китайско-киргизских отношений. В 2015 г. в Киргизии был открыт нефтеперерабатывающий завод, мощность которого составляет около 400 тыс. тонн продукции в год. В 2015 г. между Китаем и Киргизией были достигнуты договоренности о запуске ряда крупных проектов: строительство китайско-кыргызского газопровода протяженностью 225 км; разработка золотомедного месторождения Курутегерек; запуск строительства цементного завода «Кемин»⁶⁰³.

⁶⁰⁰ Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение Евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 3. С.41.

⁶⁰¹ Панфилова В. Пекин взял Центральную Азию в газовое кольцо [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2014-03-14/1_asia.html (дата обращения: 3.08.2020).

⁶⁰² Китай стал крупнейшим инвестором транспортной инфраструктуры Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4947157-kitay-stal-krupneyshim-investorom.html> (дата обращения: 5.08.2020).

⁶⁰³ Даюй Ц. Одна планета – один мир для всех // Деловой собеседник. 2015. № 47. С. 16.

Китайский проект ЭПШП позволил вывести китайско-узбекские отношения на качественно новый уровень сотрудничества. Одним из крупнейших совместных транспортно-коммуникационных проектов стало строительство железной дороги Ангрэн – Пап с тоннелем на высокогорном перевале Камчик, которая была запущена в 2016 г.⁶⁰⁴. Этот инфраструктурный проект стал одним из самых сложных. Так, по уровню сложности строительных работ проект занял восьмое место в мире и первое в СНГ и тринадцатое место в мире по протяженности⁶⁰⁵. Проект имеет стратегическую важность для Узбекистана, так как позволяет снизить транспортно-коммуникационную зависимость от соседей – Таджикистана и Киргизии. Данный проект укрепляет политическую стабильность Узбекистана и позволяет оперативно реагировать как на внутренние неурядицы, так и на внешние факторы путем переброски в случае необходимости большого количества войск в Ферганскую долину⁶⁰⁶.

Приоритетной сферой вложения инвестиций для Китая в Таджикистане является транспортная инфраструктура. Руководство Таджикистана большое значение придает китайской инициативе ЭПШП, имеющей «исторический смысл», особенно для государств, не имеющих выхода к морю⁶⁰⁷. Широкие экономические возможности открыл перед Таджикистаном КПП Кульма/Карасу на границе с Китаем, введенный в эксплуатацию еще в мае 2004 г. С тех пор китайско-таджикское сотрудничество развивается по восходящей линии. Китай оказывает содействие Таджикистану в реконструкции автодорог, помогает строить новые мосты и тоннели. На современном этапе Китай запланировал выделить Таджикистану денежные средства на реконструкцию 92-километрового участка автодороги Калаи-

⁶⁰⁴ Стратегическое партнерство Узбекистана и Китая набирает обороты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-05--strategicheskoe-partnerstvo-uzbekistana-i-kitaja-nabiraet-oboroty-45760> (дата обращения: 5.08.2020).

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Железная дорога Ангрэн-Пап: чего ждать Киргизии и Таджикистану? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2091030.html> (дата обращения: 3.08.2020).

⁶⁰⁷ Алимов Р.К. О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. С. 301.

Хумба – граница Рушанского района и на строительство дороги в труднодоступной горной местности вдоль реки Пяндж на таджикско-афганской границе⁶⁰⁸. Значимым проектом для Китая в Таджикистане является прокладка газопровода, ветки D, из Туркмении в Китай, протяженностью 1560 метров, строительство которой было начато в 2014 г. Помимо Таджикистана в проекте четвертой ветки газопровода принимает участие Киргизия. В Киргизии Китай планирует проложить 225-километровый трубопровод по территории Ошской области.

Таким образом, посредством ЭПШП укрепляется экономическое положение Китая в Центральной Азии. Благодаря стремительно развивающемуся двустороннему экономическому сотрудничеству Китая с государствами Центральной Азии, геоэкономическое влияние Поднебесной во многом превосходит влияние России, США и ЕС. В перспективе такая ситуация открывает перед Пекином возможность конвертировать своё экономическое влияние в политические выгоды.

Историческим событием для региона стало сопряжение российского интеграционного евразийского проекта и китайской инициативы ЭПШП в 2015 г. Однако оценки этому событию давались неоднозначные. Еще до сопряжения двух проектов представитель российского клуба финансовых директоров Т. Касьянова, говоря о перспективах возможного слияние ЕАЭС и ЭПШП, отмечала: «У России и Китая разная история, разные ценности. И цели, которые преследуют страны-инициаторы, тоже не совпадают, а то и вовсе противоречат друг другу»⁶⁰⁹. По мнению руководителя Евразийской программы клуба «Валдай» Т. Бордачева, цели национального развития как Китая, так и России не требуют конфликта. Политолог справедливо отмечал, что «обе великие державы ищут в общем соседстве разные ресурсы и возможности: Россия - рабочую силу, а Китай - пространство для

⁶⁰⁸ Ионова Е. Таджикистан в орбите интересов Китая и России // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3. С. 110.

⁶⁰⁹ Титаренко М.Л., Ларин А.Г., Матвеев В.А. Концепция экономического пояса Шелкового пути и интересы России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С.5.

инвестиционной экспансии»⁶¹⁰. Для стран Центральной Азии сопряжение двух проектов несет в себе ряд преимуществ: во-первых, расширяет возможности в сфере развития инфраструктурного сотрудничества; во-вторых, создает условия для проявления большей самостоятельности; в-третьих, снижает риск возможного столкновения геополитических интересов Китая и России в регионе; в-четвертых, развеивает опасения о возможности исключительного доминирования России в евразийской интеграции.

Китай в отличие от стран Запада не склонен к геополитическому соперничеству с Россией в Центральной Азии и заинтересован в поддержании региональной безопасности и стабильности совместно с Москвой. По мнению К. Сыроежкина, «стратегические цели Китая и России в Киргизии совпадают. Обоим государствам нужна стабильность»⁶¹¹. Оба государства активно взаимодействуют в борьбе с тремя силами зла: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Оба государства пытаются поддерживать региональную стабильность и безопасность посредством интегрирования стран региона в экономические проекты, которые создают основу для их роста. Стратегическая стабильность в Центральной Азии во многом будет зависеть от партнерства России и Китая. Справедливо отмечал президент Российского совета по международным делам И. Иванов, что Россия и Китай демонстрируют не только образец современных межгосударственных отношений, но и играют все более существенную роль в поддержании стратегического баланса и стабильности в мире⁶¹². Между тем и в китайской инициативе, и в евразийской интеграции, где Россия выступает локомотивом, страны Центральной Азии находятся в уязвимом положении по отношению к глобальным державам. Однако такие асимметричные отношения являются объективными и не оставляют выбора малым странам региона как только стремиться к отстаиванию своих национальных интересов.

⁶¹⁰ Бордачев Т. Не упустить «момент Евразии» // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 195.

⁶¹¹ Центральная Азия является для Китая лишь сырьевым придатком [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1990387.html> (дата обращения: 3.08.2020).

⁶¹² Иванов И. Сломать алгоритм истории. Российская газета. 13 июня, 2018. № 126 (7589).

За годы независимости стран Центральной Азии Китай приобрел несколько рычагов влияния в регионе. Во-первых, это торгово-экономическое сотрудничество со странами региона. По итогам 2019 г. объем внешней торговли Китая со странами Центральной Азии составил 46,3 млрд. долларов. Из них объем внешнеторгового оборота Китая с Казахстаном — 22,0 млрд дол. (0,48 %), Туркменистаном — 9,1 млрд дол. (0,20 %), Узбекистаном — 7,2 млрд дол. (0,16 %), Киргизией — 6,3 млрд дол. (0,14 %), Таджикистаном — 1,7 млрд дол. (0,04 %) ⁶¹³. В основном Китай импортирует из стран региона различное сырье (минеральные продукты и руды различных металлов), а экспортирует – готовую промышленную продукцию ⁶¹⁴. Во-вторых, одним из главных рычагов влияния Китая в регионе являются инвестиции. Для всех без исключения стран Центральной Азии Китай стал привлекательным инвестиционным партнером. Казахстан лидирует по количеству китайских инвестиций в Центральной Азии. С 2005 по 2019 гг. сумма их в казахстанские компании и совместные проекты составила 35 млрд. долл. Приоритетной сферой вложения стала энергетика – 24,28 млрд. долл. Также Китай вложил инвестиции в химическое производство Казахстана – 3,7 млрд., в добычу, обработку и обогащение металлов – 2,3 млрд. долларов, в строительство – 350 млн. долларов ⁶¹⁵. По данным Американского института предпринимательства (АЕИ), за 2005-2018 г. объем накопленных китайских инвестиций в Киргизию составил 4,73 млрд. долларов ⁶¹⁶. Между тем пресс-служба правительства сообщает о наметившейся тенденции сокращения китайских инвестиций в регион, что, скорее всего, обусловлено растущим недоверием киргизского общества по отношению к китайским бизнесменам. Китай является основным инвестором Узбекистана. По итогам 2019 г. доля

⁶¹³ Суходолов Я.А. Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // Известия байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 1. С. 52.

⁶¹⁴ Там же.

⁶¹⁵ Есеналиева А. Как китайские инвесторы финансируют экономику Казахстана. Инфографика [Электронный ресурс]. URL: <https://lsm.kz/investicii-kitaya> (дата обращения: 3.08.2020).

⁶¹⁶ Кузьмина Е. Борьба за инвестиции и серый импорт: отношения Кыргызстана и Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/investitsii-i-seryy-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/> (дата обращения: 3.08.2020).

Китай в общем объеме инвестиций в Узбекистане составила 26,2%⁶¹⁷. Для сравнения: доля России – 10,6%. В 2019 г. общий объем китайских инвестиций в Таджикистане составил 2,6 млрд. долларов. Наряду с Казахстаном Туркменистан также является привлекательной страной для вложения китайских инвестиций, особенно в нефтегазовую отрасль. В. Парамонов и А. Строков отмечали, что «масштабы китайского присутствия в туркменской нефтегазовой отрасли достаточно велики, учитывая, что КНР контролирует более 1/4 туркменской газодобычи и на ее долю приходится не менее 2/3 всего объема иностранных финансовых вложений»⁶¹⁸. В-третьих, Китай выделяет странам региона гранты, льготные кредиты и беспроцентные займы. В последние годы наблюдается увеличение объемов китайской помощи центральноазиатским странам, что отражает повышение значимости региона во внешней политике Пекина, его заинтересованность в интеграцию республик в проекте ЭПШП⁶¹⁹.

Обостряющееся геополитическое соперничество между внерегиональными государствами в Центральной Азии вкупе с антикитайской политикой США стимулировали руководство Китая к поиску новых механизмов продвижения своих интересов в регионе. Так, 16 июля 2020 г. по инициативе Китая состоялась первая встреча министров иностранных дел в формате «ЦА-Китай». На официальном уровне провозглашалось, что основной целью нового многостороннего формата являлось продвижение взаимовыгодного сотрудничества в новых условиях и совместное противодействие глобальным вызовам⁶²⁰. На первой встрече стороны выразили готовность совместно противостоять коронавирусной пандемии и осуществлять поиск путей преодоления ее последствий для

⁶¹⁷ Китай назвали основным инвестором Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spot.uz/ru/2020/09/22/invest/> (дата обращения: 5.08.2020).

⁶¹⁸ Парамонов В., Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовом секторе Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т.18. Вып. 3-4. С. 211.

⁶¹⁹ Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 81.

⁶²⁰ Алимов Р. Китай и Центральная Азия: новый формат партнерства открывает дополнительные возможности для сотрудничества и развития региона [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0514/c95181-9850039.html> (дата обращения: 3.11.2021).

экономики. Также китайская сторона выразила намерение оказывать поддержку странам региона в наращивании сельскохозяйственной продукции и расширении поставок на китайский рынок высококачественных и органических продуктов из стран региона. В фокусе внимания были вопросы сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, включая афганский вопрос и важность содействия мирному процессу в Афганистане⁶²¹. На второй министерской встрече, которая проходила 12 мая 2021 г. в Сиане стороны разработали совместные механизмы осуществления эффективного многостороннего сотрудничества⁶²². Во-первых, был создан орган на уровне заместителей министров иностранных дел, призванный координировать работу по подготовке встреч и контролю за реализацией их итогов. Во-вторых, запланировано, что в каждом внешнеполитическом ведомстве будет действовать контактный механизм, своеобразный штаб. В-третьих, намечено создание механизма, который будет способствовать поддержанию регулярного диалога на академическом и экспертном уровнях. В-четвёртых, сформированы приоритетные направления сотрудничества. В-пятых, стороны договорились о разработке и принятии комплексного Плана совместных действий, ориентированного на достижение практических результатов.

Растущее влияние Китая в регионе и его щедрая финансовая помощь стали основными факторами, вызывающими антикитайские настроения среди населения стран Центральной Азии. На официальном уровне Пекин не раз заявлял, что оказываемая им финансовая помощь не преследует каких-то политических требований.

В процессе продвижения своих экономических интересов в Центральной Азии Китай сталкивается с рядом существенных проблем: во-

⁶²¹ Состоялась 1-я министерская встреча «Центральная Азия-Китай» в формате видеоконференции [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/sostoyalas-1-ya-ministerskaya-vstrecha-centralnaya-aziya-kitay--v-formate-vidеokоnferenciі> (дата обращения: 8.11.2021).

⁶²² Алимов Р. Китай и Центральная Азия: новый формат партнерства открывает дополнительные возможности для сотрудничества и развития региона [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0514/c95181-9850039.html> (дата обращения: 3.11.2021).

первых, это обвинения в сторону китайских компаний в нарушении экологических норм; во-вторых, в медийном пространстве – это раздуваемая западными неправительственными структурами неприязнь по отношению к Китаю со стороны населения республик. Так, население некоторых регионов Киргизии, где работают компании из Китая, особенно на золоторудных месторождениях, очень негативно относятся к любой деятельности китайских рабочих. Местные жители обвиняют китайцев в загрязнении окружающей среды. В 2019 г. жители Нарына в ультимативной форме потребовали от властей разорвать контракт с китайской компанией, занимающейся разработкой золота на Солтон-Сары. На негативное восприятие Китая как нарушителя экологических норм в Киргизии влияет международный образ Китая как «главного мирового загрязнителя».

По мере расширения экономического влияния Китая в Центральной Азии растет и социальное недовольство населения, которое усматривает в действиях своего восточного соседа экспансионистские устремления. Большую роль в восприятии Китая населением республик играет историческая память, основанная на боязни «Срединной империи». Не случайно американские политологи М.Ларуэль и С. Пейрус подчеркивали, что «в коллективной памяти, отраженной в эпосах народов региона, особенно у казахов и киргизов, Китай представляется державой, враждебной народам степей и ислама, господство которой следовало избегать любой ценой»⁶²³. На современном этапе историческая память вкупе с чрезмерной региональной экономической и политической активностью Китая укрепляет убежденность населения республик в том, что от восточного соседа исходит угроза.

В последнее время антикитайские протесты стали частым явлением в Киргизии и Казахстане. В январе 2019 г. в Бишкеке, столице Киргизии, собралось около 300 человек, которые выдвинули властям следующие требования: депортировать нелегальных китайских мигрантов; отказывать в выдаче гражданства китайцам, вступающим в брак с жителями республики;

⁶²³ Ларуэль М., Пейрус С. Вынужденная дружба // Россия в глобальной политике. 2010. Т.8. № 2. С. 103.

прекратить преследование киргизов в лагерях для перевоспитания в Сынцзяне; не расширять экономические связи между двумя государствами. В ответ на эти демонстрации власти Киргизии акцентировали внимание на необходимости укреплять сотрудничество с Китаем для развития национальной экономики. В республике действительно существует насущная потребность в привлечении китайских инвестиций, китайской рабочей силы и оборудования. Китайские предприятия и совместные киргизско-китайские компании были открыты в сложных регионах страны - в Баткенской и Джалал-Абадской областях, - испытывающих трудности в экономическом и социальном развитии.

В Казахстане наблюдается похожая ситуация: у части населения республики прослеживается крайне негативное отношение к Китаю. В сентябре 2019 г. накануне визита президента Казахстана К. Ж. Токаева в Китай прокатилась волна демонстраций по таким крупным казахстанским городам, как Нур-Султан, Алма-Ата, Караганда, Шимкент, Актобе, Жанаозень. Население этих городов вышло с плакатами «Нет экспансии Китая». Митингующие выступили против соглашения, согласно которому Китай намерен был профинансировать 55 проектов в сфере сельского хозяйства и промышленности на территории Казахстана⁶²⁴. Население Казахстана так же, как и Киргизии, выступает против китайской миграции в регион.

В отличие от Казахстана и Киргизии в Таджикистане среди населения за последние годы сформировалось довольно благоприятное впечатление о Китае. Данные социологического опроса за 2016 г. свидетельствуют о положительной тенденции в формировании образа Китая среди таджиков. Так, более 90% респондентов позитивно оценивают влияние Китая на Таджикистан. Востоковед из Таджикистана М. Олимов отмечает, «что население Таджикистана считает Китай второй после России страной,

⁶²⁴ Панфилова В. Казахстанцы взбунтовались против китайского влияния [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-09-05/1_7669_kazakhstan.html (дата обращения: 7.08.2020).

рассматриваемой в качестве политического и культурно-цивилизационного сюзерена Таджикистана. Третьей страной, оказывающей наиболее значительное воздействие на Таджикистан, является Иран»⁶²⁵.

Раздувание синофобских настроений, особенно в медийном пространстве и социальных сетях, нацелено на подрыв геополитических и геоэкономических позиций Китая в регионе. Например, в Таджикистане, который так же, как и Казахстан и Киргизия имеет общую границу с Китаем, все основные страхи и опасения в отношении китайской экспансии раздуваются в СМИ. Таджикский политолог А.Рашид Гани справедливо отмечал, что эти опасения имеют эмоциональную окраску⁶²⁶. В то же время А. Рашид Гани подчеркивал, что отношения между Китаем и странами Центральной Азии являются безальтернативными⁶²⁷. На фоне обостряющейся конкуренции между мировыми державами за сферы влияния миф о «китайской угрозе» используется странами Запада как идеологический инструмент для подрыва позиций своих противников. При этом социальные сети выступают в качестве основного средства распространения подобных мифов. Между тем Китай заинтересован в региональной стабильности и в рамках ШОС позиционирует себя хранителем миролюбивых принципов. При этом в поддержании региональной безопасности Китай предпочитает опираться на коллективные усилия. Власти в Пекине прекрасно осознают, что они больше выигрывают от следования курсу выстраивания прагматичных отношений со странами региона, нежели если они будут действовать в духе неоимперской политики.

Опасения населения стран Центральной Азии, которые очень мало знают о своем восточном соседе, являются оправданными, особенно на фоне растущих экономических амбиций Китая. Однако уровень недоверия к Китаю

⁶²⁵ Олимов М. В Центральной Азии Китай вызывает двойственное чувство восхищения и страха [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/21728-eksperty-v-tsentralnoj-azii-kitaj-vyzyvaet-dvojstvennoe-chuvstvo-voshischenija-i-straha.html> (дата обращения: 3.08.2020).

⁶²⁶ Гани А.Р. Таджикистан и Китай: стратегическое партнерство или безальтернативность? [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/rashid-abdullo-tadzhikistan-i-kitaj-strategicheskoe-partnerstvo-ili-bezalternativnost-2> (дата обращения: 3.08.2020).

⁶²⁷ Там же.

можно снизить за счет появления специальной публицистической литературы. Справедливо отмечал киргизский ученый М. Иманалиев, что актуальнейшая задача, которая на современном этапе стоит перед центральноазиатскими политиками, общественными деятелями и учеными – это быстрое создание исследовательских институтов, которые могли бы профессионально заниматься вопросами более серьезного и комплексного изучения Китая⁶²⁸.

Таким образом, с момента образования суверенных государств Китай проводит в Центральной Азии активную внешнюю политику, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, общей географической границей, положительно влияющей на интенсификацию торгово-экономического сотрудничества. Китай и страны Центральной Азии, являясь взаимодополняемыми экономиками, получают хорошую возможность нарастить свой импорт и экспорт. Во-вторых, сырьевой и углеводородный потенциал региона будет и дальше формировать фокус китайских интересов в регионе. Для удовлетворения своих экономических потребностей и модернизации северо-западных территорий Китай будет продолжать вовлекать страны Центральной Азии в свои трубопроводные и инфраструктурные проекты. В-третьих, Китай будет стремиться в рамках ЭПШП развивать транспортно-коммуникационный потенциал региона, вкладывая средства в строительство железных и автомобильных дорог. Исходя из этого, Китай рассматривает Центральную Азию как транзитную зону и сырьевую базу, создавая в регионе возможности для своего собственного развития. Однако Китай, воспринимая Центральную Азию как источник своего внутреннего развития, не заинтересован в дестабилизации региона и будет продолжать вносить свою лепту в дело по поддержанию региональной стабильности и безопасности, используя для этого инструменты ШОС. Новый многосторонний формат сотрудничества «ЦА-

⁶²⁸ Иманалиев М. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetskoe-razvitiie/> (дата обращения: 3.08.2020).

Китай», направленный на совместную борьбу с глобальными угрозами, будет рассматриваться Китаем как возможность расширить свое политическое влияние в Центральной Азии. Между тем население стран Центральной Азии видит в Китае растущую угрозу. Особенно антикитайские настроения сильны в приграничных с Китаем странах, таких как Казахстан и Киргизия. Настороженность и подозрительность по отношению к Китаю будут и дальше оказывать негативный эффект на двусторонние отношения и требовать повышенного внимания властей стран Центральной Азии к этой проблеме.

В перспективе Китай продолжит проецировать свое влияние на Центральную Азию, усиливая алармистские настроения среди населения стран региона. Активность Китая будет вызывать негативные эмоции у других влиятельных игроков в регионе, увеличивая градус геополитического соперничества. Странам Центральной Азии можно и дальше продолжать бояться китайской экспансии, а можно воспользоваться шансом и выстроить взаимовыгодную модель сотрудничества. То же можно сказать и России, которая больше выиграет от конструктивного сотрудничества с Китаем в Центральной Азии, нежели чем будет придерживаться недружественной линии поведения. В Центральной Азии Китай и Россия могут не жестко конкурировать, а успешно координировать свою политику и развивать сотрудничество в таких стратегических сферах, как геополитика, экономика и безопасность.

ГЛАВА 3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1. Центральноазиатский вектор внешней политики Турции

Появление новых независимых государств в Центральной Азии в 1991 г. открыло перед Турцией, имеющей этническое, лингвистическое и религиозное сходство с народами этих государств, широкие возможности. Благодаря этому сходству Турция рассматривалась странами региона как наиболее привлекательная модель общественно-политического развития. Эта модель, синтезирующая в себе исламский и светский характер с опорой на демократические принципы и рыночную экономику, была с восторгом воспринята политическими элитами стран Центральной Азии. Запад активно поддерживал и продвигал идею трансферта турецкой модели в общественно-политическую ткань стран Центральной Азии. Широко велась пропаганда этой концепции и на официальном уровне в США. Так, в начале 90-х г. президент США Дж. Буш старший заявлял, что Турция является образцом для тюркских государств⁶²⁹. Даже часть финансовой помощи, предоставляемой США и Всемирным банком странам Центральной Азии, направлялась через Турцию⁶³⁰. Агентство США по международному развитию (USAID) заключало контракты с турецкими правительственными и частными учреждениями на подготовку кадров из стран Центральной Азии⁶³¹. Такая безальтернативная поддержка турецкой модели со стороны стран Запада была обусловлена стремлением предотвратить развитие сценария, по которому страны Центральной Азии могли бы взять за основу своего развития иранскую модель. Во время визита президента Киргизии А. Акаева в Анкару 24 декабря 1991 г. президент Турции Т. Озал предупреждал: «Если вы будете сотрудничать с Турцией, для вас откроются двери в блистательный мир. Но

⁶²⁹ Efe Çaman M., Ali Akyurt M. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Turkish Journal for International relations. Summer-Fall, 2011. Vol. 10.N. 2-3. P.47.

⁶³⁰ Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 137.

⁶³¹ Ibid.

если вы склонитесь к Ирану, вы навредите себе и ввергнете свою страну в хаос»⁶³².

Турция самой первой признала независимость новых государств в Центральной Азии и стала для них связующим звеном со странами Запада. Руководители стран Центральной Азии видели в Турции посредника, способного благодаря своему авторитету на Западе как государство, успешно внедрившего европейскую модель развития, оказать им содействие в скорейшей интеграции в мировую политическую и экономическую системы. При посреднической роли Турции центральноазиатским республикам удалось наладить сотрудничество с такими международными организациями, как Совет Европы (СЕ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный валютный фонд (МВФ) и др.

Между тем в политический и общественный оборот в Турции вошло понятие «тюркские республики», которое символизировало ренессанс национальной турецкой идентичности. Распад СССР и появление независимых «тюркских республик» в Центральной Азии вызвали в турецком обществе эйфорию. Общественность в Турции убеждала правительство активизировать контакты на центральноазиатском направлении и принять самое активное участие в поддержке новообразованных государств. Несмотря на то, что приоритетным вектором внешней политики Турции было атлантистское направление, тем не менее Центральная Азия также приобрела для Анкары стратегическое значение. Это доказывали частые визиты турецких официальных лиц в эти государства и их щедрые обещания оказать финансовую помощь. В первые годы независимости стран Центральной Азии около 1170 официальных делегаций из Турции посетили регион⁶³³. Частыми были и визиты политических руководителей центральноазиатских республик

⁶³² Кузнецова С.И. Турция и Центральная Азия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2001. № 4. С. 54.

⁶³³ Asopa Sh.K. Turkey in Central Asia . New Delhi, 2008. P. 61.

в Турцию, во время которых им было обещано около 1,1 миллиардов долларов кредитов и займов⁶³⁴.

Появление в Центральной Азии в 1991 г. независимых «тюркских республик» стало причиной оживления пантюркистских идей в самой Турции. Новые геополитические реалии возродили желание у идеологов пантюркизма сделать Турцию объединительным центром всех тюркских народов. Идеологов пантюркизма можно было разделить на два крыла⁶³⁵. Представители правого крыла считали, что идейной основой для объединения всех тюркских народов должен стать пантюркизм, тесно связанный с исламизмом, т.е. исламо-тюркский синтез. Идеологи левого крыла, к которым относилась большая часть турецкого общества, настаивали на объединении тюркских народов на основе принципов культурного, духовного и исторического родства. Они считали, что у Турции появился исторический шанс сплотить вокруг себя «тюркские республики» посредством создания Тюркского блока и единого тюркского алфавита на латинской основе⁶³⁶.

Новый смысл приобрела история величия Османской империи, когда в сферу влияния Турции входили огромные территории Евразии. В те времена между Османской империей и Центральной Азией сложились очень тесные политические и социально-экономические связи. Таким образом, пантюркизм и неоосманизм стали краеугольными неофициальными концептами, определяющими внешнеполитическую активность Турции в Центральной Азии.

В 90-е г. у Турции явно имелись намерения расширить свои границы далеко на восток и реализовать проект создания Великого Турана, сплотив вокруг себя тюркоязычные народы. Неоимперские элементы во внешней политике Анкары прослеживались в речах турецких политических лидеров. Например, президент Турции Т. Озал открыто заявлял в своих выступлениях

⁶³⁴ Ibid.

⁶³⁵ Ближний Восток и современность. Выпуск второй. М., 1996. С. 154.

⁶³⁶ Киреев Н.Г. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 1. С. 74.

о желании расширить сферу влияния Турции на значительные территории «от Адриатики до Великой Китайской стены»⁶³⁷. Интересно, что США поддерживали идею о возможном вхождении республик Центральной Азии в сферу интересов Турции и согласились признать Анкару «региональной сверхдержавой»⁶³⁸.

Для расширения своего влияния в Центральной Азии Турция использовала широкий внешнеполитический инструментарий. На государственном и частном уровнях разрабатывались и продвигались экономические и культурно-образовательные проекты, целью которых было расположить к Турции политические элиты и население стран Центральной Азии. Для формирования у стран региона общетюркской солидарности при министерстве иностранных дел Турции в 1992 г. было создано «Агентство тюркского сотрудничества и развития» (ТИКА). В начале 90-х г. офисы ТИКА были открыты во всех республиках Центральной Азии, включая Таджикистан (1995 г.). ТИКА оказывала техническую помощь центральноазиатским республикам в их развитии в сфере экономики, культуры, образования и т.д.

Одним из важных политических рычагов влияния Турции в Центральной Азии стали ежегодные саммиты тюркоязычных государств, на которых Анкара продвигала свою повестку дня. Первый саммит был проведен в октябре 1992 г. в Анкаре. В ходе саммита премьер-министр Турции С. Демирель предложил главам центральноазиатских республик создать «Тюркское содружество» или «Ассоциацию независимых тюркских государств». В свою очередь, президент Турции Т. Озал выдвинул идею создания общего экономического пространства «Тюркского общего рынка», предполагающего снятие торговых барьеров и развитие общей транспортной системы. Однако президент Казахстана Н.Назарбаев сразу дал понять Анкаре, что выступает против любого объединения на принципах этнической и

⁶³⁷ Габер Е. Политика Турции на Кавказе и в Центральной Азии в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 3. 2011. С. 161.

⁶³⁸ Рудов Г. Роль Турции и Ирана в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 12. С. 114.

религиозной идентичности. Между тем к идее сплочения тюркских народов присматривались лидеры центральноазиатских государств, которые планировали ее использовать в своих национальных интересах. Так, в 90-е г. президент Узбекистана И. Каримов, стремясь сделать Узбекистан центром региона, провозгласил лозунг: «Туркестан – наш общий дом»⁶³⁹. Этот лозунг поддержали все страны региона, и только у Таджикистана, что неудивительно, он вызвал особое неприятие⁶⁴⁰: Таджикистан имеет культурное, историческое и цивилизационное единство с Ираном.

На внешнюю политику Турции накладывало отпечаток отсутствие единства внутри страны относительно будущего пути развития. В середине 90-х г. в правительстве Турции наметился серьезный разлад: лидеры двух влиятельных в стране партий, возглавляемых Н. Эрбаканом и Т. Чиллер, отличались ассиметричными идеологическими взглядами. По своим идеологическим взглядам Т. Чиллер тяготела к Западу, а Н. Эрбакан – к миру ислама⁶⁴¹. Еще в своих предвыборных выступлениях Н. Эрбакан провозглашал фундаменталистские и панисламистские лозунги, призывая изъять из Конституции положения о светском характере Турции, объединить исламский мир от Северной Африки до Средней Азии, создать мусульманский Общий рынок с единой валютой – динаром и сократить экономические связи со странами Европейского Союза⁶⁴². Между тем Т. Чиллер связывала будущее национальное развитие Турции с Европой и предлагала отказаться от того, чтобы называть жителей страны турками, закрепив на официальном уровне другой термин – «жители Турции» («тюркиели»)⁶⁴³. Та часть политической элиты Турции, которая идейно поддерживала Н. Эрбакана, выступала за активизацию внешней политики страны на центральноазиатском направлении.

⁶³⁹ Таксанов А. Интеграция в странах Центральной Азии: факторы «за» и «против» // Россия и мусульманский мир. 2001. № 6 (108). С. 102.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Еремеев Д. Е. История Турецкой Республики с 1918 г. до наших дней. М.: Квадрига, 2017. С. 316.

⁶⁴² Там же. С. 314.

⁶⁴³ Ближний Восток и современность. Выпуск второй. М., 1996. С. 164.

Помимо призыва официальных политиков Турции к тюркской солидарности, Анкара активно выступала за развитие торгово-экономического сотрудничества Турции со странами региона. За несколько лет товарооборот удалось увеличить в пять раз: с 147 млн. долларов в 1992 г. до 939 млн. долларов в 1997 г.⁶⁴⁴. Турция планировала закрепить за собой статус ведущего экономического партнера стран Центральной Азии, однако столкнулась с суровой реальностью, которая показала, что эта ноша ей будет не под силу. Развитие стран региона требовало огромных финансово-экономических затрат. Например, Эксимбанк Турции выделил 1,1 млрд долларов кредитов на реализацию инвестиционных проектов. По некоторым данным, турецкие частные компании инвестировали в регион около 6 млрд долларов, а турецкие строительные компании заключили солидные контракты на строительство отелей, аэропортов и промышленных объектов⁶⁴⁵. Турецкие компании, такие как «АЛАРКО», «АКСЕЛЬ», «ЭНКА», «МЕКА», «ТЕКФЕН» и др. развернули широкомасштабную деятельность в странах региона, направленную на строительство жилых домов, административных зданий, банков, отелей, торговых центров, учебных заведений и других объектов инфраструктуры⁶⁴⁶. Несмотря на активную экономическую политику, к концу XX в. выяснилось, что Турция в силу своей экономической слабости не в силах была оказывать необходимую и обещанную поддержку странам региона⁶⁴⁷.

В 90-е г. влияние Турции в регионе было ограничено рядом факторов⁶⁴⁸. Во-первых, Турции не хватало финансовых механизмов и ресурсов, необходимых для укрепления своей политической роли в Центральной Азии. Власти Анкары переоценили выгоды, которые они могут получить от развития сотрудничества с государствами региона, испытывавшими

⁶⁴⁴ Asopa Sh.K. Turkey in Central Asia . New Delhi, 2008. P. 125.

⁶⁴⁵ Ibid.

⁶⁴⁶ Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-02/10.chotrus.shtml (дата обращения: 8.08.2020).

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ Laurabee S.F., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Rand Corporation, 2003. P. 101

серьезные социально-экономические проблемы. Большинство из республик нуждалось в экономической и финансовой помощи со стороны Турции. Во-вторых, «турецкая модель» с ее акцентом на демократию, секуляризм и открытую рыночную экономику не нашла поддержки среди политических лидеров стран Центральной Азии, большинство из которых были заинтересованы в укреплении своей личной власти. В-третьих, подход Турции, основанный на «старшебратстве» с подозрительностью воспринимался в странах региона. В-четвертых, внутренние проблемы Турции – курдский вопрос, исламский вызов, экономические неурядицы – требовали пристального внимания Анкары и вложения немалых ресурсов. В этой связи страны Центральной Азии испытывали недостаток турецких ресурсов и внимания. В-пятых, участие России в жизни региона было более продолжительным, чем это виделось политикам из Анкары. К концу 90-х г. Россия стала демонстрировать усилия, направленные на восстановление своего утраченного авторитета в Центральной Азии. Это стало одним из факторов, стимулировавших Анкару к корректировке своей региональной политики.

В конце XX в. в Турции часть политиков разочаровалась в центральноазиатском векторе внешней политики. Со временем турецкие власти все больше стали осознавать, что страны Центральной Азии были не готовы воспринимать Турцию как очередного «старшего брата». По справедливому замечанию А.В. Бакустина, «совершенно неожиданно территория Центрально-Азиатского региона, ключевая область Евразии, потеряла свою значимость и ценность в умах турецких архитекторов внешней политики и стала отождествляться с регионом, находящимся слишком далеко от территориальных границ Турции»⁶⁴⁹. Допущенные Турцией ошибки на центральноазиатском треке внешней политики сподвигли Анкару расставить приоритеты в своих стратегических интересах и перейти от идеологической

⁶⁴⁹ Бакустин А.В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI в. // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 178.

активности к проведению активной экономической политики и укреплению сотрудничества в сфере культуры.

Таким образом, в 90-х г. внешняя политика Турции в Центральной Азии строилась на трех концептуальных основах. Во-первых, это концепция неосманизма, связанная с переоценкой Османского прошлого и внедрение некоторых ее принципов в современную внешнюю политику Турции. Во-вторых, неопантюркизм и стремление Турции консолидировать под своей эгидой все тюркские народы, опираясь на принципы этнического и религиозного сходства. В-третьих, позиционирование Турции как связующего звена между Европой и Азией.

В начале XXI в. в Турции к власти пришли умеренные исламисты во главе с лидером Партии Справедливости и развития (ПСР) – Р. Эрдоганом. При новом руководстве Центральная Азия продолжала оставаться одним из приоритетных направлений внешней политики Турции, с акцентом на развитии экономического и культурного сотрудничества со странами региона. На первых порах казалось, что идеологические интересы Турции в Центральной Азии уступили место проведению прагматичной политике. Новые власти инициировали «создание внешнеполитических экспертных центров анализа и сбора информации, по выработке рекомендаций, рассчитанных на реализацию прагматического внешнеполитического курса»⁶⁵⁰. Однако вскоре стало ясно, что концепции «неопантюркизма» и «неосманизма» с новой силой стали определять внешнеполитическую деятельность Турции в Центральной Азии. Опираясь на концепцию «пантюркизма», Турция стремилась максимально консолидировать вокруг себя тюркские республики. Концепция «неосманизма» была направлена на расширение сферы влияния Анкары на сопредельные территории

⁶⁵⁰ Шангараев Р.Н. «Демократический исламизм» Партии справедливости и развития и его влияние на внешнюю политику Турции // Дипломатическая служба. 2017. № 6. С. 78.

посредством «мягкой силы», за счет экономики, гуманитарного взаимодействия и наднационального духа⁶⁵¹.

Сформировавшееся из членов ПСР новое правительство во главе с Р. Эрдоганом выразило недовольство в адрес существовавшего положения дел в отношениях между Турцией и странами Центральной Азии. В специально подготовленной программе правительство ПСР отмечало: «Несмотря на историческую, культурную и социальную близость с тюркскими республиками, сотрудничество с этими государствами не смогло оправдать ожиданий. Поэтому правительство приложит все усилия для улучшения этих отношений и превращения региона в арену тесного сотрудничества»⁶⁵². От слов ПРС перешла к активным действиям, и уже в январе 2003 г., перед своим назначением на должность премьер-министра, Р. Эрдоган совершил визит в Астану. На встрече с президентом Казахстана Н. Назарбаевым обсуждался вопрос строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и подключение Казахстана к этому проекту. Проект Баку-Тбилиси-Джейхан активно лоббировали страны Запада, а Турция выступала проводником их интересов в регионе, направленных на получение доступа к каспийским углеводородам. Между тем посредством втягивания богатых нефтью и газом стран Центральной Азии в углеводородные проекты Турция стремилась укрепить свои позиции в регионе и закрепить за собой статус важного энергетического хаба между Европой и Азией. Казахстан, стремящийся диверсифицировать маршруты экспорта своих углеводородов, проявил интерес к участию в данном проекте. В мае 2003 г., Н. Назарбаев нанес ответный визит в Анкару. Во время обсуждения вопросов развития транспортной инфраструктуры Р. Эрдоган предложил назвать будущий нефтепровод Актау-Баку-Тбилиси-Джейхан⁶⁵³. В этом же году Р. Эрдоган объехал и другие страны региона, посетив 8 января Туркменистан, 21 октября Киргизию, 23 октября

⁶⁵¹ Аватков С. Неосманнизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 74.

⁶⁵² С. 40.

⁶⁵³ Назарбаев Н. Эра независимости. Астана, 2017. С. 326.

Таджикистан, 18 декабря Узбекистан. На встрече стороны обсуждали текущее состояние и перспективы развития двусторонних отношений. В Киргизии Р. Эрдоган принял участие в открытии кампуса Киргизско-Турецкого университета «Манас», который в системе турецких инструментов «мягкой силы» в республике занимает особое место.

Сотрудничество со странами тюркского мира все отчетливее приобретало для Анкары приоритетное значение и рассматривалось как альтернатива евроинтеграции. Интенсифицировалось политическое и экономическое сотрудничество Турции со странами Центральной Азии. Особый акцент во внешней политике Турции делался на сплочении тюркоязычных государств между собой. По инициативе Анкары последовательно шел процесс институционализации отношений между Турцией и странами региона, что стало прологом к формированию союза тюркоязычных государств.

Осенью 2006 г. в Турции состоялось два знаковых события, которые фактически подтвердили неопантюркистский характер турецкой внешней политики на центральноазиатском направлении. 18-20 сентября в Анталье начал свою работу 10-ый международный тюркский курултай. В его работе приняли участие около 600 делегатов. Они представляли Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Монголию, Северный Кипр, мусульманские субъекты РФ: Татарстан, Чувашию, Туву, Саха-Якутию, Алтай, Карачаево-Черкесию; тюркские общины государств Восточной и Западной Европы, США, Украины, Молдавии, Ирана, Сирии и ряда других стран. На данном мероприятии Р. Эрдоган призвал участников курултая укреплять сотрудничество между тюркскими государствами, и это должно было стать приоритетом их внешней политики. В своем выступлении Р. Эрдоган подчеркнул: «Я выступаю с инициативой создания Содружества тюркоязычных государств, которое подготовит условия для их экономической интеграции и позволит им выступать на международной арене с единой позиции. История предоставляет нам уникальный шанс для

объединения усилий наших стран, имеющих общие культуры и исторические корни. Население региона не может позволить себе такой роскоши – просто сидеть и ждать, наблюдая за событиями на мировой арене... Либо мы станем субъектом мировой политики, либо ее объектом»⁶⁵⁴. Таким образом, глава Турции акцентировал внимание на том, что для тюркских государств пришло время объединяться и превратиться в «могущественный тюркский союз», способный противостоять мировым вызовам. Посредством искусных дипломатических маневров Анкара подготовила условия для создания союза тюркоязычных государств, который планировала использовать в качестве инструмента укрепления своих геополитических позиций в тюркском мире. Можно было выделить и ряд барьеров на пути реализации данной идеи: во-первых, влияние Турции позволяла ей стать лидером такого сообщества, что шло вразрез с интересами центральноазиатских государств, выступавших за равноправие; во-вторых, отсутствие у самих стран региона способности и готовности к многостороннему сотрудничеству и умения идти на компромисс⁶⁵⁵. Несмотря на все имеющиеся преграды, идея Турции о сплочении центральноазиатских государств на общих этнолингвистических принципах получила импульс для практической реализации.

Окончательная институционализация отношений между Турцией и странами Центральной Азии произошла 3 октября 2009 г. на очередном саммите тюркоязычных государств, в котором приняли участие президенты Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и вице-премьер правительства Туркмении. Было принято решение создать Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) или Тюркский совет. На саммите президент Турции А. Гюль озвучил интересы Анкары в регионе, акцентировав внимание на наличии у тюркских стран динамичной рабочей силы и обширного запаса природных ресурсов. Были определены приоритетные сферы многостороннего сотрудничества: экономика,

⁶⁵⁴ Корицкий С.А. Тюркский саммит в Анталье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5165> (дата обращения: 8.08.2020).

⁶⁵⁵ Там же.

энергетика, транспорт, коммуникации, туризм⁶⁵⁶. На саммите было отмечено, что тюркоязычные государства будут содействовать развитию сотрудничества в сфере прокладки трубопроводов и укрепления транспортно-коммуникационных связей. Государства-участники саммита договорились углублять отношения посредством расширения контактов между парламентами, центральными и местными органами власти, СМИ и народами тюркоязычных стран⁶⁵⁷. Для выполнения намеченных задач в ССТГ были созданы соответствующие структуры: Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Совет старейшин тюркоязычных государств, Секретариат. Таким образом, новая интеграционная форма сотрудничества, возникшая в Евразии на основе исторической, культурной, этнической и лингвистической схожести, ставила перед собой цель охватить все сферы межгосударственного сотрудничества не только на уровне политических элит, но и на уровне населения.

Институционализация отношений между Турцией и странами Центральной Азии открывала перед Анкарой широкие экономические и политические преимущества в регионе и создала условия для расширения турецкого влияния. Для Анкары ССТГ стал инструментом укрепления ее геополитических позиций в Центральной Азии, а для стран региона новое региональное объединение рассматривалось как один из векторов их внешнеполитического сотрудничества. При чем на официальном уровне турецкими политиками заявлялось намерение выстраивать равноправное сотрудничество со странами Центральной Азии. Однако фактически Анкара стремилась реализовать туркоцентричную модель отношений, в которой главенствующее место принадлежало Турции.

Новое видение роли Турции в мировой политике связано с известным турецким политиком Ахметом Давутоглу, который 1 мая 2009 г. стал

⁶⁵⁶ Свистунова И.А. Об участии Турции в девятом саммите глав тюркских государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9459> (дата обращения: 10.08.2020).

⁶⁵⁷ Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic-speaking States (2009) [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/672372#record-files-collapse-header> (дата обращения: 10.08.2020).

министром иностранных дел Турции. Еще до прихода на эту должность А. Давутоглу в качестве профессора опубликовал научный труд «Стратегическая глубина: международное положение Турции» в 2001 г. Основная идея этого научного изыскания заключалась в акценте на особой роли Турции не только в региональных, но и в мировых политических процессах, а также оправдании экспансионистских устремлений Анкары за пределами своих границ. А. Давутоглу подчеркивал, что «Турция, родившаяся на исторической и геополитической почве Османского государства и получившая это наследство, должна думать и планировать свою оборону в рамках своих границ»⁶⁵⁸. Далее отмечалось, что могут возникнуть обстоятельства, при которых «Турции надо будет незамедлительно вмешиваться (в ситуации) за пределами своих границ»⁶⁵⁹. Автор пришел к заключению, что «османское наследие Турции накладывает на нее груз геокультурной и геополитической ответственности и требует от нее повторного формирования идентичности турецкого стратегического мышления. Возврат к историческому наследию откроет перед Турцией новые горизонты и возможности и позволит сделать внешнюю политику Турции более конструктивной»⁶⁶⁰. Таким образом, монография А. Давутоглу представляет своеобразный призыв к руководству Турции с целью стимулировать его на проведение более активной внешней политики, включая Центральноазиатское направление. Концептуальные взгляды А. Давутоглу легли в основу внешнеполитической деятельности в эпоху управления Турцией Р. Эрдоганом и его Партией справедливости и развития. Последние прилагали значительные усилия, чтобы воплотить на практике концептуальные идеи «Стратегической глубины».

Под влиянием концептуальных идей А. Давутоглу у официальной Анкары возросло чувство исторической ответственности по отношению к странам Центральной Азии. В частности, А. Давутоглу подчеркивал, что

⁶⁵⁸ Мозлоев А.Т. Отношения между Россией и Турцией: существуют ли перспективы для сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 50.

⁶⁵⁹ Там же.

⁶⁶⁰ Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 70.

«турецкая внешняя политика опирается на уникальный исторический опыт и географию, которые еще более усиливают в нас (в Турции – прим. автора) чувство ответственности»⁶⁶¹. Следовательно, общая история, тюркская идентичность лежали в основе внешней политики Турции в Центральной Азии и придавали ей долгосрочный характер. Роль Анкары в странах Центральной Азии заключалась в стремлении пробудить чувство тюркской солидарности и продемонстрировать большие преимущества, которые тюркские государства могут получить в результате взаимного сотрудничества. Параллельно с чувством ответственности укреплялось чувство уверенности и самостоятельности Турции в мировой политике, что было обусловлено как амбициозностью ее руководства, так и ростом ее экономического влияния. Однако невозможно не согласиться с мнением профессора политологии стамбульского Университета Бильги И. Тураном в отношении оценки внешней политики Турции. В 2011 г. он отмечал: «Мы наблюдаем формирование средней державы с честолюбивым руководителем, которая порой переоценивает свои возможности, но нацеливается на усиление позиций и влияния в период мирового экономического кризиса и в условиях быстро меняющихся обстоятельств»⁶⁶². По отношению к Центральной Азии такая переоценка возможностей наблюдалась в Турции еще в 90-е г., когда турецкие политики рассчитывали стать для новых независимых государств центром притяжения и очередным «старшим братом». В начале нового десятилетия XXI в. обострилась геополитическая конкуренция между ведущими акторами в регионе, продвигавшими свои более выгодные геоэкономические проекты (Новый Шелковый путь, Таможенный Союз). При таких обстоятельствах шансы Турции стать лидером в регионе снижались.

⁶⁶¹ Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. 2010. Январь-Февраль. Т. 8. № 1. С. 63.

⁶⁶² Туран И. Турция на подъеме. От неразвитой страны к региональной державе [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/turczyiya-na-podeme/> (дата обращения: 10.08.2020).

Интерес Турции к региону продолжал расти. В 2011 г. центром активности центральноазиатской внешней политики Турции стала Киргизия, куда премьер-министр Турции Р. Эрдоган прибыл с визитом. Запоминающимся моментом этого визита стало особое обращение киргизского премьер-министра А. Атамбаева к его турецкому коллеге. Во время встречи А. Атамбаев назвал Р. Эрдогана «Тайип ага-бей», что означает старший брат Тайип. Такая неофициальная форма почтительного обращения употребляется к близким знакомым, которые старше по возрасту, но из того же поколения⁶⁶³. Акценты на старшебратстве напоминали 90-е г., когда Анкара стремилась стать политическим лидером для тюркских республик Центральной Азии. И вот теперь Киргизия, подчеркивая родство двух народов, импонировала Турции в этом деле. Между тем националистические партии и общественные движения критиковали А. Атамбаева за его политику, направленную на чрезмерное сближение с Турцией и предоставление широких возможностей для турецких бизнесменов⁶⁶⁴. Эта часть киргизстанского общества усматривала в активной деятельности Турции в Киргизии намерение распространить идеи пантюркизма⁶⁶⁵. Однако, как отмечал исследователь из Стамбула А. Атли, Турция при Р. Эрдогане извлекла определенные уроки из предыдущего неудачного опыта и стала действовать в регионе рационально и осторожно⁶⁶⁶. Действительно, рассуждая о родственных связях между тюркскими странами, Р. Эрдоган также акцентировал внимание на практических выгодах в области инвестиционного и экономического двустороннего сотрудничества. Р. Эрдогану было крайне важно подчеркнуть экономические преимущества, которые Киргизия могла бы получить от сотрудничества с Турцией с учетом динамичного развития евразийской интеграции и возможного вступления

⁶⁶³ Атли А. Братский прием Эрдогана в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20110217/166615171.html (дата обращения: 10.08.2020).

⁶⁶⁴ Роль и восприятие Турции в Кыргызстане / Пер. Г. Сергуниной. Бишкек.: 2012. С. 29.

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ Атли А. Братский прием Эрдогана в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20110217/166615171.html (дата обращения: 10.08.2020).

республики в Таможенный Союз. Глава турецкого правительства выразил намерение инвестировать в республику 450 млн. долларов, из которых 150 млн. долларов планировалось выделить на расширение деятельности киргизско-турецкого университета «Манас»⁶⁶⁷. Турция выразила заинтересованность в получении акций трех стратегических объектов в Киргизии: «Кыргызнефтегаз», аэропорт «Манас», ТНК «Дастан». Между тем завод «Дастан», выпускающий оборонную продукцию, был ранее обещан России. Москва несколько лет вела переговоры о покупке завода «Дастан». Итогом этих переговоров стало обещание Киргизии передать России 48% акций завода в счет погашения долга в размере 180 млн. долларов. Этот пример показывает, как Киргизия пыталась лавировать между Россией и Турцией, поддерживая дружественные отношения с обоими государствами.

Не лучшие времена переживали отношения между Турцией и Узбекистаном. Еще в 90-е г. президент Узбекистана И. Каримова довольно настороженно относился к турецкой активности в регионе. Градус напряженности в двусторонних отношениях повысился после двух событий. В 1999 г. официальные власти Узбекистана обвинили Турцию в поддержке оппозиции в стране и подготовке покушения на И. Каримова. В ответ Турция открыто выступила против Узбекистана в ООН после Андижанских событий 2005 г. Окончательно турецко-узбекские отношения ухудшились в 2011 г., когда власти Узбекистана приняли решение закрыть на своей территории 50 турецких предприятий, а их сотрудников и руководителей привлечь к ответственности за «злоупотребление созданными для них в Узбекистане благоприятным инвестиционным климатом и дружественными связями»⁶⁶⁸. В ответ парламент Турции внес Узбекистан в список пяти недружественных стран.

⁶⁶⁷ Михайлов Г. Бишкек пустил в ход торпеды [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1296684000> (дата обращения: 10.08.2020).

⁶⁶⁸ Логинова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/914828/kseniia-melnikova/kak-druzhiba-turtciia-vytesniaet-rossiiu-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 13.08.2020).

Активно развивались экономические и политические отношения Турции с Казахстаном и Туркменистаном. Еще в 2009 г. между Анкарой и Астаной был подписан «Договор о стратегическом партнерстве»⁶⁶⁹, демонстрирующий успешное сотрудничество двух ведущих тюркоязычных государств. Так, в Договоре отмечалось, что оба государства намерены строить «свои отношения на основе равенства, взаимного доверия, стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества»⁶⁷⁰. Укреплялось сотрудничество между Турцией и Казахстаном по линии Совета стратегического сотрудничества высокого уровня, заседания которого стали проводиться регулярно, начиная с мая 2012 г. В рамках этого формата сотрудничества определялась стратегия развития двух стран. В 2012 г. была принята совместная экономическая программа «Новая синергия», в рамках которой стороны договорились увеличить объемы взаимной торговли до 10 млрд. долларов. Особое место в турецко-казахстанских отношениях придавалось инвестиционному сотрудничеству. К 2012 г. объем взаимных инвестиций с турецкой стороны в экономику Казахстана составил более 400 млн. долларов, из Казахстана в турецкую экономику – 1 млрд. долларов⁶⁷¹.

Масштабные инфраструктурные проекты реализовывала Турция в Туркменистане. В 2012 г. между двумя странами был подписан солидный пакет межправительственных соглашений в области экономики, безопасности и культуры. В 2013 г. турецкая компания Polimeks выиграла международный тендер на строительство в Туркменистане международного аэропорта. В Туркменистане Polimeks имеет большой послужной список работ: ею было реализовано около 120 строительных проектов, среди которых строительство аэропорта в прикаспийском городе Туркменбаши⁶⁷².

⁶⁶⁹ Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Турецкой Республикой от 22 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000471> (дата обращения: 13.08.2020).

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Лаумулин М. Турция и Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/10/22/ru-pub-49758> (дата обращения: 13.08.2020).

⁶⁷² Турецкая Polimeks построит международный аэропорт Ашхабада за \$2,2 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Turetskaya-Polimeks-postroit-mezhdunarodnyy-aeroport-Ashkhabada-za-2-2-mlrd.html> (дата обращения: 23.08.2020).

Несмотря на принадлежность Таджикистана к персоязычному миру, Турция не упускала возможности укрепить свое влияние и в этой центральноазиатской республике. Еще в 2009 г. президент Турции А. Гюль во время своего официального визита в Таджикистан выразил намерение увеличить объемы двустороннего товарооборота, который по итогам 2008 г. составил 500 млн. долларов. Также турецкая сторона выразила особую заинтересованность в укреплении сотрудничества в сфере энергетики, сельского хозяйства, туризма, образования. По этим направлениям было подписано 16 документов о сотрудничестве во время официального визита Э. Рахмона в Турцию в декабре 2012 г.

В августе 2014 г. Р. Эрдоган одержал победу на президентских выборах в Турции, набрав 52 % голосов избирателей. Интересно, что на церемонию инаугурации Р. Эрдогана прибыли президент Казахстана Н. Назарбаев и президент Туркменистана Г. Бердымухаммедов. На инаугурации Киргизию представлял спикер парламента А. Жээнбеков, Таджикистан – премьер-министр – К. Расулзода. В новом статусе президента Р. Эрдоган стал проводить еще более уверенную политику с акцентом в сторону Востока, противопоставляя это направление внешней политики евро-атлантистскому вектору. Курс, направленный на создание регионального и международного порядка, выгодного Турции, продолжился. В сентябре 2014 г. на площадке ООН Р. Эрдоган заявил, что «мир – это больше чем пять государств», имея в виду пять постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В довольно сложном положении страны Центральной Азии оказались в 2015 г., когда возник кризис в отношениях между Турцией и Россией из-за сбитого российского бомбардировщика СУ-24М. Для стран региона и Анкара, и Москва являлись значимыми экономическими и политическими партнерами, что стало основанием для выбора конструктивной позиции в этом вопросе. Например, президент Казахстана Н. Назарбаев предложил свои услуги медиатора в урегулировании противоречий между Турцией и Россией. Президент Киргизии А. Атамбаев выступил за необходимость поиска для

обоих государств путей примирения. В итоге в 2016 г. благодаря посреднической и конструктивной роли Н. Назарбаева и президента Азербайджана И. Алиева удалось нормализовать турецко-российские отношения. В этой связи пресс-секретарь Р. Эрдогана И. Калын выразил благодарность президенту Казахстана. При этом Н. Назарбаев не раз отмечал, что Турция и Россия являются важными союзниками и партнерами для Казахстана.

2016 г. проверил на прочность отношения Турции со странами Центральной Азии. В этот год в Турции произошел государственный переворот, в организации которого Р. Эрдоган обвинил своего бывшего соратника Ф. Гюлена и его сторонников. В связи с этим президент Турции призвал лидеров стран Центральной Азии закрыть все образовательные учреждения, связанные с Ф. Гюленом. В Туркменистане и Узбекистане школы Ф. Гюлена были закрыты еще до вышеуказанных событий. Казахстан пообещал проверить все школы и в случае выявления у преподавателей связей с Ф. Гюленом выдворить их из страны. Президент Казахстана выразил готовность «ответить на все запросы Турции в этом отношении»⁶⁷³. Власти Киргизии отказались закрывать действующие на территории республики школы Ф. Гюлена, однако пообещали усилить над ними контроль. В итоге в очередной раз развеялась идея об общей тюркской солидарности, на которую так надеялась Анкара.

В условиях формирования полицентричного мира Турция стремится укреплять сотрудничество с государствами Центральной Азии в рамках Тюркского совета. Анкара позиционирует Тюркский совет как привлекательное объединение для всех тюркоязычных государств и предпринимает попытки трансформировать организацию в важный субъект международных отношений, выдвигая на повестку дня вопросы глобальной политики на ежегодных тюркских саммитах. Так, еще в 2011 г в итоговой

⁶⁷³ Назарбаев пообещал выслать всех гюленистов в Турцию [Электронный ресурс]. URL: <https://haqqin.az/news/77064> (дата обращения: 23.08.2020).

Декларации первого саммита Тюркского совета были представлены единые позиции государств-участников по ситуации в Ираке, Афганистане, Турецкой Республике Северного Кипра, а в декларации пятого саммита 2015 г. затронуты проблемы крымских татар и армяно-азербайджанский конфликт⁶⁷⁴.

Большим преимуществом для Турции в регионе стало присоединение к Тюркскому совету Узбекистана сначала на правах наблюдателя, а позже в качестве полноправного члена совета. Интерес Узбекистана к тюркской интеграции был обусловлен структурными изменениями во внешней политике Ташкента, инициированными президентом Ш. Мирзиевым. Присоединение Узбекистана с его солидным экономическим потенциалом к ССТГ стало важной вехой в процессе формирования регионального тюркского сотрудничества. Присоединение Узбекистана к Тюркскому союзу в качестве наблюдателя произошло в 2018 г. на шестом саммите глав тюркских государств. Повестка саммита также включала предложение отказаться от доллара и перейти на взаиморасчеты в национальных валютах⁶⁷⁵. Однако возникал вопрос – насколько вероятно реализовать подобные предложения. На фоне напряженных отношений между Турцией и странами Запада прослеживалась попытка Анкары придать большее значение тюркской интеграции, повысить ее субъектность и фактически позиционировать ее как альтернативу евро-атлантическому вектору своей внешней политики.

Турция стремится к статусу региональной державы и будет дальше продвигать тюркоязычный формат сотрудничества, позиционируя его как наиболее привлекательную модель кооперации для стран Центральной Азии по сравнению с российским или китайским экономическими проектами.

К общей тюркской солидарности Анкара призвала стран-участниц Тюркского совета на юбилейном саммите в 2019 г. Этот саммит стал

⁶⁷⁴ Васильева С.А. ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 187-188.

⁶⁷⁵ Муминов А. По завету Эрдогана. Бросит ли тюркский мир вызов Западу? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1536223560> (дата обращения: 23.08.2020).

знаковым для организации: Узбекистан присоединился к Тюркскому совету на правах полноправного члена организации; было принято решение об открытии европейского офиса ССТГ в Будапеште. Выступая на саммите, Р. Эрдоган вновь акцентировал внимание на братских узах между тюркскими государствами, ожидая от них поддержки в отношении ряда принципиально важных для Турции внешнеполитических вопросов. Он заявил: «Мы знаем, что 300-миллионный тюркский мир с нами. В то же время прошу вас продолжать оказывать нам поддержку в борьбе с ФЕТО. Быть рядом друг с другом в национальной борьбе — братский долг тюркоязычных государств»⁶⁷⁶.

На современном этапе Турция продолжает активно взаимодействовать со странами Центральной Азии в рамках двустороннего формата сотрудничества и по линии тюркской интеграции. Стратегическим союзником Турции в регионе является Казахстан. Присутствие Анкары в экономике Казахстана становится все более ощутимым и значимым. Объем торгово-экономического оборота между двумя странами составляет чуть более 2 млрд. долларов. Турция является важным инвестиционным партнером Казахстана. Например, в планах турецких инвесторов построить в Казахстане (Туркестанская, Кызылординская области) заводы по переработки шерсти, кожи, мяса, молока, производству керамической плитки, томатной пасты⁶⁷⁷. Опираясь на стратегическое сотрудничество с Казахстаном, Турция стремится быть ближе к другим республикам Центральной Азии. Не случайно еще в 2010 г. директор разведывательно-аналитической организации STRATFOR Дж. Фридман в своем прогностическом труде «Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в.» отмечал, что «мусульманская Турция окажет

⁶⁷⁶ Гасанова М. Эрдоган попросил поддержки от Тюркского совета [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2749035.html> (дата обращения: 23.08.2020).

⁶⁷⁷ Главные торговые партнеры Казахстана: 10 стран с наибольшим товарооборотом [Электронный ресурс]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/glavnye-torgovye-partnery-kazahstana-10-stran-s-naibolshim-tovarooborotom> (дата обращения: 23.08.2020).

влияние на мусульманский Казахстан, что приведет к распространению власти Турции на Среднюю Азию»⁶⁷⁸.

В период пребывания у власти в Турции ПСР во внешней политике Анкары стал активно раскручиваться исламский фактор. Турция активно расширяет исламские инструменты влияния в Центральной Азии, финансируя постройку мечетей, религиозное образование и т.д. Так, при финансовой поддержке Турции в сентябре 2018 г. в Бишкеке, столице Киргизии, была открыта одна из самых больших мечетей в Центральной Азии. Финансирование этой мечети шло под патронажем турецкого фонда «Дианет», являющегося политическим и идеологическим инструментом влияния Турции в мире.

Экспансионистские устремления Турции набирают обороты. Анкара стремится усилить свое геополитическое влияние на Южном Кавказе, открыв себе путь к Центральной Азии. В 2020 г. обострился конфликт между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха. В этом вопросе Турция безоговорочно поддержала Баку. Анкара также надеялась на поддержку других тюркских государств в этом вопросе. Так, лидер Партии националистического движения Турции Д. Бахчели заявлял: «Еще одна проблема, которая глубоко расстраивает и огорчает нас, - это молчание и бездействие тюркских республик в отношении Нагорного Карабаха»⁶⁷⁹. Между тем поддержка Баку также была оказана со стороны таких ведущих тюркских организаций, как Международная организация Тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) и Тюркского Совета (ССТГ), куда входят страны Центральной Азии. Эта поддержка в рамках вышеуказанных организаций исходила преимущественно от Турции, что поставило страны Центральной Азии в довольно неудобное положение. На официальном уровне от лидеров стран Центральной Азии шли призывы к использованию конструктивного подхода

⁶⁷⁸ Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в. М.: Эксмо, 2010. С. 211.

⁶⁷⁹ Турция хочет решить свои проблемы единой «пантюркистской армией» [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1326808-turciya-khochet-reshit-svoi-problemy-edinoi-pantjurkistskoi-armiei> (дата обращения: 28.08.2020).

к решению проблемы Нагорного Карабаха. Например, Киргизия предложила свои посреднические услуги, ссылаясь на Бишкекский протокол от 1994 г., благодаря которому удалось примирить Армению и Азербайджан и остановить очередную фазу боевых столкновений. В итоге Турция так и не дождалась солидарности со стороны тюркских республик Центральной Азии по вопросу Нагорного Карабаха. Страны региона не желали быть втянутыми в геополитические игры, особенно когда один из ее участников склоняет их к выбору какого-то одного внешнеполитического центра притяжения.

Активное и непосредственное участие Турции в Карабахском конфликте демонстрирует экспансионистские устремления Турции, направленные на расширение влияния как на Южном Кавказе, так и в Центральной Азии. Справедливо отмечает директор Центра исламских исследований Кавказа Ш. Апхаидзе, что «современный неоосманизм подразумевает геополитическую и экономическую экспансию»⁶⁸⁰. Через территорию Южного Кавказа Турция пытается «пробить коридор» к Каспийскому морю, а дальше к республикам Центральной Азии⁶⁸¹.

На современном этапе Турция, переживающая серьезные экономические проблемы, не имеет достаточных ресурсов для усиления своего влияния в Центральной Азии. Отсутствие у Турции возможности реализовывать крупные экономические проекты в регионе, уповая исключительно на деятельность малого и среднего турецкого бизнеса, снижает ее возможность конкурировать с экономическим и политическим влиянием России и Китая. Однако положение дел в Центральной Азии не в пользу Анкары не останавливает ее руководство от стремления быть более влиятельным игроком в регионе. В ноябре 2020 г. Р. Эрдоган заявил, что Турция обладает всеми возможностями для расширения своей мощи и влияния в формирующемся полицентричном мире. Ввиду этого интересен

⁶⁸⁰ «Стратегическая глубина» Эрдогана: внешняя завоевательная политика как результат дефицита внутривнутриполитических успехов? [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-glubina-erdogana/> (дата обращения: 28.08.2020).

⁶⁸¹ Куртов А. Турция пытается взять реванш [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/article/16045/> (дата обращения: 28.08.2020).

прогноз американской аналитической компании Stratfor о том, что к 2050 г. в орбиту влияния Турции попадут территории Балкан, стран Персидского залива, Ливия, Египет, часть территорий юга России, а также Северный Кавказ, Узбекистан, Таджикистан и часть Казахстана⁶⁸².

Идея тюркской идентичности, которую Турция так усердно продвигает в регионе, настораживает политическое руководство республик. Во-первых, в странах Центральной Азии в идеи общей тюркской идентичности усматривают угрозу своему национальному суверенитету. Во-вторых, приверженность стран региона курсу внешнеполитической диверсификации не предполагает однозначный выбор в их геополитической ориентации. Определенно можно согласиться с бакинским экспертом Дж. Наджаровым, что основная проблема, с которой сталкиваются в процессе интеграции страны тюркоязычного мира, — это то, «что тюркские государства от Балкан до Тибета придерживаются разных геополитических ориентиров развития и состоят в разных блоках»⁶⁸³. Действительно, помимо участия в ССТГ у большинства стран Центральной Азии есть определённые обязательства в рамках других евразийских интеграционных структур, в которых они принимают участие.

Таким образом, анализ внешнеполитической деятельности Турции в Центральной Азии позволяет сделать следующие выводы: во-первых, концепции «неопантюркизма» и «неоосманизма» формируют идеологическую основу внешней политики Турции в Центральной Азии; во-вторых, Анкара стремится быть влиятельным игроком, развивая сотрудничество со странами региона во всех возможных сферах; в-третьих, Турция не имеет достаточных ресурсов для продвижения своих геополитических интересов в регионе; в-четвертых, на фоне формирования

⁶⁸² В Турции показали карту с зонами турецких интересов на российской территории [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/179917-v-turcii-pokazali-kartu-s-zonami-tureckogo-vlijaniija-na-rossijskuju-territoriju.html> (дата обращения: 28.08.2020).

⁶⁸³ Тарасов С. Русский дух и Тюркский мир. Размышления о саммите глав тюркоязычных государств в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1535969460> (дата обращения: 28.08.2020).

нового мирового порядка интерес Турции к расширению влияния в странах Центральной Азии будет только усиливаться.

Анкара будет и дальше стремиться к экспансии в своей внешней политике на основе принципов «неопантюркизма» и «неоосманизма». При Р. Эрдогане Турция будет продолжать действовать в Центральной Азии более решительно и укреплять свое присутствие посредством торгово-экономического, культурного и религиозного сотрудничества. Учитывая возрастающий интерес населения республик к исламу, особый акцент в своей политике в странах Центральной Азии Анкара будет делать на исламском факторе. Однако разрыв между амбициями руководства Турции и реальным положением дел в странах региона будет сохраняться, так как политические лидеры центральноазиатских государств не готовы признать региональное лидерство Анкары.

3.2. Иранский фактор во внешней политике государств Центральной Азии

Распад СССР в 1991 г. и образовавшийся идеологический и геополитический вакуум в Центральной Азии был с воодушевлением воспринят в Иране. Однако если на первых порах Иран планировал осуществить экспорт «исламской революции» в страны Центральной Азии, то в дальнейшем резко изменил свои внешнеполитические установки на этом направлении. Руководство Ирана неоднократно заявляло, что не ставит перед собой цель распространить революционные идеи в новых независимых государствах⁶⁸⁴. В 1992 г. иранский дипломат К. Харази подчеркивал, «что народы описываемого региона имеют право выбирать свой путь и Иран не будет навязывать им своей дружбы»⁶⁸⁵. Российский фактор также внес коррективы во внешнюю политику Ирана на Центральноазиатском направлении. В итоге Иран предпочел признать интересы России в

⁶⁸⁴ Наринский М.М., Мальгин А.В. Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003. С. 233.

⁶⁸⁵ Там же.

Центральной Азии, отказавшись от идеи распространения своего идеологического влияния в странах региона взамен на выгодное сотрудничество с Москвой⁶⁸⁶. Однако внешняя политика Ирана в Центральной Азии не была полностью свободна от идеологического элемента, что особенно наблюдалось в латентной поддержке исламских фундаменталистов. В этой связи иранский ученый Д. Менашри отмечал, что в большинстве случаев, когда революционная идеология сталкивалась с национальными интересами, политику определяли последние, но от первой не вполне отказывались⁶⁸⁷.

Шансы распространить свои исламские ценности в Центральной Азии у Ирана были малы. В регионе шел процесс исламского пробуждения имеющего суннитские очертания. Как известно, в Иране большинство населения являлись шиитами, что априори снижало шансы Тегерана на приобретение особого влияния в странах Центральной Азии посредством религиозного фактора. Даже в культурно близком Таджикистане преобладающая часть населения была суннитами, исповедующими учение ханафитского масхаба.

Активность Ирана в регионе настораживала страны Запада, в первую очередь США, которые усматривали в ней угрозу своим геополитическим интересам. С целью не допустить усиления позиций Ирана в Центральной Азии Вашингтон прибегнул к практике пропаганды негативного образа Ирана в регионе. Справедливо отмечал М. Иманипур, что мировая господствующая система и ее последователи в регионе широкими пропагандистскими мерами пытались на уровне региона и в мире создать обстановку «иранофобии»⁶⁸⁸. На основе развернутой широкомасштабной антииранской пропаганды в странах Запада сложились негативные стереотипы в отношении Ирана.

⁶⁸⁶ Хандогин К. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. № 11. С. 169.

⁶⁸⁷ Кузнецова С.И., Макарова С.М. Центральная Азия встречается с Ближним и Средним Востоком // Центральная Азия: десять лет независимости. 2001. № 3. С. 5.

⁶⁸⁸ Роль и место Ирана в регионе. М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. С. 10.

Центральноазиатское направление считалось одним из стратегических векторов внешней политики Ирана. Ирану импонировало то, что большинство населения стран Центральной Азии являлось мусульманами. В соответствии с Конституцией Ирана мусульманские страны занимали второе место в системе внешнеполитических приоритетов страны. С первых дней независимости стран Центральной Азии Иран стремился развивать с ними сотрудничество как по линии двусторонних, так и многосторонних форматов. В 1992 г. Иран выступил в качестве инициатора присоединения стран региона к Организации экономического сотрудничества (ОЭС)⁶⁸⁹.

Основные направления сотрудничества Ирана с государствами Центральной Азии были определены во время визита президента ИРИ Хашеми-Рафсанджани в регион в 1993 г. Официальные власти Ирана охарактеризовали этот визит как «...новую страницу в отношениях с мусульманскими государствами»⁶⁹⁰. По итогам визита было подписано более 60 документов двустороннего сотрудничества с центральноазиатскими странами, определившими стратегию иранской политики в регионе⁶⁹¹.

Активность внешнеполитической деятельности Тегерана в Центральной Азии также была обусловлена желанием создать для себя условия для преодоления международной изоляции. В Центральной Азии, где образовалось пять независимых республик, Иран увидел возможность наладить активное экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Однако американские политики пристально следили за действиями Тегерана в регионе и предостерегали руководство республик от сотрудничества с Ираном. В январе 1992 г. государственный секретарь США Дж. Бейкер во время своего визита в Центральную Азию отговаривал политических лидеров новых независимых государств от расширения контактов с Ираном. В 1994 г. во время визита президента Казахстана Н.

⁶⁸⁹ Троицкий Е.Ф. Политика Ирана в Центральной Азии в 1990-е г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2010. Том 9. № 1. С. 235.

⁶⁹⁰ Месамед В. И. Умер экс-президент Ирана Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31840> (дата обращения: 2.09.2020).

⁶⁹¹ Там же.

Назарбаева в США американский президент Б. Клинтон убеждал его отказаться от идеи экспорта казахстанской нефти через территорию Ирана⁶⁹².

В отличие от Турции Иран не имел социокультурного преимущества в регионе, за исключением этнически и лингвистически близкого Таджикистана. Однако этот недостаток можно было компенсировать следующими факторами⁶⁹³. Во-первых, персидский язык считался литературным языком региона и каждый образованный человек был знаком с персидской литературой до Октябрьской революции 1917 г. Во-вторых, иранская цивилизация оказала значительное влияние на культуру тюркских народов Центральной Азии. Не случайно президент Киргизии А. Акаев на одной из встреч с иранским министром иностранных дел, подчеркнул, что он горд, что его воспитала семья, в которой хранились такие выдающиеся труды персидской литературы, как «Шахнаме» Фирдоуси и «Гулистан» Саади. В-третьих, самым главным преимуществом Ирана в регионе было его географическое положение, которое открывало замкнутым центральноазиатским странам путь во внешний мир через иранские коммуникации - железные, автомобильные и морские пути.

В середине 90-х г. обозначились приоритетные сферы сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии. Во-первых, это транспортные коммуникации. Страны Центральной Азии были заинтересованы в скорейшем выходе на мировые рынки, а территория Ирана как раз могла предоставить им такую возможность. Возникла идея возрождения «Великого Шелкового пути», т.е. создания Трансазиатской железнодорожной магистрали, которая бы связывала страны Среднего Востока с Европой, Дальним Востоком, Индией и странами Юго-Восточной Азии⁶⁹⁴. В рамках этого проекта Иран ввел в эксплуатацию 730-километровую железную дорогу Бафк-Бендер-Аббас. Ее торжественное открытие состоялось 17 марта 1995 г. в присутствии президента Ирана Хашеми-Рафсанджани. Также на церемонию

⁶⁹² Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. P. 131.

⁶⁹³ Islam, oil and geopolitics: Central Asia after September 11. United Kingdom. 2007. P.191.

⁶⁹⁴ Исламская республика Иран в 90-е г. (экономика, политика, культура). М., 1998. С. 52.

открытия прибыли президент Туркменистана, Киргизии и официальные представители других республик. В мае 1996 г. был открыт международный железнодорожный маршрут Мешхед-Серахс-Теджен, соединяющий железнодорожные сети Ирана и страны Центральной Азии с выходом к Персидскому заливу⁶⁹⁵. Во-вторых, углеводородное сотрудничество. Страны Центральной Азии были заинтересованы в диверсификации маршрутов экспорта своих углеводородов, и Иран демонстрировал готовность реализовывать с ними совместные проекты. Так, в 1997 г. Казахстан и Иран договорились о поставках казахстанской нефти в рамках SWAP-операций на север Ирана. В том же году был запущен 200-километровый газопровод Корпедже-Курт-Куи по которому туркменский газ начал экспортироваться в Иран.

Несмотря на желание играть более весомую роль в Таджикистане, Тегеран предпочел использовать дипломатические методы в процессе урегулирования гражданской войны (1992-1997) в этой стране. На фоне заявлений некоторых западных неофициальных лиц о якобы поддержке Ираном исламской оппозиции в Таджикистане Тегеран демонстрировал свое невмешательство⁶⁹⁶. На первых порах Иран пытался оказывать политико-идеологическое влияние на обстановку в Таджикистане, однако в последующем совершенно изменил характер своей внешней политики и предпочел сотрудничество с Россией, а не следование идеологическим амбициям. Справедливо отмечает С.А. Мутов, что «опыт того времени во многом определил формат российско-иранского взаимодействия в Таджикистане в последующем, предотвратив вероятность возникновения прямой конфронтации интересов двух стран»⁶⁹⁷. Это был первый опыт, когда два евразийских государства – Россия и Иран – взяли на себя ответственность

⁶⁹⁵ Азовский И.П. Шелковый путь накануне XXI в. [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_06_azovski.shtml (дата обращения: 2.09.2020).

⁶⁹⁶ Маликиян М. Роль Ирана в таджикском мире [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1237009980> (дата обращения: 2.09.2020).

⁶⁹⁷ С. 75.

стабилизировать общественно-политическую ситуацию в Таджикистане и в регионе в целом.

Руководство Ирана стремилось завоевать расположение стран Центральной Азии и повысить уровень доверия к своей стране. Так, в июле 1995 г. Э. Рахмон прибыл в Тегеран, где состоялось открытие таджикского посольства. На фоне таджикско-узбекских противоречий по вопросу газовых поставок из Узбекистана в Таджикистан и политизацией этого вопроса в двусторонних отношениях Тегеран выступил в качестве альтернативного поставщика энергоносителей. В 1997 г. в Москве при посредничестве Ирана было подписано соглашение между противоборствующими сторонами, положившее конец гражданской войне в Таджикистане. Таким образом, Иран сыграл одну из ключевых ролей в нормализации обстановки в Таджикистане и стал одним из стран-гарантов выполнения достигнутого примирения. Такая позиция Ирана была призвана продемонстрировать его интерес к поддержанию региональной стабильности и безопасности и снизить уровень раздутой «иранофобии» в странах Центральной Азии.

В 90-е г. политика Ирана в Центральной Азии носила не столько идеологический, сколько более прагматичный характер и была направлена на развитие взаимовыгодных отношений. Выстраивая доверительные отношения со странами региона, Тегеран надеялся развеять тот негативный образ Ирана, который преимущественно формировался странами Запада. В ответ на пропаганду «иранофобии» Иран открыто давал понять новым независимым государствам, что не будет навязывать свою исламскую модель общественно-политического развития. Более того Иран демонстрировал своими действиями, что в его интересах сохранить стабильность хрупких политических режимов в Центральной Азии.

В начале XXI в. изменившаяся геополитическая ситуация в регионе еще больше актуализировала центральноазиатское направление внешней политики Ирана. Военно-политическая активность США в Афганистане и сопредельных странах доставляла беспокойство Тегерану и требовала

повышенного внимания к Центральной Азии. Так, в апреле-мае 2002 г. президент Ирана М. Хатами совершил турне по Центральной Азии с целью укрепить и расширить сотрудничество с государствами региона. Также руководство Ирана интересовал вопрос, насколько сильны позиции США в странах Центральной Азии и какова вероятность усиления антииранских настроений. Так, в Казахстане и Туркменистане речь шла о строительстве нефтепровода «Казахстан-Туркменистан-Иран». Столь пристальное внимание иранского руководства к строительству вышеуказанного нефтепровода было обусловлено продвижением проамериканского нефтяного проекта «Баку-Тбилиси-Джейхан», несущего угрозу энергетическим интересам Ирана в регионе. На встрече с президентом Киргизии А. Акаевым обсуждались вопросы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Важной вехой в двусторонних ирано-киргизских отношениях стало подписание Декларации о дружбе. Президент Ирана также посетил Узбекистан, отношения с которым до этого времени носили напряженный характер. Ташкент с подозрением относился к Ирану, опасаясь распространения в регионе исламского фундаментализма. В свою очередь, Иран настороженно наблюдал за сближением Узбекистана и США. С особым опасением в Тегеране отнеслись к вступлению Ташкента в прозападный блок ГУАМ. Однако встреча двух президентов в 2002 г. носила поистине исторический характер и способствовала интенсификации двустороннего сотрудничества. М. Хатами подчеркнул, что Иран стремится к выстраиванию отношений с Узбекистаном на принципах взаимоуважения суверенитета. Также было заявлено, что важным звеном ирано-узбекских отношений являются общие усилия в деле по восстановлению Афганистана. Такие заявления импонировали президенту Узбекистана И. Каримову и располагали к двустороннему сотрудничеству с Ираном.

Несмотря на уже сформировавшийся к тому времени прагматизм во внешней политике Ирана, президент М. Хатами все же акцентировал внимание на идеологических моментах во время своей поездки в

Таджикистан в 2002 г. В фокусе внимания двух президентов были, с одной стороны, вопросы строительства автодороги Иран-Афганистан-Таджикистан, с другой стороны, акцент был сделан на родственные связи между двумя странами. М. Хатами не только назвал Таджикистан братской страной, но и заметил следующее: «Нас (Иран и Таджикистан – прим. автора) в свое время разделила история, а сейчас мы углубляем отношения..., мы всегда будем помогать соседям, особенно Таджикистану и Афганистану - это наша задача, так как мы один народ и мы соседи, и я думаю, что к нам должны присоединиться все соседи»⁶⁹⁸. Такие заявления служили доказательством намерений Ирана создать «персоязычный альянс», особенно в условиях укрепления американских позиций в регионе. Руководство Ирана настаивало, что любые конфликты должны решать внутрорегиональные, а не внешние государства. Так, в Таджикистане, отвечая на вопрос по поводу отношения Ирана к американскому присутствию в регионе, М. Хатами заявил, что Иран выступает против этого присутствия. Он отметил: «США не должны превалировать в регионе, их присутствие не должно вредить тем государствам, где они находятся»⁶⁹⁹. Помимо этого в Таджикистане президент Ирана обсуждал перспективы реализации инфраструктурных проектов. Строительство Сангтудинской ГЭС считалось самым крупным экономическим проектом Ирана в Таджикистане. В 2004 г. между президентами двух стран был подписан меморандум, в соответствии с которым Ирану был обещан контрольный пакет в данном проекте. Однако еще в 2003 г. контрольный пакет акций этого проекта Таджикистан обещал отдать России в счет таджикского долга⁷⁰⁰. В итоге Душанбе, оказавшись в неудобном положении, был вынужден пойти на компромиссное решение и удовлетворить гидроэнергетические интересы обеих сторон. 10 декабря 2005 г. в Тегеране на трехсторонней встрече было принято решение поделить

⁶⁹⁸ Президент Ирана Хатами в братском Таджикистане - США нечего делать в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1020201000> (дата обращения: 8.09.2020).

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ РАО "ЕЭС России" становится крупнейшим инвестором в СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/538413> (дата обращения: 8.09.2020).

Сангтудинскую ГЭС между Россией и Ираном. Российской стороне отошли 75% Сангтудинской ГЭС-1, иранской стороне была отдана Сангтудинская ГЭС-2. Стоимость проекта с участием Ирана оценивалась в 160-180 млн. долларов.

Внешняя политика Ирана была скорректирована в 2005 г., когда новым президентом страны стал М. Ахмадинежад, политик неоконсервативных взглядов. Основными принципами внешней политики Ирана стали «справедливость» и «равные отношения», что означало, что все государства обладают равными возможностями и равным положением в мировой политике⁷⁰¹. Руководствуясь этими принципами, Иран выстраивал отношения с государствами региона. В президентство М. Ахмадинежада краеугольным камнем внешнеполитической активности Ирана в Центральной Азии стало стремление вступить в ШОС. Впервые на правах наблюдателя Иран принял участие в заседании ШОС в 2005 г. Через три года, в 2008 г., Иран подал заявку на вступление в ШОС в качестве полноправного участника. При этом официальные власти Ирана нисколько не желали показаться навязчивыми странам-участницам ШОС и старались избегать любых комментариев на эту тему. Власти Ирана рассматривали ШОС как «равного партнера» и были склонны считать, что это партнерство будет иметь обоюдную заинтересованность во взаимодействии с целью получения взаимных выгод⁷⁰². Основным мотивом, побудившим Иран вступить в ШОС, было желание заручиться коллективной поддержкой евразийских государств в случае начала войны с США.

Стабилизация обстановки и приход к власти в 2004 г. президента Х. Карзай в Афганистане открыли перед Тегераном хорошую возможность для продвижения идеи создания союза персоязычных государств. В 2006 г. в Душанбе состоялась встреча президентов Ирана, Афганистана и

⁷⁰¹ Краснов К. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 113.

⁷⁰² Вартамян А.М. Зачем Ирану нужно членство в ШОС? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6138> (дата обращения: 8.09.2020).

Таджикистана по итогам которой было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству. Интересно, что встреча в таком формате состоялась еще в 1997 г. Однако тогда из-за напряженной военной обстановки в Афганистане запланированные проекты не были реализованы⁷⁰³. И вот теперь в новых обстоятельствах участники трехсторонней комиссии договорились совместно решать экономические проблемы, а также особое внимание уделять региональной безопасности и военно-техническому сотрудничеству⁷⁰⁴. В своем выступлении на трехсторонней встрече президент Ирана А. Ахмадинежад отметил необходимость укреплять дружественные связи вопреки желанию отдельных глобальных сверхдержав, имея в виду США. М. Ахмадинежад заявил: «Мы хорошо знаем, что в мире есть государства, которым не по душе солидарность и сотрудничество между нами; это их не радует. Они стремятся к тому, чтобы разъединить страны. Мы решили, вопреки недоброжелательности некоторых стран и несмотря на некоторые препятствия, существующие в административных структурах наших стран, серьезным образом стремиться к укреплению трехсторонних связей»⁷⁰⁵. Но эксперты очень скептически отнеслись к возможности появления полноценного и жизнеспособного персоязычного альянса. По справедливому замечанию В.И. Месамеда, у трех стран, несмотря на общую культурно-историческую близость, существовало много различий. Во-первых, отличительные черты в государственных языках. Во-вторых, низкий уровень взаимного влечения. В-третьих, разница в моделях государственного устройства⁷⁰⁶. Поэтому перспективы данного персоязычного альянса представлялись довольно туманными. Кроме того, на Афганистан большое политическое влияние оказывали США, проектировавшие будущее этой

⁷⁰³ Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Садр», 2017. С. 106.

⁷⁰⁴ Главы Афганистана, Ирана и Таджикистана создают трехстороннюю комиссию [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20060726/51888579.html> (дата обращения: 8.09.2020).

⁷⁰⁵ Санаи М. Указ. соч. С. 106.

⁷⁰⁶ Месамед В.И. Жизнеспособен ли персоязычный союз? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11668> (дата обращения: 8.09.2020).

страны через призму своих геополитических проектов (Большая Центральная Азия).

Несмотря на то, что Центральная Азия не была приоритетом внешней политики Ирана, тем не менее Тегеран был крайне заинтересован в усилении там своего влияния. Свой антиамериканский и антиизраильский курс Иран пытался уравновесить активизацией политики на центральноазиатском направлении⁷⁰⁷. В рамках нового способа укрепления своих региональных позиций – «наступательной дипломатии» – Иран при М. Ахмадинежаде продолжил курс на развитие экономического, культурного и политического сотрудничества со странами региона. Особый интерес Ирана в регионе был сфокусирован на развитии сотрудничества в сфере экономики. Заместитель главы МИД Ирана М. Аминзаде отмечал, что Иран «рассматривает экономическое взаимодействие с соседними странами ЦА в качестве одной из важных составляющих своей внешней политики на длительную перспективу»⁷⁰⁸. Особенно была заметна динамика в отношениях между Ираном и Таджикистаном. Так, в 2006 г. двусторонний товарооборот вырос почти в два раза и составил 110 млн. долларов⁷⁰⁹. Дружественный настрой продемонстрировал М. Ахмадинежад во время визита президента Таджикистана Э. Рахмона в Тегеран в 2008 г. Во время встречи президент Ирана подтвердил намерения спонсировать строительство железной дороги, связывающей Таджикистан с Ираном и Афганистаном, пообещал ускорить темпы строительства Сангтудинской ГЭС-2 и соорудить еще одну ГЭС – Шуробскую на реке Вахш⁷¹⁰. Также иранская сторона пообещала построить современный кардиохирургический центр в столице Таджикистана, в Душанбе.

⁷⁰⁷ Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1288345020> (дата обращения: 8.09.2020).

⁷⁰⁸ Месамед В.И. Ирано-центральноазиатские отношения: некоторые итоги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11878> (дата обращения: 8.09.2020).

⁷⁰⁹ Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 158.

⁷¹⁰ Панфилова В. Тройственный Союз [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2008-03-21/9_dushanbe.html (дата обращения: 8.09.2020).

Не оставались без внимания и другие страны Центральной Азии, с которыми Иран, следуя логике прагматизма во внешней политике, стремился укрепить и расширить экономическое сотрудничество. М. Ахмадинежад предпринял попытку придать импульс развитию отношений с Туркменистаном и летом 2006 г. совершил двухдневный визит в Ашхабад. На встрече речь шла о сотрудничестве двух стран в газовой сфере, что особенно было важно, учитывая решение Тегерана, принятое в 2005 г., о снижении закупок туркменского газа. В апреле 2009 г. состоялся двухдневный визит М. Ахмадинежада в Казахстан. На встрече президент Ирана назвал Казахстан «братской страной». В ходе встречи стороны обсуждали вопросы углеводородного сотрудничества и поставки казахстанского зерна в Иран. По итогам переговоров были достигнуты соглашения по которым Казахстан планировал построить нефтеперерабатывающий завод и зерновой терминал в Иране. В своем выступлении президент Ирана в традиционной антиамериканской риторике призвал Казахстан к сотрудничеству вопреки желанию ряда западных стран. В частности, он отметил: «Финансовый кризис капиталистического мира может действовать в качестве угрозы для других стран. И капиталисты заинтересованы в том, чтобы возложить эти проблемы на другие страны. И мы общими усилиями можем нейтрализовать эти угрозы»⁷¹¹. Отношения между Ираном и Киргизией ограничивала дислоцированная американская база в аэропорту Манас. Недостаток экономического и политического сотрудничества между Тегераном и Бишкеком компенсировало культурное взаимодействие, которое служило важным ресурсом влияния Ирана в Киргизии.

В целом внешняя политика Ирана в Центральной Азии в президентство М. Ахмадинежада синтезировала два подхода: экономический прагматизм и опора на историко-культурное прошлое. При этом идеологическая составляющая не играла принципиально важной роли во внешней политике

⁷¹¹ В Казахстан с первым официальным визитом прибыл глава Ирана Махмуд Ахмадинежад [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2009/04/06/3670/> (дата обращения: 10.09.2020).

Ирана в Центральной Азии. Справедливо отмечал А. Князев, что «необходимо уверенно констатировать, что пресловутая идея «экспорта исламской революции», не является сколько-нибудь значимой в региональной политике Ирана и не грозит стать таковой в обозримом будущем, означая лишь попытку реинтеграции региона в исторический контекст»⁷¹².

Несмотря на заинтересованность Ирана в интенсификации сотрудничества со странами региона, потенциал этих отношений продолжал оставаться не реализованным в полной мере. И дело было не столько в международных санкциях, наложенных на Иран и ограничивающих его экономическую деятельность, сколько в самих странах Центральной Азии, предпочитавших иные, более выгодные внешнеполитические треки для сотрудничества. Сохранялась неопределенность вокруг возможного принятия Ирана в ШОС на правах полноправного участника. Страны-участницы ШОС боялись трансформации организации в антизападную структуру из-за постоянных антиамериканских выступлений иранского лидера.

Новый этап в эволюции внешней политики Ирана в Центральной Азии начался в 2013 г., когда президентом страны был избран Х. Рухани, политик, отличающийся рациональностью и умеренностью взглядов. В своем первом интервью новый президент Ирана отметил необходимость укрепления региональных связей⁷¹³. По мнению Х. Рухани, интенсификация сотрудничества на региональном уровне позволила бы Ирану открыть новые рынки сбыта товаров и создать условия для развития стабильных отношений с соседями, вытеснив иностранные силы, несущие угрозу иранским национальным интересам⁷¹⁴. Во внешней политике на евразийском направлении Иран стал проявлять особую дипломатическую активность с конструктивной окраской, развивая сотрудничество с Россией и Китаем, а

⁷¹² Князев А. Указ. соч.

⁷¹³ Maleki A. Rouhani Stresses Regionalism in Iranian Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/rouhani-stresses-regionalism-iranian-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2020).

⁷¹⁴ Ibid.

также со странами Центральной Азии. Особый интерес у Ирана вызывали китайские и российские геоэкономические проекты, в которые Тегеран планировал встроиться в ближайшей перспективе, в надежде не остаться в стороне от набирающих силу региональных экономических трендов.

Уже в первые месяцы правления Х. Рухани Иран активизировал свою политику в Центральной Азии по линии двусторонних и многосторонних форматов. Более сдержанной стала риторика нового президента Ирана. Так, прибыв на саммит глав-государств ШОС, проходивший в Бишкеке в сентябре 2013 г., Х. Рухани лишь расплывчато подчеркнул, что Иран выступает против «международных сил, которые исповедуют старые колониальные способы правления».

На фоне объявленного Китаем масштабного геоэкономического проекта ЭПШП Иран усилил транспортно-коммуникационную сторону своей евразийской дипломатии. Китайская инициатива ЭПШП рассматривалась в Иране как «выгодный» проект — и с точки зрения экономических, и с точки зрения геополитических интересов, включая проблемы безопасности⁷¹⁵. Учитывая, что по территории Ирана проходили железнодорожные маршруты международного транспортного коридора «Север-Юг», обладающие преимуществами быстрой доставки грузов, руководство Ирана все активнее позиционировало свою страну в качестве привлекательного транспортно-коммуникационного хаба. В китайском проекте Иран стремился стать важным связующим звеном и органично дополнить создающуюся евразийскую транспортно-коммуникационную систему. К тому же открытие новых транспортных маршрутов через территорию Ирана придавало этой стране еще большую привлекательность. Так, в 2014 г. в Евразии состоялось историческое событие: была запущена железная дорога по маршруту Север-Юг, соглашение о строительстве которой было подписано между Ираном, Казахстаном и Туркменистаном еще в 2007 г. На открытии Х. Рухани

⁷¹⁵ Мамедова Н.М., И.В. Федулов. Возможности и перспективы участия Ирана как регионального транспортного узла в проекте «Нового Шелкового пути» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26805> (дата обращения: 10.09.2020).

отметил: «Дорога, которую мы сегодня открываем, связывает не только три наших страны. С её пуском станет более простым для России, Турции, стран Западной Европы и Средиземноморья выход к Персидскому и Оманскому заливу, в Китай и другие страны Востока. Нами сделан всего лишь первый, но очень важный шаг на пути укрепления экономических связей со странами региона. Уверен, что это не конец и последуют новые шаги в этом направлении»⁷¹⁶. Для Ирана данная дорога открывала большие геоэкономические преимущества, позволяющие укрепить и расширить свое влияние в Центральной Азии. В свою очередь, страны региона получили возможность преодолеть проблему своей территориальной замкнутости и получить выход на внешние рынки.

Геополитическая активность России и Китая в регионе стимулировала Иран усилить экономическую составляющую своей внешней политики на этом внешнеполитическом треке. Тегеран проявлял значительный интерес к увеличению объемов торговли со странами региона, которые, мягко говоря, являлись незначительными. Из всех стран Центральной Азии высокие показатели объемов торговли наблюдались между Ираном и Казахстаном. Однако в последние годы произошёл значительный спад. Например, в 2014 г. объемы взаимной торговли достигали 1 млрд. долларов, тогда как в 2019 г. этот показатель сократился до 300 млн. долларов. Основной причиной, повлиявшей на снижение объемов товарооборота между двумя странами, эксперты называли возобновление против Ирана американских санкций в полном объеме в 2018 г.

За 2019 г. объем торговли Ирана с Таджикистаном составил около 60 млн. долларов. Такие результаты демонстрируют резкое сокращение таджикско-иранского товарооборота по сравнению с 2018 г., когда этот показатель достигал 97 млн. долларов. Интересно, что до 2015 г. в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран наблюдалась положительная

⁷¹⁶ Открылся железнодорожный коридор "Север - Юг", связавший Иран, Туркменистан и Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1620117> (дата обращения: 10.09.2020).

динамика: товарооборот достигал почти 300 млн. долларов. Однако с 2015 г. ситуация стала резко ухудшаться. Таджикские власти обвинили Тегеран в поддержке Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая незадолго до этого была признана таджикскими властями террористической. На фоне кризиса в таджикско-иранских отношениях в 2015 г. руководство Таджикистана приняло решение временно приостановить импорт продукции из Ирана, преимущественно продуктов питания.

Между тем росли объемы торговли между Ираном и Туркменистаном благодаря созданной разветвленной инфраструктуре (автомобильные и железнодорожные магистрали). В 2019 г. товарооборот между двумя странами достиг 1 млрд. долларов.

Положительная динамика наблюдалась в торгово-экономическом сотрудничестве Ирана с Узбекистаном. По итогам 2019 г. товарооборот между странами составил более 200 млн. долларов. Иран проявляет значительный экономический интерес к Киргизии, планируя увеличить объемы инвестиций в республику. По итогам 2019 г. товарооборот между Ираном и Киргизией составил 40 млн. долларов. Одним из факторов, препятствующих увеличению объемов торговли между двумя странами, является отсутствие подходящей инфраструктуры. Думается, что открытие в июле 2020 г. общего транспортного маршрута (Иран-Афганистан-Таджикистан-Киргизия) положительно повлияет на торговлю между двумя странами.

В целом показатели торгово-экономического сотрудничества между Ираном и странами Центральной Азии не отвечают имеющемуся потенциалу. Основным препятствующим фактором активного экономического сотрудничества являются введенные международные санкции в отношении Ирана и ограниченная транспортно-коммуникационная инфраструктура, нуждающаяся в модернизации.

Принимая во внимание современные геоэкономические и геополитические тенденции в Центральной Азии, Иран стремится стать

важной частью евразийской интеграции. Так, в 2019 г. Иран подписал с ЕАЭС Соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), получив возможность беспошлинно или по низким тарифам экспортировать свои товары на евразийский рынок. В настоящее время идут переговоры о вступлении Ирана уже в качестве полноправного участника ЕАЭС. Как видно, у Ирана имеется повышенный геоэкономический интерес к участию в евразийской интеграции. Однако страны-участницы ЕАЭС не спешат принимать Иран в организацию, боясь, как и в случае с ШОС, превращения союза в политическую структуру, противостоящую странам Запада.

Таким образом, с момента образования в центре Евразии пяти новых независимых государств Иран активно проецирует свое влияние в Центральной Азии. Пребывая в условиях международной изоляции, Иран стремится расширить поле для маневра за счет укрепления дружественных и партнерских отношений с государствами Центральной Азии. Укрепление позиций Ирана в регионе имеет свою цель - преодолеть геополитическую и стратегическую изолированность, в которой страна оказалась в результате жестких санкций со стороны стран Запада. Активная внешняя политика Тегерана в Центральной Азии, даже в условиях ограниченности ресурсов, рассматривается как шанс закрепить за собой статус ведущей региональной державы. В Тегеране надеются, что конструктивное сотрудничество со странами Центральной Азии позволит сдержать иранофобию и снизить угрозу американской военной агрессии.

Интерес Ирана к участию в евразийских проектах будет сохраняться. Однако политико-идеологические разногласия у Ирана с Западом по-прежнему будут отражаться на отношениях со странами Центральной Азии. Последние заинтересованы в развитии конструктивного взаимодействия со всеми ведущими глобальными и региональными государствами и склонны к проведению открытой и миролюбивой внешней политики.

Что касается исламского фактора, то этот элемент будет всегда неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности Ирана. Однако в

Иране осознают, что успех политики Тегерана в регионе будет зависеть от его умения мыслить прагматичными категориями и выстраивать отношения на равноправной основе. Кроме того, за годы независимости стран региона Тегеран заложил неплохую базу для сотрудничества в сфере экономики, транспорта, инвестиций и с этой точки зрения является привлекательным партнером для центральноазиатских республик.

Посредством дипломатических инструментов Иран ищет точки соприкосновения с доминирующими в Центральной Азии державами – Россией и Китаем. Взгляды Ирана на будущее мировое устройство, которое должно строиться не на диктате одной силы, а носить плюралистический характер, совпадают с мирополитическим видением России и Китая. Более того, интересы Ирана, России и Китая объединяют не только общие подходы к структурированию современного мирового порядка, но и стремление взять на себя ответственность за поддержание безопасности и стабильности в Центральной Азии. Тегеран, Москва и Пекин, имея общий интерес в регионе - воспрепятствовать усилению влияния внешнего фактора и сохранить баланс сил, в перспективе могли бы сформировать региональный стратегический треугольник.

3.3. Стратегические интересы Японии в Центрально-Азиатском регионе

Несмотря на то, что Япония не является приоритетным внешнеполитическим и внешнеэкономическим партнером центральноазиатских стран, тем не менее с 1991 г. она проводила сравнительно активную политику в регионе. Основным интерес к странам Центральной Азии формировался у Японии вокруг ресурсного потенциала региона и прежде всего углеводородного сырья.

В 1992 г. Токио установил дипломатические отношения с новыми независимыми государствами, заложив основу для развития сотрудничества в

различных областях. Учитывая трудности, с которыми столкнулись новые независимые государства после распада СССР, Япония очень осторожно подходила к вопросу вложения своих инвестиций в страны региона⁷¹⁷. Интерес Токио к Центральной Азии был продиктован стремлением укрепить на международной арене свой статус одного из ведущих центров глобальной экономики и желанием быть признанным в качестве важного государства, оказывающего помощь и инвестиционную поддержку новым независимым государствам.

Япония внесла свой значительный вклад в организацию помощи для развития новых независимых государств. В октябре 1992 г. под руководством Японии была организована специальная конференция по оказанию помощи странам СНГ. С целью повысить свой авторитет в Центральной Азии Япония в 1993 г. способствовала принятию решения Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о причислении новых независимых государств к числу развивающихся стран. Это решение открыло широкие возможности для стран Центральной Азии в сфере получения внешней помощи. Свою экономическую помощь Япония оказала странам Центральной Азии по линии специально разработанного проекта «официальная помощь на нужды развития» (ОПР) для развивающихся стран⁷¹⁸. На постсоветском пространстве страны Центральной Азии стали крупнейшими получателями японской помощи. Этот статус они сохраняют и по настоящее время⁷¹⁹.

Япония открывала для себя Центральную Азию через Киргизию⁷²⁰. Существует легенда, которую поддерживают две страны, о том, что «в древние времена киргизы и японцы были братьями, которые по воле исторических обстоятельств размежевались в разные уголки евразийского

⁷¹⁷ Комиссина И. Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_10_komissina.shtml (дата обращения: 15.09.2020).

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО университета. Т. 13. 2020. № 3. С. 87.

⁷²⁰ Молдогазиев Р.Т. История и перспективы кыргызско-японских отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://kabar.kg/news/istoriia-i-perspektivy-kyrgyzsko-iaponskikh-otnoshenii/> (дата обращения: 15.09.2020).

континента»⁷²¹. Первый визит японской делегации в Центральную Азию начался с Бишкека, столицы Киргизии. Однако экономика республики в силу своих незначительных объемов не была готова к реализации крупных проектов помощи, и постепенно приоритет в Центральноазиатской политике Токио был отдан Казахстану и Узбекистану⁷²². Казахстан был интересен Японии своими запасами углеводородов, тогда как Узбекистан – своим геополитическим положением в центре Евразии⁷²³. Не случайно первые посольства Японии были открыты в этих двух центральноазиатских республиках: в Узбекистане – 1993 г., в Казахстане – 1996 г.

С первых дней независимости центральноазиатских государств вошли в практику двустороннего взаимодействия встречи на высшем уровне. Впервые Казахстан посетил министр иностранных дел Японии Ватанабэ Мичио в 1992 г. В 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев прибыл в Токио с официальным визитом. Во время встречи с премьер-министром Японии М. Хосокаве президент Казахстана вручил ему «Книгу памяти», в которой содержался список умерших на казахстанской территории японских военнопленных. Президент Узбекистана И. Каримов был первым высшим должностным лицом иностранного государства, получившим приглашение от нового премьер-министра Цутому Хаты посетить Японию. В мае 1994 г. И. Каримов прибыл в Японию с официальным визитом. Токио стремился укрепить свои экономические позиции в Узбекистане, чему благоприятствовали внешнеполитические ориентиры узбекского руководства, желающего диверсифицировать свои внешнеэкономические контакты за счет развития сотрудничества со странами Восточной Азии. К тому моменту ведущие японские компании уже участвовали в освоении 10 нефтегазоносных

⁷²¹ Там же.

⁷²² Rakhimov M. Central Asia and Japan: bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. № 5. P. 78.

⁷²³ Ibid.

бассейнов в Узбекистане, содержащих около 40% природного газа и 77% разведанных запасов нефти⁷²⁴.

Параллельно с освоением углеводородного потенциала стран Центральной Азии Япония была заинтересована в строительстве альтернативных маршрутов транспортировки нефти и газа из региона для развития японской экономики. В начале 90-х г. велись переговоры о строительстве газопроводных трубопроводов из Центральной Азии через территорию Китая в Японию. Этот планируемый супергазопровод мощностью 30 млрд. м³ в год и протяженностью 8000 км должен был связать Туркменистан, Узбекистан и Казахстан с потребителями в Китае, Южной Корее и Японии⁷²⁵. Однако такие факторы, как большие расстояния, неопределенность вдоль казахско-китайской границы и высокая стоимость на углеводороды воспрепятствовали его реализации.

Одной из ведущих инициатив Японии в Центральной Азии стал проект Центральноазиатского экономического сотрудничества (ЦАРЭС) по линии Азиатского банка развития (АБР), который стартовал в 1996 г. Выдвижение этой инициативы принадлежало Чино Тадао, который считался одним из тех, кто стимулировал интерес Японии к Центральной Азии. Тогда АБР поддержал идею оказания технической помощи для развития экономического сотрудничества между государствами Центральной Азии⁷²⁶. Пока речь шла о сотрудничестве между Казахстаном, Киргизией, СУАР и Узбекистаном. В 1998 г. к ЦАРЭС присоединился Таджикистан. Туркменистан стал членом организации только в 2010 г.

О появлении полноценной стратегии Японии в Центральной Азии можно было говорить, начиная с 1997 г. Еще в январе 1996 г. правительство в Японии возглавил новый премьер-министр Р. Хасимото, который разработал две внешнеполитические концепции – «многоуровневый подход» и

⁷²⁴ Визит Ислама Каримова в Японию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/78813> (дата обращения: 10.09.2020).

⁷²⁵ Зонн И.С. Великий Шелковый путь становится Великим нефтегазовым путем // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2. С. 36.

⁷²⁶ Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. Проекта Э.В. Молодякова. М., 2013. С. 269.

«евразийскую дипломатию». Суть концепций заключалась в интенсификации сотрудничества между Японией и Россией («многоуровневый подход») и Японией и странами Центральной Азии («евразийская дипломатия»). В рамках «евразийской дипломатии» Япония планировала развивать взаимовыгодное сотрудничество с государствами, расположенными вдоль Великого Шелкового пути. Речь шла о налаживании контактов с Россией, Китаем, странами Центральной Азии и Кавказа в таких областях как экономика, безопасность и развитие демократии⁷²⁷. Импульсом к проведению Японией более активной политики в Евразии стали такие процессы, как «нарождающееся евроатлантическое сближение, расширение НАТО на Восток, установление партнерских отношений между НАТО и Россией»⁷²⁸. Опасения Токио быть изолированным от этих набирающих обороты геополитических процессов в Евразии с участием стран Запада стали катализатором появления концепции «евразийской дипломатии». Вместе с евразийскими государствами Япония стремилась внести свой вклад в формирование основ «нового международного порядка»⁷²⁹. В итоге, руководство Японии четко определило свои стратегические региональные интересы, направленные на поддержание стабильности и безопасности, получение доступа к природным ресурсам, а также развитие дипломатических отношений с Россией и Китаем⁷³⁰.

Интерес Японии к странам Центральной Азии возрастал. Так, в 1997 г. в регион нанесли визиты японские предприниматели, руководители крупных корпораций и банков. Летом 1997 г. страны Центральной Азии, за исключением Таджикистана, посетила большая японская делегация во главе с председателем социального комитета по экономическому сотрудничеству либерально-демократической партии К. Обути. В состав делегации вошли 61

⁷²⁷ Малашевская М. Н. Формирование политики Японии в отношении СССР и РФ в 1989-2001 гг. Дисс. на соис. уч. степени канд. истор. наук. СПб., 2016. С. 123.

⁷²⁸ Японский феномен глазами российских японоведов: Научное издание / Под ред. И.П. Лебедевой, А.Н. Мещерякова и Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 84.

⁷²⁹ Там же.

⁷³⁰ Там же.

человек, включая представителей бизнес-сообщества, ученых, экспертов по региону. Центральной темой на переговорах были вопросы экономического сотрудничества с акцентом на энергетической сфере. В специально подготовленном докладе К. Обути по итогам поездки в Центральную Азию отмечалось, что Япония продолжит оказывать экономическую поддержку странам региона. В докладе предлагалось создать Парламентскую Ассамблею с центральноазиатскими республиками и открыть «мозговые» центры в Токио для изучения политических процессов в регионе⁷³¹.

О необходимости укреплять двусторонние отношения со странами Центральной Азии говорил премьер-министр Р. Хасимото во время своего выступления в Обществе экономических единомышленников в июле 1997 г. Р. Хасимото предложил разделить политику Японии в Центральной Азии на три измерения⁷³²: во-первых, необходимо развивать политический диалог с целью углубить доверие и взаимопонимание в двусторонних отношениях; во-вторых, продвигать экономическое сотрудничество и сотрудничество в области освоения природных ресурсов для обеспечения процветания региона; в-третьих, прилагать усилия по недопущению распространения ядерного оружия, содействовать демократизации и стабилизации стран Центральной Азии.

На фоне роста экономической мощи Китая и меняющегося баланса сил в Азии Япония впервые публично признала геополитическую значимость Центральной Азии в декабре 1997 г. Бывший посол Японии в России Ватанабэ Кодзи заявил, что «развитие стран Центральной Азии являлось важным для Евразии.... и желательно, чтобы они играли роль буферного региона для поддержания мира», поскольку этот регион окружен Россией, Китаем, Ираном и Афганистаном, которые играют важную роль в мировой

⁷³¹ Takeshi Y. Japan's Multilateral Approach toward Central Asia P.71.[Электронный ресурс]. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/04_yuasa.pdf. (дата обращения: 10.09.2020).

⁷³² Выступление премьер-министра Японии Р. Хасимото в Обществе экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай) 24 июля 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japantoday.ru/yaponiya-o-sebe-i-mire/vystuplenie-premer-ministra-yaponii-r.-hasimoto-v-obschestve-ekonomicheskikh-edinomyshlennikov-keydzay-doyukay-24-iyulya-1997-goda.html> (дата обращения: 10.09.2020).

политике⁷³³. Следовательно, стратегической задачей Японии в регионе было не допустить изменение баланса сил и превращения региона в сферу влияния Китая или России.

Япония позиционировала себя в качестве значимого источника помощи для стран Центральной Азии. За период с 1992 г. по 2000 г. объем экономической помощи Японии странам региона составил приблизительно 1 млрд. долларов: из которых Узбекистан получил 396 млн., Казахстан – 306 млн., Киргизия – 209 млн⁷³⁴. В конце XX в. офисы Японского агентства международного сотрудничества (ЯАМС) были открыты в Ташкенте (1999) и в Киргизии (2000). Через эти офисы Япония осуществляла экономическую поддержку республикам для их устойчивого развития и проведения демократических реформ. В 2001 г. Япония провела в Токио совещание Консультативной группы доноров Таджикистана, пригласив на мероприятие президента республики И. Рахмона.

В начале XXI в. безоговорочно Японией поддержала США в борьбе с международным терроризмом. С этого момента Токио еще активнее стал вовлекаться в дела региона, предоставляя республикам гранты с целью поддержания политической стабильности и экономического развития. В 2001 г. Токио предоставил Узбекистану и Таджикистану срочные гранты на сумму более 20 млн. долларов⁷³⁵.

О долгосрочных намерениях Японии в Центральной Азии можно было судить по открытию посольств в республиках в начале XXI в.: в Таджикистане в 2002 г., в Киргизии - 2003 г., в Туркменистане – 2005 г. Однако по-прежнему фокус внимания Токио был сконцентрирован на Узбекистане. В 2002 г. между двумя странами было установлено стратегическое партнерство. В 2003 г. Узбекистан стал первым государством,

⁷³³ Len Ch., Tomohiko U., Tetsuya H. Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. P.36.

⁷³⁴ Троицкий Е.Ф., Ким М.Ю. Политика Японии в Центральной Азии (1992-2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 84.

⁷³⁵ Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого Шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) // Ежегодник Япония. 2012. № 41. С. 40.

с которым Япония подписала соглашение об открытии регулярного сообщения.

В начале XXI в. в Японии постепенно вызревала идея создания новой модели многостороннего сотрудничества со странами региона в целях укрепления экономического и политического диалога. В качестве примера рассматривалась региональная интеграция АСЕАН. Еще в 2003 г. министерство иностранных дел Японии запустило процесс проработки этого формата сотрудничества с руководством стран Центральной Азии⁷³⁶.

Новый подход к региону дополнял двухсторонний формат сотрудничества и являлся необходимым для реализации поставленных задач в рамках Стратегии энергетической дипломатии, опубликованной в апреле 2004 г. Анализ Стратегии показывал, что Япония взяла курс на переход от «конкуренции за энергоресурсы» к «энергетическому сотрудничеству» и старалась выстроить систему партнерских отношений с глобальными центрами силы, странами-соседями по региону и странами, богатыми углеводородами⁷³⁷. Прослеживалось намерение Токио к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми заинтересованными странами в области энергетики в Центральной Азии.

Геополитическая активность Китая и России в Центральной Азии побудили Японию выдвинуть новую модель многостороннего регионального сотрудничества. В начале XXI в. отношения между Россией и странами Центральной Азии стали выходить на новый качественный уровень развития как по линии двухсторонних контактов, так и в рамках многостороннего евразийского формата сотрудничества (ЕврАзЭС). Активизировалась «шанхайская модель» взаимодействия. Руководство Японии рассматривало новый многосторонний формат сотрудничества со странами региона как

⁷³⁶ Len Ch., Tomohiko U., Tetsuya H. Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. P. 22.

⁷³⁷ Полищук А.В. Новая энергетическая стратегия Японии: внимание на энергетическую безопасность // всероссийский экономический журнал ЭКО. 2008. № 4. С. 151.

попытку сдерживать устремления России и Китая⁷³⁸. Также импульсом для Японии к более активному продвижению регионального формата взаимодействия стала новость о возможном присоединении России к региональной организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ЦАС).

Чтобы уравновесить российское и китайское влияние в регионе, в августе 2004 г. министр иностранных дел Японии Ёрико Кавагути совершила поездку по странам Центральной Азии. Ё. Кавагути должна была представить новую модель многостороннего сотрудничества в регионе. Во время визита в Узбекистан она выступила с содержательной речью, в которой выделила три принципа сотрудничества со странами Центральной Азии: уважение разнообразия, кооперативная конкуренция и открытость для взаимодействия с третьими сторонами. В Астане сразу после заседания в формате региональной организации ЦАС министры иностранных дел стран региона, за исключением Туркменистана, приняли участие в совещании, организованном министром иностранных дел Японии Ё. Кавагути. На совещании было объявлено, что Япония и страны Центральной Азии договорились дать старт новому формату сотрудничества «Диалог Центральная Азия плюс Япония» (ДЦАЯ). Этот формат сотрудничества предусматривал встречи на уровне министров иностранных дел стран-участниц. В рамках нового формата ДЦАЯ Токио взял на себя роль интегратора, помогающего странам региона углублять межгосударственное сотрудничество на региональном уровне⁷³⁹.

Одним из инструментов укрепления влияния Японии в Центральной Азии стал Азиатский банк развития (АБР). Через несколько месяцев после представления нового формата сотрудничества ДЦАЯ в регион прибыл с официальным визитом президент АБР Чино Тадао. На встрече с главами правительств и высшими должностными лицами Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана Чино Тадао обсуждал вопросы экономического

⁷³⁸ Жильцов С. Политика Японии в Центральной Азии: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Вып. 1. Т. 23. С. 51.

⁷³⁹ Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО университета. Т. 13. 2020. № 3. С. 94.

сотрудничества. О возможностях расширения сотрудничества и укрепления устойчивых экономических связей между государствами Чино Тадао говорил во время своего выступления в Астане 1 ноября 2004 г. в рамках третьей конференции министров по Центрально-Азиатскому региональному экономическому сотрудничеству. Между тем в рамках АБР была разработана программа для Центральной Азии на 2004-2006 г., основные направления которой включали сотрудничество в таких сферах, как энергетика, транспорт и торговля. В рамках программы планировалось осуществить 14 займовых проектов стоимостью 295,3 милл. долл. и 33 проекта технической помощи на сумму 18,5 милл. долл.⁷⁴⁰.

В духе американских геополитических подходов к конструированию пространства Большой Центральной Азии Япония инициировала подключение к ДЦАЯ Афганистана. Токио имел свой стратегический интерес к Афганистану и планировал построить трубопроводы из Центральной Азии к Индийскому океану через Афганистан и далее в Японию. Этот проект также был вынесен на обсуждение на саммите ДЦАЯ в 2006 г.⁷⁴¹. Из-за сложной ситуации в Афганистане проект так и остался в стадии обсуждения.

Активность энергетической дипломатии Японии в Центральной Азии была связана с принятой накануне новой Национальной энергетической стратегией. В Стратегии 2006 г. отмечалось, что Японии необходимо укреплять контакты с богатыми ресурсами странами и финансировать энергетические проекты. За счет ресурсного потенциала Центральной Азии Япония планировала укрепить свою энергетическую безопасность. Приезд самого премьер-министра Японии в регион отражал серьезные намерения Токио потеснить Россию и Китай на энергетическом рынке Центральной Азии. Так, в августе 2006 г. впервые премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми прибыл с визитом в страны Центральной Азии: в Казахстан и

⁷⁴⁰ Президент Азиатского банка развития посетит страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20041031/720985.html> (дата обращения: 14.09.2020).

⁷⁴¹ Masaki H. Japan Joins the Energy Race in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://apjif.org/-Hisane-MASAKI/2179/article.html> (дата обращения: 17.09.2020).

Узбекистан. Цель поездки Коидзуми была ясна еще до приезда в регион. Накануне он заявил: «В том, что касается нашей стратегии в области энергетических ресурсов, нехорошо для Японии быть слишком зависимой от Ближнего Востока. А Казахстан и Узбекистан - счастливые обладатели обширных запасов ресурсов»⁷⁴². Такие заявления высших официальных лиц доказывали желание Японии диверсифицировать своих энергетических поставщиков за счет экспорта ресурсов из стран Центральной Азии. Помимо энергетических интересов во время встречи с политическими лидерами стран Центральной Азии премьер-министр Японии Дз. Коидзуми обсуждал вопросы защиты прав человека и демократизации республик. Однако в отличие от стран Запада не проявлял навязчивость в этом чувствительном для авторитарных режимов вопросе. Еще в мае 2005 г. Япония уклонилась от публичного обвинения узбекских властей в нарушении прав человека в Андижанских событиях. В своей политике в регионе Токио руководствовался не идеологическими намерениями, а прагматичными расчетами, что повышало привлекательность Японии в глазах авторитарных руководителей стран Центральной Азии.

Сразу после того как Синдзо Абэ стал новым премьер-министром Японии осенью 2006 г., была выдвинута новая внешнеполитическая инициатива «Дуга свободы и процветания». Автором этой инициативы был министр иностранных дел Т. Асо. Японские дипломаты определили три цели данной инициативы⁷⁴³. Во-первых, Япония не будет навязывать поспешные демократические реформы странам Центральной Азии. Для Токио имеет значение конечный результат развития свободы и демократии в регионе. Во-вторых, Япония будет стремиться превратить регион из «Дуги нестабильности» в «Дугу свободы и процветания». В-третьих, Япония будет и дальше содействовать продвижению либерально-демократических ценностей

⁷⁴² Дубнов А. Прощальный визит Коидзуми [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1156831620> (дата обращения: 17.09.2020).

⁷⁴³ Len Ch., Tomohiko U., Tetsuya H. Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. P. 28.

в странах региона. По своему географическому охвату концепция распространялась не только на страны Центральной Азии, но и на Афганистан. В концепции эти территории были взаимосвязаны с точки зрения региональной безопасности⁷⁴⁴. Япония поддерживала открытое региональное сотрудничество, партнерство, основанное на универсальных ценностях между этими странами⁷⁴⁵. Под лозунгом новой концепции Япония планировала проводить внешнюю политику в Центральной Азии с акцентом на правах человека, верховенстве закона и рыночной экономики, содействуя демократическому развитию и процветанию стран региона. Однако предполагалось опираться в этом деле на тактику ненавязчивости и осторожности. По сути, намерения Токио повторяли уже известную политику США по установлению демократического правления, которая, сталкиваясь с нетрадиционными элементами центральноазиатских обществ, расшатывала их хрупкие политические системы.

Интересно, что Т. Асо симпатизировал Индии и с неприязнью относился к Китаю. Посредством новой внешнеполитической концепции Т. Асо планировал реализовать стратегическую задачу - создать евразийскую демократическую ось против Китая и тем самым ограничить его влияние на континенте⁷⁴⁶. Однако существуют сомнения, что концепция «Дуга свободы и процветания» стала японской внешнеполитической стратегией, так как этой идеей были увлечены только сам основоположник этой концепции и часть японского министерства иностранных дел, в то время как премьер-министр Синдзо Абэ никак не высказывался по этому поводу⁷⁴⁷.

Очень активно Япония продолжала использовать формат ДЦАЯ как инструмент продвижения своих интересов в регионе. На третьем заседании

⁷⁴⁴ Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО университета. Т. 13. 2020. № 3. С. 94.

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ Narang A. Taro Aso could be Japan's next PM after Shinzo Abe. But worry not, as he hates China and loves India [Электронный ресурс]. URL: <https://tfipost.com/2020/08/taro-aso-could-be-japans-next-pm-after-shinzo-abe-but-worry-not-as-he-hates-china-and-loves-india/> (дата обращения: 21.09.2020).

⁷⁴⁷ Исигоока К. Изменения в политической динамике Евразии – японский взгляд // В поисках новых путей развития Евразии. Материалы Пятой российско-японской научно-практической конференции ученых и журналистов. М., 20 сентября 2007. С. 65.

министров иностранных дел Японии и стран Центральной Азии, проходившего в Ташкенте 7 августа 2010 г., стороны обсуждали результаты проведенных мероприятий, одобренных совместным Планом действий на второй встрече в данном формате. По итогам встречи были приняты новые правила проведения Сопровождающего старших должностных лиц в рамках ДЦАЯ с целью своевременного обмена мнениями и информацией, касательно выполнения намеченных планов. В центре внимания были вопросы формирования транспортно-логистической инфраструктуры и путей активизации сотрудничества между деловыми кругами Японии и стран Центральной Азии. Однако по-прежнему в отношениях между Японией и странами Центральной Азии не было желаемой динамики. Лидеры стран Центральной Азии склонны были рассматривать Японию как привлекательного инвестиционного партнера и страну, оказывающую щедрую финансовую помощь, и были не готовы переориентировать свои внешнеэкономические связи с китайского и российского направления на японский трек.

Посредством оказания щедрой финансовой помощи Япония стремилась расширить свое влияние в странах Центральной Азии. В июле 2014 г. министр иностранных дел Японии Ф. Кисида прибыл в Бишкек для участия в формате ДЦАЯ. Незадолго до начала заседания в многостороннем формате Ф. Кисида провел двусторонние переговоры с президентом Киргизии А. Атамбаевым и другими высшими должностными лицами республики. Япония объявила о финансировании двух проектов в Киргизии: «Программа стипендий для развития человеческих ресурсов JDS» (1,97 млн. долл.) и «Проект по улучшению содержания дорог в Ошской, Джалал-Абадской и Таласской областях» (24 млн.910 тыс. долларов).

После этого на юбилейном заседании ДЦАЯ Япония озвучила курс на практическое сотрудничество со странами Центральной Азии в области развития сельского хозяйства. По итогам саммита было сделано Совместное заявление под названием «Новое десятилетие взаимовыгодного

сотрудничества между странами Центральной Азии и Японией», а также представлена дорожная карта регионального сотрудничества в области сельского хозяйства.

На фоне набирающей обороты евразийской интеграции и выдвижения китайской инициативы ЭПШП Япония определила сельское хозяйство как стратегическую отрасль экономики в сотрудничестве с республиками Центральной Азии. Япония стремилась трансформировать ДЦАЯ из площадки для обмена мнениями в полноценную региональную организацию. Об этом свидетельствовала разработка неофициальной эмблемы ДЦАЯ, представленной в юбилейный год в Бишкеке. На этой эмблеме, разработанной японской художницей К. Мори, изображены шесть дам, одетых в национальные одежды стран-участниц ДЦАЯ⁷⁴⁸. Появление эмблемы символизировало о серьезных намерениях Токио по преобразованию Диалога.

Экономический интерес Японии к Центральной Азии со временем не снижался. Однако объемы двусторонней торговли между Японией и республиками были незначительными по сравнению с товарооборотом Китая и России. По итогам 2013 г. этот показатель составил 1,8 млрд. долларов. Япония планировала расширить участие таких известных японских транснациональных компаний как Sumitomo, JGC, Chiyoda, Sojitz, Mitsubishi в инфраструктуре и промышленности стран Центральной Азии. В странах Центральной Азии сформировался положительный образ Японии. Согласно социологическому опросу, проведенному в декабре 2015-январе 2016 г., 89% респондентов относились благожелательно к Японии⁷⁴⁹. Страны Центральной Азии проявляли готовность развивать сотрудничество с японскими компаниями. Особый интерес представляли японские технологии, которые были важны для национальных экономик региональных государств.

⁷⁴⁸ Dissyukov A. «Central Asia plus Japan» dialogue: from Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2019. № 11. P.13.

⁷⁴⁹ Володин А.Г. Япония и Центральная Азия: геоэкономические интересы России С. 301. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2019/23052019/23052019-REP-VolodinAG-001.pdf>. (дата обращения: 25.09.2020).

Политическая элита стран региона не видела в Японии геополитическую угрозу, которую они усматривали в политике Китая и России.

Возрастающее экономическое присутствие Китая в Центральной Азии и вовлечение стран региона в сухопутный проект ЭШП вызывало беспокойство у японских политиков. С целью уравновесить региональное влияние Китая в 2015 г. состоялся визит премьер-министра Японии С. Абэ в Центральную Азию. Это был второй по значимости и первый по широте охвата посещенных стран визит после приезда в регион в 2006 г. Д. Коидзуми. Целью визита С. Абэ в Центральную Азию было содействие укреплению экономического и политического сотрудничества. В центральноазиатские республики С. Абэ прибыл в сопровождении 50 руководителей японских компаний с конкретными предложениями и щедрыми инвестициями. Для Туркменистана это был первый визит японского лидера в страну. С. Абэ пообещал выделить Туркменистану 18 млрд. долларов на строительство электростанции и 8,3 млрд. долларов на строительство нового завода по производству природного газа⁷⁵⁰. Япония продемонстрировала интерес к проекту ТАПИ и заявила, что рассматривает возможность принять участие в его финансировании. В Узбекистане премьер-министр Японии объявил о выделении 105 млн. долл. на реализацию совместных проектов, включая контракт с японскими компаниями на строительство завода удобрений. Япония выразила готовность выделить инвестиции Узбекистану в энергетику, транспорт, минеральные ресурсы, автомобильную, телекоммуникационную и химическую промышленность. Киргизии была предложена помощь в размере 107 млн. долл. на ремонт и закупку оборудования для главной трассы, ведущей в международный аэропорт Манас. Гуманитарную помощь в размере около 7,4 млн. долл. получил Таджикистан. В Казахстане С. Абэ предложил построить атомную электростанцию. Щедрые японские инвестиции, обещанные странам

⁷⁵⁰ Abe's Central Asian diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://japantoday.com/category/features/opinions/abes-central-asian-diplomacy> (дата обращения: 25.09.2020).

Центральной Азии, свидетельствовали о большом интересе Японии к региону и его долгосрочном характере.

Дипломатическую активность Японии в регионе можно было расценивать как попытку создать конкуренцию влиянию Китая и России. Однако даже дипломатическое мастерство С. Абэ не могло изменить особого отношения к России в Центральной Азии или бросить вызов солидным китайским инвестициям⁷⁵¹. В свою очередь, эксперты посчитали, что визит С. Абэ в регион был скорее направлен как противодействие в сторону Китая⁷⁵². Действительно, Япония с тревогой встретила китайский проект ОПОП⁷⁵³. Однако с финансовой точки зрения Япония не в силах была составить конкуренцию данному проекту, в рамках которого Китай обещал выделить миллиарды долларов под инвестиции.

К тому моменту Токио пересмотрел свое отношение к присутствию России в Центральной Азии. Япония, не желающая портить хорошие отношения с Москвой, перестала прямо оспаривать ее влияние в регионе⁷⁵⁴. Особый интерес Япония стала проявлять в отношении евразийской интеграции. Еще в октябре 2014 г., министр иностранных дел Ф. Кисида подчеркнул, что Япония «с большим интересом наблюдает за всем происходящим вокруг Евразийского экономического союза, в который входят Россия, Казахстан и Белоруссия»⁷⁵⁵.

На фоне геоэкономической и геополитической активности Китая, России, Турции, Ирана в Центральной Азии Япония, используя различные механизмы, стремится расширить и укрепить свои региональные позиции. Повестку дня в рамках двустороннего и многостороннего форматов

⁷⁵¹ Walker J. Tokyo is Showing the Way for Washington in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://warontherocks.com/2015/10/tokyo-is-showing-the-way-for-washington-in-central-asia/> (дата обращения: 25.09.2020).

⁷⁵² Мурашкин Н.Ю. Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 371.

⁷⁵³ Стрельцов Д. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 44.

⁷⁵⁴ Мурашкин Н.Ю. Эволюция «российского фактора»... С. 371.

⁷⁵⁵ МИД Японии: страна проявляет большой интерес к Евразийскому экономическому союзу [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/5101/content/mid-iaponii-strana-proiavljaet-bolshoi-interes-k-evraziiskomu-ekonomicheskomu-soiuzu/3028759> (дата обращения: 5.10.2020).

взаимодействия преимущественно формируют вопросы инвестиционного сотрудничества и реализация инфраструктурных проектов. Так, в 2018 г. во время своего официального визита в Японию президент Таджикистана Э. Рахмон «заявил о намерении видеть в лице дружественной Японии своего важного и потенциального торгово-экономического партнера»⁷⁵⁶. Вопросы углубления экономического сотрудничества обсуждались на седьмом заседании министров иностранных дел ДЦАЯ, который проходил в мае 2019 г. в Душанбе. В рамках заседания было проведено три сессии по следующим темам: 1) практическое сотрудничество в сфере туризма; 2) сотрудничество в сферах торговли, инвестиций и развития; 3) региональная безопасность и региональное сотрудничество. Последняя тема доказывала интерес Японии к проблеме афганского урегулирования и вопросам обеспечения региональной безопасности. Не случайно, на заседании присутствовал министр иностранных дел Афганистана С. Раббани в качестве почетного гостя. На встрече с журналистами пресс-секретарь министерства иностранных дел Японии Натсуко Саката сообщила, что с 2014 г. по 2019 г. Япония инвестировала в экономику стран региона около 25 млрд. долл. Речь шла преимущественно о проектах в сфере транспорта, медицины и сельского хозяйства. Для сравнения, в 2016 г. Китай заключил только с Казахстаном инвестиционные соглашения на сумму 26 млрд. долл. в машиностроении, энергетике, инфраструктуре и т.д.⁷⁵⁷.

Таким образом, основной движущий императив внешней политики Японии в Центральной Азии — это запасы природных и сырьевых ресурсов в данном регионе. Углеродный интерес продолжает оставаться краеугольным камнем внешней политики Токио на этом направлении. Посредством активной и инициативной внешней политики руководство Японии надеялось реализовать свои энергетические интересы в Центральной

⁷⁵⁶ Свет Восходящего солнца: итоги визита Рахмона в Японию [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/photo/20181005/1027022822/japan-tajikistan-rahmon-vizit.html> (дата обращения: 5.10.2020).

⁷⁵⁷ Сизов Г.А. Китайская инициатива «Пояс и Путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 158.

Азии. Это позволило бы Токио ослабить свою зависимость от стран Ближнего Востока, откуда Страна восходящего солнца преимущественно импортировала углеводороды. Однако среди основных проблем, тормозящих реализацию японских углеводородных проектов, стала конкуренция со стороны Китая и России, географическая удаленность и высокая стоимость на сырьё.

Однако не только желание получить доступ к сырьевым ресурсам формировало стратегический интерес Японии к региону. Особенности географического положения Центральной Азии, соседство этих республик с Китаем и Россией генерировали геополитическую заинтересованность Токио. Особенно это стало проявляться в начале XXI в., когда позиции Китая и России в Евразии стали укрепляться. В процессе своей активной дипломатической деятельности Токио стремился уравновесить влияние этих двух центров силы в странах Центральной Азии.

На современном этапе Токио стремится проводить свою собственную внешнеполитическую линию в странах региона с акцентом на укрепление экономического сотрудничества. Однако, находясь под влиянием приоритетов своей внешней политики, Япония не упускает возможность продемонстрировать странам Запада, в первую очередь США, свою поддержку их политики в Центральной Азии. Можно выделить некоторые общие черты в политике США и Японии в регионе. Во-первых, геополитическая привязка стран Центральной Азии к Афганистану. Во-вторых, Япония, так же как и страны Запада, стремится придать импульс региональному сотрудничеству в Центральной Азии.

Япония проводит в регионе прагматичную внешнюю политику, с осторожностью продвигая свои геоэкономические и геополитические интересы. Продвижению интересов в регионе способствовали финансовая помощь со стороны Японии как источник развития стран Центральной Азии и формат ДЦАЯ. Посредством этих механизмов Токио формировал и

продолжает формировать интерес у центральноазиатской политической элиты к двустороннему и многостороннему сотрудничеству.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

4.1. «Мягкая сила» США, ЕС и Китая в Центральной Азии

В современном технологичном и глобализирующемся мире старые инструменты проведения внешней политики и достижения влияния в виде военных механизмов все больше уступают место «мягкому воздействию», проявляющемуся в опоре на привлекательные идеи и ценности. Не случайно в научном дискурсе появилось такое понятие как брендинг государства, суть которого заключается в разработке правильных методов популяризации своих национальных ценностей за рубежом. При этом «мягкая сила» выполняет функцию ключевой конструирующей силы этого брендинга⁷⁵⁸. Реализуя свои интересы в Центральной Азии, глобальные и внерегиональные центры мировой политики активно стремятся расширить свой арсенал мягких инструментов влияния.

В условиях формирования полицентричного мирового порядка целесообразным представляется анализ инструментов «мягкой силы» ведущих центров мировой политики в Центральной Азии, которые широко используются на практике и демонстрируют эффективность в повышении региональной влияния и авторитетности тех или иных государств.

С позиции представителей политического реализма, сила является основным фактором мировой политики. Как считал Н. Макиавелли, каждое государство, желающее достичь своих внешнеполитических целей, должно стремиться к усилению⁷⁵⁹. Исторически сложилось так, что чем сильнее государство в военном аспекте, тем солиднее его статус на мировой арене. Профессор Принстонского университета У. Кауфман, являясь экспертом по вопросам стратегии, писал: «Военная мощь всегда служила основным

⁷⁵⁸ Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1 (70). С. 136.

⁷⁵⁹ Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2006. С. 37.

показателем силы и престижа государства. Можно даже утверждать, что она была абсолютно необходима для проведения на мировой арене различных политических курсов. Трудно представить себе, как бы вообще развивалась международная политика без влияния военной мощи»⁷⁶⁰. Военная мощь или жесткая сила была и остается основным фактором влиятельности государств в мировой политике. Однако после краха биполярной системы, сопровождающейся процессами демилитаризации и деидеологизации международных отношений, решающую роль в определении степени влиятельности того или иного государства стала играть его способность воздействовать на другие страны посредством невоенных инструментов – экономики, дипломатии, культуры. К этому перечню мягких инструментов влияния, некоторые ученые по праву относят пропаганду⁷⁶¹. В 1980-х г. директор Центра исследований стратегии и международных отношений Джорджтаунского университета в США Р.С. Клайн разработал формулу для оценки совокупной государственной силы. Эта формула состоит из следующих частей: государственная сила = (население и территория+экономическая сила+военная сила) x (стратегический замысел+воля к осуществлению государственной стратегии)⁷⁶². Согласно данной формуле мощь государства опирается на материальную и духовную основы, т.е. на «твердую» («жесткую» - прим.автора) и «мягкую» силы. По мнению Дж. Найя, источниками «мягкой силы» являются культура, политические ценности и дипломатия⁷⁶³. То есть если «жесткая сила» опирается на такие методы, как угрозы и принуждение, то «мягкая сила» - на привлечение и убеждения. В 2003 г. Дж. Най ввел в оборот новый концепт «умная сила» для того, чтобы опровергнуть мнения о том, что только опора

⁷⁶⁰ Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой силы» в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 71.

⁷⁶¹ Klare M.T. Hard Power, Soft Power, and Energy Power [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power> (дата обращения: 5.10.2020).

⁷⁶² Цзайци Л. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149.

⁷⁶³ Най Дж. С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 153.

на «мягкую силу» может обеспечить эффективность внешней политики⁷⁶⁴. По его мнению, используя «мягкую силу», государство может значительно сэкономить на военных расходах, но не полностью отказаться от них⁷⁶⁵. В связи с этим возникает необходимость в разработке умной стратегии проведения внешнеполитической деятельности, которая сочетала бы в себе инструменты «жесткой» и «мягкой силы». Однако при реализации своей внешней политики США не выдерживают баланса между применением «жесткой» и «мягкой» силы и «делают ставку на военную силу еще более очевидной, в ущерб дипломатии и другим «мягким» рычагам влияния»⁷⁶⁶.

Таким образом, государства должны уделять пристальное внимание своему имиджу на мировой арене с целью добиться эффективной реализации своих внешнеполитических целей и завоевать симпатии других. Однако до сих пор нет единого мнения по поводу происхождения «мягкой силы». С одной стороны, можно предположить, что «мягкая сила» создается рукотворно, с другой - этот процесс носит естественный характер. В Центральной Азии США, Европейский Союз (ЕС), Китай, Россия, Турция, Иран, Япония задействуют широкий инструментарий воздействия, направленный как на политическую элиту, так и на население республик. Между этими глобальными и внерегиональными центрами силы разворачивается конкуренция за «умы и сердца» граждан Центральной Азии.

США. С первых дней независимости американское мягкое влияние стало проникать во все сферы стран Центральной Азии. Вашингтон выделял странам региона значительные материальные средства на развитие принципов демократии и рыночной экономики. Экономическая помощь странам Центральной Азии стала одним из ключевых инструментов «мягкой силы» США в регионе. В октябре 1992 г. президент Дж. Буш подписал «Акт о поддержке свободы», который предусматривал оказание финансовой,

⁷⁶⁴ Nye J.S. Get Smart. Combining Hard and Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart> (дата обращения: 5.10.2020).

⁷⁶⁵ Ibid.

⁷⁶⁶ Шаклеина Т.А. Россия и США в мире «жесткой силы» [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/85d/85d321784bb2c8b73edb5747fda2eeae.pdf>. (дата обращения: 5.10.2020).

технической и иной помощи странам бывшего СССР с целью продвижения демократии, рыночной экономики, формирования открытого общества и т.д.⁷⁶⁷. Страны Центральной Азии получали солидную финансовую помощь по линии Агентства США по международному развитию (USAID). В обязанности USAID, созданного еще в 1961 г., входила разработка программ оказания внешней помощи. Распад СССР и появление новых независимых государств в Евразии сделали это пространство приоритетным для проектов USAID. Американское агентство усмотрело в странах Центральной Азии готовность к восприятию «демократических ценностей», что стимулировало США на установление особых отношений с этими государствами⁷⁶⁸. Эти особые отношения были зафиксированы в двусторонних документах: США подписали с Казахстаном «Хартию о стратегическом партнерстве», с Узбекистаном – «Декларацию о стратегическом партнерстве», с Таджикистаном – «Совместное заявление»⁷⁶⁹. Несколько десятков миллионов (от 20 до 50 млн.) выделялось странам Центральной Азии на развитие демократии, проведение избирательных кампаний, становление многопартийности. В 2012 г. представитель USAID в Киргизии сообщил, что за годы независимости агентство выделило республике помощь в размере 500 млн. долларов⁷⁷⁰. В настоящее время Агентство имеет свои офисы в четырех республиках Центральной Азии, за исключением Киргизии, где действует специальная миссия USAID.

В 90-е г. США стремились закрепиться в образовательном пространстве республик Центральной Азии. В 1993 г. был открыт Американский университет в Киргизии, где у выпускников развивали и продолжают развивать такие навыки и склад ума, которые помогают приспособиться к

⁷⁶⁷ Рзаев Ф. 907-ая поправка: история и перспективы [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-04-1999/st_21_rzayev.shtml (дата обращения: 10.10.2020).

⁷⁶⁸ Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека /Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетейя, 2008. С. 176.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ За 10 лет USAID оказал Кыргызстану помощь на \$500 млн [Электронный ресурс]. URL: <https://cbonds.ru/news/614069/> (дата обращения: 10.10.2020).

демократическому развитию⁷⁷¹. В 1997 г. был открыт Казахско-Американский университет, который является единственным университетом на пространстве СНГ, принятым в Ассоциацию американских колледжей и университетов. В ноябре 2019 г. был открыт филиал Университета Вебстера в Ташкенте, который стал крупнейшим филиалом данного университета за рубежом. Несмотря на высокую стоимость, которую берут в этих университетах за обучение, это не снижает интереса среди молодежи в их стремлении поступать именно в эти престижные образовательные структуры. На современном этапе АУЦА считается лучшим университетом в Киргизии. В 2019 г. АУЦА занял 163 место из 350 в рейтинге университетов «Страны Европы и Центральной Азии с переходной экономикой». Из вузов Киргизии в этом рейтинге фигурируют только два университета, помимо АУЦА туда вошел Киргизско-Турецкий университет «Манас», занявший 190 место. Киргизско-Российский Славянский университет во многом уступает американскому и турецкому вузам, особенно по материально-технической базе, академической репутации, популярности среди работодателей, количеству цитирования.

Свою активную деятельность на территории республик Центральной Азии развернули неправительственные организации (НПО), благотворительные фонды, деятельность которых была направлена на распространение американских ценностей и создание положительного образа США. Киргизия, считаясь «островком демократии» в Центральной Азии, стала привлекательной страной для деятельности таких организаций. В республике активно работали и продолжают работать фонд Сороса «Открытое общество», Национальный демократический институт, Freedom House, Международный республиканский институт, Корпус мира⁷⁷². Основная цель американских НПО в странах Центральной Азии заключается

⁷⁷¹ Миссии, ценности и цели АУЦА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auca.kg/ru/mission/> (дата обращения: 10.10.2020).

⁷⁷² Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3 (261). С. 75.

в продвижении демократии и развитии гражданского общества, однако опасения вызывают методы их деятельности – от экономического и идеологического подрыва до силового воздействия⁷⁷³.

Американские структуры сыграли большую, если не решающую роль во время подготовки первого государственного переворота в Киргизии в 2005 г.⁷⁷⁴. Между тем фонд Сороса «Открытое общество» продвигает принципы открытого и гражданского общества во всех республиках региона, за исключением Узбекистана и Туркменистана. В Узбекистане Фонд Сороса имел опыт работы, однако просуществовал всего 8 лет с 1996 по 2004 гг. Решение о закрытии американского фонда было принято первым президентом Узбекистана И. Каримовым с целью не допустить вмешательства международных организаций в политические и экономические дела республики. За 8 лет работы в Узбекистане фонд выдал гранты на сумму свыше 20 млн. долларов на развитие культуры, здравоохранения, науки и образования в республике⁷⁷⁵.

В Киргизии продолжает свою деятельность федеральное агентство США Корпус мира, которое до 2011 г. функционировало во всех странах региона, кроме Таджикистана⁷⁷⁶. Деятельность Корпуса мира курируется Государственным департаментом США и направлена на продвижение лучшего понимания американцев обществами стран региона⁷⁷⁷. В перспективе планируется возобновить деятельность Корпуса мира в Узбекистане. Об этом сообщила первый заместитель помощника государственного секретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Элис Уэллс в феврале 2019 г. во время своего визита в Киргизию⁷⁷⁸.

⁷⁷³ Иманалиев У.К. Деятельность американских неправительственных организаций в Киргизии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 8 (560). С. 105.

⁷⁷⁴ Там же.

⁷⁷⁵ Узбекистан закрыл "Открытое общество" права человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/468367> (дата обращения: 10.10.2020).

⁷⁷⁶ Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 147.

⁷⁷⁷ Там же.

⁷⁷⁸ В Кыргызстане под видом Корпуса мира работают разведчики из ЦРУ? [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/33468-v-kyrgyzstane-pod-vidom-korpusa-mira-rabotajut-razvedchiki-iz-tsru.html?page=9> (дата обращения: 10.10.2020).

С целью расширения контактов между гражданами США и стран Центральной Азии Вашингтон разработал специальные программы по обмену для школьников, студентов и преподавателей. На современном этапе США реализуют в странах Центральной Азии различные образовательные программы: FLEX (программа обмена для школьников старших классов), Программы Фулбрайта для студентов и преподавателей, программа TEA (обучение мастерству и успеху учителей английского языка средних школ) и т.д. Эти программы ставят перед собой цель расположить население стран Центральной Азии к США, а также выявить талантливую молодёжь, которая после обучения по американским образовательным программам возвращается на родину и со временем может пополнить ряды политической элиты своей страны. Интересно, что в 2006 г. в Узбекистане на фоне обострения отношений со странами Запада после Андижанских событий 2005 г. программа FLEX была свернута. В 2018 г. президент США Д. Трамп и президент Узбекистана Ш. Мирзиёев обсуждали возможности возобновления деятельности программы FLEX в Узбекистане. Итогом этих переговоров стал перезапуск данной программы в январе 2020 г. Возобновление деятельности американской образовательной программы в Узбекистане стало возможным благодаря структурным трансформациям во внешней политике республики.

По сравнению с другими государствами США имеют преимущества в реализации своей «мягкой силы» в Центральной Азии. В странах региона большую популярность и развитие получил американский образ жизни, музыка, фильмы и английский язык. Постепенно все эти ценности проникали и продолжают проникать в массовое сознание, включая сознание молодежи. Широко используют посольства и ресурсные центры США в Центральной Азии социальные сети Facebook, Twitter, YouTube и др. как эффективные информационные и коммуникационные каналы⁷⁷⁹. Как известно, именно социальные сети играют существенную роль в формировании мировоззрения

⁷⁷⁹ Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 51.

современной молодежи. Особенно активно США работают с молодым поколением граждан стран Центральной Азии, для которых изучение английского языка входит в число важнейших их жизненных приоритетов⁷⁸⁰. Английский язык получил широкое распространение в странах региона, и на современном этапе его продолжают активно изучать. Как известно, язык оказывает очень большое влияние на мировоззрение человека. Например, лингвистом Сепиром Уорфом была выдвинута гипотеза, «согласно которой структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира»⁷⁸¹. Таким образом, идет активная обработка сознания будущего поколения, которое в перспективе будет считать США привлекательным для взаимодействия государством в соответствии со своими мировоззренческими установками.

В целом, США прилагают значительные усилия, направленные на раскручивание своего положительного имиджа в странах Центральной Азии. За годы независимости США удалось создать здесь солидную ресурсную базу «мягкой силы». При этом стратегия использования «мягкой силы» США в Центральной Азии носит системный характер, охватывая все направления: политику, экономику, культуру, образование. Особенно заметна активизация инструментов «мягкой силы» США среди населения стран региона. Пропаганда американских ценностей в социальной среде центральноазиатских республик носит долгосрочный характер и уже сейчас позволяет Вашингтону добиваться своих стратегических целей на этом внешнеполитическом направлении.

ЕС. С момента появления новых независимых государств ЕС реализует в регионе различные проекты в экономической, политической, культурной, образовательной сферах, параллельно продвигая в регионе свои интересы и ценности. Одной из приоритетных задач ЕС в странах

⁷⁸⁰ Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // Международная аналитика. 2018. № 1(23). С. 37.

⁷⁸¹ Филимонова Г.И. Об особенностях углубления глобального английского как языка международного общения в странах Европы и Азии // Вопросы методики преподавания в ВУЗе: ежегодный сборник. 2014. № 3 (17). С. 291.

Центральной Азии явилось продвижение демократии и содействие национально-государственному строительству. Эта задача отвечала интересам США, которые также стремились к демократическому преобразованию постсоветских политических режимов стран региона.

Являясь уникальным интеграционным объединением в мире, ЕС особенно стал популярен среди суверенных республик Центральной Азии. В первое десятилетие независимости некоторые политические лидеры (Н.Назарбаев, И. Каримов) демонстрировали желание консолидировать центральноазиатские государства, опираясь на модель европейской интеграции. Стремление к созданию внутрирегионального объединения приветствовалось европейскими политиками.

В 90-е г. помимо усилий, направленных на демократизацию ННГ, ЕС активно стремился к развитию экономического сотрудничества в двустороннем формате, рассматривая эту сферу в качестве одного из опорных элементов своей «мягкой силы» в Центральной Азии. Экономический потенциал ЕС делал Брюссель привлекательным в глазах руководителей стран Центральной Азии. Брюссель разработал и предложил специальный документ для развития широкого сотрудничества со странами региона - Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Первые такие Соглашения, как уже отмечалось выше, были заключены ЕС с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. В рамках СПС стороны договорились создать благоприятные условия для сотрудничества в сфере взаимной торговли. В данных Соглашениях подчеркивалось, что сотрудничество между ЕС и странами региона будет осуществляться на основе европейских принципов, таких как верховенство закона, уважение прав человека и прав меньшинств, утверждение политического плюрализма, проведение свободных и демократических выборов, либерализация экономики на рыночных принципах⁷⁸². Таким образом, СПС стало значимым инструментом

⁷⁸² Европейская интеграция: Учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016.С. 504.

продвижения европейских ценностей в страны Центральной Азии. В процессе расширения и укрепления экономического и политического сотрудничества между Европой и странами Центральной Азии происходило внедрение в сознание элиты и общественности общих демократических принципов⁷⁸³.

ЕС содействовал политическому и экономическому развитию стран Центральной Азии по линии специально разработанной программы сотрудничества и помощи ТАСИС. До 2006 г. эта программа считалась главным внешнеполитическим инструментом ЕС в регионе. В рамках этой программы страны региона получали от ЕС солидную финансовую помощь. ТАСИС осуществляла финансирование научно-исследовательских проектов стран региона на основе тендеров в соответствии с демократическим транзитом и внедрением принципов рыночной экономики⁷⁸⁴. С 1991 по 1999 г. ТАСИС в форме грантов выделила 4,2 млрд. евро на осуществление 3000 проектов в странах Центральной Азии⁷⁸⁵. В 2006 г. в ЕС пришли к осознанию о неэффективности выделяемых средств на развитие демократии, соблюдение верховенства закона в странах региона и приняли решение остановить деятельность ТАСИС. В итоге ТАСИС была интегрирована в более широкий внешнеполитический инструмент – Инструмент сотрудничества в целях развития. В отличие от ТАСИС новая программа была больше ориентирована на борьбу с бедностью в глобальном масштабе, нежели чем на продвижение демократии и верховенства закона⁷⁸⁶.

Высокий уровень активности ЕС демонстрировал в образовательной сфере в странах Центральной Азии. Специально разработанные программы в этой области для развития и укрепления сотрудничества были одним из столпов внешней политики ЕС в регионе. В рамках программы ТАСИС ЕС также оказывал финансовую поддержку модернизации образовательной

⁷⁸³ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 77.

⁷⁸⁴ Дадабаева З.А. Новая европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 156.

⁷⁸⁵ Пряхин В.Ф. Европейский союз и Центральная Азия: поиски концепции сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 135.

⁷⁸⁶ Valenza D., Boers E. Assessing the Effectiveness of the EU's and Russia's Cultural Diplomacy towards Central Asia // Institute for European Studies. 2018. № 9. P. 16.

сферы стран Центральной Азии, помогая приобретать необходимое современное оборудование. Кроме того для преподавателей вузов стран региона были организованы курсы повышения квалификации. Например, благодаря помощи ТАСИС Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП) приобрел статус флагмана среди бизнес-школ Центральной Азии⁷⁸⁷. Особенно значимой была помощь ТАСИС региональным вузам, преподаватели которых получали возможность повысить свою квалификацию в европейских образовательных учреждениях⁷⁸⁸.

Начиная с 1994 г. страны Центральной Азии были включены в специальную программу ЕС ТЕМПУС (Транс-Европейская программа мобильности для университетов) с целью укрепить сотрудничество в сфере высшего образования. Благодаря программе ТЕМПУС страны региона адаптировали в своих образовательных системах международные стандарты и перешли на трехуровневую систему обучения. Помимо ТЕМПУС ЕС реализовывал в странах региона еще одну не менее известную образовательную программу академической мобильности - Эразмус Мундус. Эта программа предоставляла студентам и молодым исследователям возможность продолжить обучение в европейских вузах. С 2014 по 2018 г. более 250 студентов из Центральной Азии получили двухгодичные магистерские стипендии в рамках программы Эразмус Мундус. В 2014 г. в ЕС была принята новая программа Эразмус Плюс с целью внедрения новых инновационных механизмов в образование. Новая программа объединила в своей основе предыдущие европейские образовательные программы, такие как Темпус, Эразмус Мундус и др. Интересно, что из 454,2 млн. евро, выделенных на развитие стран Центральной Азии на 2014-2020 гг. в рамках Региональной многолетней индикативной программы, 115 млн. евро было

⁷⁸⁷ Смирнова В.А. Деятельность программы ТАСИС в сфере высшего образования в республике Казахстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4:История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 3. С. 160.

⁷⁸⁸ Там же.

направлено на реализацию программы Эразмус Плюс. Деятельность ЕС в странах Центральной Азии в области образования была нацелена на разработку и преобразование учебных программ, внедрение современных практик обучения и преподавания, модернизацию учебного оборудования и совершенствования механизмов управления.

Помимо участия в реализации общих стратегий ЕС в регионе прослеживалось желание Германии укрепить свое присутствие в Центральной Азии посредством образовательных инструментов. Особую популярность среди молодежи стран региона получила немецкая программа академического обмена DAAD. В рамках этой программы как студенты, так и преподаватели имели возможность бесплатно выехать на стажировку в Германию. В 2019 г. DAAD закрыла свой информационный центр в Душанбе, который функционировал в столице с 2004 г. Официально было объявлено, что причиной закрытия стал низкий статус этого центра по сравнению с другими центральноазиатскими центрами. Между тем за 15 лет работы этого центра более 700 студентов и ученых из Таджикистана получили возможность выехать на стажировку в германские вузы⁷⁸⁹.

Флагманом деятельности Германии в сфере образования в Центральной Азии является Казахстанско-Немецкий университет, открытый в 1999 г. в г. Алматы. В странах Центральной Азии были открыты филиалы Института имени Гёте: в 1994 г. – в Алматы, в 1998 г. в Ташкенте. В 2001 г. в Бишкеке был открыт Центр немецкого языка, который является официальным партнером Института им. Гёте в Алматы. В 2013 г. посольство Германии совместно с Институтом им. Гёте открыли курсы немецкого языка в Центре языков «ДИЛ» при Туркменском национальном институте мировых языков им. Д. Азади. При поддержке Германии в 2002 г. в Бишкеке была открыта Академия ОБСЕ, которая является региональным центром последиplomного образования и представляет собой форум для регионального диалога по

⁷⁸⁹ Германия закрыла информационный центр DAAD в Душанбе [Электронный ресурс]. URL: <https://ittiloot.com/tadzhikistan/9607-germanija-zakryla-informacionnyj-centr-daad-v-dushanbe.html> (дата обращения: 15.10.2020).

вопросам безопасности и научных исследований. С 2016 г. Академия имеет право работать в Бишкеке неограниченный период времени в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между ОБСЕ и Киргизией, подписанный министром иностранных дел Германии Ф.В. Штайнмайером и министром иностранных дел Киргизии Э. Абдылдаевым.

В Центральной Азии действуют такие некоммерческие политические организации, как Фонд им. Конрада Аденауэра и Фонд имени Ф. Эберта. Цель этих структур направлена на развитие взаимопонимания между Германией/ЕС и странами региона, а также на популяризацию демократических ценностей. Представительство Фонда имени К. Аденауэра открыто в Казахстане и в Узбекистане. Представители фонда часто посещают Киргизию и Таджикистан. Фонд содействует развитию сотрудничества в области образования, культуры, экономики, а также поддерживает демократические реформы в республиках. Другой не менее известной германской общественно-политической и научно-исследовательской структурой, действующей в странах Центральной Азии, является Фонд имени Ф. Эберта. Данный фонд имеет свои представительства во всех республиках Центральной Азии, за исключением Туркменистана. В задачи фонда входит поддержка развития демократии и гражданского общества, проведение судебно-правовых реформ. Фонд Ф. Эберта проводит научные конференции, форумы с целью углубить диалог между политиками и учеными из Центральной Азии и ЕС. Руководители представительств данного фонда в странах региона неоднократно заявляли, что ЕС в отличие от России, Китая и США рассматривает Центральную Азию как единый регион. Еще в 2010 г. директор представительства фонда Ф. Эберта в Таджикистане Рустам Хайдаров заявлял: «Евросоюз не представляет здесь национальные интересы какой-либо европейской страны. ЕС позиционирует себя как регион и заявляет о намерениях работать с Центральной Азией как с регионом»⁷⁹⁰.

⁷⁹⁰ Фасхутдинов Г. Что препятствует европейской политике в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: www.dw.ru (дата обращения: 24.10.2020).

Фонд имени Ф. Эберта и Фонд им. Конрада Аденауэра предоставляют стипендии студентам из стран Центральной Азии.

В странах Центральной Азии работают европейские неправительственные организации и фонды, деятельность которых также, как и американских некоммерческих структур, направлена на развитие демократических процессов и гражданского общества. Среди европейских НПО можно выделить Фонд «Международная амнистия», общественный Фонд «За международную толерантность», фонд Ага-Хана и др. Например, при содействии Фонда Ага-Хана, являющегося проводником британской политики, в 2000 г. был основан университет Центральной Азии в Бишкеке. Университет имеет свои подразделения в Хороге (Таджикистан), Нарыне (Киргизия) и Текели (Казахстан)⁷⁹¹.

Гранты являются значимым инструментом продвижения интересов ЕС в странах Центральной Азии. С 1991 по 2004 г. ЕС предоставил странам Центральной Азии финансовую помощь в размере 1,132 млрд. евро. С 2007 по 2013 г. на развитие стран региона было выделено 750 млн. евро. С 2014 г. по 2020 гг. помощь ЕС Центральной Азии составила 1 млрд. евро. Предоставляемая помощь преимущественно направлена на реализацию проектов в сфере верховенства закона и права, на развитие гражданского общества, борьбу с бедностью, поддержку реформ в образовании и т.д.

В 2017 г. западные политологи М. Ларуэль и Э. Макглинчи отмечали, что «мягкая сила» стран Запада (США и ЕС) в области политического сотрудничества с государствами Центральной Азии слабее их культурного влияния⁷⁹². Они подчеркивали, что фокус внешнеполитических интересов США сосредоточен на Северной Корее, Сирии и Иране, а ЕС акцентирует внимание прежде всего на странах Восточной Европы и Южного Кавказа. Ученые пришли к выводу, что геополитический интерес стран Запада по

⁷⁹¹ Корсак В. Британские неправительственные структуры активничают в Кыргызстане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-02-09--britanskije-nepravitelstvennye-struktury-aktivnichajut-v-kyrgyzstane-40984> (дата обращения: 15.10.2020).

⁷⁹² Laruelle M., McGlinchey E. Renewing EU and US Soft Power in Central Asia // EUCAM Commentary. October 2017. № 28. P. 3-4.

отношению к региону снизился. Отчасти с этим убеждением можно согласиться, особенно на фоне сворачивания Германией своих программ помощи, предназначенных для развития региона. Однако современные внешнеполитические предпочтения стран Запада, в которых регион не является приоритетным ориентиром, и, как результат, наблюдается снижение внимания к республикам, еще не означает, что США и ЕС не будут стремиться укреплять свои позиции в Центральной Азии и не проявлять намерение потеснить других региональных акторов. Страны Запада будут и дальше пытаться посредством политических, экономических и культурных инструментов реализовывать свои региональные интересы с опорой на стратегию вытеснения своих геополитических конкурентов. В своей региональной политике США и ЕС будут опираться на привлекательные политико-идеологические ценности. В глазах населения региона Запад по-прежнему будет ведущим мировым культурным центром, местом с хорошими условиями жизни и возможностью получить качественное образование⁷⁹³.

Китай. По мере того как растет экономическое могущество Китая расширяется его мягкое влияние в странах Центральной Азии. В своей «мягкой» политике в регионе Китай стремится популяризировать китайский язык и культуру. В отличие от стран Запада Китай не ставит цель навязать странам региона свои идеологические предпочтения. Приоритет в использовании инструментов «мягкой силы» Китая в странах Центральной Азии отдается экономическим и образовательным проектам.

В своей Центральноазиатской внешней политике Китай опирался на инструменты дружественной дипломатии, пытаясь найти точки соприкосновения с интересами стран региона. Китай позиционировал себя как доброжелательный и неопасный партнер, готовый к взаимовыгодному диалогу по широкому спектру региональных вопросов.

В начале XXI в. с приходом к власти в Китае нового политического лидера Ху Цзиньтао акцент во внешней политике был сделан на наращивании

⁷⁹³ Ibid.

инструментов «мягкой силы». В 2007 г., выступая на XVII съезде КПК, Ху Цзиньтао подчеркнул необходимость «повышать мягкую мощь государства в лице культуры с тем, чтобы лучше гарантировать основные культурные права и интересы народа, сделать многокрасочнее культурную жизнь общества и более возвышенным духовный облик народа»⁷⁹⁴. Прогресс в культурной жизни китайского народа напрямую связывался с возможностью стать более привлекательным государством на международной арене. С этого момента развитие «мягкой силы» рассматривалось как приоритетная задача национальной политики Китая, имеющая долгосрочный характер.

О важном значении, которое руководство Китая придавало использованию инструментов «мягкой силы» во внешней политике, говорило заявление председателя КПК Си Цзиньпина. В 2014 г. он заявил, что Китай должен увеличить «мягкую силу», дать хороший китайский нарратив и лучше донести китайское послание до всего мира⁷⁹⁵. Визитной карточкой Си Цзиньпина стала выдвинутая им концепция «китайской мечты», основанной на духовных общечеловеческих ценностях. Эта концепция противопоставлялась «американской мечте», в основе которой лежал индивидуализм и консюмеризм. Известно, что Си Цзиньпин является выдающимся оратором, эта способность стала генератором нового элемента «мягкой силы» Китая – умение рассказывать истории. Теоретик «Мягкой силы» Дж. Най подчеркивал, что «китайские руководители – настоящие мастера-рассказчики»⁷⁹⁶. В 2018 г. вышла книга «Истории из уст Си Цзиньпина», в которой повествуется об истории Китая, его развитии и реформах, а также о необходимости соблюдать профессиональную этику в политике и придерживаться народных традиций. Эта книга завоевала популярность во всем мире.

⁷⁹⁴ Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html> (дата обращения: 5.11.2020).

⁷⁹⁵ Barker T. The Real Source of China's Soft Power // <https://thediplomat.com/2017/11/the-real-source-of-chinas-soft-power/> (дата обращения: 5.11.2020).

⁷⁹⁶ Истории из уст Си Цзиньпина / Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г. Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». М.: ООН Международная издательская компания «Шанс», 2019. С. 385.

В распространении своих культурных ценностей Китай открыто использует НПО⁷⁹⁷, которые в отличие от западных некоммерческих структур не ведут подрывную деятельность на территории государства пребывания. Известной и единственной китайской НПО в Центральной Азии является Институт Конфуция, в задачи которого входит обучение китайскому языку и распространение китайской культуры. До 2020 г. координация Институтов Конфуция входила в обязанности правительственной Канцелярии по международному распространению китайского языка (Ханьбань⁷⁹⁸). Ежегодно Ханьбань выделял около 100 тыс. долларов на содержание одного института Конфуция⁷⁹⁹. Эти деньги расходовались на зарплату китайских преподавателей, на приобретение учебных пособий и оборудования. На фоне обвинений Институтов Конфуция в пропагандистской деятельности преимущественно со стороны стран коллективного Запада в 2020 г. руководство Китая приняло решение провести реорганизацию Ханьбань и штаб-квартиры Институтов Конфуция. Итогом таких реформ стало появление Центра языкового образования и сотрудничества (ЦЯОС), который был учрежден вместо штаб-квартиры Институтов Конфуция⁸⁰⁰. При этом все права на использование бренда «Институт Конфуция» были переданы Китайскому международному фонду образования⁸⁰¹. Интересно, что в обязанности ЦЯОС вошли практически все те же функции, которыми наделён Институт Конфуция: содействовать изучению китайского языка и вносить вклад в формирование положительного образа Китая зарубежом. Несмотря на проведенные реформы, Институты Конфуция продолжают играть важную роль в китайской дипломатии, содействуя формированию благоприятного имиджа Китая на мировой арене.

⁷⁹⁷ Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 152.

⁷⁹⁸ Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. Т. 10. Июль-Август, № 4. 2012. С. 61.

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 168.

⁸⁰¹ Там же.

Институты Конфуция открыты на базе учебных заведений стран Центральной Азии, кроме Туркменистана. Однако не исключено, что в будущем в Туркменистане также может появиться данный культурно-образовательный центр. Так, в октябре 2019 г. МИД Туркменистана сообщил, что на встрече с заместителем министра иностранных дел Китая Лэ Юйчэном обсуждалась возможность создания в Туркменистане различных центров по изучению и продвижению китайского языка⁸⁰². С каждым годом увеличивается количество институтов Конфуция в республиках Центральной Азии. Например, в Киргизии первый Институт Конфуция был открыт в 2007 г. при Бишкекском гуманитарном университете. На современном этапе в республике действуют около 9 институтов Конфуция, а также десятки других центров изучения китайского языка⁸⁰³. Несмотря на усилия Китая, направленные на расширение своего культурного влияния в регионе, его воздействие на население Казахстана и Киргизии остается незначительным⁸⁰⁴. Языковой барьер ограничивает использование китайских СМИ в качестве источника информации. В медийном пространстве стран региона ведущее место продолжает занимать Россия. Однако Китай стремится интенсивно продвигать свои культурные ценности в регионе, используя механизмы СМИ. В 2015 г. впервые в Киргизии была открыта китайско-кыргызская газета «Жибек Жолу» («Шелковый путь»), основная задача которой направлена на развитие и укрепление сотрудничества между двумя странами в сфере культуры. Газета выпускается еженедельно на трех языках: кыргызском, русском и китайском. На презентации новой газеты ее главный редактор Ли Да Хуа отметил: «Мы в скором времени собираемся снять художественный фильм и запланировали еще много проектов. Мы надеемся, что они все будут

⁸⁰² В Туркменистане намерены создать центры изучения китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hronikatm.com/2019/10/mandarin/> (дата обращения: 5.11.2020).

⁸⁰³ В еще трех учебных заведениях Кыргызстана откроются классы Конфуция [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0309/c31519-9187907.html> (дата обращения: 5.11.2020).

⁸⁰⁴ Aliyev N. China's Soft Power in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13599-chinas-soft-power-in-central-asia.html> (дата обращения: 5.11.2020).

способствовать развитию культурного сотрудничества между нашими странами и странами ЦА»⁸⁰⁵.

Китай позиционирует себя на международной арене как центр производства конкурентоспособных и инновационных товаров. Согласно проведенному в 2017 г. исследованию около 30 китайских брендов завоевали популярность во всём мире, включая продукцию таких китайских транснациональных корпораций, как Lenovo и Huawei⁸⁰⁶. Не менее известны в мире и в Центральной Азии, в частности, такие виртуальные торговые площадки, как Aliexpress, Alibaba и др., на которых продаются китайские товары. Китайские бренды завоевали симпатии населения стран Центральной Азии: привлекает качество товаров, выпускаемых этими брендами и их доступная цена. Если Китай и дальше будет продвигать свои бренды, не исключено, что они станут ключевым элементом китайской «мягкой силы» в глобальных масштабах.

Основная проблема, с которой сталкивается Китай в реализации своей политики в Центральной Азии, — это антикитайские настроения, которые набирают обороты в результате активной пропаганды со стороны стран Запада. Особенно в СМИ западные НПО в регионе продвигают антикитайский контент. Во время американо-китайской торговой войны в президентство Д. Трампа в странах Центральной Азии была развернута масштабная антикитайская кампания по трем направлениям: раскручивание «китайской угрозы» в СМИ, публичные мероприятия, а также прямые выступления, включая насилие и беспорядки⁸⁰⁷. В ответ на попытки дискредитировать имидж Китая в Центральной Азии Пекин продолжает на официальном уровне заверять политическую элиту и общественность стран региона в миролюбивом характере своей политики. Руководство Китая

⁸⁰⁵ Впервые в Кыргызстане презентована китайско-кыргызская газета «Шелковый путь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kyrgyzkorm.kg/news/vpervye-v-kyrgyzstane-prezentovana-kitajsko-kyrgyzskaya-gazeta-shelkovyj-put.html> (дата обращения: 6.11.2020).

⁸⁰⁶ Cody S. A new brand of Chinese soft power? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2017/08/12/a-new-brand-of-chinese-soft-power/> (дата обращения: 6.11.2020).

⁸⁰⁷ Мендкович Н. США и антикитайские НПО в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/ssha-i-antikitayskie-npo-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 8.11.2020).

постоянно подчеркивает дружественный настрой по отношению к странам Центральной Азии и намерения развивать отношения на принципах равноправия и взаимной выгоды. Такие официальные заявления из уст китайских политиков направлены на повышение уровня доверия между Китаем и странами региона. Так, в 2019 г. посол КНР в Киргизии Ду Дэвэнь назвала три традиции, на которые опирается Китай в своей политике в Центральной Азии: традиция миролюбия, традиция инклюзивности, традиция трудолюбия⁸⁰⁸. Эти традиции являются элементами формирующейся китайской системы ценностей, которую руководство Поднебесной пытается противопоставить западным идеалам. На современном этапе Китай уже начал ненавязчиво продвигать свои ценностные ориентиры в странах Центральной Азии, основанные на древнекитайских конфуцианских традициях. При этом продвижение китайского проекта ЭПШП «создаст дополнительные предпосылки для расширения нематериального влияния Китая на евразийском пространстве»⁸⁰⁹.

На современном этапе Китай по идеологическим и культурным параметрам существенно отстает от мягкого влияния стран Запада и России в странах Центральной Азии. Однако Пекин продолжает прилагать значительные усилия, чтобы создать образ креативной страны с опорой на популяризацию своих экономических успехов, приверженности миролюбивой внешней политики и повышение глобальной привлекательности национальной культуры, выступающей в качестве ведущего компонента «мягкой силы»⁸¹⁰.

Таким образом, в своей внешней политике на Центральноазиатском направлении США, ЕС и Китай активно наращивают инструменты своего «мягкого влияния» в странах региона с целью создать привлекательный образ своих государств. Среди инструментов «мягкой силы» этих глобальных

⁸⁰⁸ Кыргызстан-Китай: история и современность: сб. материалов межвуз. научно-практ. конф., 25 декабря 2019 г. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. С. 12-13.

⁸⁰⁹ Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. Сентябрь-Октябрь. № 5. С. 152.

⁸¹⁰ «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 54.

центров силы в странах Центральной Азии можно выделить финансово-экономическую помощь, разветвленную деятельность НПО (особенно американских и европейских), гранты, кредиты. Особое внимание США, ЕС и Китай уделяют расширению сотрудничества со странами региона в образовательной сфере. По-прежнему молодежь из стран Центральной Азии предпочтение отдает обучению в вузах США и стран Европейского Союза. Это обусловлено как высоким уровнем престижности образования на Западе, так и большими возможностями и привилегиями, которые открываются перед молодыми специалистами после получения высшего образования за рубежом. Китай прилагает значительные усилия для формирования своего положительного образа в странах региона, расширяя механизмы своего экономического и культурно-образовательного влияния. Все большую популярность среди населения стран регион приобретают инновационные китайские товары и их доступная цена. Однако по своему идеологическому, культурному и языковому влиянию Китай во многом уступает странам Запада. Кроме того, с момента обретения независимости именно западные ценности стали своеобразным ориентиром для новых независимых государств в процессе построения их национальной государственности.

4.2. «Мягкая сила» Турции, Ирана и Японии в Центральной Азии

Турция. Турция очень активно использует инструменты своего мягкого влияния в Центральной Азии. Ресурсы «мягкой силы» Анкары в странах региона довольно разнообразны и включают идеологические, экономические, культурные и образовательные элементы.

Безусловным преимуществом Турции по сравнению с другими геополитическими игроками является консолидирующая концепция тюркской общности, которую Анкара умело использует для укрепления своего влияния в Центральной Азии. В 90-е г. руководство Турции полагало, что именно опора на тюркскую идентичность и ислам позволят ей стать влиятельным игроком в регионе. Этнолингвистическая, конфессиональная и историческая

общность формировали идейный арсенал Турции в Центральной Азии, опираясь на который Анкара планировала усилить притяжение между тюркскими республиками под своей эгидой. Для республик Центральной Азии Турция действительно была привлекательной, особенно ее опыт политической и экономической модернизации. Так, в Туркменистане и Узбекистане на основе турецкого опыта было принято решение осуществить переход на латиницу.

Среди главных внешнеполитических инструментов Турции в Центральной Азии можно было выделить оказание безвозмездной помощи новым независимым государствам. Таджикистан и Узбекистан стали одними из главных получателей турецкой финансовой помощи. На протяжении 90-х г. помощь Таджикистану была значительной и к 2004 г. достигла 648 млн. долларов⁸¹¹. Такая щедрая поддержка, оказанная Турцией Таджикистану, была обусловлена желанием Анкары расширить свое влияние в этой центральноазиатской республике, имеющей индоиранские корни. В связи с резкой активизацией политики Ирана в Таджикистане в период президентства принципиального политика М. Ахмадинежада Анкара сократила свою помощь Таджикистану до 5 млн. в год. В свою очередь, в начале XXI в. Киргизия стала самым крупным получателем турецкой помощи и продолжает оставаться таковой. В 2001 г. республика получила 83 млн. долларов. Казахстан стал вторым после Киргизии крупным получателем турецкой помощи. С 1992 г. Туркменистан также получает помощь от Турции.

Турция имеет широкий инструментарий «мягкой силы» в Центральной Азии. Положительный образ Турции формируется в регионе благодаря таким тюркским организациям, как Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИКА), Организация по культуре и искусству тюркоязычных стран (ТЮРКСОЙ), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА). В первые годы независимости ТИКА оказывала содействие странам Центральной Азии в возрождении их идентичности, а также в

⁸¹¹ Wheeler T. Turkey's role and interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. P. 9.

развитии технической и социальной инфраструктуры. Свою деятельность ТИКА начала в Киргизии. За 30 лет ТИКА реализовала в странах региона множество проектов в сфере образования, медицины, финансов, туризма, сельского хозяйства и т.д. До 1995 г. ТИКА преимущественно продвигала в тюркских республиках экономические и социальные проекты. С 1995 г. фокус деятельности ТИКА стал концентрироваться вокруг сотрудничества в сфере образования и культуры⁸¹². На современном этапе ТИКА стала турецким брендом на международной арене. Проекты, реализуемые ТИКА, и мероприятия, проводимые под ее эгидой, вносят значительный вклад в укрепление положительного образа Турции в регионе.

С первых дней независимости стран Центральной Азии под пристальным вниманием Турции оказалась сфера образования новых независимых государств, где успешно реализовывался проект по созданию сети турецких образовательных учреждений. Благодаря движению Ф. Гюлена под названием «Хизмет» и его последователям в республиках открывались турецкие лицеи, преподаватели которых прививали учащимся знания вместе с религиозными ценностями. Параллельно шел процесс продвижения турецкого языка среди учащихся этих лицеев и посвящения их в основы турецкой культуры. Учащимся с многообещающими способностями, подвергнутым пантюркистской обработке, предоставлялась возможность поступить в учебные заведения Турции за счет средств фондов и фирм подконтрольных движению «Хизмет»⁸¹³. Во многом благодаря созданной в республиках обширной сети гюленовских образовательных учреждений укреплялся положительный образ Турции среди населения стран Центральной Азии. За несколько десятилетий турецкие лицеи смогли стать одними из лучших и престижных учебных заведений, особенно в Казахстане и Киргизии. Именно поэтому в 2016 г. в странах Центральной Азии не

⁸¹² Официальный сайт ТИКА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tika.gov.tr/en> (дата обращения: 25.11.2020).

⁸¹³ Иманалиев У.К. Политика «мягкой силы» Турции в Кыргызстане // Азия и Африка сегодня. 2016. № 8 (709). С. 51.

спешили реагировать на требование руководства Турции закрыть все гюленовские лицеи. Как известно, Р. Эрдоган обвинил Ф. Гюлена в организации государственного переворота в Турции. Между тем еще до 2016 г. в некоторых странах региона было принято решение о закрытии турецких лицеев или перевод их под государственный контроль. Обвиняя движение «Хизмет» в подрыве светских основ государственности, власти Узбекистана в 1999 г. закрыли все гюленовские школы на территории страны. В 2011 г. в Туркменистане перепрофилировали турецкие лицеи в социально-образовательные объекты под патронажем государства. Руководство Туркменистана усмотрело в турецких лицеях угрозу своему национальному суверенитету.

В 2016 г. в ответ на требования Турции закрыть гюленовские лицеи первым из республик Центральной Азии отреагировал Таджикистан. Министерство образования и науки Таджикистана заявило о намерении преобразовать все турецкие лицеи, связанные с движением «Хизмет», в «школы для одаренных детей» и прекратить изучение турецкого языка⁸¹⁴. В Казахстане было объявлено, что все турецкие лицеи, работающие на территории страны, финансируются из местного бюджета и опираются на государственные учебные программы. Таким образом, несмотря на присутствие в названиях этих школ слова «турецкий», они являлись казахстанскими и не имели никакого отношения к Гюлену⁸¹⁵. В Киргизии ранее принадлежавшие Гюлену образовательные учреждения планировали передать под контроль турецкого государственного фонда «Маариф» на основе подписанного Меморандума между двумя государствами в 2018 г. Однако власти Киргизии продолжали придерживаться неопределённой позиции в вопросах с гюленовскими лицеями и не прекращали сотрудничать с представителями движения «Хизмет». На современном этапе такая

⁸¹⁴ Турецкие лицеи в Центральной Азии закрыть-оставить? [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/turetskie-litsei-v-tsentralnoy-azii-zakryt-ostavit/> (дата обращения: 30.10.2020).

⁸¹⁵ Султанмуратов Н. Образование по-турецки, или фактор Гюлена в Казахстане. Институт азиатских исследований. Алматы, 2018. С. 6.

позиция со стороны Киргизии, обусловленная во многом присутствием выпускников гюленовских лицеев в государственных органах и бизнес-структурах страны, вносит определённую напряженность в киргизско-турецкие отношения⁸¹⁶.

Большой популярностью среди населения стран региона пользуются турецкие товары: одежда, кожаные изделия, автомобили, машины и комплектующие, электротехника и т.д. Еще в 2011 г. в Турции была принята Экспортная стратегия, в которой особое место уделено торгово-экономическому сотрудничеству со странами Центральной Азии⁸¹⁷. В документе отмечалась необходимость наращивания экономической и инвестиционной кооперации со странами региона. Безусловно, экономика и инвестиции являлись и продолжают оставаться эффективными механизмами расширения турецкого влияния в республиках.

Турция активно продвигала изучение турецкого языка и распространяла свои культурные ценности в странах региона. За годы независимости в странах Центральной Азии были открыты не только турецкие школы, но и университеты и Центры изучения турецкого языка. На современном этапе открытые при поддержке Турции университеты являются ведущими вузами в регионе. Эти вузы, оказывая культурное воздействие на сознание молодого поколения стран Центральной Азии, играют важную роль в повышение международного и регионального авторитета Турции. С 1991 г. в Казахстане действует казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, получивший статус международного университета (1992 г.). В 1995 г. в Бишкеке был открыт киргизско-турецкий университет «Манас», который стал одним из престижных вузов страны. На современном этапе руководство Турции продвигает идею создания единого тюркоязычного университета,

⁸¹⁶ Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskiy-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/> (дата обращения: 30.10.2020).

⁸¹⁷ Стародубцев И.И. О принятии экспортной стратегии Турции в качестве официальной доктрины и о месте в ней государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15046> (дата обращения: 30.10.2020).

который бы стал центром притяжения для студентов из тюркских республик. Так, в 2017 г., выступая на первом саммите по науке и технологиям Организации исламского сотрудничества, президент Турции Р. Эрдоган заявил: «Все тюркоязычные страны, включая Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Турцию, могут стать учредителями нового университета»⁸¹⁸.

Посредством Центров Юнуса Эмре Турция расширяет свое влияние в Центральной Азии (действует только в Казахстане). В функции данного Центра, являющегося международной некоммерческой структурой, входит знакомство целевой аудитории с историей и культурой Турции. На базе Центра Юнуса Эмре проводятся конференции, симпозиумы, культурные мероприятия, организуются выставки. Центр также создает условия для изучения турецкого языка, предоставляет стипендии желающим выехать на обучение в вузы Турции. Экс-президент Турции А.Гюль заявлял, что «центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре являются «невидимой» силой Турции в мире»⁸¹⁹.

Турция пытается сблизить тюркские республики посредством продвижения различных инициатив в области науки и образования, используя для этого интеграционную площадку – Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). В 2013 г. на заседании государств-участников ССТГ было принято решение создать Союз Тюркских университетов. Тогда же было принято решение о разработке общего учебника тюркской истории, итоговый вариант которого был одобрен в 2017 г. на заседании Международной тюркской академии. Учебник «общей тюркской истории» предназначен для учащихся 8-го класса, а его хронологические рамки включают период с древнейших времен до XV в.

⁸¹⁸ Эрдоган предложил тюркам создать единый университет [Электронный ресурс]. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=32763> (дата обращения: 30.10.2020).

⁸¹⁹ Кириллова М.П. TIKА, TNY, YEE как эффективные инструменты политики «мягкой силы» Турции в Африке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=40893> (дата обращения: 30.10.2020).

Находясь под управлением Партии справедливости и развития (ПСР), Турция активно использует исламский фактор для расширения и укрепления своего влияния в странах Центральной Азии. На фоне процессов исламизации в регионе, использования религии Турцией в продвижении своей «мягкой силы» увеличивает шансы Анкары укрепить свой позитивный образ в республиках. Исламский элемент своей «мягкой силы» Турция продвигает через исламскую структуру «Дианет» (государственное Управление по делам религий), цель которой расширить контакты с мусульманским миром. При поддержке «Дианет» реализуются проекты в сфере среднего и высшего образования в Казахстане и Киргизии, где учащиеся знакомят с турецкой моделью ислама⁸²⁰. Таким образом, «Дианет» закладывает интеллектуальные и культурные основы мусульманского мира и современной турецкой модели ислама⁸²¹.

По сравнению с другими геополитическими игроками Турция имеет значительные преимущества в использовании своей «мягкой силы» в регионе. Во-первых, это общие тюркские корни, которые связывают Турцию со странами Центральной Азии (кроме Таджикистана). Во-вторых, Турция последовательно уже в течение нескольких лет пытается активно продвигать инструменты «мягкой силы» в регионе. На современном этапе как итог этой системной и многолетней работы Турция получила первые результаты своей мягкой политики, особенно в сфере образования: ряды политической элиты стран региона пополнились выпускниками турецких вузов. В-третьих, между Турцией и странами Центральной Азии существует безвизовый режим, что содействует интенсификации не только туристических потоков, но и деловому взаимодействию между странами.

Экспансия Турции в Центральной Азии и дальше будет набирать обороты, особенно в таких сферах, как образование, религия и экономика.

⁸²⁰ Сухаревская О. Турция пытается втянуть страны Туркестана в свою игру [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (дата обращения: 3.11.2020).

⁸²¹ Eksi M. The Rise and Fall of Soft Power in Turkish Foreign Policy during JDP. Germany: LAMBERT, 2016. P.38.

Уверенность Турции в продвижении ее ценностей в странах региона придает идея общей тюркской идентичности, которую Анкара активно транслирует, пытаясь противопоставить эту идею другим внешнеполитическим концепциям, продвигаемым геополитическими игроками.

Иран. Ведущая роль в дипломатической активности Ирана в странах Центральной Азии принадлежит культурным инструментам «мягкой силы», в основе которых лежат не идеологические, а предельно прагматичные мотивы⁸²². Недостаток политического влияния в регионе Иран стремится компенсировать активной культурной дипломатией.

Несмотря на то, что Иран имеет этническое и языковое родство исключительно с Таджикистаном, это не мешает ему продвигать свой культурный нарратив в тюркских республиках региона. В 90-е г., выстраивая отношения со странами Центральной Азии, Иран акцентировал внимание на исторических и культурных связях с этими государствами, которые сложились между ними в эпоху расцвета Персидской империи. Иранский политолог М. Санои отмечал: «О былых общностях между Ираном и Центральной Азией указано в историографических источниках, имеющихся в регионе и свидетельствующих о присутствии иранской культуры, искусства и языка в древние времена в Центральной Азии»⁸²³. Общее историческое прошлое стало отправной точкой в деле по экспорту культурных ценностей Ирана в Центральную Азию после распада СССР.

Активизация сотрудничества между Ираном и новыми независимыми государствами наблюдалась по линии Организации по культуре и исламским связям (ОИКС). Среди ключевых целей ОИКС выделялись следующие: расширение культурных связей с различными нациями и общностями, правильное представление иранской культуры, ее исторических особенностей

⁸²² Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 110.

⁸²³ Санои М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: история и современность (политологический анализ). Алматы, 1997. С. 38.

за рубежом и т.д.⁸²⁴. ОИКС открыл свои культурные центры в Таджикистане (1993), Туркменистане (1999), Киргизии (2010). Через культурное взаимодействие ОИКС со странами Центральной Азии Иран продвигал свой положительный образ в регионе.

Культурное взаимодействие между Ираном и странами Центральной Азии вышло на новый уровень развития благодаря открытию Культурных представительств при посольствах Ирана в республиках. Эти специальные институты выступали не только трансляторами культурных ценностей Ирана, но и содействовали популяризации персидского языка. На современном этапе Культурное представительство Ирана активно осуществляет свою деятельность во всех республиках. При поддержке Представительства проводятся различные культурные мероприятия с участием известных деятелей науки и искусства, финансируется издание учебной литературы, научных, литературных статей на персидском языке и местных языках, организуются курсы повышения квалификации и стажировки для преподавателей и студентов. При этом для трансляции своего нарратива Культурное представительство Ирана использует различные информационные каналы, включая социальные сети. Несмотря на то, что в своей внешней политике в Центральной Азии Иран преимущественно придерживается прагматичных мотивов, это не мешает Тегерану активно распространять через механизмы культурной дипломатии труды не столько классиков своей литературы, сколько труды исламских идеологов, открывать религиозные школы, финансировать обучение студентов из стран региона в иранских университетах и медресе⁸²⁵.

При поддержке Культурного представительства Ирана постепенно открывались Центры Иранистики в университетах стран Центральной Азии. В Казахстане Центры Иранистики открыты в Казахском национальном

⁸²⁴ Официальный сайт ОИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://en.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=257&pageid=9641> (дата обращения: 3.11.2020).

⁸²⁵ Мамедова Н. Иран: интересы в Центральной Азии и возможности влияния // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4 (262). С. 89.

университете им. Аль-Фараби и при университете международных отношений и мировых языков Аблай хана. Эти Центры сотрудничают с ведущими вузами Ирана – Тегеранским университетом, Исламским университетом Азади и другими образовательными и научными учреждениями. В Киргизии Центры Иранистики функционируют на базе Киргизско-Российского Славянского университета и Бишкекского государственного университета. Последний активно сотрудничает с иранским фондом «Саади», который был основан в 2012 г. с целью распространения персидского языка и литературы за рубежом.

Персидский язык, а точнее его диалект фарси-дари, является языком общения не только в близком Ирану в этнокультурном плане Таджикистане. Население узбекских городов Самарканда и Бухары, а также туркменских Ашхабада и Мерва говорит на данном диалекте⁸²⁶. Немало персоязычных групп проживает в Казахстане и Киргизии. В словарном запасе населения стран региона много персидских слов⁸²⁷.

В фокусе культурной дипломатии Ирана в Центральной Азии находится Таджикистан. Лингвистическое единство служит основным фактором сближения двух стран. Иран приветствовал решение Душанбе о переходе с кириллицы на арабскую письменность, благодаря чему письменные тексты стали понятными в обеих странах⁸²⁸. Однако в Таджикистане опасаются чрезмерного идеологического влияния Ирана и пытаются ограничить его попытки расширить свое присутствие в республике при помощи языкового фактора. Например, в 2010 г. в рамках объявленной руководством Таджикистана борьбы с исламизацией таджикского населения группу преподавателей из республики не пустили на стажировку в Иран и запретили ученикам посещать школу при иранском посольстве. Несмотря на эти негативные моменты в двусторонних отношениях, Иран продолжил свою

⁸²⁶ Латифов Д.Л. Государства Центральной Азии и Южного Кавказа в геополитических интересах Исламской Республики Иран. Душанбе: РТСУ, 2018. С. 59.

⁸²⁷ Там же.

⁸²⁸ Джонстон У. Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 г. // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4 (52). С. 137.

политику культурной экспансии в Таджикистане и уже в 2011 г. анонсировал планы по открытию международной иранской школы имени Рудаки в Душанбе.

Иран предоставляет квоты на обучение студентам из Таджикистана в вузах Ирана. Однако эти квоты покрываются не полностью: в 2014-2015 г. в Иран по квоте было отправлено только 50 студентов, в то время как предусматривалось обучение 250 человек⁸²⁹. На современном этапе Иран демонстрирует повышенный интерес к расширению сотрудничества с Таджикистаном, в основу которого должны быть положены следующие принципы: общие культурные корни, традиции и обряды, персидский язык⁸³⁰.

В Таджикистане с 1996 г. действует фонд помощи имама Хомейни. В разгар обострения отношений между Ираном и Таджикистаном в 2016 г. деятельность фонда была временно приостановлена. Согласно официальной версии такое решение было принято из-за нарушения Ираном законодательства Таджикистана. Между тем фонд оказывал помощь детским домам, инвалидам, больным, неимущей молодежи и студентам в республике⁸³¹.

В многовекторной внешней политике Таджикистана Иран стремится занять особое место на основе общего цивилизационного сходства. За годы независимости Ирану удалось сформировать в стране прослойку людей из представителей интеллигенции, духовенства, научного сообщества Таджикистана, которые ориентированы на проведение более активной внешней политики на иранском направлении⁸³². При этом по-прежнему между двумя странами отсутствует необходимый уровень доверия.

⁸²⁹ Иран построит в Таджикистане международную школу "Рудаки" [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/education/20150210/1014307679.html> (дата обращения: 11.11.2020).

⁸³⁰ Федорова И.Е. Элементы панисламизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 441.

⁸³¹ Тажминюстом прикрыт иранский "Комитет помощи Имама Хомейни" [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1469612280> (дата обращения: 11.11.2020).

⁸³² Месамед В.И. Ирано-таджикские отношения: проблемы и достижения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=34967> (дата обращения: 15.11.2020).

Посредством различных инициатив Иран стремится укрепить и расширить культурное сотрудничество с государствами региона. Одним из ключевых элементов публичной дипломатии Ирана является концепция «Диалога цивилизаций» М.Хатами⁸³³, направленная на развитие межкультурного взаимодействия на принципах равенства и уважения. В январе 2018 г. в Иране была организована первая международная конференция по культурному диалогу с участием представителей научного и творческого сообщества из стран Центральной Азии и Кавказа⁸³⁴. Цель конференции - укрепление культурного взаимодействия между азиатскими странами. Подобные мероприятия призваны не только противопоставить культурные ценности исламских стран западным идеалам, но и продемонстрировать заинтересованность Ирана в сохранении общего со странами региона культурного и духовного наследия.

Культурное влияние Ирана в Центральной Азии продолжит расти. Использование «мягкой силы» в странах региона является частью общей стратегии Тегерана, направленной на преодоление своей международной изоляции и формирование благоприятного образа как на глобальном, так и на региональном уровнях. Посредством культурных инструментов «мягкой силы» Тегеран будет стремиться расширить свое участие в региональных политических процессах. Однако по степени привлекательности и наличия ресурсов «мягкой силы» Иран и дальше будет уступать другим внешним и региональным акторам.

Япония. Токио уделяет пристальное внимание формированию своего благоприятного имиджа на международной арене и в Центральной Азии в частности. Для разработки эффективной стратегии и тактики в использовании «мягкой силы» за рубежом в 2004 г. в Японии был создан Консультативный

⁸³³ Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 132.

⁸³⁴ Азия: новые связи в культурном многообразии [Электронный ресурс]. URL: <https://orient.tm/aziya-novye-svyazi-v-kulturnom-mnogoob/> (дата обращения: 15.11.2020).

совет во главе с профессором университета «Хосэй» А. Тамоцу⁸³⁵. С этого момента в концепцию «мягкой силы» Японии вошла необходимость продвигать традиционные культурные ценности, которые сделают Японию популярной страной во всем мире и откроют дорогу японскому бизнесу⁸³⁶.

Задача по продвижению культурных ценностей Японии за рубежом входит в обязанности двух департаментов: Агентства по культуре в рамках Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники (МЕХТ) и Японского фонда. Агентство по культуре подконтрольно правительству Японии, а Японский фонд осуществляет свою деятельность под эгидой Министерства иностранных дел.

В отличие от стран Восточной Азии, где образ Японии ассоциировался с агрессией в период Второй Мировой войны, в Центральной Азии в 90-е г. к стране Восходящего солнца сложилось позитивное отношение⁸³⁷. В глазах политических лидеров новых независимых государств Япония виделась как образец передового азиатского государства⁸³⁸. Экономические и научно-технологические достижения Японии вызывали восхищение у политической элиты стран региона, нуждавшихся после распада СССР в новой стратегии устойчивого развития. Позднее, уже в новом тысячелетии, президент Казахстана перед своим визитом в Японию подчеркнет необходимость присмотреться к японской модели национального развития: «В период глобализации для сохранения нашего (казахстанского – прим. автора) достояния мы должны учитывать многое. В этой связи, к примеру, стоит брать пример с японцев, которые одеваются в кимоно, ходят в храмы и при этом создают новейшие разработки в области высоких технологий. Иными

⁸³⁵ Королев В.А., Кудрявцева С.С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т.9. № 2. С. 191.

⁸³⁶ Там же.

⁸³⁷ Добринская О.А. Осуществление политики «мягкой силы» Японии на примере отношений с Центральной Азией // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С.12.

⁸³⁸ Усубалиев Э. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o-prihode-kрупного-японского-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno> (дата обращения: 11.11.2020).

словами, сохранение самобытности вовсе не означает консервацию»⁸³⁹. На современном этапе между Японией и странами региона наблюдается ярко выраженная симпатия, обусловленная привлекательной японской моделью экономического развития и внешней антропологической схожестью народов этих стран.

Важными ресурсами «мягкой силы» Японии в Центральной Азии является японская культура и язык. В 90-е г. на базе национальных вузов стран Центральной Азии были открыты кафедры японской филологии. Самая первая кафедра изучения японского языка была открыта в Ташкентском государственном университете Востоковедения в 1992 г. Позднее в этом же году отделение японского языка открылось при кафедре стран Дальнего Востока в Казахском национальном университете имени Аль-Фараби. В 1996 г. японское отделение открылось в Бишкекском государственном университете. Ежегодно министерство образования Японии предоставляло преподавателям и студентам возможность выехать в Японию по стипендиальным программам и программам научно-академического обмена.

В странах региона – Киргизия (1995 г.), Узбекистан (2000 г.), Казахстан (2000 г.) - были открыты Японские Центры человеческого развития, целью которых являлась организация и проведение бизнес курсов, курсов изучения японского языка и реализация программ по расширению и укреплению дружественных связей. Руководство данных Центров ежегодно старается увеличить количество гостей, желающих ознакомиться с культурой, традициями и обычаями Японии посредством совершенствования своей деятельности⁸⁴⁰.

Культурно-образовательное сотрудничество между Японией и странами Центральной Азии было выделено в отдельное направление в рамках нового многостороннего формата взаимодействия - Диалог «Центральная Азия плюс

⁸³⁹ Японское чудо. Казахстану есть чему поучиться в воспитании подрастающего поколения у Страны восходящего солнца [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/120495-japonskoe-chudo.-kazakhstanu-est-chemu.html> (дата обращения: 16.11.2020).

⁸⁴⁰ Узбекско-Японский центр [Электронный ресурс]. URL: <https://ujc.uz/o-nas/> (дата обращения: 18.11.2020).

Япония», появившегося в 2004 г. Через год после этого, в 2005 г., государства-участники утвердили пять основных столпов Диалога, среди которых выделялись гуманитарные обмены. С этого момента стали налаживаться связи между вузами стран Центральной Азии и японскими университетами. В сентябре 2006 г. в университете Цукуба был открыт Международный Центр Средней Азии, где проводят совместные исследования и разработки в области преподавания⁸⁴¹.

Довольно активно Япония продвигает инструменты «мягкой силы» в Казахстане. В 2010 г. на базе Казахстанского Национального аграрного университета был открыт Казахстанско-Японский инновационный центр по проблемам биологической, пищевой, экологической безопасности и биотехнологии. В 2018 г. в одном из престижных университетов Казахстана в Назарбаев Университете был открыт Культурный центр Японии. Интересно, что разработчиком эскизного проекта генерального плана университета стал известный японский архитектор Кисё Курокава⁸⁴². В свою очередь, для привлечения внимания гостей в новом Культурном центре была создана достопримечательность – японский сад камней, имеющий глубокий философский смысл. Также в Алматы действует Японский дом Ичикава, где изучают японский язык и искусство.

Динамично осуществляет Япония свою «мягкую силу» и в сфере образования, привлекая на учебу студентов из стран Центральной Азии. Посредством специальных образовательных программ, реализуемых Посольствами Японии в странах региона и Японским фондом, студенты могут пройти бесплатное обучение в японских вузах. Все расходы за обучение берет на себя правительство Японии. Одной из популярных

⁸⁴¹ Добринская О. «Мягкая сила» Японии в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-yaponii-v-stranah-czentralnoj-azii-5100> (дата обращения: 20.11.2020).

⁸⁴² Место восточной философии на кампусе НУ [Электронный ресурс]. URL: <https://nu.edu.kz/ru/news-ru/mesto-vostochnoj-filosofii-na-kampuse-nu> (дата обращения: 21.11.2020).

стипендиальных программ является программа МЕХТ по направлениям "студент-исследователь", "студент-бакалавр" и "студент-японист"⁸⁴³.

Привлекательный образ Японии у населения стран Центральной Азии формируется благодаря реализации Токио различных социальных проектов. Грантовая программа Японии «Корни травы и человеческая безопасность», осуществляемая под руководством правительства Японии в Казахстане и Киргизии, нацелена на оказание финансовой помощи местным органам власти, региональным школам, медицинским учреждениям, а также общественным фондам и организациям. В рамках данной программы в 2017 г. Япония предоставила оборудование для школьного питания в школах двух областей Киргизии (Иссык-Кульской и Чуйской).

Ежегодно в странах региона проходят дни культуры Японии, где все желающие могут ознакомиться с японскими фильмами, искусством и т.д. У населения стран региона вызывают интерес мероприятия, организуемые при посольствах Японии в центральноазиатских республиках: Фестиваль цветения сакуры, Фестиваль Танабата и др. Среди населения стран региона растет количество желающих изучать японский язык.

На современном этапе Япония продолжает активно спонсировать программы студенческого и академического обмена, а также направляет своих экспертов в страны Центральной Азии в целях обучения местных специалистов новым методам в сельском хозяйстве, транспорте, экономике, здравоохранении, государственном управлении и т.д. С 1992 г. по 2018 г. Япония приняла 10 тысяч стажеров из стран Центральной Азии и отправила более 3400 экспертов в регион⁸⁴⁴. В настоящее время студенты, прошедшие обучение в Японии и вернувшиеся на родину, занимают высокие посты во

⁸⁴³ Ломов Е. Образование как инструмент "мягкой силы" Японии. О программах "Японского фонда" для Казахстана: МЕХТ, JODA, КЖС [Электронный ресурс]. URL: <http://narpolit.com/kulturnyj-sloj/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-yaponii-o-programmakh-yaponskogo-fonda-dlya-kazakhstana-mext-joda-kjs?font-size=larger> (дата обращения: 25.11.2020).

⁸⁴⁴ Глава МИД Японии рассказал о перспективах сотрудничества Японии со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/glava-mid-yaponii-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-yaponii-so-stranami-central-noy-azii_a3527408 (дата обращения: 21.11.2020).

властных структурах своих стран или ведут активную деятельность в бизнесе⁸⁴⁵.

Таким образом, Япония значительно преуспела в реализации инструментов своей «мягкой силы» и использует их достаточно эффективно в регионе. Япония демонстрирует высокий уровень заинтересованности в популяризации своего языка и культуры в странах Центральной Азии, при помощи которых у Токио появляется хорошая возможность восполнить дефицит своего геополитического влияния за счет инструментов «мягкой силы».

Таким образом, за годы независимости стран Центральной Азии внерегиональные акторы создали широкий арсенал инструментов «мягкой силы» в странах Центральной Азии, которые они активно задействуют в борьбе за расширение и укрепление своего геополитического влияния. При этом Турция опережает Иран и Японию по количеству имеющихся идеологических, образовательных и культурных ресурсов «мягкой силы». Благодаря открытым в 90-е г. турецким образовательным учреждениям, находящимся под покровительством Ф. Гюлена, Турции удалось сформировать благоприятный образ своей страны в глазах населения республик. В своей политике «мягкой силы» в регионе Иран опирается на цивилизационные связи, которые уходят своими корнями глубоко в историю региона. Несмотря на общее языковое родство, которое у Ирана имеется с Таджикистаном, потенциал двустороннего сотрудничества между двумя странами остается не реализованным, что обусловлено многовекторностью внешней политики Душанбе. Экономическая помощь, гранты, популяризация японского языка и культуры составляют основу «мягкой силы» Японии в странах региона. Положительный образ Японии также помогает сформировать ее эффективная экономическая модель национального развития. В целом, политика «мягкой силы» стала для внерегиональных

⁸⁴⁵ Там же.

государств одной из форм проекции их геополитической борьбы в Центральной Азии.

4.3. «Мягкая сила» России в странах Центральной Азии

Положительный образ России в Центральной Азии формируется благодаря всё еще существующим историческим и культурным связям между государствами. Однако постепенно на смену старому поколению, получившему образование и воспитанному в СССР, считающего Россию близким и дружественным государством, приходит новое поколение, мировоззрение которого формируется под влиянием других ценностей. Активизация «мягкой силы» стран Запада, Китая, Турции, Ирана и Японии требует от России серьезных усилий по расширению своего гуманитарного присутствия в Центральной Азии. Развивать свой положительный имидж среди политической элиты и населения стран региона должно стать стратегической задачей России в регионе в условиях жесткой конкуренции ценностей. При этом эффективность и перспективы использования «мягкой силы» в большей степени будут зависеть от полноты реализации стратегической триады «культура-образование-наука»⁸⁴⁶.

В 90-е гг. «мягкая сила» не являлась важным элементом внешней политики России, так как Москва не имела долгосрочных планов на центральноазиатском внешнеполитическом треке. Первое десятилетие после распада СССР стало временем упущенных возможностей, что повлекло за собой сужение влияния России в регионе⁸⁴⁷. Однако в начале XXI в. ситуация изменилась и политическое руководство России стало стремиться принимать более активное участие в политических процессах в регионе, наращивая свое экономическое и культурное влияние. Постепенно акцент стал делаться на формировании инструментов мягкого влияния в мире и в Центральной Азии,

⁸⁴⁶ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. С. 75.

⁸⁴⁷ Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: социально-гуманитарное измерение. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 69.

в частности, направленные на позитивное восприятие России. В 2012 г. президент России В. Путин официально провозгласил необходимость увеличения потенциала «мягкой силы». Президент призвал дипломатов проработать вопросы «новых методов международной работы», особенно, что касается «мягкой силы»⁸⁴⁸. Впервые в Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 г. отмечалось, что внешнеполитические усилия страны будут направлены на «распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризации культурных достижений народов России, консолидации русской диаспоры за рубежом»⁸⁴⁹.

В Центральной Азии действуют такие российские НПО как Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова, молодежное движение «Молодая Евразия», Центр Востока и Запада (Казахстан), Центр им. Л. Гумилева (Киргизия). Целью этих структур является формирование благоприятного впечатления о России среди населения стран региона. Также в задачи этих НПО входит распространение русского языка и русской культуры за рубежом. Однако в отличие от Китая Россия только недавно начала расширять географию своей «мягкой силы» и проецировать ее не только на столицы, но и на регионы Центральноазиатских республик. Например, в 2019 г. было принято решение об открытии филиала МГУ имени М.В. Ломоносова на юге Киргизии в Оше.

Заметны успехи «мягкой силы» России в образовательной сфере в странах Центральной Азии. Молодежь из республик предпочитает получать высшее образование в российских вузах. Особую роль в продвижении российской культуры в Центральной Азии играет деятельность Россотрудничества, представительства которого открыты во всех республиках, за исключением Туркменистана. Ежегодно Россотрудничество выделяет квоты для студентов стран региона на обучение в вузах России. По данным Минобрнауки РФ по количеству приезжающих учиться в Россию

⁸⁴⁸ Паниев Ю. Мягкая сила Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 9.11.2020).

⁸⁴⁹ Концепция внешней политики России от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 9.11.2020).

студентов из стран Центральной Азии первое место занимает Казахстан (65,6 тыс. студентов), второе – Туркменистан (27,4 тыс.), третье – Узбекистана (25,7 тыс.)⁸⁵⁰. Около 46 тыс. студентов получают стипендии за счет средств из федерального бюджета России⁸⁵¹. При поддержке Россотрудничества организуются научные и культурные мероприятия в странах региона.

Россия усиливает свою «мягкую силу» в образовательной среде стран Центральной Азии. При поддержке России в странах региона открыты общеобразовательные школы, известные своим высоким качеством обучения. В Туркменистане функционирует школа им. А.С. Пушкина, по окончании которой выпускники получают два аттестата – туркменского и российского образца. В Киргизии открыта школа им. Чехова и «Школа Газпром Киргизстан» с углубленным изучением русского языка. В рамках проекта «Русская школа за рубежом» Россия планирует профинансировать строительство новых школ в Таджикистане и Узбекистане.

В последнее время получили новый импульс развития научно-образовательные связи между Россией и Узбекистаном. В октябре 2018 г. был проведен Первый российско-узбекский образовательный форум «Новые кадры - для новой экономики». По итогам мероприятия было подписано более 100 соглашений о сотрудничестве в сфере реализации совместных образовательных проектов. Проводимые экономические реформы в Узбекистане диктуют необходимость подготовки высококвалифицированных кадров. Россия намерена помогать Узбекистану в реализации этой цели. Например, достигнуты двусторонние договоренности об открытии еще (в Узбекистане уже открыты 9 филиалов российских вузов) четырех филиалов ведущих российских вузов: МИФИ, ВГИК, Московского энергетического института и Российского химико-технологического университета.

⁸⁵⁰ Среди иностранных студентов в России больше всего казахстанцев [Электронный ресурс]. URL: <https://kursiv.kz/news/obrazovanie/2019-08/undefined> (дата обращения: 9.11.2020).

⁸⁵¹ Лавров С. Партнерство, испытанное временем [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/partnerstvo-ispytannoe-vremenem/> (дата обращения: 9.11.2020).

Большую роль в формировании положительного образа России в странах Центральной Азии играет молодежь, которую необходимо активно вовлекать в различные российские проекты особенно по линии евразийской интеграции. Интерес у молодежи стран-участниц ЕАЭС вызывает участие в специальной молодежной секции. Например, в сентябре 2019 г. в рамках «Евразийской недели», проходившей в Бишкеке, была организована Школа молодого лидера ЕАЭС. Это событие объединило молодежных активистов из стран-участниц евразийской интеграции, которые в рамках организованного мероприятия не только повысили свой интеллектуальный уровень, но и познакомились с образовательными программами вузов ЕАЭС.

Невозможно переоценить роль Межпарламентской Ассамблеи (МПА) СНГ в развитии гуманитарного сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии. При поддержке МПА СНГ проводятся различные мероприятия, посвященные памятным историческим событиям, выдающимся деятелям науки и культуры, молодежные форумы⁸⁵². России необходимо и дальше проводить информационную работу и углублять ее всеми возможными способами (социальные сети в виртуальном пространстве, электронные и печатные СМИ, телевидение, буклеты) и формами (специальные семинары, научные конференции, дебаты)⁸⁵³. Учитывая, что современная молодежь предпочитает интерактивные формы получения информации, России необходимо стремиться к продвижению информационных ресурсов в Интернете. В виртуальном пространстве должно быть много ярких, познавательных, интересных сайтов об истории и современных достижениях России⁸⁵⁴. «В идеале эти ресурсы должны быть не только на русском, но и на языках целевой аудитории»⁸⁵⁵.

⁸⁵² Сергеев А.И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 24.

⁸⁵³ Авакова Э.Б. Вовлечение молодежи в процессы интеграции на евразийском пространстве // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 2-2 (18). С.211-212.

⁸⁵⁴ Пономарева Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 64.

⁸⁵⁵ Там же.

Основная проблема для России и ее «мягкой силы» в регионе является сокращение пространства использования русского языка. Русский язык имеет статус официального языка только в Киргизии, но некоторые оппозиционные политики неоднократно поднимают вопрос о его отмене. В настоящее время вклад в распространение русского языка вносят славянские университеты, расположенные в Киргизии и в Таджикистане.

Россия убедительно представлена в информационном пространстве стран Центральной Азии. Популярность в регионе получили российское телевидение и радио, откуда население преимущественно предпочитает получать информацию. В странах региона вещают такие российские телеканалы, как «Первый канал», «Россия-1», «Россия-24», «НТВ», «Рен ТВ», «СТС» и «ТНТ». Предпочтение, которое отдает население стран Центральной Азии российскому телевидению, вызывает беспокойство как у некоторых политиков стран Центральной Азии, так и у геополитических конкурентов России. Например, экс-премьер-министр Казахстана К. Масимов сетовал, что 55% населения Казахстана живет в российском информационном пространстве, а не в казахстанском⁸⁵⁶. В 2018 г. США по линии USAID выделило странам Центральной Азии 15 млн. долларов на развитие «независимых» СМИ⁸⁵⁷. Не вызывает сомнений, что Вашингтон ставит перед собой цель снизить информационное влияние России в регионе.

С целью не потерять свое медийное влияние в Центральной Азии России следует поддерживать трансляцию новостей и показ телепередач на местных языках. Вышеупомянутым российским телеканалам «необходимо корректировать наполнение программ и новостей с учетом менталитета и

⁸⁵⁶ Популярность российского ТВ в Казахстане и Кыргызстане [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/31743-populjarnost-rossijskogo-tv-v-kazahstane-i-kyrgyzstane-.html> (дата обращения: 14.11.2020).

⁸⁵⁷ Булгару Д. Борьба за «грамотность»: США планируют снизить влияние российских СМИ в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/511194-ssha-centralnaya-aziya-smi> (дата обращения: 14.11.2020).

традиций центральноазиатских зрителей, отвергающих многие формы современной поп-культуры»⁸⁵⁸.

Помимо преимуществ, которые сформировались у «мягкой силы» России в регионе, можно также выделить ряд ограничений. Негативное влияние на образ России оказывают те крайности, которые вырисовываются в процессе нацистроительства в странах Центральной Азии, где по-прежнему не завершен процесс поиска национальной идентичности. Подобные поиски ориентиров этой идентичности должны формироваться внутри государства с участием представителей всех слоев общества. Однако, как показывает практика, эти процессы нередко приводят к обострению этнополитических конфликтов, в которые вовлекаются внешние силы. Последние в лице стран Запада стремятся воспользоваться внутренними межэтническими конфликтами в своих геополитических интересах. В этих конфликтах страны коллективного Запада активно используют инструменты «мягкой силы», информационно-пропагандистские приемы, а также методы политического и дипломатического давления⁸⁵⁹.

Постепенно идет процесс не только придания забвению общего советского прошлого (по мере того, как на смену старому поколению, приходит новое), но и теряется подлинное знание о России. Этим не преминули воспользоваться страны Запада с целью манипулирования информацией в своих целях. При этом Россия выставляется не просто в негативном свете, а как опасный партнер, от которого «спасти» может только Запад⁸⁶⁰. Такая тактика широко использовалась странами Запада ещё во времена холодной войны. Так, США пытались обуздать СССР, позиционируя себя защитником капиталистических стран от коммунистической угрозы. Между тем за этими «благородными» намерениями скрывались более

⁸⁵⁸ Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 48.

⁸⁵⁹ Лапкин В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 93.

⁸⁶⁰ Скриба А.С. «Мягкая сила» и постсоветское пространство сегодня: выводы для России // Политика и общество. 2016. № 10 (142). С. 1406.

реалистичные цели – расширить сферы своего геополитического влияния. Культивируют враждебное отношение к России в странах региона преимущественно прозападные НПО и СМИ. Все стремительнее нарастают тенденции радикально-националистического и антироссийского характера в культуре, в СМИ и в системе образования некоторых стран региона⁸⁶¹. Так, на фоне специальной военной операции России на Украине прозападные СМИ и НПО предпринимают значительные усилия на подрыв влияния России в регионе. Прослеживаются попытки повлиять на нейтральную позицию большинства стран Центральной Азии по украинскому вопросу и вывести национальную элиту на тропу проведения антироссийской политики⁸⁶².

В отличие от стран Запада «мягкая сила» России и Китая в Центральной Азии не представляет угрозы национальной безопасности тех стран, на которых она направлена. Оба государства выступают за невмешательство в суверенные дела стран Центральной Азии и осуждают такие попытки со стороны стран Запада, которые под предлогом «защиты прав человека» оказывают давление на национальное правительство⁸⁶³. В этой связи целесообразно вспомнить официальную интерпретацию цели «мягкой силы» России, которую продекларировал министр иностранных дел С. Лавров. Он подчеркнул, что Россия стремится не только «продвигать свою культуру, язык, традиции», но и «взамен получать знания о том, как живут другие народы и цивилизации»⁸⁶⁴. Те формы, в которых реализуется «мягкая сила» России за рубежом, направлены на создание возможностей для культурного взаимодействия между странами.

Значительную роль в формировании позитивного образа России в регионе могут сыграть те принципы, которые российская дипломатия демонстрирует в своей политике в Центральной Азии. Речь идет о

⁸⁶¹ Лапкин В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 12. С. 94.

⁸⁶² Кыргызстан: антироссийскую пропаганду ставят на поток? // <https://pikir-klub.kg/expert-opinion/1599-кыргызстан-антироссийскую-пропаганду-ставят-на-поток.html> (дата обращения: 8.08.2022).

⁸⁶³ «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 10.

⁸⁶⁴ Лавров С. США вкладывают в понятие мягкой силы промывку мозгов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/9488129> (дата обращения: 5.10.2020).

позиционировании России как страны, готовой выстраивать двустороннее и многостороннее сотрудничество со странами региона на равноправной и взаимовыгодной основе. На основе этих принципов сотрудничества следует формировать образ России, готовой отстаивать их в регионе и в мире в целом.

Таким образом, постепенно сужающееся пространство использования русского языка является основной проблемой для России, которая негативно отражается на эффективности использования ее «мягкой силы» в странах Центральной Азии. Некоторые представители политической элиты стран региона необоснованно усматривают в русском языке серьезного конкурента своим государственным языкам и форсируют процесс его выдавливания из языкового пространства своих государств. Между тем Россию положительно воспринимают в странах региона, учитывая некогда совместное пребывание в составе советского государства и общие историко-культурные связи. Однако, эти общие ценности на фоне смены поколений постепенно уходят на второй план и не являются столь существенным объединяющим фактором в межгосударственных отношениях, как это было сразу после распада СССР. Следует признать, что потенциал «мягкой силы» России в странах региона остается довольно незначительным по сравнению с тем же потенциалом других геополитических акторов, имеющих более эффективные идеологические (Турция) и экономические (Китай) рычаги влияния. Вследствие того, что Россия сравнительно недавно стала уделять более пристальное внимание формированию своего положительного образа в странах региона, результаты применения инструментов «мягкой силы» стоит ожидать только через несколько лет, когда молодежь, получившая высшее российское образование по квотам, вернется на родину и пополнит ряды политической элиты своих национальных государств.

По степени привлекательности в Центральной Азии Россия отстает от стран Запада и других внерегиональных игроков, прежде всего Турции. Либерально-демократическая идеология и идея создания общего тюркского мира продолжают играть немаловажную роль в политических процессах в

Центральной Азии. Невозможно игнорировать тот факт, «что те страны, которые являются или стремятся быть активными игроками мировой политики, имеют выраженную идеологию»⁸⁶⁵. С учетом вызовов и угроз с которыми сталкиваются страны Центральной Азии в процессе своей политической и экономической трансформации, России необходимо предложить общую объединяющую идею и конечную цель, к которой нужно вместе стремиться. Идея евразийской интеграции, синтезирующая в себе различные социокультурные элементы, обладает всеми преимуществами, чтобы создать предпосылки для сближения России и стран Центральной Азии.

Чтобы стать притягательным центром для населения стран региона, России необходимо: во-первых, стремиться осваивать новые высоты в развитии экономики и неотехнологий. Достижения в этой области будут сопровождаться усилением авторитета России в регионе. Во-вторых, одним из главных приоритетов России в Центральной Азии должно стать образование, которое не только дает знания, но и выполняет функцию воспитания. Это особенно становится актуальным, учитывая проблемы финансирования образования в странах региона и их серьезное отставание в этой области от других развивающихся стран. В-третьих, необходимо продолжать популяризацию российских культурных ценностей, в основе которых лежат высокие нравственные идеалы. Для этого необходимо и дальше поддерживать распространение русского языка.

Между Россией и странами Центральной Азии существует объективная географическая, историческая, культурная связь, однако эту связь нужно усиливать посредством тесного гуманитарного сотрудничества, в процессе которого будет развиваться взаимное понимание и притяжение.

⁸⁶⁵ Гурова Т. Нужна ли современной России идеология? Российская газета. 27 февраля, 2020. № 42 (8096).

ГЛАВА 5. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

5.1. Эволюция и приоритеты внешней политики России в Центральной Азии

Центральная Азия была и остается для России территорией ее жизненно важных интересов. Отношения между Россией и странами региона носят взаимозависимый и взаимообусловленный характер. Для стран Центральной Азии Россия является гарантом безопасности и устойчивого экономического развития. Также Россия выступает фактором внутренней легитимности политических лидеров стран Центральной Азии. Для России важное значение имеет общественно-политическая стабильность в странах этого региона и их дружественный настрой по отношению к ней.

В составе СССР страны Центральной Азии приобщились к цивилизованному миру, встали на путь развития полноценной государственности, создали условия для развития экономики, овладели эффективными знаниями и навыками. Россия, в свою очередь, еще в XIX в. присоединив территории Центральной Азии, укрепила свои позиции и влияние на международной арене. Однако распад СССР создал новые политико-экономические реалии в Евразии, разделив некогда братские союзные республики. Начиная с 1991 г. отношения между Россией и странами Центральной Азии проходят испытание на прочность на фоне попыток стран Запада не допустить развитие такого сценария, при котором эти государства будут развивать дружественные отношения.

В первое десятилетие после распада СССР отношения между Россией и странами Центральной Азии не были столь насыщенными, как это полагается для государств, имеющих общую географическую границу, историческое прошлое и культурное сходство. Это было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, новой внешнеполитической ориентацией России, имеющей атлантистский характер и ее сложными внутренними общественно-политическими проблемами. Во-вторых, на фоне проявления высоко интереса

со стороны внешних государств к региону, страны Центральной Азии постепенно стали все сильнее отдаляться от России, отдавая предпочтение международной помощи и иностранным инвестициям. Позиция отчуждения, которой Россия придерживалась в 90-е г. по отношению к новым республикам, создала предпосылки для появления в регионе новых геополитических сил в лице стран Запада, Турции, Японии, Ирана, которые попытались заполнить образовавшийся вакуум. В-третьих, в 1993 г. Россия вытолкнула страны региона из рублевой зоны, разрушив общие валютные механизмы. К такому повороту событий страны Центральной Азии были не готовы. Такая пассивность России на этом внешнеполитическом направлении указывала на не приоритетность для нее Центральной Азии в начале 90-х г.

Однако практические действия расходились с теоретическими установками. Так, в Концепции внешней политики России 1993 г. подчеркивалась приоритетность постсоветского пространства, а значит, и стран Центральной Азии. Это объяснялось заинтересованностью России в сдерживании угроз и вызовов, которые возникли в странах региона. На фоне политической трансформации в странах Центральной Азии, а именно в Таджикистане и Узбекистане, активизировались исламские радикалы, выступавшие под лозунгами создания исламских политических режимов. Появилась насущная необходимость укрепления единого военно-стратегического пространства⁸⁶⁶.

В Концепции также был зафиксирован «разноскоростной» подход к интеграции в рамках СНГ, «допускающий в случае неготовности тех или иных партнеров к сотрудничеству в определенных сферах развития углубленного взаимодействия с участием лишь заинтересованных государств»⁸⁶⁷. Серьезные экономические проблемы, с которыми столкнулись все государства бывшего СССР, побуждали политических лидеров к продвижению идей объединения на основе экономической целесообразности.

⁸⁶⁶ Неймарк М.А. Политика России на постсоветском пространстве: концептуальный опыт формирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3 (17). С.12.

⁸⁶⁷ Там же.

Активным сторонником идей евразийской интеграции был президент Казахстана Н. Назарбаев. При этом Россия не демонстрировала особой заинтересованности в продвижении интеграционных форм сотрудничества со странами Центральной Азии.

С середины 90-х г. внешнеполитическое поведение России к Центрально-Азиатскому региону стало постепенно меняться. Это было связано с приходом в России нового министра иностранных дел Е.М. Примакова. В своей внешней политике Россия стала опираться на новую концепцию продвижения многополярного мира, в рамках которой произошло переосмысление приоритетов и взят курс на проведение более активной политики в Центральной Азии. Таким образом, новой внешнеполитической установкой России в Центральной Азии стало наращивание ее влияния в регионе. Для реализации намеченной цели требовалось решить следующие задачи: интенсифицировать сотрудничество со странами региона в военной сфере, укрепить взаимодействие по вопросам обеспечения региональной стабильности и безопасности, закрепить монополию на транзит центральноазиатских энергоресурсов на внешние рынки⁸⁶⁸. Исходя из поставленных задач, наметилась тенденция к углублению сотрудничества со странами Центральной Азии в многосторонних форматах. 29 марта 1996 г. между Россией, Казахстаном, Киргизией и Беларусью был подписан Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной сферах⁸⁶⁹. В феврале 1999 г. был подписан Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, где к вышеуказанным государствам еще присоединился Таджикистан. Итогом такого интенсивного межгосударственного взаимодействия стало создание в октябре 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) с целью ускорения процессов формирования единого евразийского рынка.

⁸⁶⁸ Парамонов В.В. и др. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008. С. 22.

⁸⁶⁹ Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 64.

Таким образом, в первое десятилетие после распада СССР у России так и не появилось четкой стратегии действий и сбалансированной концепции выстраивания отношений с новыми независимыми государствами⁸⁷⁰. Недостаток внимания со стороны России подталкивал центральноазиатские республики к поиску новых союзников, преимущественно на Западе.

К концу XX - началу XXI в. руководство России окончательно пришло к пониманию бесперспективности американоцентричного курса во внешней политике. Еще в марте 1999 г. «наметился глубокий психологический разворот постсоветской России от политики ценностей к политике интересов»⁸⁷¹. В XXI в. Россия вступила с осознанием необходимости отстаивать свои национальные интересы на Центральноазиатском треке внешней политики, опираясь на принципы прагматизма. Эта установка была закреплена в Концепции внешней политики России, представленной 28 июня 2000 г. В ней отмечалось, что приоритетным направлением внешней политики России является необходимость выстраивания многостороннего и двустороннего сотрудничества со странами СНГ с целью реализации задач национальной безопасности⁸⁷². Принципиально важным моментом в Концепции обозначалась необходимость развития сотрудничества с теми государствами СНГ, которые демонстрируют встречную открытость и готовность учитывать интересы России, в том числе обеспечивать права российских соотечественников.

К началу смены ориентиров во внешней политике России в Центральной Азии сложилась неблагоприятная геополитическая обстановка. Для реализации Россией своих стратегических интересов требовалась смена тактики и приобретение новых ресурсов влияния. Однако после событий 11 сентября 2001 г. баланс сил в регионе кардинально изменился. Во-первых, в

⁸⁷⁰ Лунев С. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 3 (45). С. 24.

⁸⁷¹ Новиков Д. Рыцарь российского реализма [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ryczar-rossijskogo-realizma/> (дата обращения: 28.11.2020).

⁸⁷² Концепция внешней политики России от 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5187119> (дата обращения: 28.11.2020).

регионе в рамках антитеррористической кампании активизировалась военно-политическая деятельность стран Запада во главе с США. Во-вторых, под вопрос была поставлена монополия России на экспорт углеводородов из стран региона и ее связующая роль между Европой и Азией. Новые транспортно-коммуникационные и энергетические проекты продвигали в регионе США, ЕС, Китай, Турция, Иран. Присутствие США побудило Россию усилить свои военно-политические позиции в регионе и интенсифицировать межгосударственное взаимодействие в рамках многосторонних интеграционных структур. С этой целью было принято решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в Организацию договора о коллективной безопасности в мае 2002 г. Основными задачами ОДКБ провозглашались координация и углубление военно-политического сотрудничества, становление многосторонних структур и механизмов, направленных на обеспечение на коллективной основе национальной безопасности государств-участников, оказание необходимой помощи, включая военную, государству-участнику, ставшему жертвой агрессии⁸⁷³. Важным событием в деле укрепления позиций России в Центральной Азии стало открытие военной базы в Киргизии в сентябре 2003 г., когда министры обороны двух стран подписали Соглашение «О статусе военнослужащих Вооруженных сил РФ в Киргизии». Этот шаг был направлен на создание противовеса американскому военному присутствию в республике и в регионе. Авиабазы в Киргизии (г. Кант) дополнили список основных военных объектов России в Центральной Азии. К тому моменту у России уже имелись в регионе следующие стратегические объекты. В Казахстане - 5-й Государственный испытательный космодром Байконур, отдельный полк транспортной авиации ВВС ВС России в Костанае, отдельный радиотехнический узел Космических войск в Приозёрске, государственный

⁸⁷³ Куртов А. ОДКБ и ГУАМ как элементы трансформации пространства бывшего СССР // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3-4 (57-58). С. 8.

испытательный полигон Сары-Шаган⁸⁷⁴. В Киргизии помимо уже открытой базы действовала испытательная база противолодочного торпедного оружия в Караколе и 338-й узел связи ВМФ «Марево». В Таджикистане – 201-ая российская военная база и оптико-электронный комплекс «Окно» системы контроля космического пространства в Нуреке.

Некогда поддержав военно-политическую операцию США и их союзников в Афганистане и дислокацию американских военных объектов в странах Центральной Азии, руководство России к 2005 г. все больше стало осознавать необходимость ограничить растущее геополитическое влияние США в регионе и взять на себя ответственность за обеспечение безопасности. Особенно это желание усилилось после свержения власти в Киргизии в 2005 г. и событий в Андижане, когда стало понятно, что США поставили на повестку дня смену неудобных режимов в странах Центральной Азии⁸⁷⁵. Между тем после потери своего влияния в Узбекистане США искали новые инструменты укрепления своего присутствия в регионе, о чем свидетельствовал приезд государственного секретаря США К.Райс в регион в октябре 2005 г. После своей поездки по странам Центральной Азии К. Райс прибыла в Москву. На встрече с К.Райс президент России В. Путин недвусмысленно дал понять американской стороне, что Россия готова отстаивать свои стратегические интересы в Центральной Азии и при желании Вашингтона совместно с США обеспечивать региональную безопасность. В частности он отметил: «У нас много общих интересов с США и странами Средней Азии, в том числе по борьбе с терроризмом и урегулированию ситуации в Афганистане»⁸⁷⁶.

Однако Россию все больше беспокоила политика США, направленная на смену неудобных им политических режимов в странах постсоветского

⁸⁷⁴ Потоцкая Т.И. Геополитические интересы России на постсоветском пространстве: южная граница // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 92.

⁸⁷⁵ Яблонских Е.В. Американские базы в Центральной Азии как повестка для саммита ШОС в Астане (2005 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 119.

⁸⁷⁶ Путин: у России много общих интересов с США и странами Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20051015/41784463.html> (дата обращения: 28.11.2020).

пространства. В 2005 г. президент России В. Путин отмечал: «Демократию нельзя экспортировать из одной страны в другую. Так же как нельзя экспортировать революцию, так же как нельзя экспортировать идеологию»⁸⁷⁷. Подрывные действия, осуществляемые иностранными спецслужбами в соседних с Россией государствах, создавали угрозу ее национальной безопасности. К концу 2005 г. Россия зафиксировала в своей военной доктрине необходимость противостоять «антиконституционным действиям» в постсоветских государствах и другим неблагоприятным внутренним изменениям в странах СНГ⁸⁷⁸. В то же время Россия четко следовала принципу невмешательства в дела суверенных государств. Об этом публично высказался тогдашний генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа, подчеркнув, что у России нет намерений военного вмешательства в дела государств-членов ради предотвращения революции⁸⁷⁹.

В начале XXI в. Россия стала активно наращивать свое присутствие в экономике стран региона, особенно в нефтегазовой сфере. Доступ к сырьевым ресурсам республик и контроль над маршрутами их транспортировки существенно повышали геополитическое влияние России в Центральной Азии. Активизация энергетической политики России рассматривалась как вызов энергетическим проектам стран Запада. Особенно Москва стремилась к интенсификации энергетического сотрудничества с богатыми нефтью и газом центральноазиатскими республиками, имеющими выход к Каспийскому морю - Казахстаном и Туркменистаном. На энергетическом рынке стран региона уже тогда активно работали такие российские компании, как «ЛУКойл» и «Газпром». «ЛУКойл» стремился укрепить свои позиции в нефтяной отрасли Казахстана, осваивая не только уже готовые месторождения, но и проводил разведочные работы⁸⁸⁰. По двум нефтепроводным системам осуществлялся транзит казахстанской нефти через

⁸⁷⁷ Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 40.

⁸⁷⁸ Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.: Новое издательство, 2008. С. 107.

⁸⁷⁹ Там же.

⁸⁸⁰ Белоглазов А.В. Энергетическая политика России в Центральной Азии в начале XXI в. (2000-2007 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 150. №. 7. С.221.

территорию России: 1) «Атырау-Самара» (не менее 15 млн. тонн в год); 2) «Махачкала-Тихорецк- Новороссийск» (не менее 2,5 млн. тонн в год)⁸⁸¹. «ЛУКоил» планировал реализовать нефтегазовые проекты в Узбекистане, среди которых было строительство Кандымского газоперерабатывающего комплекса в районе месторождения «Кандым»⁸⁸².

В начале XXI в. президент России В. Путин дипломатично призвал Казахстан, Туркменистан и Узбекистан согласится на российский контроль над «объемами и направлением газового экспорта из Центральной Азии»⁸⁸³. «Газпром», придерживаясь целенаправленной стратегии, закрепил свои позиции монополиста на газовом рынке региона и значительно расширил свой экспортный потенциал при соблюдении интересов стран Центральной Азии⁸⁸⁴. Еще в 2002 г. президенты России, Казахстана, Туркмении и Узбекистана приняли совместное заявление о взаимодействии в вопросах энергетической политики и обеспечения защиты интересов стран-производителей природного газа. В документе отмечалось, «что объективная заинтересованность в интенсивном крупномасштабном сотрудничестве в сфере добычи и транспортировки газа обусловлена не только сложившимся исторически взаимодействием топливно-энергетических комплексов четырех стран, но и усилением процессов глобализации и интернационализации мировой экономики»⁸⁸⁵. В 2003 г. «Газпром» стал монополистом всех магистральных газопроводов, проходящих по территории Узбекистана⁸⁸⁶. В декабре 2007 г. между Россией, Казахстаном и Туркменией было подписано Соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода, который позволил

⁸⁸¹ Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. Сборник докладов. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 26.

⁸⁸² Парамонов В., Строков А. Проекты и инвестиции России в государствах Центральной Азии: нефтегазовая сфера // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6 (60). С. 109.

⁸⁸³ Томберг И. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «Большой энергетической игры» // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 36.

⁸⁸⁴ Лаумулин М. «ГАЗПРОМ» как ТНК и страны центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 10.

⁸⁸⁵ Сапрыкин В. Российский «ГАЗПРОМ» в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/10.saprus.shtml (дата обращения: 28.11.2020).

⁸⁸⁶ Гумеров Р.А. Геоэкономические интересы России в Центральной Азии // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 197.

российскому «Газпрому» нарастить экспорт голубого топлива из стран Центральной Азии. Соглашение предполагало строительство нового газопровода вдоль каспийского побережья (360 км по туркменской территории и еще около 150 км по территории Казахстана) и его состыковку с системой Средняя Азия – Центр. Незадолго до этого между вышеуказанными странами было достигнуто Соглашение, к которому присоединился Узбекистан, о модернизации инфраструктуры системы Средняя Азия – Центр⁸⁸⁷. Соглашение о строительстве Прикаспийского газопровода способствовало укреплению позиций России как в сфере энергетики стран Центральной Азии, так и повышению ее геополитического влияния. Кроме того, это стало серьезным вызовом для энергетических проектов стран Запада, направленных на продвижение своих энергетических интересов в регионе.

Заметная динамика стала наблюдаться в торгово-экономическом сотрудничестве России со странами региона. За период с 2003 по 2007 г. среднегодовой уровень товарооборота достиг 10,7 млрд. долл., что на 83 % было выше среднегодового уровня периода 1996-1999 г. и на 57% выше уровня периода 1992-1995 г.⁸⁸⁸. Однако имеющийся потенциал экономического сотрудничества по-прежнему оставался недостаточно реализованным. С целью придать импульс торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству со странами ЕвразЭС в 2006 г. по инициативе России и Казахстана был учрежден Евразийский банк развития (ЕАБР). Общая сумма инвестиций ЕАБР в экономику государств-участников составила более 3,9 млрд. долл.⁸⁸⁹.

Россия стала привлекательной страной для мигрантов из стран Центральной Азии. Социально-экономические проблемы стран региона побуждали местное население выезжать на заработки в Россию. Справедливо

⁸⁸⁷ Там же. С. 198.

⁸⁸⁸ Парамонов В.В. и др. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008. С. 34.

⁸⁸⁹ Мансуров Т. Как рождается новая Евразия. Российская газета. 30 ноября, 2012. № 277 (5950).

отмечает С. Рязанцев, что «в массовом сознании населения сформировались стереотипы поведения, ориентированные на стратегию жизненного успеха исключительно через трудовую миграцию в Россию»⁸⁹⁰. В 2006 г. трудовые мигранты из стран СНГ вывезли из России свыше 3 млрд. долл. в виде денежных переводов и более 10 млрд. долл. наличными, а общий годовой заработок мигрантов достиг 20 млрд. долл.⁸⁹¹. Между тем из-за сложных демографических проблем Россия проявляла интерес к трудовым мигрантам из Центральной Азии. В период с 2002 по 2010 г. население России сократилось на 2,3 млн. человек и составило чуть менее 143 млн.⁸⁹². Центральная Азия с ее преимущественно молодым населением рассматривалась в России как источник дешевой рабочей силы.

В 2008 г. новым президентом России стал либеральный политики Д. Медведев, что позволяло предположить, что Россия переориентируется в своей внешней политике на Запад. Однако свою первую зарубежную поездку в качестве президента России Д. Медведев совершил в Казахстан 22 мая 2008 г. На переговорах стороны обсуждали вопросы углубления сотрудничества в топливно-энергетической и атомной сферах, взаимодействия в области нанотехнологий, совместного освоения космического пространства и использования космодрома Байконур. По итогам переговоров было подписано Совместное заявление. Приезд Д. Медведева в Казахстан продемонстрировал приоритетность Центрально-Азиатского направления во внешней политике России. Это также доказывала Концепция внешней политики России, обнародованная в 2008 г. В ней отмечалось, что «приоритетным направлением внешней политики России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ»⁸⁹³. В Концепции подчеркивалось, что Россия продолжит

⁸⁹⁰ Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. Валдайские записки. Август, 2016. № 55. С. 4.

⁸⁹¹ Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 43.

⁸⁹² Lemon E., Schottenfeld J. Putin's Ploys in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia> (дата обращения: 2.12.2020).

⁸⁹³ Концепция внешней политики РФ от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.04.2020).

выстраивать отношения с государствами СНГ на принципах равноправия, взаимной выгоды, уважения и учетом интересов друг друга⁸⁹⁴. Особое внимание в Концепции 2008 г. было уделено вопросам обеспечения безопасности и стабильности на пространстве СНГ. В список первоочередных задач вошли нейтрализация террористической угрозы и наркоугрозы, исходящих с территории Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье. В этой связи предполагалось трансформировать ОДКБ в стержневой институт обеспечения безопасности в зоне ее ответственности. В Концепции ставилась задача активно работать над созданием Таможенного союза и подключением к этой работе других государств-участников ЕвразЭС. Таким образом, в Концепции 2008 г. приоритетным направлением внешней политики России объявлялось СНГ, включая страны Центральной Азии, где ключевыми сферами сотрудничества предполагалось сделать экономику и безопасность.

События августа 2008 г. на Южном Кавказе породили чувство обеспокоенности у политической элиты стран Центральной Азии, которые усмотрели в действиях Москвы новый курс на восстановление «зоны привилегированных интересов»⁸⁹⁵. Например, позиция Киргизии по этому вопросу была неожиданной и непредсказуемой, учитывая не просто позитивный, а союзнический характер российско-киргизских отношений. В последовавших за этими событиями официальных заявлениях руководства Киргизии был явный намек на то, что Россия нарушила нормы международного права в грузино-осетинском конфликте⁸⁹⁶. Однако, в итоге, Киргизия все же присоединилась к итоговой декларации, принятой на саммите ШОС 28 августа 2008 г., в которой страны-участницы выражали поддержку России и ее действиям в Южной Осетии.

⁸⁹⁴ Там же.

⁸⁹⁵ Война и мир Дмитрия Медведева. Сборник / сост.: Кирилл Танаев, Павел Данилин. М.: Издательство «Европа», 2009. С. 40.

⁸⁹⁶ Мещеряков К.Е. Российско-киргизские отношения в 2005-2010 гг.: достижения и просчеты // КЛИО. 2013. № 4 (76). С. 87.

Через 2 года после этих событий во время государственного переворота в Киргизии в апреле 2010 г. и последовавшего за ним межэтнического конфликта на юге республики Россия ответила отказом на просьбу киргизского руководства ввести войска в республику с целью стабилизировать общественно-политическую обстановку. Россия предпочла не вмешиваться во внутренние дела Киргизии и оказала исключительно гуманитарную помощь. Однако опасения о возможном вмешательстве России во внутренние дела стран Центральной Азии сохранялись у руководства республик, особенно у Узбекистана. В декабре 2010 г. И. Каримов, выступая на заседании Совета Коллективной безопасности ОДКБ, отметил: «Мы считаем, что необходимо также исключить вмешательство или воздействие ОДКБ в случаях возникновения в тех или иных государствах ОДКБ так называемых "насильственных действий" внутри стран. В этом заключается наша принципиальная позиция...»⁸⁹⁷. Сохраняющийся страх перед внешним вмешательством стал одним из факторов, побудивших Узбекистан приостановить свое членство в ОДКБ в 2012 г.

После «пятидневной войны» в августе 2008 г., когда стало очевидно, что агрессивные геополитические действия США на постсоветском пространстве несут угрозу национальной безопасности России, Москва усилила дипломатическую активность в Центральной Азии. В феврале 2009 г. по линии ОДКБ и ЕврАзЭС были достигнуты принципиально важные договоренности о многостороннем сотрудничестве стран-участниц. В рамках ОДКБ были сформированы Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), договор о создании которых был подписан 14 июня 2009 г. в Москве. С целью сгладить последствия мирового финансового экономического кризиса Москва инициировала создание Антикризисного фонда ЕврАзЭС с капиталом 10 млрд. долл. При этом доля России составляла 7,5 млрд. долл., Казахстана – 1 млрд., Белоруссии – 10 млн., Киргизии и Таджикистана по 1

⁸⁹⁷ Каримов И. Необходимо исключить вмешательство ОДКБ при так называемых "насильственных действий" внутри стран [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1292324580>(дата обращения: 5.12.2020).

млн⁸⁹⁸. В 2010 г. из средств Антикризисного фонда Таджикистану был предоставлен кредит в размере 70 млн. долл⁸⁹⁹.

Растущее региональное присутствие Китая, его финансово-экономические инициативы (идея о создании Банка развития ШОС и создании зоны свободной торговли ШОС) также склоняли руководство России к проведению более активной политики в Центральной Азии. Отчетливо наметилась тенденция ускорения евразийского многостороннего формата сотрудничества. В 2010 г. был дан старт Таможенному союзу, а в 2012 г. заработало Единое экономическое пространство с участием России, Беларуси и Казахстана. В отличие от предыдущих попыток институционализации отношений между Россией и странами-участницами СНГ Таможенный союз и Единое экономическое пространство имели надгосударственные органы.

Еще в 2011 г. в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» президент России В. Путин провозгласил стратегическую задачу – стремиться к созданию Евразийского союза⁹⁰⁰. В этой статье В. Путин дал общую характеристику будущему евразийскому проекту, выделив его привлекательные стороны⁹⁰¹. Во-первых, было подчеркнуто, что новый проект нельзя рассматривать как попытку воссоздать в том или ином виде СССР. Во-вторых, предполагалось, что будущий Евразийский Союз станет центром дальнейших интеграционных процессов. В-третьих, отмечалось, что не следовало противопоставлять Евразийский Союз СНГ, так как у каждого имеется свое место и своя роль на постсоветском пространстве. В-четвертых, провозглашалось, что Евразийский Союз будет открытым проектом, куда могут интегрироваться другие страны СНГ в соответствии с собственными национальными

⁸⁹⁸ Медведев одобрил создание Антикризисного фонда ЕврАзЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/article/medvedev-odobril-sozdanie-antikrizisnogo-fonda-evrazes/5962697.html> (дата обращения: 5.12.2020).

⁸⁹⁹ Мансуров Т. Как рождается новая Евразия. Российская газета. 30 ноября, 2012. № 277 (5950).

⁹⁰⁰ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 12.

⁹⁰¹ Там же. С. 12-13.

интересами. Вступив в должность главы государства России в 2012 г. В. Путин подтвердил приоритетность развития отношений с государствами СНГ, подписав 7 мая 2012 г. Указ № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»⁹⁰².

Серьезное беспокойство доставляла и продолжает доставлять странам Запада динамичная евразийская интеграция стран постсоветского пространства, в которой ошибочно усматривают попытку России возродить СССР. В декабре 2012 г. госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что «подавление оппозиционных настроений в странах Восточной Европы и Средней Азии может привести к новой "советизации" этих государств»⁹⁰³. Она также подчеркнула, что «советизация» может проходить под такими названиями, как «Таможенный союз» или «Евразийский союз». По ее мнению, США «пытаются найти эффективный способ замедлить или предотвратить этот процесс»⁹⁰⁴. Однако данные обвинения не имеют под собой никаких существенных оснований. За два месяца до этого руководитель Третьего департамента СНГ А.В. Стерник, курирующий Центральноазиатское направление, акцентировал внимание на отсутствие у России ревизионистских планов и желания принудить страны постсоветского пространства к сотрудничеству⁹⁰⁵.

Присоединение Крыма к России в марте 2014 г. предоставило странам Запада возможность вновь раскрутить миф о пресловутой «российской угрозе» странам постсоветского пространства. В этом деле им активно помогали прибалтийские государства. Так, эстонский политолог Кармо Тюйр, высказал мнение, что следующим после Крыма может стать Казахстан⁹⁰⁶. Однако, как известно, Казахстан, являясь стратегическим союзником России,

⁹⁰² Шишков В. Политика России на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 1 (26). С. 43.

⁹⁰³ Клинтон хочет "развалить" СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/12/10/klinton.html> (дата обращения: 10.12.2020).

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Стерник А.В. «У России нет ревизионистских планов в Центральной Азии» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2047109> (дата обращения: 10.12.2020).

⁹⁰⁶ С точки зрения соседей . Как страны бывшего СССР высказались по крымскому вопросу [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/21/reaction/> (дата обращения: 10.12.2020).

поддержал присоединение Крыма к России. Власти Киргизии также поддержали присоединение Крыма к России, отметив, что «результаты референдума в Крыму являются волеизъявлением абсолютного большинства региона, и это объективная реальность...»⁹⁰⁷.

Интересно, что так же, как политики и дипломаты, некоторые ученые стран Запада усматривали угрозу национальному суверенитету государств Центральной Азии в активной интеграционной активности России. В трудах представителей американского академического сообщества акцент был сделан на военных объектах России в Таджикистане и в Киргизии, которые, по их мнению, имеют цель не только противостоять международному терроризму в Центральной Азии, но и укрепить региональное влияние России⁹⁰⁸. Таким образом, американские ученые недвусмысленно намекнули на вероятность того, что Россия может воспользоваться этими базами ради реализации своих якобы экспансионистских планов. Научный сотрудник центра стратегических и международных исследований Дж. Манкофф отмечал, что «аннексия» Крыма Россией снизит желание у стран постсоветского пространства принимать участие в любых региональных интеграционных проектах, инициируемых Россией⁹⁰⁹. Однако, как показала практика, евразийская интеграция состоялась как модель региональной многосторонней кооперации даже без Украины, которая, по мнению американского стратега Зб. Бжезинского, должна была придавать союзу жизненную энергию.

Ученые в США продолжали акцентировать внимание на том, что «прагматичные и реалистичные действия В. Путина на Украине» превратили Беларусь и Казахстан «в нервных, менее восторженных партнеров»

⁹⁰⁷ Киргизия признала результаты референдума в Крыму [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru/politics/world/1128743> (дата обращения: 10.12.2020).

⁹⁰⁸ Lemon E., Schottenfeld J. Putin's Ploys in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia> (дата обращения: 2.12.2020).

⁹⁰⁹ Mankoff J. Russia's Latest Land Grab [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2014-04-17/russias-latest-land-grab> (дата обращения: 12.12.2020).

евразийской интеграции⁹¹⁰. Развернутая странами Запада информационная война и санкционная политика против России не смогли замедлить расширяющееся экономическое и политическое сотрудничество между Россией и странами Центральной Азии. Несмотря на все вызовы, с которыми сталкивалась зарождающаяся многосторонняя модель экономической кооперации между Россией и странами постсоветского пространства, в конечном итоге ЕАЭС был создан в Астане в мае 2014 г. С этого момента началось свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках границ России, Беларуси и Казахстана. В 2015 г. к ЕАЭС присоединилась Армения и Киргизия. Из всех государств Центральной Азии именно Казахстан выступал активно за интеграцию с Россией, что было обусловлено объективной экономической необходимостью. Еще в 2012 г., когда с полной силой шло развитие евразийской интеграции (заработал Таможенный Союз, формировалось Единое экономическое пространство), президент Казахстана Н. Назарбаев отмечал, что у Казахстана с Россией «практически идентичные подходы к интеграционному процессу, базирующемуся на принципах экономического прагматизма, равенства, взаимной выгоды и уважении интересов друг друга»⁹¹¹. Справедливо отмечал казахстанский политолог Б. Султанов: «Учитывая непрестанную критику со стороны национал-популистов, руководство Казахстана рассматривает ЕАЭС как экономическое объединение с едиными правилами движения товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов»⁹¹². Первый президент Казахстана Н.А. Назарбаев, обращаясь к странам Запада, подчеркивал, что ни о каком возрождении СССР речи не идет. Н. Назарбаев акцентировал внимание западных партнеров «на необходимости изживания стереотипов холодной войны, которые мешают смотреть в будущее»⁹¹³.

⁹¹⁰ McFaul M. Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? // Foreign Affairs. November/December. 2014. P. 171.

⁹¹¹ Назарбаев Н. Дружба на века. Российская газета. 5 октября 2012. № 230 (5903).

⁹¹² 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2019. С. 100.

⁹¹³ Там же.

Выбор Армении и Киргизии в пользу евразийской интеграции был обусловлен той важной ролью, которую Россия играла в их внешней торговле. Зависимость от военной помощи со стороны России побудила Армению вступить в ЕАЭС. Киргизия, вступая в ЕАЭС, руководствовалась большими ожиданиями, надеясь таким образом решить все структурные проблемы в национальной экономике.

В России полагали, что в перспективе ЕАЭС станет важным фактором мировой экономики и политики. Создание ЕАЭС символизировало появление у России долгосрочных интересов в отношении стран постсоветского пространства, включая республики Центральной Азии. И если до 2014 г. можно было утверждать, что у России отсутствовала полноценная стратегия в отношении региона, то создание ЕАЭС символизировало наличие этой стратегии. У России появился не только эффективный инструмент влияния в Центральной Азии, но и долгосрочный план выстраивания сотрудничества со странами региона в многостороннем формате. Однако, несмотря на наметившуюся тенденцию к интеграции, ряд стран Центральной Азии предпочитали выстраивать отношения с Россией в двустороннем формате.

Политическая элита присоединившихся к ЕАЭС государств возлагала большие надежды на участие в этой интеграционной структуре, видя в ней важный фактор своего устойчивого экономического развития. Для России евразийский проект имел значение как с точки зрения экономики, так и геополитики. Скептицизм в отношении будущего развития евразийской интеграции появился на Западе. Политолог польского происхождения А. Барбашин, давая оценку ЕАЭС в 2015 г., называл это объединение не более чем иллюзией⁹¹⁴. А. Барбашин подчеркивал, что Россия уже предпринимала такие попытки создать конгломерат государств из стран постсоветского пространства, однако они все закончились неудачно. По его мнению, если в Союзе не будут созданы действительно работающие институты и не будет

⁹¹⁴ Barbashin A. The Eurasian Illusion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2015-01-15/eurasian-illusion> (дата обращения: 15.12.2020).

предоставлена возможность для равноправного партнерства, то союз прекратит свое существование. Безусловно, с такой позицией политолога можно безоговорочно согласиться. Все органы, созданные в ЕАЭС, должны быть эффективными, а решения, выработанные Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), принятыми к исполнению всеми государствами-участниками. Кроме того за годы независимости страны Центральной Азии стали полноценными субъектами мировой политики. Они стремятся выстраивать свои отношения с внешним миром на принципах равноправия и взаимной выгоды. Также А. Барбашин подчеркивал, что устойчивость евразийской интеграции придают политические лидеры России, Беларуси и Казахстана. Как только они уйдут, евразийская интеграция распадется. Не случайно, на современном этапе страны Запада так активно выступают за смену власти в Беларуси и поддерживают оппозицию в России.

Для расширения своего влияния в Центральной Азии России необходимо и дальше продвигать модель евразийской кооперации, позиционируя ее как эффективный способ достижения республиками устойчивого экономического роста и повышения благосостояния населения. В экспертном и академическом сообществах стран-участниц ЕАЭС даны различные оценки характеру новой модели евразийского сотрудничества между странами: они варьируются от геополитических подходов до признания ЕАЭС экономически выгодным объединением. Например, эксперт из Казахстана А. Чеботарев считает, что «деятельность ЕАЭС в большей степени отвечает геополитическим интересам России»⁹¹⁵. Безусловно, геополитический аспект присутствует в продвижении Россией данной коллективной модели сотрудничества. Однако вступление в ЕАЭС – это также шанс для Центральноазиатских республик восстановить свои разрушенные национальные экономики, это возможность адаптироваться к современному мировому хозяйству. Евразийская интеграция также несет

⁹¹⁵ Полемика экспертов Казахстана: «ЕАЭС — союз конкурентов или союзный застой?» [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/polemika-ekspertov-kazakhstana-eaes-nbsp-soyuz-konkurentov-i/> (дата обращения: 15.12.2020).

экономические выгоды и для самой России. Российский политолог Д. Тренин отмечал, что интеграция с государствами постсоветского пространства создает благоприятные условия для преодоления отсталости России⁹¹⁶. Развитие экономического сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии вносит существенный вклад в укрепление региональной стабильности и безопасности, т.к. Россия заинтересована, чтобы у ее границ были политически стабильные и процветающие центральноазиатские государства.

На современном этапе евразийская интеграция стремительно развивается и усиливает свои позиции в мировой экономике и политике. В декабре 2020 г. Узбекистан получил статус государства-наблюдателя при ЕАЭС. Вопрос о вступлении Таджикистана в Союз также прорабатывается в Душанбе: в пользу этого решения выдвигается самый главный фактор – это преференции, которые получают таджикские мигранты. Около трети ВВП Таджикистана, так же как и Киргизии, формируется за счет денежных переводов мигрантов, работающих в России.

В условиях трансформации мировой политической системы евразийский проект «имеет потенциал для того, чтобы стать заметным элементом возникающего мироустройства»⁹¹⁷. Институционализация отношений между Россией и странами постсоветского пространства в форме евразийской интеграции является эффективной моделью экономической кооперации и коридором широких возможностей для всех участников.

Большую роль в укреплении сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии играли и продолжают играть взаимные визиты официальных лиц этих стран. В 2016 г. В. Путин дважды посетил Узбекистан, дважды Казахстан и принял в Москве президентов Туркмении, Киргизии и Казахстана⁹¹⁸. С самого начала своего президентства В. Путин использовал

⁹¹⁶ Тренин Д. Внешняя политика Российской Федерации // Россия и мусульманский мир. 2013. № 4. С.7.

⁹¹⁷ Лукьянов Ф. Ответ в евразийском стиле. Российская газета. 14 августа 2018. № 177 (7640).

⁹¹⁸ Путин в Средней Азии: причины активности Кремля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170228/1488964191.html> (дата обращения: 12.12.2020).

личный контакт на уровне первых лиц в качестве ключевого механизма продвижения российских интересов в страны региона⁹¹⁹. Личная симпатия, которая наблюдалась у президента России к первому президенту Казахстана Н. Назарбаеву и экс-президенту Киргизии А. Атамбаеву, вносила свою лепту в укрепление сотрудничества между этими странами. Не случайно в период президентства А. Атамбаева многие киргизстанские эксперты обвиняли власти в усилении именно пророссийского вектора внешней политики Киргизии.

Продемонстрировать особое внимание к региону была призвана поездка президента России В. Путина по Центральной Азии в 2017. Глава России посетил Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Именно эти Центральноазиатские республики взаимодействует с Россией в многосторонних форматах сотрудничества – ОДКБ и ЕАЭС (Казахстан и Киргизия). На встрече с президентом Казахстана В. Путин обсуждал вопросы экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС и ситуацию в Сирии. Оценивая итоги визита президента России в Казахстан, казахстанский политолог Д. Сатпаев подчеркнул, что, учитывая статус непостоянного членства Казахстана в СБ ООН, В. Путин приехал к Н. Назарбаеву с целью заручиться поддержкой по сирийскому вопросу⁹²⁰. Незадолго до этого, Казахстану удалось значительно укрепить свой авторитет на международной арене благодаря своим посредническим усилиям в межсирийском конфликте. Именно в Нур-Султане в январе 2017 г. проходили переговоры между представителями официальных сирийских властей и вооруженной оппозиции. В Таджикистане фокус внимания был сосредоточен на вопросах трудовой миграции, борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком, а также на сотрудничестве в области образования, науки и культуры. В Киргизии главы государств обсуждали торгово-экономические отношения в рамках ЕАЭС. По

⁹¹⁹ Притчин С. Российская политика в Центральной Азии в XXI . в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 82.

⁹²⁰ Сатпаев Д. Путин поздно спохватился. Россия теряет Центральную Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1488272760> (дата обращения: 12.12.2020).

итогах встречи было принято совместное заявление и подписан Протокол о внесении изменений и дополнений в межправительственное российско-киргизское соглашение об оказании технического содействия Кыргызстану в рамках процесса присоединения к ЕАЭС от 31 марта 2015 г. Еще в 2014 г. с целью плавного вхождения Киргизии в ЕАЭС с наименьшими потерями, Россия инициировала создание Российско-Киргизского фонда развития с капиталом 500 млн. долл.

Между тем это был юбилейный визит президента России в Центральную Азию, который позволил подвести итоги 25-летнего сотрудничества со странами региона. За прошедшие годы между этими государствами была заложена прочная юридическая основа для развития взаимовыгодного сотрудничества как в двусторонних, так и многосторонних форматах сотрудничества. Такие региональные коллективные механизмы, как ОДКБ и ЕАЭС позволили укрепить и расширить межгосударственное сотрудничество в сфере безопасности и экономики. Визит В. Путина в Центральную Азию продемонстрировал не только приоритетность этого направления во внешней политике России, но и ее желание дальше стремиться к развитию дружественных отношений со странами региона.

В последнее время в политике России в Центральной Азии наметился новый подход. Речь идет о многостороннем формате, предпочтение которому отдавали именно страны Запада, а с недавнего времени он стал активно продвигаться Москвой. В рамках нового формата планируется регулярно проводить встречи министра иностранных дел России с главами внешнеполитических ведомств стран Центральной Азии. Этот формат позволяет России собрать на одной площадке все страны региона, включая те республики, которые не входят в интеграционные проекты с ее участием. Данный механизм сотрудничества направлен на усиление политического влияния России в регионе и недопущение ухода региона в сферу влияния других стран. Так, в 2019 г. на встрече в данном формате (5+1) стороны обсуждали вопросы укрепления сотрудничества в сфере экономики,

безопасности и культурно-гуманитарного сотрудничества. Министр иностранных дел России С.В. Лавров акцентировал внимание на технологических и инвестиционных возможностях на примерах многочисленных проектов с участием российских компаний в различных отраслях экономики государств Центральной Азии⁹²¹.

На современном этапе одним из новых инструментов расширения геополитического влияния и подрыва позиций соперников в борьбе за сферы влияния стала фальсификация истории. Страны Запада активно используют этот инструмент, искажая исторические факты, и тем самым пытаются разрушить духовные ценности, связывающие Россию и страны Центральной Азии. Искажение истории, а именно событий Великой Отечественной войны, наносит удар по общему историческому прошлому и национальной гордости постсоветских государств, внесших огромный вклад в разгром фашизма. Как ответ на этот вызов России необходимо стремиться усилить работу Консультативного Совета историков стран СНГ с целью выработки защитных механизмов.

Таким образом, в 90-е г. Центральноазиатское направление не было преобладающим во внешней политике России. Однако в XXI в. дипломатическая активность России на этом внешнеполитическом треке усилилась. Характерными чертами политики России в этом принципиально важном регионе становились последовательность и долгосрочность.

У России в отличие от стран Запада так и не появилась конкретная стратегия сотрудничества в отношении региона. Это и понятно, так как для России развитие позитивных отношений со всеми бывшими советскими республиками имеет принципиально важное значение. Российский подход к Центральной Азии следует рассматривать через призму евразийского интеграционного проекта.

⁹²¹ О встрече Министра иностранных дел России С.В.Лаврова с министрами иностранных дел государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3843519 (дата обращения: 12.12.2020).

В целом для России Центральная Азия является значимым регионом, в котором у нее имеется широкий спектр стратегических интересов. Во-первых, геополитический. Россия исторически связана с регионом и рассматривает любые попытки увести регион из-под ее влияния как акт враждебности. Во-вторых, экономический. Между Россией и странами Центральной Азии существует объективная потребность, обусловленная некогда созданными и разрушенными экономическими связями, развивать тесное экономическое сотрудничество ради получения взаимной выгоды и общего благополучия. В-третьих, безопасность. На фоне растущей угрозы со стороны исламского экстремизма, радикализма и терроризма Россия заинтересована в обеспечении региональной стабильности и безопасности с использованием многосторонних форматов сотрудничества. В-четвертых, социокультурный. Россия стремится сформировать благоприятный имидж среди населения стран Центральной Азии, используя инструменты «мягкой силы», направленные на продвижение русского языка, русской культуры и предоставления студентам из стран региона возможности для получения образования в российских вузах. Также Россия заинтересована в поддержке соотечественников, количество которых составляет около 5,5 млн. человек⁹²².

Страны Запада будут и дальше стремиться изолировать Россию от стран Центральной Азии, используя для этого различные механизмы. Особенно ставка будет делаться на националистические группировки, которые будут действовать в фарватере интересов иностранных государств и выступать с антироссийскими лозунгами. В этой связи России следует усилить мягкий компонент влияния в своей центральноазиатской политике.

России необходимо работать над формированием кадрового резерва, который бы позволил в будущем пополнить специальный штат дипломатов, отвечающий за Центральноазиатское направление внешней политики России. Подготовка таких специалистов, обладающих знаниями национальных

⁹²² Директор Третьего департамента стран СНГ А.Стерник в гостях у слушателей Дипломатического модуля [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/a-sternik/> (дата обращения: 17.12.2020).

языков и местных социокультурных особенностей, предоставила бы России возможность проводить более эффективную политику в Центральной Азии.

Принципиальной стратегической задачей России в регионе является продвижение евразийской модели кооперации, которая параллельно с двусторонним взаимодействием должна позиционироваться как прочный фундамент для дальнейшего экономического и политического сотрудничества. В условиях формирования нового мирового порядка успешное развитие евразийской интеграции является значимым как для России, так и для стран региона. Для России евразийский проект – это шанс укрепить свои позиции в качестве глобальной державы, создав новый центр силы. Для стран Центральной Азии – это возможность восстановить некогда разорванные экономические связи и придать импульс своему внутреннему экономическому развитию. Самым главным преимуществом для средних и малых стран региона является их равноправный характер участия в процессе принятия решений в рамках ЕАЭС.

5.2. Перспективы взаимодействия России с государствами Центральной Азии

Казахстан. Россия развивает с Казахстаном союзнические отношения, что обусловлено общим историческим прошлым и географической близостью. На позитивный характер отношений влияет общая географическая граница между странами, протяженность которой составляет 7,5 тыс. км. Начиная с распада СССР, отношения между двумя странами продолжают развиваться поступательно. Эти отношения отличаются рациональностью и отсутствием серьезных противоречий, которые могли бы поляризовать эти государства.

25 мая 1992 г. Казахстан и Россия подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это был первый официальный документ, заключенный независимым Казахстаном и заложивший основу для

дальнейшего поступательного сотрудничества между двумя странами на равноправной основе. Через полгода, 22 декабря 1992 г., между двумя странами были установлены дипломатические отношения.

Особую лепту в укрепление сотрудничества между Россией и Казахстаном вносили регулярные политические контакты глав государств. Не случайно в 2018 г. первый президент Казахстана Н. Назарбаев, давая оценку двустороннему сотрудничеству, подчеркнул значимость отношений между Казахстаном и Россией, что подкреплялось интенсивностью контактов на высшем уровне⁹²³. Также Н. Назарбаев отметил, что его «многолетнее плодотворное взаимодействие с В. В. Путиным – это исключительный по своей насыщенности и результативности международно-политический феномен»⁹²⁴. Первый президент Казахстана как никто другой понимал, что Россия является стабилизирующим фактором на евразийском пространстве. В 2012 г. Н. Назарбаев подчеркивал: «Сильная и стабильная Россия – это основное условие стабильности всего СНГ, Евразии, да и в целом глобальных международных отношений»⁹²⁵.

На современном этапе позитивный характер отношений между Россией и Казахстаном играет существенную роль для обоих государств. Эти отношения выстраиваются как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Двусторонние отношения строятся на широкой договорно-правовой базе, состоящей из более 400 соглашений и меморандумов. Ориентиром для дальнейшего развития двустороннего формата сотрудничества стал Договор о добрососедстве и союзничестве в XXI в., подписанный в 2013 г. Президент России В. Путин подчеркнул, что «этот документ закладывает основу для дальнейшего развития стратегического партнерства наших стран. Причем на десятилетия вперед»⁹²⁶. В тот период посол Казахстана в России Г. Оразбаков

⁹²³ Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев высоко оценил свое многолетнее сотрудничество с президентом России Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1968245/> (дата обращения: 17.12.2020).

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ Назарбаев Н. Дружба на века. Российская газета. 5 октября 2012. № 230 (5903).

⁹²⁶ РФ и Казахстан подписали договор о союзничестве [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/11/11/dogovor-anons.html> (дата обращения: 17.12.2020).

также дал свою высокую оценку подписанному Договору, отметив, что этот документ «может служить примером того, как надо строить отношения в мире»⁹²⁷.

В отличие от других центральноазиатских республик Казахстан является самым активным сторонником любой модели евразийской интеграции. Основной интерес, обуславливающий участие Казахстана в интеграционных проектах, связан со стремлением укреплять региональное сотрудничество в области экономической кооперации и безопасности. Казахстан является участником всех евразийских интеграционных проектов, продвигаемых Россией – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС.

Россия является главным торгово-экономическим партнером Казахстана. В последние годы наметился устойчивый рост в объеме товарооборота двух стран. Это доказывают статистические данные: по итогам 2017 г. товарооборот между двумя странами составил 10 млрд. долл., в конце 2018 г. - 17,6 млрд. долл., в конце 2019 г. - 19,6 млрд. долл. Среди ведущих внешнеэкономических партнеров по экспорту из Казахстана Россия занимает 4 место после Италии, Нидерландов и Китая. В основном Казахстан экспортирует в Россию сырьевую продукцию (топливо, нефть, черные металлы), продовольственные товары, оборудование, транспортные средства⁹²⁸.

Особый акцент в двусторонних отношениях сделан на военном сотрудничестве. Стратегическое значение имеет для России аренда космодрома Байконур. С 1994 г. согласно российско-казахстанскому соглашению Россия получила право аренды космодрома на 20 лет. Также стороны согласовали ежегодную арендную плату, которая составила 115 млн. долларов. В 2003 г. Казахстан и Россия договорились продлить договор об

⁹²⁷ Оразбаков Г. История сделала нас друзьями. Российская газета. 2013. 16 декабря. № 283 (6259).

⁹²⁸ Краткий анализ объемов и структуры внешней торговли Казахстана с Россией за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://kaztrade.ru/uploads/files/2019/04/12/analiz-obemov-i-struktury-vneshney-torgovli-rossii-s-kazahstanom-za-2018-god_1555053678.pdf (дата обращения: 17.12.2020).

аренде Байконура до 2053 г.⁹²⁹. В 2019 г. Казахстан вывел 11,6 тыс. гектаров земли из аренды России с целью, во-первых, расширить близлежащий поселок Торетам Кармакшинского района, во-вторых, для строительства международного транзитного коридора Западная Европа - Западный Китай, железной дороги Алматы - Москва и для линейной части газопровода Бейнеу – Шымкент. Несмотря на все спекуляции вокруг этого вопроса, данное решение было принято по общему согласию сторон. На территории Казахстана располагаются другие военные объекты России: объекты 4-го Государственного межвидового испытательного полигона МО России, полигон «Капустин Яр», 20-я отдельная испытательная станция и два измерительных пункта (ИП-8 и ИП-16), полигон Сары-Шаган, 5580-я база обеспечения испытательных работ, объект "Балхаш-9", отдельный полк транспортной авиации ВВС России⁹³⁰.

Топливо-энергетическое сотрудничество отвечает национальным интересам России и Казахстана. Активная фаза сотрудничества в этой сфере пришлась на начало XXI г., что связано с увеличением мировых цен на энергоносители. На современном этапе Россия и Казахстан реализуют совместные энергетические проекты, включая проекты на Каспии: «Газпром» взаимодействует с «КазМунайГаз» по переработке топлива с месторождения Карачаганак на Оренбургском газоперерабатывающем заводе; совместно с «ЛУКОЙЛ» и казахстанскими партнёрами создано предприятие по освоению месторождения «Центральное» на Каспии⁹³¹. С 2016 г. Россия поставляет газ в Казахстан в рамках трехлетнего контракта.

Россия является основной транзитной территорией для экспорта казахстанских углеводородов на рынки Европы. Однако еще в начале XXI в.

⁹²⁹ Казахстан и Россия продлят срок аренды космодрома Байконур до 2053 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1069239780> (дата обращения: 17.12.2020).

⁹³⁰ Самые крупные в СНГ военные объекты России находятся в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/politics/20161009/797556/samye-krupnye-v-sng-voennye-obekty-rossii-nahodyatsya-v-kazahstane.html> (дата обращения: 19.12.2020).

⁹³¹ Новак А. Российско-казахстанское взаимодействие в ТЭК исторически строится на взаимовыгодном партнерстве и взаимопомощи [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14438> (дата обращения: 21.12.2020).

Казахстан стремился диверсифицировать маршруты экспорта своих энергоносителей, подключаясь к альтернативным проектам, лоббируемым Китаем и странами Запада. В свою очередь, Россия предпринимала попытки не потерять лидирующие позиции в системе стран-экспортеров казахстанских углеводородов. Особенно чувствительным для России являлся вопрос о каспийских углеводородах. В Каспийском шельфе Казахстан по сравнению с долей России имеет весомые разведанные запасы: 75% нефти и 45% газа⁹³². В начале XXI в. специальный представитель президента России подчеркивал, что Москва «не скрывала и не скрывает своей заинтересованности в том, чтобы экспортные коридоры каспийских углеводородов проходили через территорию России»⁹³³.

Россия является основным импортером казахстанского угля. Более 90 % импортируемого Россией угля приходится на Экибастузский бассейн, где функционирует компания «Богатырь Комир» - совместное предприятие казахстанского АО «Самрук-Энерго» и российской компании «Русал».

Между тем отношения между Россией и Казахстаном нельзя назвать безоблачными. Во-первых, в Казахстане все активнее дают о себе знать националистические силы, продвигающие антироссийские взгляды и пытающиеся расшатать российско-казахстанские политические отношения. Во-вторых, несовпадение позиций по оценке некоторых исторических событий во времена, когда Казахстан входил в состав Российской империи. Например, в современном Казахстане некоторые историки считают, что вхождение в состав Российской империи в XIX в. не носило добровольный характер, и не признают того положительного влияния, которое было оказано на казахов в процессе вхождения. Именно это стало одной из причин, почему в Казахстане не поддержали инициативу России по созданию единого

⁹³² Золотое дно. Разработка каспийского шельфа принесет России миллиарды кубометров нефти и газа [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/18/reg-ufo/skolko-na-kaspii-imeetsia-zapasov-nefti-i-gaza.html> (дата обращения: 21.12.2020).

⁹³³ Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 212.

учебника истории для стран-участниц ЕАЭС⁹³⁴. Справедливо отмечает казахстанский историк С. Акимбеков, подчеркивая, что в современном Казахстане «наблюдается дефицит качественных исследований, которые смогли бы объяснить с объективной точки зрения те или иные процессы, происходившие в двусторонних отношениях, не закрывая глаза на сложные вопросы»⁹³⁵. В-третьих, переход Казахстана на латиницу сокращает пространство использования русского языка. Директор международных программ Института национальной стратегии России Ю. Солозобов усматривает в этом политическом решении геополитический контекст. Он отмечает, что происходит процесс плавного вхождения Казахстана в тюркский мир. Кроме того, исследователь подчеркивает, что такое решение является серьезным сигналом, так как деструктивно влияет на отношения между Россией и странами постсоветского пространства, разрушая общее культурное пространство, которое наряду с энергетикой и оборонным пространством являлось фундаментом или незримыми узами, связывающими между собой все страны СНГ⁹³⁶.

В целом, несмотря на все вышеперечисленные проблемы, отношения между Россией и Казахстаном носят дружественный характер, являются достаточно равными и сбалансированными⁹³⁷. В Центральной Азии и на всем пространстве СНГ российско-казахстанские отношения представляют собой модель стратегического партнерства и союзнических отношений⁹³⁸. Более того, Россия и Казахстан создают ось взаимодействия, на которой идеологически держится все центральноазиатское пространство СНГ⁹³⁹. Думается, что новое поколение в Казахстане, которое придет на смену

⁹³⁴ Гусев Л.Ю., Казанцев А.А. Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 1. С. 37.

⁹³⁵ Истоки российско-казахстанских отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20909> (дата обращения: 21.12.2020).

⁹³⁶ Панфилова В. Переход Казахстана на латиницу – это сигнал для России [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazahstan.html (дата обращения: 21.12.2020).

⁹³⁷ Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восток-Запад, 2011. С. 149.

⁹³⁸ Абдрахманов К. Основа стратегического партнерства Казахстана и России [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/07/06/osnova-strategicheskogo-partnerstva-kazahstana-i-rossii.html> (дата обращения: 21.12.2020).

⁹³⁹ Маруев А., Карпенко А. Восточный вектор геостратегии России // Обозреватель. 2010. № 1. С. 7.

нынешнему, может серьезно пересмотреть отношения с Россией и не в пользу последней. Однако именно экономическая взаимозависимость и вопросы региональной безопасности будут склонять Москву и Нур-Султан к решению всех наметившихся противоречий и проблем в конструктивном русле.

Узбекистан. Интерес России к Узбекистану обусловлен тремя факторами: 1) геополитическое положение республики; 2) наличие природных ресурсов, особенно газа и урана; 3) многомиллионный рынок сбыта товаров. Россия заинтересована в экономическом потенциале Узбекистана, в его относительно развитой промышленности: газовая, нефтяная, химическая, легкая, электроэнергетика, машиностроение, цветная и черная металлургия.

Россия установила дипломатические отношения с Узбекистаном 20 марта 1992 г. Через два месяца после этого был подписан российско-узбекский договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве. В марте 1994 г. Россия и Узбекистан подписали декларацию о развитии всестороннего сотрудничества. В 2004 г. стороны вывели двусторонние отношения на новый статус, подписав Договор о стратегическом партнерстве.

В первые годы независимости Узбекистан стремился максимально дистанцироваться от России и отдавал предпочтение развитию сотрудничества со странами Запада, преимущественно с США, которые, в свою очередь, видели в Ташкенте важного военно-политического партнера в регионе. В планах США было превратить Узбекистан, имеющий центральное положение, в свой стратегический форпост в Центральной Азии. В рамках взятого курса на сближение с США в 1999 г. Узбекистан присоединился к антироссийской политической организации ГУАМ. Однако после событий в Андижане в 2005 г. и последовавшей за ними жесткой критики со стороны стран Запада в адрес официальных узбекских властей в нарушении прав человека Ташкент разорвал отношения с США и взял курс на сближение с Россией.

В эпоху президентства И. Каримова внешняя политика Узбекистана отличалась своей непоследовательностью. Ташкент то приближался к Москве, то отдалялся, делая крен в сторону Запада. Очень настороженно относился Узбекистан к интеграционным объединениям с участием России на постсоветском пространстве. Два раза Ташкент приостанавливал свое участие в ОДКБ (в 1999 г., в 2012 г.). Однако с 1991 г. и по настоящее время Узбекистан является членом СНГ, считая этот механизм необходимым для развития межгосударственного сотрудничества.

Прорыв в российско-узбекских отношениях наметился только с приходом к власти нового президента Узбекистана Ш. Мирзиёева. Новый президент стал проводить более открытую и конструктивную внешнюю политику, включая активизацию внешнеполитических действий на российском направлении. Однако такая же активность наблюдалась и по другим внешнеполитическим азимутам – американском, европейском, турецком. Следовательно, российское направление внешней политики Узбекистана являлось и продолжает оставаться элементом общей внешнеполитической стратегии, опирающейся на принципы многовекторности.

Историческим для России и Узбекистана стал первый официальный визит Ш. Мирзиёева в Москву в апреле 2017 г. По итогам встречи двух президентов был подписан солидный пакет документов – 39 официальных межправительственных и межведомственных документов на сумму \$15,8 млрд. В соответствии с этими документами Россия получила право принять самое активное участие в программах модернизации, технического перевооружения и строительства новых промышленных предприятий в Узбекистане⁹⁴⁰. В ходе визита стороны договорились расширить и укрепить двустороннее сотрудничество в военной сфере и в вопросах обеспечения безопасности. Через несколько дней после встречи с узбекским коллегой

⁹⁴⁰ Эргашев Б. Результаты визита Мирзиёева в Россию беспрецедентны [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/itogi-vizita-mirziyeva-vzglyad-iz-uzbekistana/> (дата обращения: 21.12.2020).

президент России В. Путин подписал закон о ратификации российско-узбекского договора о военно-политическом сотрудничестве. В соответствии с этим договором оба государства могут осуществлять взаимные поставки продукции военного назначения⁹⁴¹. В 2019 г. началась реализация 12 контрактов, в соответствии с которыми Россия поставила в Узбекистан ударные вертолеты Ми-35М, сверхманевренные истребители Су-30СМ, бронетранспортеры (БТР-82А), радиолокационные комплексы⁹⁴².

Россия заинтересована в возвращении Узбекистана в ОДКБ. С этой целью в 2019 г. узбекским парламентариям было отправлено приглашение принять участие в Парламентской ассамблеи (ПА) ОДКБ. Незадолго до этого воинский контингент из Узбекистана принял участие в российских учениях «Центр-2019» вместе с воинскими контингентами из Казахстана, Киргизии и Таджикистана. По мнению российского политолога Н. Мендковича, на современном этапе ни Узбекистан, ни Россия не готовы обсуждать членство первого в ОДКБ, что обусловлено успешностью военного сотрудничества на двусторонней основе, где контакты протекают оперативнее, чем в рамках многостороннего формата сотрудничества в силу технических причин⁹⁴³. Думается, что процесс возвращения Узбекистана в ОДКБ не следует форсировать. Не исключено, что новое руководство республики по-новому расставит акценты в своей внешней политике и в перспективе проявит интерес к возобновлению своего участия в ОДКБ.

Узбекистан является ведущим торгово-экономическим партнером России на постсоветском пространстве. По объемам торговли с Россией среди стран Центральной Азии Узбекистан уступает только Казахстану. В 2018 г. Россия заняла второе место среди основных торговых партнеров

⁹⁴¹ Президент РФ ратифицировал договор о военном сотрудничестве с Узбекистаном [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2264104.html> (дата обращения: 21.12.2020).

⁹⁴² Что делает армию Узбекистана сильнейшей в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/chto-delaet-armiyu-uzbekistana-silneyshey-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁹⁴³ Мендкович Н. Вернется ли Ташкент в ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/vernetsya-li-tashkent-v-odkb-mnenie-eksperta/> (дата обращения: 23.12.2020).

Узбекистана⁹⁴⁴. На первом месте разместился Китай. По итогам 2018 г. объем товарооборота между Россией и Узбекистаном составил 5,73 млрд. долл., увеличившись на 21,2% по сравнению с 2017 г.⁹⁴⁵. В последние годы наметилась положительная динамика в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран, что связано с внутренними реформами, предпринятыми руководством Узбекистана для либерализации экономики. Россия стала крупнейшим инвестором Узбекистана с общим объемом инвестиций более 10 млрд. долларов⁹⁴⁶. При этом, как отмечают эксперты, российские инвестиции преимущественно вложены в телекоммуникации и нефтегазовый сектор (98%), в то же время являются минимальными для таких важных отраслей Узбекистана, как социальная сфера, транспорт, сельское хозяйство⁹⁴⁷. По количеству компаний с иностранным капиталом в Узбекистане России принадлежит первое место. Их число в 2019 г. составило 1828, для сравнения: китайских компаний 1652, турецких – 1271⁹⁴⁸.

Узбекистан стал первой страной в регионе, с которой Россия договорилась реализовать проект в области атомной энергетики. В сентябре 2018 г. между двумя странами было достигнуто межправительственное соглашение, в соответствии с которым российская компания «Росатом» планирует построить первую АЭС в Узбекистане.

Сотрудничество между Россией и Узбекистаном в торгово-экономической и гуманитарной сферах стало предметом обсуждения в рамках первого заседания Совместной комиссии на уровне глав правительств двух стран в июне 2019 г. Интересно, что такой формат сотрудничества Россия создала только с тремя государствами: Узбекистаном, Францией и

⁹⁴⁴ Узбекистан и Россия в 2018 году нарастили объем взаимной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2019/01/uzbekistan-i-rossiya-v-2018-godu-narastili-obem-vzaimnoj-torgovli/> (дата обращения: 22.12.2020).

⁹⁴⁵ Там же.

⁹⁴⁶ Журавлев Н. Узбекистан входит в число ведущих экономических партнеров России на пространстве СНГ [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/125833/ (дата обращения: 22.12.2020).

⁹⁴⁷ Горюнов И.Д. Торгово-экономическое сотрудничество России и Узбекистана на современном этапе // вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4 (100). С. 202-203.

⁹⁴⁸ В Узбекистане почти на 50 % выросло количество компаний с капиталом КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2827360.html> (дата обращения: 23.12.2020).

Китаем. Данное мероприятие свидетельствует о большой значимости, которую стороны придают двусторонним отношениям. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев серьезно относится к взятым обязательствам в рамках двусторонних договоренностей. Справедливо отмечает программный директор клуба «Валдай» О. Барабанов, что «Узбекистан ведёт себя в отношениях с Россией очень достойно, держит слово и не раздаёт несбыточных обещаний»⁹⁴⁹. Именно это является отличительной чертой нынешнего руководства Узбекистана и позволяет говорить о серьезности и перспективности российско-узбекских отношений.

Для России большое значение на международной арене имеет поддержка ее позиций центральноазиатскими государствами. Особенно это касается вопроса о присоединении Крыма к России, событие которое на Западе категорически отказываются признавать. Еще в марте 2014 г., когда в Крыму состоялся референдум по вопросу вхождения в состав России, из пяти стран Центральной Азии только Казахстан признал Крым частью российской территории. Несмотря на официальное непризнание политическим руководством Узбекистана нового статуса Крыма, в декабре 2018 г. власти республики выступили против резолюции ГА ООН о милитаризации полуострова⁹⁵⁰. Этот шаг продемонстрировал солидарность Узбекистана с Россией по вопросу Крыма.

На фоне развития отношений в духе стратегического партнерства между странами наблюдались и негативные моменты. В Узбекистане продолжает сужаться пространство использования русского языка. Еще в конце 90-х г. XX в. власти страны воодушевлённые опытом Турции (в 1928 г. Турция перешла от арабского на латинский алфавит) приняли решение заменить кириллицу на латиницу, причем как было заявлено на версию по-узбекски. До сих пор в Узбекистане процесс перехода на новый алфавит

⁹⁴⁹ Барабанов О. Россия и Узбекистан: перспективы сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-uzbekistan-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 23.12.2020).

⁹⁵⁰ Узбекистан выступил против резолюции ГА ООН о милитаризации Крыма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/12/18/crimea/> (дата обращения: 23.12.2020).

носит незавершенный характер. Понимая необходимость сохранения кириллицы, особенно с учетом того, что более 1 млн. узбекских мигрантов выезжают в Россию в целях трудоустройства, а также наличия большого фонда книг на русском языке, известные деятели Узбекистана обращаются к властям с просьбой «узаконить кириллицу как основной алфавит, а латиницу в качестве второго алфавита»⁹⁵¹.

Так же как и в других республиках Центральной Азии, в Узбекистане предпочитают трактовать некоторые исторические события в соответствии с новой национальной политикой. Пребывание Узбекистана в составе Российской империи, а позже в составе СССР называют «оккупацией»⁹⁵².

На современном этапе в условиях созданной обоими государствами доверительной атмосферы укрепляется и наращивается двустороннее сотрудничество во всех сферах. Широкомасштабные двусторонние проекты укрепляют политический вес России в Узбекистане и в регионе в целом. Успехи, которые демонстрируют Россия и Узбекистан в развитии двустороннего сотрудничества, могут стать предпосылкой для вступления Узбекистана на правах полноправного члена в ЕАЭС, что сделает союз еще более влиятельной интеграционной структурой в мировой политике и экономике. Большое значение для России и Узбекистана имеют вопросы укрепления сотрудничества в области стратегической безопасности. Несмотря на то, что Узбекистан предпочитает развивать военное сотрудничество на двусторонней основе, в перспективе не исключено возвращение Ташкента в ОДКБ.

Таджикистан. Россия установила дипломатические отношения с Таджикистаном 8 апреля 1992 г. В первое десятилетие после распада СССР приоритетным вектором внешней политики Таджикистана можно было с уверенностью назвать российское направление. Россия содействовала

⁹⁵¹ Опыт Узбекистана: 6 фактов о переходе страны на латиницу [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/opyt-uzbekistana-6-faktov-o-perekhode-strany-na-latinitu/> (дата обращения: 25.12.2020).

⁹⁵² Попадюк О. Узбекистан: двадцать лет независимости / Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: Хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017. С. 79.

урегулированию межтаджикского конфликта и стала одной из стран-гарантов выполнения Общего соглашения о мире и национальной согласии, которое было подписано в Москве в 1997 г.⁹⁵³. С этого момента Россия, опираясь на размещенную в республике 201-ую военную базу в годы гражданской войны в Таджикистане, стала важным фактором стабильности и безопасности не только этой центральноазиатской республики, но и всего региона. Несмотря на то, что в 2004 г. между президентами России и Таджикистана была достигнута договоренность о передаче этого военного объекта в безвозмездное пользование России, тем не менее в 2012 г. Душанбе повел себя некорректно и нарушил договорённости. Таджикистан запросил у России арендную плату за военную базу в размере 250 млн. долл.

Россия выступила важным фактором внутреннего развития республики после окончания гражданской войны. Понимая, в какой сложной ситуации оказался Таджикистан, столкнувшись с серьезными социально-экономическими проблемами, Россия в начале XXI в. списала с республики долг в размере 300 млн. долл. Взамен Таджикистан передал в пользование России оптико-электронный комплекс «Нурек», позволяющий осуществлять контроль за космическим пространством.

С начала XXI в. Таджикистан, опираясь на пример соседей, стал проводить многовекторную внешнюю политику. Постепенно влияние России в Таджикистане стало снижаться. Играя на противоречиях между геополитическими центрами силы в регионе, Таджикистан стремился за счет внешнего фактора решить свои внутренние социально-экономические проблемы. Игнорируя интересы своего союзника (Договор о союзничестве был подписан между Россией и Таджикистаном в 1999 г.), Душанбе наращивает сотрудничество со странами Запада и с Китаем. На фоне объявленного Вашингтоном в качестве приоритета афганского направления

⁹⁵³ Каримова М. Роль России в урегулировании межтаджикского конфликта и в развитии Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 4. С. 93.

Душанбе стал предлагать свою территорию для транспортировки грузов⁹⁵⁴. Пекин особый интерес проявлял к энергетической отрасли республики, куда вложил более 1 млрд. долл⁹⁵⁵.

Россия стала основным торгово-экономическим партнером Таджикистана. По итогам 2018 г. объем товарооборота между двумя странами составил 1 млрд. долл. и продолжает демонстрировать положительную динамику. Россия экспортирует в Таджикистан продукцию химической промышленности, продовольственные товары, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, машины, оборудование, транспортные средства, металлы, а импортирует средства наземного транспорта, хлопок, предметы одежды. У России растет интерес к экспорту таджикской аграрной продукции. Еще в 2016 г. для таджикских производителей сельхозпродукции был установлен льготный тариф при перевозке продовольствия по «российским железным дорогам»⁹⁵⁶.

Однако потенциал инвестиционного сотрудничества между двумя странами остается не реализованным. За последние годы снизились инвестиции России в экономику Таджикистана. По итогам 2018 г. объем инвестиций составил 21,5 млн. долл., что на 73,4% меньше, чем в 2017 г. Основной причиной такой тенденции эксперты называют несовершенное законодательство республики, подверженное постоянным изменениям и носящее непредсказуемый характер⁹⁵⁷. Между тем по объемам инвестиций в экономику Таджикистана первое место занимает Китай. За период с 2010 по 2020 гг. Китай инвестировал в таджикскую экономику – 1,4 млрд. долл. За этот же период объем российских инвестиций даже не достиг 1 млрд. долл⁹⁵⁸.

⁹⁵⁴ Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восток-Запад, 2011. С. 201.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ Путин в Центральной Азии: итоги для Таджикистана и Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/24845/> (дата обращения: 27.12.2020).

⁹⁵⁷ Высокие налоги, неблагоприятный деловой климат. Почему российские инвестиции в Таджикистан сокращаются? [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29867323.html> (дата обращения: 27.12.2020).

⁹⁵⁸ Более трети гуманитарной помощи Таджикистан в 2020 году получил от Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20210118/bolee-treti-gumpomotshi-tadzhikistan-v-2020-godu-poluchal-ot-kitaya> (дата обращения: 27.12.2020).

Также Китай лидирует и по размерам гуманитарной помощи. Например, по итогам 2020 г. гуманитарная помощь от Китая составила 37,3% общего объема, в то время как от России – 8,5%⁹⁵⁹.

Россия проявляет интерес к сотрудничеству с Таджикистаном в гидроэнергетической сфере. При поддержке России в республике был реализован проект строительства Сангтудинской ГЭС-1. Однако из-за разногласий по водному вопросу между центральноазиатскими республиками Россия приостановила строительство Рогунской ГЭС в 2008 г. Основным противником строительства Рогунской ГЭС был Узбекистан. Руководство этой республики усматривало в этом проекте угрозу экономической и экологической региональной безопасности. Однако благодаря посреднической роли России в 2018 г. Таджикистану удалось достигнуть компромисса с Узбекистаном в реализации проекта строительства Рогунской ГЭС. Помимо этого Россия поставила гидрооборудование для данного проекта и помогала вести проектную и научную документацию⁹⁶⁰. В итоге, в 2018 г. удалось запустить первый агрегат Рогунской ГЭС, однако перспективы запуска еще 4 агрегатов остаются туманными из-за отсутствия финансирования.

Одним из значимых направлений российско-таджикского сотрудничества является миграция. Таджикистан занимает второе место после Узбекистана по количеству мигрантов, выезжающих на трудоустройство в Россию. В 2019 г. только за два месяца количество мигрантов увеличилось с 1 млн. 111 тыс. до 1 млн. 255 тыс., то есть на 144 тыс. чел⁹⁶¹. В соответствии с данными Центрального банка России по итогам 2018 г. объем денежных переводов частных лиц из России в Таджикистан составил более 2,5 млрд. долл. Денежные переводы мигрантов, работающих в

⁹⁵⁹ Там же.

⁹⁶⁰ Полонский И. Крупнейшая ГЭС: Россия предотвратила войну у своих границ [Электронный ресурс]. URL: <https://topcor.ru/3509-pochemu-bez-rossii-ne-bylo-by-samoj-vysokoj-v-mire-gjes.html> (дата обращения: 5.01.2021).

⁹⁶¹ «На работу в Россию»: количество мигрантов из Таджикистана бьет рекорды [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2637107.html> (дата обращения: 5.01.2021).

России, имеют для экономики республики существенное значение, так как формируют почти 40 % ВВП Таджикистана. Интересно, что Японское Агентство по международному сотрудничеству (JICA) содействует властям Таджикистана в поисках оптимальных политических решений, направленных на сокращение зависимости республики от экономики иностранных государств. В марте 2019 г. при поддержке JICA в Таджикистане был проведен круглый стол, итогом которого стали политические рекомендации, направленные на сокращение бедности в стране и придание импульса развитию национальной экономики⁹⁶².

Таджикистан предпринимает попытки найти на своей территории залежи нефти и газа с целью преодолеть углеводородную зависимость от иностранных государств. Импортируемый природный газ из Узбекистана идёт на обеспечение более двадцати предприятий в Таджикистане. В области разведки новых месторождений Таджикистану помогает Россия. Еще в мае в 2003 г. между российским «Газпромом» и Таджикистаном было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли на 25 лет. В соответствии с соглашением «Газпром» получил право на следующую деятельность в республике: разведку, разработку и эксплуатацию месторождений; обустройство месторождений; строительство, реконструкцию и эксплуатацию газопроводов и других объектов инфраструктуры газового комплекса республики; переработку, транспортировку и реализацию газа при осуществлении совместных проектов⁹⁶³. В 2008 г. между сторонами подписано Соглашение об общих принципах проведения геологического изучения недр. На современном этапе Россия ведет геологоразведочные работы в Сарыкамыше и Западном Шохамбары.

⁹⁶² Объем денежных переводов мигрантов составляет почти 40% ВВП Таджикистана, что делает экономику уязвимой [Электронный ресурс]. URL: <https://novosti.tj/novosti-tadzhikistana/obem-denezhnyh-perevodov-migrantov-sostavlyayet-pochti-40-vvp-tadzhikistana-cto-delaet-ekonomiku-uyazvimoj-jica.html> (дата обращения: 5.01.2021).

⁹⁶³ Об итогах визита Алексея Миллера в Республику Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2003/may/article54399/> (дата обращения: 5.01.2021).

Таджикистан является активным участником интеграционных объединений, в которых ключевым элементом выступает Россия: СНГ, ОДКБ. С 2000 г. был участником ЕврАзЭС. Однако до сих пор Таджикистан так и не присоединился к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Самым главным преимуществом от присоединения республики к ЕАЭС могло бы стать трудоустройство таджикских мигрантов в России по упрощенным правилам. Население Таджикистана поддерживает вступление республики в союз, в то время как властные структуры и представители бизнес-элиты не заинтересованы в присоединении. По мнению таджикского эксперта Ш. Хакимова, некоторые представители политической элиты республики держат под контролем теневую экономику и не стремятся к интеграции. Также эксперт подчеркивает, что «иностранные гранты и кредиты являются рычагами воздействия на республику, с тем чтобы Таджикистан воздержался от интеграции»⁹⁶⁴.

Для России сотрудничество с Таджикистаном имеет большое значение. При этом Москва не имеет эффективных рычагов влияния на республику, за исключением, пожалуй, миграционного вопроса. Позиции России в этой республике слабее по сравнению с другими геополитическими игроками, особенно Китаем. Внутриполитические проблемы Таджикистана мотивируют власти страны на поиск выгодных внешнеполитических партнеров, которые имеют широкие возможности предоставить республике финансовую помощь. Именно из этих соображений, по большей части формируется внешняя многовекторная политика Таджикистана.

Туркменистан. Россия и Туркменистан установили дипломатические отношения 8 апреля 1992 г. Первым документом, заложившим основу двустороннего взаимодействия, стал Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный 31 июля 1992 г. В начале нового столетия Договор 1992 г. был дополнен новым документом, разработанным с учетом новых международно-

⁹⁶⁴ Панфилова В. Таджикистан не спешит вступать в Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1472198820> (дата обращения: 7.01.2021).

политических реалий. Новый Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Туркменистаном, подписанный в Ашхабаде в апреле 2002 г., включал все сферы двустороннего взаимодействия – политику, экономику, культуру, образование. Во время подписания документа президент Туркменистана С. Ниязов поблагодарил президента России В. Путина за стремление строить с Ашхабадом доверительный и равноправный диалог⁹⁶⁵. На современном этапе договорно-правовую базу двустороннего сотрудничества формирует пакет из 180 документов межгосударственного, межправительственного, межведомственного уровней⁹⁶⁶.

В силу своего нейтрального статуса Туркменистан не принимает участие в различных интеграционных объединениях в Евразии, за исключением СНГ, в котором республика имеет статус ассоциированного члена. В СНГ Ашхабад стремится продвигать повестку дня по вопросам укрепления гуманитарного сотрудничества между государствами-участниками.

Учитывая, что экономика Туркменистана строится преимущественно на экспорте углеводородов, власти республики формируют внешнеполитические ориентиры с опорой на этот национальный приоритет. Для республики большую роль играет сотрудничество с теми государствами, которые обладают желанием и возможностями экспортировать туркменские углеводороды. С целью поддерживать устойчивое экономическое развитие внутри страны Ашхабад ищет выгодных внешнеполитических партнеров для сотрудничества в области энергетики.

Газовая отрасль является приоритетным и взаимовыгодным направлением сотрудничества в российско-туркменских отношениях. Правовую основу газового сотрудничества между двумя странами заложило Соглашение, подписанное в апреле 2003 г. В соответствии с этим соглашением

⁹⁶⁵ Дружбу за коня? Москва и Ашхабад заключили новый договор о "дружбе и сотрудничестве". Путину подарили ахалтекинца [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019592120> (дата обращения: 7.01.2021).

⁹⁶⁶ Ниязалиев Б. Туркменистан и Россия: по пути стратегического партнерства [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1855> (дата обращения: 5.01.2021).

стороны обязались создать все необходимые условия для долгосрочного сотрудничества в газовой отрасли. Большие надежды Россия возлагала на официальный визит президента Туркменистана Г. Бердымухамедова в Москву в марте 2009 г., надеясь достичь соглашения о снятии визового режима между двумя странами. По итогам встречи удалось подписать между правительствами двух стран следующие документы: Соглашение о взаимном признании документов об образовании, Соглашение о сотрудничестве между ФСБ России и Государственной пограничной службой Туркменистана, Соглашение об организации прямого железнодорожного и паромного сообщения через порты Махачкалы, Астраханского воднотранспортного узла и Туркменбаши. Также было сделано Совместное заявление президентов двух государств с акцентом на взаимодействие в сфере экономики и гуманитарного сотрудничества. С этого момента отмечалось, что отношения между Россией и Туркменистаном стали носить «прочный дружественный характер»⁹⁶⁷.

Мировой финансово-экономический кризис внес свои коррективы в российско-туркменские отношения. Кризис 2008 г. очень серьезно снизил стоимость на углеводороды на мировом рынке, и Россия вынуждена была сократить импорт газа из Туркменистана, а также подняла вопрос о снижении цены. Однако туркменские власти отказались от пересмотра закупочной цены на газ. С апреля 2009 г. стали резко обостряться отношения между двумя странами из-за аварии на газопроводе «Средняя Азия-Центр», в которой Ашхабад обвинил Россию. После этого инцидента «Газпром» снизил закупки туркменского голубого топлива, а Ашхабад сориентировался на поиске альтернативных маршрутов экспорта углеводородов. Результатом этого поиска стало укрепление энергетического сотрудничества с Китаем и Ираном в противовес России.

⁹⁶⁷ Хайбуллин Т.Р. Эволюция российско-туркменских отношений в 2007-2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/evolyucziya-rossijsko-turkmenskih-otnoshenij-v-2007-2019-gg-9013> (дата обращения: 8.01.2021).

Отношения между Россией и Туркменистаном вступили в фазу кризиса в 2016 г., когда обе стороны не смогли в очередной раз договориться о закупочной цене на газ. На тот момент «Газпром» импортировал туркменский газ в объеме 10 млрд. куб., но из-за резкого падения цен в Европе и наличия собственных добычных мощностей туркменское голубое топливо в таких объемах стало не нужно⁹⁶⁸. В итоге «Газпром» принял решение разорвать газовый контракт с Туркменистаном. В ответ Ашхабад заявил об отказе укреплять военное сотрудничество с Россией. Прекращение «Газпромом» закупок туркменского газа негативно отразилось на туркменской экономике, так как продажа голубого топлива России даже 4 млрд. куб. м. в год приносили Ашхабаду 1 млрд. долл⁹⁶⁹.

В 2019 г. «Газпром» вернулся на туркменский газовый рынок и заключил пятилетний контракт на импорт 5,5 млрд. куб. газа. Для Туркменистана возврат «Газпрома» был очень важен по двум основным причинам: во-первых, открылась возможность уравновесить китайский экспорт туркменского сырья; во-вторых, получить наличные деньги и пополнить государственный бюджет. Как известно, Россия оплачивает импорт туркменского газа ликвидными валютными средствами, в то время как газовые поставки в Китай идут на покрытие долговых обязательств Туркменистана⁹⁷⁰.

Несколько лет проблема двойного гражданства вносила напряженность в отношения между Россией и Туркменистаном. В 2003 г. власти Туркменистана в одностороннем порядке заявили о прекращении действия Соглашения, подписанного между двумя сторонами об урегулировании вопросов двойного гражданства в 1993 г. в Ашхабаде. В 2004 г. власти республики продолжили политику выдавливания русскоязычного

⁹⁶⁸ Мордюшенко О. «Газпром» возвращается в Туркмению [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2019/07/gazprom-vozvrahsya-v-turkmeniyu/> (дата обращения: 8.01.2021).

⁹⁶⁹ Панфилова В. "Газпром" может вернуться в Туркменистан [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-07-30/5_7277_turkmenia.html (дата обращения: 10.01.2021).

⁹⁷⁰ Белухин Н. Туркменистан в газовом плену геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-belukhin/turkmenistan-v-gazovom-plenu-geopolitiki/> (дата обращения: 10.01.2021).

населения, объявив незаконными дипломы зарубежных вузов, полученные после 1993 г.⁹⁷¹. Такое решение туркменских властей привело к массовому оттоку русскоязычного населения, преимущественно занятого в сфере здравоохранения и образования. С целью эффективного решения вопроса с бипатридами была создана российско-туркменская межправительственная комиссия. В 2015 г. российско-туркменское межправительственное соглашение об урегулировании вопросов двойного гражданства прекратило свое действие, и граждан, проживающих в Туркмении с двойными паспортами, призвали сделать выбор между гражданством России и Туркмении.

На современном этапе российско-туркменские отношения носят прогрессивный характер. В 2017 г. по итогам официального визита В. Путина в Ашхабад между Россией и Туркменистаном были подписаны соглашение о стратегическом партнерстве и солидный пакет документов о сотрудничестве в сфере экономики, сельского хозяйства, промышленности, культуре. Инициатором данной встречи стал президент Туркменистана Г. Бердымухамедов, который стремится уравновесить растущую зависимость республики от Китая укреплением сотрудничества на российском направлении внешней политики.

Для России Туркменистан является одним из важных торгово-экономических партнеров. С 2017 г. наметилась положительная динамика в двустороннем экономическом сотрудничестве. Например, по итогам 2019 г. двусторонний товарооборот между странами увеличился на 50% по сравнению с 2018 г. и достиг 695 млн. долл. без учета суммы от продажи газа⁹⁷². Вместе с продажей голубого топлива объем торговли составил около 1 млрд. долл. Россия импортирует из Туркменистана следующие товары: химическую продукцию, транспорт, техническое оборудование, сельхоз

⁹⁷¹ Паспорта объявлены вне закона [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2005/05/19/turkmeniya.html> (дата обращения: 10.01.2021).

⁹⁷² Почти на миллиард долларов наторговала Россия с Туркменией в 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ati.su/news/2020/06/12/pochti-na-milliard-dollarov-natorgovala-rossiya-s-turkmeniy-v-2019-godu-043100/> (дата обращения: 12.01.2021).

продукты и сырье⁹⁷³. В структуре экспорта России в Туркменистан ведущие позиции занимают машинное и техническое оборудование, транспорт, продукция химической промышленности, продовольственные товары.

Россию беспокоит стремление Туркменистана диверсифицировать маршруты экспорта своего сырья посредством участия в проектах, активно продвигаемых в Центральной Азии странами коллективного Запада. В свою очередь, ЕС пытается преодолеть свою зависимость от экспорта сырья из России посредством получения доступа к энергоресурсам республики. На современном этапе страны Запада пытаются навязать Туркменистану проект Транскаспийского газопровода (ТКГП) в качестве приоритетного маршрута экспорта газа⁹⁷⁴. В случае реализации данного проекта Туркменистан сможет поставлять в Европу до 30 млрд. куб. газа. Власти республики заинтересованы в проекте и ведут интенсивные переговоры с ЕС о строительстве ТКГП. Однако одним из основных факторов, препятствующих реализации данного проекта, является необходимость получения согласия стран-участниц Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Россия выступает против строительства ТКГП, подчеркивая экологическую угрозу Каспийскому морю, которую несет в себе данный проект.

Еще одним значимым инфраструктурным проектом для Туркменистана является проект по строительству трубопровода «Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия» (ТАПИ). В декабре 2015 г. был дан старт строительству туркменского участка ТАПИ. В рамках стратегии диверсификации экспортных маршрутов природного газа проект ТАПИ позволили бы Туркменистану снизить зависимость от Китая и России. Руководство республики пригласило Россию принять участие в этом проекте, продемонстрировав желание развивать более тесное сотрудничество с

⁹⁷³ Кузьмина В.М., Тимченко В.М., Наумик В.А. Динамика экспортно-импортных операций России со странами СНГ за 2017-2019 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 3. С. 44.

⁹⁷⁴ Чумаков Д. Перспективы Транскаспийского газопровода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 47.

северным соседом в области энергетики. В 2020 г. Россия уже начала поставлять трубы и оборудование для этого проекта⁹⁷⁵.

По сравнению с другими странами Центральной Азии в Туркменистане фактически целенаправленно «выдавили» русский язык из языкового пространства республики. В соответствии с экспертными оценками и статистическими данными в Туркменистане около 82% населения не знают русского языка, а 18% владеют русским языком в той или иной степени (преимущественно старшее поколение, которое выросло в позднесоветское время)⁹⁷⁶. На современном этапе среди туркменского населения прослеживается интерес к изучению русского языка, что связано с его практикоориентированностью⁹⁷⁷. Население республики осознает, что русский язык является фактором получения качественного образования.

Несмотря на дружественную атмосферу, которая сложилась в российско-туркменских отношениях на современном этапе, позиции России в Туркменистане довольно слабы. Влияние Москвы в Туркменистане ограничивается растущим присутствием Китая, последний закрепил за собой статус ведущего энергетического и инвестиционного партнера республики.

Таким образом, после распада СССР Россия продолжает оставаться важным фактором во внешней политике стран Центральной Азии. Со всеми государствами региона Россия вывела отношения на уровень стратегического партнерства, о чем свидетельствует солидная нормативно-правовая база, которая постоянно расширяется и наполняется новым содержанием, и сложившиеся формы институционального взаимодействия. Такой уровень сотрудничества со странами региона открывает перед Россией широкие возможности, которые на фоне резкой региональной геополитической

⁹⁷⁵ Алексеев А. Россия – Туркменистан: стратегических цепочек партнерства всё больше [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritleurasia.org/news--2020-06-23--rossija-turkmenistan-strategicheskikh-cepochek-partnerstva-vse-bolshe-49608> (дата обращения: 12.01.2021).

⁹⁷⁶ Что известно о русском языке в Туркменистане? [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/chto-izvestno-o-russkom-yazyke-v-turkmenistane/> (дата обращения: 13.01.2021).

⁹⁷⁷ Там же.

активности стран Запада и Китая, представляются крайне важными для максимального использования.

Несмотря на все разногласия, Россия и страны региона стремятся к налаживанию более тесных двусторонних связей во всех возможных сферах. Также межгосударственное сотрудничество расширяется и укрепляется по линии евразийских интеграционных структур. В условиях трансформации всей системы международных отношений и на фоне антироссийской конфронтационной стратегии, которой придерживаются страны коллективного Запада, России следует уделять больше внимания региону и уверенно продвигать интеграционные модели взаимодействия. В торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах лежит будущее отношений между Россией и странами Центральной Азии.

5.3. «Привилегированные» отношения между Россией и Киргизией

Взаимодействие России и Киргизии имеет давнюю историю. Об этом свидетельствуют исторические хроники, в которых отмечается первое переселение енисейских киргизов на территорию России в 1757 г. и их принятие в вечное подданство⁹⁷⁸. В 1775 г. тянь-шанские киргизы отправили свое посольство к Екатерине II также с просьбой принять их в подданство⁹⁷⁹. С этого момента началось развитие киргизско-российских дипломатических связей.

1991 г. открыл новую страницу в истории отношений между Россией и Киргизией. С первых дней суверенного развития, сопровождающегося для обоих государств болезненным переходом к новой модели общественно-политического развития, стал прослеживаться особый характер российско-киргизских отношений. Свой первый официальный визит в качестве президента России Б. Ельцин совершил в Киргизию еще 21 июля 1991 г. по

⁹⁷⁸ Хрестоматия по истории дипломатии Киргизстана / Сост. В. Воропаева, Р. Кемелбаев, В. Мальнева. Бишкек: Илим, 2007. С. 162.

⁹⁷⁹ Там же.

приглашению киргизской стороны. Тогда, между двумя сторонами был подписан договор «Об основах межгосударственных отношений РСФСР и Республики Киргизстан». По мнению первого президента Киргизии А.Акаева, страна связывала свои надежды на будущее благополучное развитие именно с Россией⁹⁸⁰.

После распада СССР в условиях постимперской реальности Россия и Киргизия, связанные историческими, культурными и экономическими связями, начали по-новому выстраивать двусторонние отношения. 20 марта 1992 г. между Россией и Киргизией были установлены дипломатические отношения. Первым документом, заложившим правовую базу двусторонних отношений, стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В сложный период в истории развития Киргизии Россия оказала республике многогранную поддержку в виде кредитов и займов, часть из которых была выделена на безвозмездной основе. Так, в 1993 г. Россия выделила республике товарный кредит в размере 22 млн. долл.⁹⁸¹. В мае 1994 г. в рамках гуманитарной помощи руководство Киргизии получило от России 500 млн. рублей⁹⁸².

Прослеживалось стремление двух государств к укреплению и расширению двустороннего сотрудничества. Этому способствовало ряд факторов⁹⁸³: во-первых, большая часть киргизской политической и военной элиты, представителей бизнеса получила советское образование и была достаточно близка по своему мировоззрению российской элите; во-вторых, значительная часть населения страны сохранила знание русского языка и русской культуры; в-третьих, между двумя странами не существовало территориальных, политических и религиозных споров.

⁹⁸⁰ Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М.: Международные отношения, 2004. С. 315.

⁹⁸¹ Россия – Кыргызстан. Этапы стратегического партнерства: от истоков до суверенитета: Сб. док. И материалов / Сост. А.Б. Бедельбаев, В.А. Воропаева, А.А. Карымсакова и др. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011. С. 18.

⁹⁸² Там же.

⁹⁸³ Власов В.С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Киргизской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. С. 44-45.

В постсоветской истории двух стран первый официальный визит президента Киргизии А. Акаева в Россию состоялся 26 марта 1996 г. Этот исторический визит подвел итоги первых лет независимого сотрудничества между двумя странами. В ходе визита были подписаны следующие нормативно-правовые документы: 1) Декларация о расширении и углублении российско-киргизского сотрудничества; 2) Соглашение по вопросам юрисдикции по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Киргизстана; 3) Соглашение о порядке и условиях распространения российских телерадиовещательных организаций на территории Киргизской Республики⁹⁸⁴.

Руководство обоих государств понимало, как важно было сохранять и развивать двусторонние экономические связи. Желание преодолеть социально-экономические проблемы стимулировало руководство Киргизии вступить в Таможенный союз 29 марта 1996 г. В рамках углубления двустороннего сотрудничества между Россией и Киргизией в 1999 г. была создана Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству.

Тесно развивалось российско-киргизское сотрудничество в сфере безопасности, которое опиралось на следующую договорно-правовую базу: Соглашение о порядке использования российских военных объектов на территории Киргизии и статусе военнослужащих Вооруженных Сил России и Киргизии от 5 июля 1993 г.⁹⁸⁵ и Договор о сотрудничестве в военной сфере, подписанный в том же году⁹⁸⁶. Российские пограничники находились в Киргизии до 1999 г., пока в республике не было создано своих собственных пограничных войск. Однако и после этого Россия и Киргизия продолжали

⁹⁸⁴ Рудов Г. Нам суждено жить вечно в дружбе: Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. / Отв. ред. академик В. Плоских. Москва; Бишкек: Илим, 2002. С. 32.

⁹⁸⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о порядке использования российских военных объектов на территории Кыргызской Республики и статусе военнослужащих Вооруженных Сил РФ в КР от 5 июля 1993 г./ Власов В. С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Кыргызской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. С. 207-213.

⁹⁸⁶ Договор между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 г. / Власов В. С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Кыргызской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. С. 214-216.

пограничное сотрудничество в соответствии с Соглашением от 17 июля 1999 г.⁹⁸⁷. По этому соглашению создавалась Оперативная группа ФПС России «с целью координации сотрудничества по пограничным вопросам и оказания помощи в охране государственной границы Кыргызской Республики»⁹⁸⁸.

Руководство Киргизии проявляло интерес к участию в многосторонних форматах сотрудничества, в которых центральная роль отводилась России. Киргизия стала участницей таких евразийских многосторонних интеграционных структур, как СНГ, ОДКБ, ШОС. Интересно, что и общественность в Киргизии поддерживала присоединение республики к интеграционным проектам. Так, в 90-е г. с большим воодушевлением восприняла киргизская общественность решение об образовании Союза Белоруссии и России. На этом фоне было даже сформировано общественное движение «За присоединение Киргизстана к Союзу Белоруссии и России», куда вошли известные политические деятели республики⁹⁸⁹.

В XXI в. Россия и Киргизия вступили союзниками, что подтверждала Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве, подписанная 27 июля 2000 г. Новый век открывал очередную страницу в истории российско-киргизских отношений, а также стал периодом серьезных испытаний в условиях развернувшейся геополитической борьбы в Центральной Азии.

Ответом на военно-политическую экспансию США в Центральной Азии после событий 11 сентября 2001 г. и особенно на фоне стремления Вашингтона сделать Киргизию форпостом американских интересов в регионе стимулировали Россию на более активные и уверенные действия. 20 августа 2002 г. США разработали специальный доклад Госдепартамента в отношении Киргизии, согласно которому республика становилась объектом первоочередного внимания Бюро по вопросам демократии, прав человека и

⁹⁸⁷ Соглашение между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о сотрудничестве по пограничным вопросам от 17 июля 1999 г. / Власов В. С. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Кыргызской Республики: предпосылки и основные направления. Бишкек, 2012. С. 256-263.

⁹⁸⁸ Там же.

⁹⁸⁹ Рудов Г. Нам суждено жить вечно в дружбе: Документальные страницы российско-киргизских отношений на рубеже веков. / Отв. ред. академик В. Плоских. Москва; Бишкек: Илим, 2002. С. 37.

труда⁹⁹⁰. Растущее американское влияние в Киргизии настораживало Россию. В декабре 2002 г. президент России В. Путин совершил официальный визит в Киргизию с большой и представительной делегацией. В фокусе обсуждаемых тем были вопросы региональной безопасности и перспективы двустороннего сотрудничества. Этим визитом В. Путин продемонстрировал большую заинтересованность в сотрудничестве с Киргизией по вопросам обеспечения стабильности и безопасности в Центральной Азии.

Логическим итогом укрепляющегося киргизско-российского сотрудничества в сфере безопасности стало открытие российской военной базы в Киргизии в рамках ОДКБ. Это событие, во-первых, укрепило сотрудничество с Киргизией, во-вторых, расширило российское военное присутствие в Центральной Азии.

После смены власти в Киргизии в марте 2005 г. российское направление внешней политики продолжало оставаться для республики одним из приоритетных. Это доказывал визит нового президента Киргизии К. Бакиева в Москву в сентябре 2005 г. На встрече стороны обсуждали широкий круг вопросов двустороннего сотрудничества в сфере политики, экономики, безопасности, трудовой миграции, а также в гуманитарной области. Однако, учитывая сложную экономическую ситуацию в Киргизии, К. Бакиев сделал акцент на расширении экономического взаимодействия. Россия ответила на желание Киргизии углубить торгово-экономическое сотрудничество между странами и в марте 2006 г. открыла свое торговое представительство в Бишкеке. Рост торгово-экономического сотрудничества между двумя странами вывел Россию на первое место по объемам товарооборота среди внешнеэкономических партнеров Киргизии. Так, по итогам 2007 г.

⁹⁹⁰ Убийство демократии: операции ЦРУ и пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. С. 298.

товарооборот между Киргизией и Россией вырос в полтора раза и составил 1,2 млрд. долл.⁹⁹¹.

Временное правительство, пришедшее к власти в республике в 2010 г., продолжало взаимодействовать с Россией в дружественной атмосфере. Россия признала новую власть в Киргизии и на официальном уровне выразила намерение оказать материальную помощь республике ввиду «особого характера отношений между двумя странами». Новые власти в Киргизии все больше связывали своё стабильное экономическое развитие с Россией. Так, в марте 2011 г. премьер-министр Киргизии А. Атамбаев, выступая на бишкекском форуме «Расширение межрегионального сотрудничества Киргизии и России как фактор обеспечения устойчивого развития экономики», подчеркнул, что российская помощь крайне важна для Киргизии в условиях экономического кризиса⁹⁹².

Россия разработала комфортные условия для плавного и с наименьшими потерями вхождения Киргизии в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС). Так, благодаря России, Киргизия присоединилась к ЕАЭС в 2015 г. на специальных переходных условиях⁹⁹³. С октября 2015 г. республика получала 1,9% от всех сумм ввозных таможенных пошлин ЕАЭС, что значительно превосходило ее экономический вес в этой интеграционной структуре⁹⁹⁴.

На более высокий уровень сотрудничества Россия и Кыргызстан вышли 19 июня 2017 г., подписав Декларацию об укреплении союзничества и стратегического партнерства. На современном этапе между Россией и Киргизией заключено более 352 договоров и соглашений, регулирующих те или иные стороны сотрудничества.

⁹⁹¹ Джекшенкулов А. Россия-Кыргызстан: этапы развития межгосударственных отношений и их перспективы / Центральная Азия: внешний взгляд / Пер. Р. Султанов. Бишкек: Фонд им. Ф. Эберта. 2008. С. 283.

⁹⁹² ИONOBA E. Ситуация в Киргизии и перспективы российско-киргизских отношений // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 75.

⁹⁹³ Крутько А.А. Внешняя политика современной России: евразийские приоритеты. Бишкек: КРСУ, 2019. С. 191-192.

⁹⁹⁴ Там же. С 192.

Россия и Киргизия развивают взаимодействие в различных сферах - от экономического взаимодействия до вопросов обеспечения безопасности. Одним из главных факторов, обеспечивающих благоприятную и доверительную атмосферу двусторонних отношений, является общее историческое прошлое и тесные культурные связи. Однако нередко общее историческое прошлое подвергается ревизии, а некогда сформированные общие культурные связи становятся менее крепкими.

Учитывая, что Киргизия пережила три государственных переворота, ее внешнюю политику можно охарактеризовать как непредсказуемую. Постоянные региональные столкновения негативно влияют не только на общественно-политическую обстановку в стране, но и на внешнеполитическую ориентацию⁹⁹⁵. Хотя курс на следование принципам многовекторности во внешней политике сохраняется, однако каждый новый президент Киргизии по-новому расставляет внешнеполитические акценты. Между тем позиция России в отношении внутривнутриполитических кризисов в Киргизии всегда однозначная: не допустить дестабилизации обстановки в республике.

Так же как и в Таджикистане, Россия имеет в Киргизии военную базу, дислоцированную в г. Кант. Помимо этого в республике размещено еще три российских военных объекта: база подводных испытаний оружия в г. Каракол, центр военной связи в г. Кара-Балта и радиосейсмическая лаборатория в г. Майлуу-Суу. За авиабазу в г. Кант Россия не платит аренду, т.к. этот объект действует в рамках ОДКБ. Однако за три другие военные базы Россия выплачивала аренду в размере 4,5 млн. долл. в год. С 2014 г. власти Киргизии заявили о намерении поднять арендную плату за эти военные объекты. Эксперты, подчеркивали, что такое решение киргизских

⁹⁹⁵ Казанцев А. Отношения независимой Киргизии и России: настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-nezavisimoy-kirgizii-i-rossii-nastoyashchee-i-bu/> (дата обращения: 17.01.2021).

властей больше было обусловлено коммерческими, а не геополитическими мотивами⁹⁹⁶.

Россия является для Киргизии важным торгово-экономическим и инвестиционным партнером. По итогам 2019 г. объем торговли между двумя странами составил 1,86 млрд. долларов. Между тем за этот же период товарооборот между Китаем и Киргизией достиг 2 млрд. долл. Россия экспортирует в Киргизию следующие категории товаров: минеральные продукты, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, металлы и изделия из них, продукцию химической промышленности. Киргизия поставляет в Россию металлы и изделия из них, текстильные товары, продукты питания, драгоценные металлы и камни. По итогам 2018 г. объем российских инвестиций в экономику Киргизии составил 150 млн. долл. За этот же период китайские инвестиции составили 245,6 млн. долл. Таким образом, Россия уступает Китаю в торговле и по количеству инвестиций в киргизскую экономику.

На беспошлинной основе Россия поставляет нефтепродукты в Киргизию. При этом потребности Киргизии в нефтепродуктах на 90 % покрываются за счет поставок из России и Казахстана⁹⁹⁷. В республике действуют такие известные российские компании, как «Газпром», «Роснефть», РЖД, «Росатом», «Билайн». В 2014 г. «Газпром» приобрел за 1 доллар национальную газораспределительную компанию ОАО «Киргизгаз». За период с 2014 г. по 2020 г. «Газпром» вложил 24,3 млрд. рублей в расширение и модернизацию газовой инфраструктуры республики⁹⁹⁸.

Учитывая серьезные социально-экономические трудности Киргизии, руководство России приняло решение о списании всего внешнего долга страны. Еще в 2012 г. между Россией и Киргизией было подписано

⁹⁹⁶ Таджикистан требует от РФ платить \$250 млн в год за военную базу [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1342070460> (дата обращения: 17.01.2021).

⁹⁹⁷ Москва согласовала объемы беспошлинных поставок ГСМ из России в Киргизию [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2798032.html> (дата обращения: 24.01.2021).

⁹⁹⁸ Газпром вложил в развитие газовых сетей Киргизии свыше \$331 млн. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3170867.html> (дата обращения: 24.01.2021).

межправительственное соглашение о постепенном списании задолженности Киргизии перед Россией в размере 500 млн. долл. Одна часть долга в размере 188,9 млн. долл. была списана сразу после вступления в силу данного соглашения, а остальную часть планировалось списать до 2025 г. В 2018 г. президент России В. Путин ратифицировал протокол к Соглашению об урегулировании государственной задолженности Киргизии перед Россией, означавший окончательное списание оставшейся части долга. Помимо этого Россия выделяет гранты Киргизии на реализацию экономических и социальных проектов. В 2012 г., когда Киргизия столкнулась с угрозой роста дефицита бюджета, Россия выделила республике грант на безвозмездной основе в размере 25 млн. долл. Для плавного вхождения в ЕАЭС Россия предоставила республике грант в размере 700 млн. долл., из которых 200 млн. долл. было направлено на адаптацию киргизской экономики к ЕАЭС, а 500 млн. долл. - в специально созданный российско-киргизский фонд развития.

Россия оказывает республике помощь на безвозмездной основе. В этой связи целесообразно процитировать оценку того вклада, который внесла Россия в развитие Киргизии за годы независимости. Так, заслуженный экономист КР Ж. Акенеев отмечал, что «Россия за последние 27 лет «влила» в Киргизию, по разным данным, миллиарды долларов. Это как прямые вложения, безвозмездная помощь, так и косвенные – поставки ГСМ, работа «Газпрома», оказание военной помощи, денежные переводы трудовых мигрантов. Россия – единственная из кредиторов республики списала задолженность в размере нескольких сотен миллионов долларов... Причем взамен РФ ничего не требует и тем более не выдвигает каких-либо политических требований»⁹⁹⁹.

Гидроэнергетическая сфера могла бы стать перспективным направлением российско-киргизских отношений. Еще в 2004 г. стороны подписали меморандум «О совместных действиях по подготовке к

⁹⁹⁹ Сотрудничество России и Киргизии нуждается в четкой стратегии и активности. Российская газета. 26 апреля 2018. № 90 (7553).

реализации проекта по завершению строительства Камбаратинских ГЭС-1- и ГЭС-2»¹⁰⁰⁰. В перспективе планировалось подписать межправительственное Соглашение о стратегическом партнерстве в области электроэнергетики¹⁰⁰¹. В соответствии с межправительственным соглашением, подписанным в 2012 г. между двумя странами, российская компания «РусГидро» планировала реализовать в республике проект «Верхне-Нарынский каскад ГЭС», включающий строительство четырех ГЭС на реке Нарын. Однако по инициативе Киргизии, власти которой согласовали свое решение с Россией, все имеющиеся договоренности были свернуты в 2015 г. Данный проект потребовал значительных финансовых затрат, что в условиях экономического кризиса стало обременительным для России. Кроме того, Россия старалась очень осторожно подходить к участию в энергетических проектах в регионе, не желая портить отношения ни с одним из государств: борьба за водные ресурсы в Центральной Азии не может не внушать тревогу, поскольку усиливает региональную напряженность.

Так же как и в других странах Центральной Азии, в Киргизии после распада СССР наметилась тенденция пересмотра и переоценки некоторых страниц истории досоветского и советского периодов. Например, согласно указу экс-президента А. Атамбаева, изданного 26 октября 2017 г., ответственность за восстание в Киргизии в 1916 г. возлагается на царскую Россию. Согласно этому же указу был отменен День Великой Октябрьской социалистической революции и введен День истории и памяти предков. Таким образом, 7 -8 ноября считаются выходными днями, посвященными памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 г. и жертв политических репрессий. Также согласно указу было рекомендовано переименовать Пик Ленина в Пик Манаса. В республике уже давно принято решение придать забвению все советские названия географических объектов, городов, поселков, улиц. Однако, следует подчеркнуть, что в Киргизии

¹⁰⁰⁰ Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восток-Запад, 2011. С. 171.

¹⁰⁰¹ Там же.

большинство ученых склонны признавать положительное влияние, которое оказала Россия на Киргизию в составе СССР. Так, научный сотрудник Института истории и культурного наследия Национальной академии наук Киргизии Э. Т. Джороев подчеркивает: «Выдающиеся достижения кыргызского народа во всех сферах жизни стали возможны только в результате установления в стране Советской власти»¹⁰⁰².

В республике заметно усилились националистические настроения, особенно на фоне участия Киргизии в евразийской интеграции. Прослеживается желание руководства страны лишить русский язык статуса официального.

Вместе с тем в Киргизии, так же как и в Казахстане, большую дань уважения отдают памяти общей победе в Великой Отечественной войне. Ежегодно 9 мая в республике проходит мероприятие «Бессмертный полк», которое получило широкую популярность среди населения. В других же республиках Центральной Азии к этой акции относятся неоднозначно. В Таджикистане наблюдаются колебания в позиции властей по этому вопросу: это мероприятие то отменяют, то официально разрешают. При этом население Таджикистана свято чтит память о вкладе советского народа в победу над фашизмом¹⁰⁰³. В Узбекистане с 2017 г. марш «Бессмертного полка» отменили.

За укреплением позиций России в Киргизии пристально следят другие геополитические конкуренты и стремятся подорвать российское влияние. Сближение в российско-киргизских отношениях воспринимается очень эмоционально. Например, еще в 2014 г. посол США в Киргизии П. Спратлен в своей статье отмечала: «Столкнувшись с океаном внутренних и внешних вызовов, президент Алмазбек Атамбаев сформировал тесные партнерские

¹⁰⁰² Великая октябрьская Социалистическая революция и становление кыргызской государственности. Бишкек: «Турар», 2015. С. 88.

¹⁰⁰³ Ким Е. «Должны помнить!»: Как в Таджикистане встречают День Победы? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2625718.html> (дата обращения: 26.01.2021).

отношения с российским президентом Владимиром Путиным...»¹⁰⁰⁴. Совершенно бездоказательно П. Спратлен подчеркнула, что сближение Киргизии с Россией негативно влияет на демократизацию республики. Алармизм, овладевший официальными политиками США, явно был следствием расширения российско-киргизского сотрудничества.

Толчком для дальнейшего поступательного развития российско-киргизских отношений стал визит президента России В. Путина в Бишкек 28 марта 2019 г. В ходе встречи было подписано 17 соглашений на общую сумму 6 млрд. долл. На безвозмездной основе Россия вновь выделила республике финансовую помощь в размере 30 млн. долл. Стороны договорились углублять торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество. Были достигнуты договоренности об усилении российской военной базы в Канте еще одним звеном истребителей. Важным событием для Киргизии, бюджет которой на третью часть формируется за счет денежных переводов мигрантов из России, стало решение российского руководства провести миграционную амнистию. Данный визит с его высокой степенью результативности без преувеличения внес существенный вклад в развитие стратегического партнерства и союзничества между Россией и Киргизией.

Россия оказала Киргизии незаменимую поддержку в разгар пандемии COVID-19, поставив в республику 200 тыс. тест-систем для диагностики коронавируса, 31 аппарат искусственной вентиляции легких, 500 тыс. хирургических масок и другие медицинские материалы. Для оказания консультативной помощи в борьбе с пандемией в Киргизию были направлены из России 50 врачей.

Понимая важность укрепления отношений с Россией, новый президент страны, С. Жапаров, пришедший к власти после государственного переворота в октябре 2020 г., совершил свой первый визит в Москву в феврале 2021 г.

¹⁰⁰⁴ Посол США: Партнерство с Россией мешает развитию демократии в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1862430.html> (дата обращения: 27.01.2021).

Для Киргизии этот визит был очень важен по двум основным причинам: во-первых, стремлением усилить внутреннюю легитимность нового президента за счет внешней поддержки; во-вторых, возможностью заручиться финансовой поддержкой России для решения внутренних экономических проблем в республике в период пандемии COVID-19. Это событие получило широкое освещение в медийном пространстве, его также активно обсуждали в экспертных кругах двух стран. В рамках встречи были подписаны четыре стратегических документа: межправительственное Соглашение об оказании Россией технической помощи Киргизии в создании системы маркировки товаров средствами идентификации; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности; Меморандум о сотрудничестве в области поставок сельхозпродукции; Программа развития стратегического партнерства России и Киргизии в военной области на период с 2021 по 2025 г.

Другим важным событием, определяющим высокий уровень российско-киргизских отношений, стало заявление президента России В. Путина, который охарактеризовал двусторонние отношения как «привилегированные». В условиях формирования полицентричной системы международных отношений власти России и Киргизии понимают, что данное сотрудничество отвечает национальным интересам обоих государств.

На встрече со своим российским коллегой президент Киргизии С. Жапаров выразил надежду на участие российских предпринимателей в реализации крупных инвестиционных проектов в республике. Киргизская сторона заинтересована в привлечении российских инвесторов к участию в таких проектах, как строительство Камбаратинской ГЭС-2, Суусамырского каскада, каскада Кировского водохранилища и альтернативной дороги Бишкек-Караганда, а также к реконструкции кольцевой дороги на озере

Иссык-Куль¹⁰⁰⁵. Однако для успешной реализации данных проектов российским инвесторам нужны гарантии, то есть наличие эффективной правовой системы. На встрече С. Жапаров заверил президента России, что правительство Киргизии в ближайшее время намерено принять пакет государственных гарантий зарубежным инвесторам. В целом визит президента С. Жапарова в Москву продемонстрировал, что Киргизия придает большое значение развитию двусторонних отношений с Россией. В очередной раз Россия выступила в качестве основного донора республики и выделила Киргизии на безвозмездной основе 623 млн. рублей.

В целом, можно выделить ряд индикаторов, в соответствии с которыми российско-киргизские отношения можно охарактеризовать как «привилегированные»: во-первых, после каждой смены власти во внешней политике Киргизии сохраняется курс на развитие дружественных отношений с Россией; во-вторых, в отличие от других государств региона в Киргизии русский язык по-прежнему имеет статус официального языка; в-третьих, в республике чтят общие с Россией исторические события, о чем свидетельствует организация ежегодных мероприятий, посвященных Дню Победы.

Таким образом, анализ российско-киргизских отношений на современном этапе доказывает высокую степень заинтересованности обеих сторон в развитии двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. Эти отношения носят стратегический характер и нацелены на долгосрочную перспективу. В советский период Россия сыграла решающую роль в становлении киргизской государственности и в постсоветский период продолжает принимать самое активное участие в развитии независимой республики. С момента обретения Киргизией независимости Россия оказывает республике существенную финансово-экономическую помощь в виде грантов и кредитов.

¹⁰⁰⁵ Садыр Жапаров привез в Москву обещания гарантий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704733> (дата обращения: 30.01.2021).

Выстраивание дружественных отношений с Киргизией является для России крайне важным по нескольким причинам: во-первых, в целях совместного поддержания региональной стабильности и безопасности; во-вторых, интерес к развитию экономического сотрудничества с республикой на основе взаимовыгодного сотрудничества; в-третьих, в целях защиты прав русскоязычного населения, проживающего в республике (около 300 тыс. человек); в-четвертых, не допустить превращения республики в плацдарм какой-либо глобальной или региональной державы. Учитывая высокий уровень экономической активности Китая в Киргизии, России следует действовать более решительно, расширяя механизмы инвестиционного и гуманитарного сотрудничества.

Перспективы развития российско-киргизских отношений будут во многом зависеть от тенденций во внутривнутриполитической жизни республики. Еще предстоит сделать многое, чтобы укрепить доверие к новому руководству, пришедшему к власти в январе 2021 г. При этом России необходимо стремиться поддерживать хорошие отношения с представителями всех элитных групп Киргизии. Однако разобщенность самих киргизских элит затрудняет процесс выработки единого подхода к этим отношениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного научного исследования можно прийти к следующим выводам:

1. На основе анализа российских и западных подходов к интерпретации понятия «Центральная Азия» выявлено отсутствие унифицированной трактовки данного термина. Пространство, которое сегодня отводится этому региону в политическом контексте, имеет более широкие географические контуры. Следовательно, искусственно сконструированное политическое понятие «Центральная Азия» после распада СССР не вбирает в себя всех тех особенностей, которые присущи данному политико-географическому пространству. Идейная наполненность термина «Центральная Азия» имела внутривнутриполитическое и внешнеполитическое измерения. Во-первых, ставилась задача – привлечь международное внимание к новому региону, преимущественно стран Запада. Во-вторых, символизировало начало процесса выстраивания региональных связей и формирования региональной идентичности. На современном этапе удалось выполнить только одну из этих двух стратегических задач – это сделать регион узнаваемым на международной арене. Что касается интеграции на уровне региона, то этот процесс еще не завершен в силу объективных и субъективных факторов. С одной стороны, между странами региона существует целый клубок нерешенных конфликтов и противоречий, с другой – на развитие региона большое влияние оказывают внешние факторы. В силу своих геополитических и геоэкономических особенностей понятие «Центральная Азия» подвергается ревизии, особенно со стороны стран Запада, пытающихся сконструировать географические границы региона в соответствии со своими стратегическими интересами.

2. На современном этапе происходит переформатирование основ того мирового порядка, который негласно стал формироваться после завершения холодной войны и в новых международно-политических реалиях пришел в упадок. Взяв на себя роль мирового жандарма, страны

коллективного Запада не справились с поддержанием мировой стратегической стабильности, а наоборот своими односторонними действиями и вмешательством в дела суверенных государств, сопровождающихся нарушением норм и принципов международного права, привели к глобальной и региональной нестабильности, отчетливо проявившейся в Ираке, Афганистане, Сирии, на Украине. Все больше государств стремятся играть более заметную роль в мировой политике, продвигая идею создания более справедливого мирового порядка, основанного на принципах полицентричности (Россия, Китай). В таких условиях, когда страны коллективного Запада, в первую очередь США, теряют свои лидирующие позиции в мире, происходит нарастание геополитической напряженности между ведущими державами мировой политики. Результатом этих глобальных трансформационных процессов станет изменение мировой конфигурации сил и формирование новой глобальной иерархии государств.

Формирующийся новый мировой порядок все яснее приобретает черты многополярности, о чем символизирует не только повышение глобального статуса региональных государств, но и в рамках процессов регионализации особая роль региональных блоков, объединенных общими экономическими, политическими и военными интересами. Среди них можно выделить евразийскую интеграцию как перспективную структуру в Евразии, которая уже стала привлекательным объединением для многих развивающихся государств, а в будущем имеет все шансы трансформироваться во влиятельного актора в многополярном мире.

В последние годы на фоне кардинального переустройства всей системы международных отношений усилилось геополитическое противоборство внерегиональных акторов в Центральной Азии. Становится очевидным, что расширение влияния в регионе сопровождается повышением статуса того или иного государства в глобальной иерархии. Центральная Азия представляет собой геополитический феномен в мировой политике, в котором

коррелируются вызовы и возможности. Параллельно со значимым географическим положением, богатыми природными ресурсами, расположением на пересечении мировых транспортно-коммуникационных путей это пространство имеет конфликтогенный потенциал в виде локальных и региональных проблем. В условиях кардинальной смены парадигмы мирового устройства эти конфликты могут перейти в стадию обострения. Та держава, которая будет господствовать в этой части Евразии, получит не только широкие преимущества, но и вынуждена будет выработать стратегию противодействия локальным и региональным вызовам и угрозам.

3. С учетом выгодного географического положения и в то же время в условиях стратегической уязвимости государства Центральной Азии, начиная с 90-х г. и по настоящее время, проводят активную внешнюю политику, которая концептуально опирается на принципы многовекторности. Курс, взятый странами Центральной Азии на проведение многовекторной внешней политики, был обусловлен слабым вниманием России к этому внешнеполитическому направлению. Невнимание и бездействие со стороны Москвы изменило характер отношений между Россией и странами Центральной Азии: последние все больше стали тяготеть к сотрудничеству со странами Запада.

При этом политика многовекторности у каждого государства региона представлена в разных формах: в Казахстане – это умелое выстраивание баланса между мировыми центрами силы, в Кыргызстане – дипломатия Шелкового пути, в Таджикистане – политика открытых дверей, в Узбекистане – приверженность статусу внеблокового государства, в Туркменистане – постоянный нейтралитет. Посредством проведения многовекторной внешней политики государства Центральной Азии реализуют три важные стратегические национальные задачи: 1) повышают свою значимость на мировой арене; 2) укрепляют независимость; 3) создают благоприятные условия для решения внутренних социально-экономических проблем. Однако по мере усиления геополитического соперничества некоторым странам

региона становится все труднее поддерживать баланс между внешними игроками.

4. В исторической ретроспективе показано, что Центральная Азия является важным направлением внешней политики США и пространством американских национальных интересов. За тридцать лет суверенного развития стран Центральной Азии внешнеполитические цели США на этом стратегическом направлении эволюционировали в соответствии с региональными геополитическими процессами. После распада СССР у США стала постепенно формироваться система региональных внешнеполитических приоритетов, которая включала ядерный вопрос, интерес к углеводородному сотрудничеству и оказание помощи национальным правящим элитам в их усилиях по строительству государственности на принципах либеральной демократии. В начале XXI в. к этим стратегическим целям добавились вопросы обеспечения региональной безопасности, которые успешно коррелировались с геополитическими задачами США в Центральной Азии. На фоне формирования полицентричного мирового порядка, сопровождающегося снижением американской глобальной гегемонии, США придали особый динамизм своей Центральноазиатской политике. Доказательством американской активности в регионе стали проекты (Большая Центральная Азия, Новый Шелковый путь), предложенные США национальным республикам в качестве новых форматов сотрудничества. Между тем эти геополитические проекты были нацелены на укрепление региональных позиций США и на сдерживание конкурентов в лице России и Китая. На современном этапе Вашингтон продолжает прилагать значительные усилия, направленные на расширение регионального геополитического влияния. Внешняя политика США на этом стратегическом внешнеполитическом направлении коррелируется с американской глобальной стратегией по укреплению мирового лидерства. На фоне геополитической и геоэкономической активности России и Китая в Центральной Азии США разработали комплексную Стратегию в отношении региона, где

подчеркивается интерес к Центральной Азии независимо от американской политики в Афганистане. В Стратегии прослеживается корреляция ценностного и прагматичного подходов в отношении политики США в регионе. Так, США позиционируют себя защитником суверенитета стран Центральной Азии и привлекательным экономическим партнером в противовес Москве и Пекину. В перспективе США продолжают выдавливать Россию и Китай из Центральной Азии и пытаются дискредитировать их региональную политику, используя различные инструменты и рычаги влияния.

5. С первых дней независимости стран Центральной Азии ЕС демонстрировал высокий уровень региональной дипломатической активности, продвигая либерально-демократическую модель в качестве основы для построения государственности в суверенных республиках. На постсоциалистическую модернизацию странам региона ЕС выделял значительные финансовые средства. В 90-е г. в своей внешней политике в регионе ЕС делал акцент на развитии двустороннего сотрудничества, в основе которого лежали Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, заключенные Брюсселем с каждой республикой. Фокус интересов ЕС, зависящего от импорта углеводородных ресурсов, формировался вокруг нефтегазового потенциала региона. Посредством продвижения своих энергетических проектов ЕС стремился перенаправить маршруты экспорта углеводородов из стран региона с российского направления в Европу. После терактов в США 11 сентября 2001 г. Брюссель серьезно озаботился проблемами Центральноазиатской безопасности, которые стали краеугольным камнем первого стратегического документа в отношении региона. Среди внерегиональных государств, участников геополитического соперничества в Центральной Азии, ЕС стал первым внешнеполитическим актором, разработавшим комплексную стратегию в отношении региона (2007-2013), содержащую ключевые направления сотрудничества. Благодаря Стратегии позиции ЕС в регионе значительно укрепились. В качестве основы

для полноценного партнерства с республиками Брюссель видел в ценностно-идеологическом аспекте. Именно эту мировоззренческую повестку ЕС все активнее продвигал в странах региона, где фактически авторитарные тенденции господствовали над демократическими принципами.

В рамках общих усилий, направленных на обеспечение региональной безопасности и стабильности, ЕС стремился принимать самое активное участие в развитии Центральной Азии, оказывая содействие республикам в решении региональных территориальных и водных проблем.

Глобальные геополитические сдвиги, а также украинский кризис 2014 г. стимулировали ЕС к проведению более активной политики на Центральноазиатском внешнеполитическом направлении. ЕС стремился интенсифицировать сотрудничество с республиками на двусторонней основе и в рамках многостороннего формата. Во-первых, был запущен процесс выведения сотрудничества с республиками на качественно новый уровень развития посредством подписания новых Соглашений о расширенном партнерстве и сотрудничестве. Во-вторых, большое значение ЕС стал придавать министерским встречам, формату ежегодных встреч Верховного представителя ЕС с министрами иностранных дел стран Центральной Азии.

Обостряющаяся борьба за сферы влияния в Центральной Азии стимулировала ЕС принять в 2019 г. новую Стратегию в отношении региона, что доказывало геостратегическую значимость этого направления в системе европейских внешнеполитических приоритетов. Отличительной особенностью новой Стратегии являлся ее прагматичный и менее идеологизированный характер, что позволяло предположить, что ЕС готов дистанцироваться от попыток навязывания странам Центральной Азии своих предпочтений во внешней политике. Региональная политика ЕС могла бы быть более результативной и успешной, если бы Брюссель согласился координировать свои региональные действия с Москвой или с евразийскими интеграционными структурами, участниками которых являются страны Центральной Азии.

6. В силу географической близости Китай стал значимым фактором в Центральной Азии, оказывая значительное влияние на региональные политические процессы. С момента обретения государствами региона независимости и по настоящее время Китаю удалось установить с центральноазиатскими республиками тесные политические, экономические и культурные связи, а также приобрести хороший инструмент продвижения своих интересов в виде ШОС. В 90-е г. интерес Китая к региону стимулировали два основных фактора – наличие природных ресурсов и вопросы обеспечения региональной стабильности и безопасности коллективными усилиями. На современном этапе именно эти стратегические факторы оказывают существенное влияние на формирование внешней политики Китая в Центральной Азии. Стратегия Китая в регионе – это создать благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества со странами региона и совместными усилиями противостоять региональным вызовам и угрозам. С одной стороны, Китай посредством колоссальных инвестиций все больше расширяет свое геоэкономическое влияние в регионе, которое в перспективе может быть преобразовано в политическое доминирование. С другой стороны, государства региона не имеют возможности остановить усиление китайского фактора, что обуславливает необходимость выстраивать с восточным соседом такие отношения, которые будут иметь взаимовыгодный характер. В ближайшей перспективе такое взаимовыгодное сотрудничество будет осуществляться в рамках китайского мегапроекта «Один пояс-Один путь» (ОПОП). В силу своего транспортно-коммуникационного потенциала Центральная Азия является неотъемлемым элементом сухопутного варианта ОПОП – Экономического Пояса Шелкового пути. Таким образом, Центральноазиатский регион является для Китая одним из значимых внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов. Однако если на официальном уровне стран Центральной Азии демонстрируется желание более тесно сотрудничать с Китаем, то на уровне общественности активизируются антикитайские настроения, в основе

которых лежит страх перед «китайской экспансией». На этом фоне Китай, который за годы независимости стран региона значительно расширил свое региональное присутствие, прилагает значительные усилия с целью сохранить дружественный характер двусторонних отношений.

7. В 90-е г. Турция, поддерживаемая странами Запада, в особенности США, пыталась экспортировать свою модель общественно-политического развития в страны региона, в основе которой лежал синтез светских и исламских элементов. С одной стороны, Турция выступала проводником интересов стран Запада в регионе, а с другой, стремилась реализовать свои собственные неоимперские амбиции по созданию Великого Турана. В первое десятилетие независимости стран региона благодаря активной дипломатической деятельности, а также цивилизационному, языковому и религиозному сродству с большинством стран Центральной Азии (исключение составляет Таджикистан), Турции удалось существенно расширить свое региональное влияние. Особенно это влияние было заметно в экономической и культурно-образовательной сферах. Однако недостаток финансово-экономических ресурсов не позволял Турции стать доминирующей силой в регионе.

В начале XXI в. в своей внешней политике в Центральной Азии Турция демонстрировала прагматичный экономический интерес. Однако заявления турецких политиков, акцентирующих внимание на общей тюркской идентичности, доказывали желание Анкары консолидировать тюркские республики региона под своей эгидой. Заметно усилилась трубопроводная дипломатия Турции, целью которой было привлечь богатыми ресурсами страны региона к углеводородным проектам. Реализация этой цели позволила бы Анкаре закрепить за собой статус связующего энергетического звена между Европой и Азией.

В своей Центральноазиатской политике Турция опиралась на двусторонний и многосторонний форматы сотрудничества. Турция позиционировала себя привлекательным экономическим и инвестиционным

партнером для стран региона. Широкие возможности по расширению регионального геополитического влияния открыла институционализация сотрудничества между Турцией и странами Центральной Азии, когда в 2009 г. был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ). Учитывая процессы реисламизации в регионе, Турция активно использовала исламский фактор как основу укрепления своих региональных позиций.

В перспективе в рамках стратегии позиционирования себя ключевым хабом на пересечении углеводородных и транспортных маршрутов между Европой и Азией Турция будет продолжать проявлять значительный интерес к взаимодействию со странами региона в таких сферах, как энергетика и транспортные коммуникации. Желание Турции стать мировой державой будет сопровождаться ее активной экономической, культурно-гуманитарной и политической экспансией в Центральную Азию.

8. Своё геополитическое влияние в Центральной Азии наращивает Иран. В 90-е г. у государств региона существовали опасения в отношении намерений Ирана экспортировать в регион «исламскую революцию». Все это «подогревалось» антииранской пропагандой, развернутой США. Однако с целью укрепить доверие к своему государству Иран стал демонстрировать прагматичный расчет в своей политике в Центральной Азии. Учитывая географическую замкнутость стран региона и отсутствие у них доступа к морям и океанам, Иран позиционировал себя как важный партнер, открывающий новым независимым государствам доступ к морским коммуникациям. Во время гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) руководство Ирана продемонстрировало желание принимать самое активное участие в поддержании региональной стабильности и безопасности. С началом антитеррористической кампании США в Афганистане Иран четко обозначил свою позицию, которая основывалась на необходимости поддерживать региональную безопасность усилиями внутрирегиональных государств, а не при участии внешних сил. К началу нового столетия обозначились потенциальные сферы сотрудничества для Ирана в

Центральной Азии – это экономика и транспортные коммуникации. Помимо контактов на двустороннем уровне, руководство Ирана демонстрировало существенный интерес к участию в многосторонних структурах - евразийских интеграционных проектах (ШОС, ЕАЭС), что было обусловлено реализацией своих национальных интересов и желанием стать более активным игроком в регионе. При этом именно Иран выступал инициатором интенсификации взаимодействия с государствами региона, надеясь придать двустороннему сотрудничеству существенный импульс развития. С учетом международной изоляции активность Ирана на центральноазиатском внешнеполитическом направлении будет только возрастать. В условиях кардинальной трансформации всей системы международных отношений Иран вместе с Россией и Китаем, имея общее видение контуров будущего мирового порядка, могут стать стабилизирующим фактором в регионе.

9. Появление в центре Евразии новых независимых государств, богатых природными ресурсами, стимулировали Японию к проведению активной дипломатии на этом внешнеполитическом направлении. Еще в 90-е г. Токио зарекомендовал себя в странах региона как значимый источник финансовой помощи и привлекательный инвестиционный партнер. Интересы Японии в регионе формировались вокруг углеводородного потенциала и маршрутов их транспортировки. Для эффективного продвижения своих интересов японскими политиками была разработана специальная внешнеполитическая концепция для Центральной Азии – «евразийская дипломатия», направленная на развитие и укрепление всестороннего сотрудничества с евразийскими странами в сфере политики, экономики, безопасности.

В начале XXI в. китайская экспансия в Центральной Азии и возвращение России в регион побудили Японию скорректировать свою политику в регионе, в задачи которой входило не допустить изменения регионального соотношения сил. На этом фоне Япония выдвинула инициативу многостороннего взаимодействия с государствами региона

(ДЦАЯ), надеясь с помощью нового механизма интенсифицировать региональное сотрудничество. Следуя за США в вопросах региональной безопасности, Япония выступила с инициативой подключения Афганистана к многостороннему формату. Однако, в вопросах демократического развития стран региона Япония, в отличие от стран Запада, демонстрировала ненавязчивость и осторожность. В своей Центральноазиатской политике Япония отдавала предпочтение прагматичному расчету, а не идейно-ценностным механизмам реализации своих целей.

Растущая геополитическая конкуренция в Центральной Азии стимулирует Японию к более активному участию в делах региона. Японская дипломатия фокусируется на расширении сотрудничества со странами региона в сфере экономики и инвестиций. Очень настороженно Япония относится к китайской инициативе «Один пояс-Один путь», усматривая в проекте стремление Китая к глобальному доминированию. В перспективе Япония будет и дальше пытаться расширить свое влияние в странах Центральной Азии посредством экономических и финансовых инструментов и создать противовес политике региональных центров силы.

10. Существующий в регионе высокий риск использования военных инструментов достижения целей из-за высокого конфликтного потенциала, а также в эпоху значительного влияния масс на политику, обусловили переход геополитического соперничества в сферу борьбы за «умы и сердца» населения стран региона. В регионе наметилась тенденция, в соответствии с которой внерегиональные акторы все больше склоняются к использованию широкого инструментария «мягкой силы» во имя защиты своих геополитических интересов. Безусловно, во все времена военная мощь государств позволяла им одерживать победы в борьбе за пространства, однако в современном мире именно стратегия убеждения, а не принуждения является одним из эффективных механизмов достижения геополитических целей. Используя ресурсы «мягкой силы», США, ЕС, Китай, Россия, Турция, Иран и Япония стремятся сформировать положительный образ своих

государств не только среди политической элиты, но и среди народных масс стран Центральной Азии. Преимущества в использовании политики «мягкой силы» остаются у стран коллективного Запада, что подтверждает заимствование центральноазиатскими республиками политических, экономических и культурно-образовательных ценностей западного мира и их внедрение в свои национальные общественно-политические системы. Также в подготовке лояльно настроенной прослойки общества в странах Центральной Азии преуспела Турция. Прослеживается, что в процессе конкурентной борьбы за «умы и сердца» в государствах Центральной Азии вышеупомянутые центры силы уделяют пристальное внимание работе с молодежью.

11. Несмотря на трансформацию общественного сознания под воздействием разнонаправленного ценностно-идеологического влияния, в Центральной Азии положительно относятся к России, что обусловлено не столько особым характером отношений со странами региона, в основе которых лежит общее культурное и историческое наследие, сколько её возможностью оказать содействие в развитии национальных экономик и обеспечить региональную стабильность и безопасность. Со всеми странами региона России удалось вывести двустороннее сотрудничество на уровень стратегического партнерства, что доказывает общность их интересов в сфере политики, экономики, безопасности. Как Россия, так и страны Центральной Азии заинтересованы в дальнейшем развитии и укреплении двусторонних отношений, отличающихся союзническим характером. Однако в двусторонних отношениях наблюдаются и кризисные тенденции. Во-первых, ревизия общих исторических событий, к которой склонна политическая элита Центральноазиатских республик в условиях становления своих национальных государств, генерирует разногласия между Россией и странами Центральной Азии. Во-вторых, заигрывание властвующей элиты стран региона с националистами с целью сплотить вокруг себя электорат. При этом наблюдается рост радикальных националистических и антироссийских

настроений, которые активно поддерживаются геополитическими соперниками России через сеть прозападных НПО и СМИ.

На фоне кризиса западнцентричной модели мироустройства в Евразии набирают силы процессы регионализации и интеграции, непосредственно затрагивающие страны Центральной Азии. Учитывая географическую замкнутость стран региона и удаленность от мировых рынков, а также необходимость в экономической и технологической модернизации, такие экономические проекты как евразийская интеграция и инициатива «Один пояс-Один путь» открывают перед республиками возможность изменить их перефирийное положение, а также новые горизонты сотрудничества в сфере экономики и инвестиций. Однако страны коллективного Запада, используя механизмы информационной пропаганды, пытаются дискредитировать любые интеграционные проекты с участием России. Одним из ярких проявлений антироссийской пропаганды стали обвинения в намерениях восстановить геополитическое влияние на постсоветском пространстве и тем самым возродить СССР. Ввиду этого среди элиты стран региона повышается градус недоверия к России, и возрастают опасения, связанные с риском ограничения национального суверенитета. Украинские события 2014 г. и специальная военная операция 2020 г. ускорили переход мира в качественно новое состояние. Формируются новые контуры мирового порядка, и вместе с тем обостряется геополитическая конкуренция за зоны влияния между внерегиональными государствами в Центральной Азии. На этом фоне страны Запада усиливают свою антироссийскую политику в странах региона, прилагая значительные усилия с целью склонить национальные элиты на свою сторону. В таких обстоятельствах возникает вопрос о способности властвующих элит стран Центральной Азии и дальше придерживаться политики многовекторности или проявить политическую волю, отказавшись от внешнеполитической стратегии «сидеть на двух стульях», сделав выбор в пользу своих исторических евразийских партнеров, сотрудничество с которыми соответствует национальным интересам. И если после украинских

событий 2014 г. странам региона удалось дистанцироваться от российско-украинских противоречий и избежать ухудшения отношений со странами коллективного Запада, то в случае с событиями февраля 2022 г., когда мир раскололся на «своих и чужих», странам Центральной Азии будет очень сложно балансировать между глобальными и региональными державами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Официальные документы

1. Бишкекская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 13 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1527> (дата обращения: 3.08.2020).
2. Встреча с президентом Киргизии Р. Отунбаевой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8276> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 23.04.2020).
4. Выступление премьер-министра Японии Р. Хасимото в Обществе экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай) 24 июля 1997 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japantoday.ru/yaponiya-o-sebe-i-mire/vystuplenie-premer-ministra-yaponii-r.-hasimoto-v-obschestve-ekonomicheskikh-edinomyshlennikov-keydzay-doyukay-24-iyulya-1997-goda.html> (дата обращения: 10.09.2020).
5. Глава МИД Японии рассказал о перспективах сотрудничества Японии со странами Центральной Азии // https://www.inform.kz/ru/glava-mid-yaponii-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-yaponii-so-stranami-central-noy-azii_a3527408 (дата обращения: 21.11.2020).
6. Декларация глав-государств членов ШОС от 5 июля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17532> (дата обращения: 27.07.2020).
7. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Турецкой Республикой от 22 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000471> (дата обращения: 13.08.2020).
8. Долгосрочная Стратегия развития Казахстана «Казахстан -2030» [Электронный ресурс]. URL: https://ohospital.kz/assets/uploads/2018/03/strategy_2030_ru.pdf (дата обращения: 2.04.2020).
9. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html> (дата обращения: 5.11.2020).
10. Доклад избранного президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании в честь 24-летия конституции [Электронный ресурс]. URL: <https://uwed.uz/ru/pages/president-report> (дата обращения: 25.05.2020).
11. Интервью экс-главы МИД Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1077559.html> (дата обращения: 15.05.2020).

- 12.Интервью с Розой Отунбаевой: США, Россия, Манас и ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/59771> (дата обращения: 15.05.2020).
- 13.Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tzst.uz/images/Konstitutsiya_Respubliki_Uzbekistan_Rus.pdf (дата обращения: 21.05.2020).
- 14.Концепция внешней политики КР от 10 января 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14679 (дата обращения: 5.04.2020).
- 15.Концепция внешней политики Киргизской Республики от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 21.05.2020).
- 16.Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020).
- 17.Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 2.04.2020).
- 18.Концепция внешней политики Киргизской Республики от 11 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 8.04.2020).
- 19.Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 7 января 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 15.05.2020).
- 20.Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства от 27 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ir.rudn.ru/books/b1/p5/66.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).
- 21.Концепция внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана 2017-2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkmenistan-kultur.at/oesterreich826-2017-2013-aussenpolitik.html> (дата обращения: 21.05.2020).
- 22.Концепция внешней политики России от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 9.11.2020).
- 23.Концепция внешней политики России от 28 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5187119> (дата обращения: 28.11.2020).
- 24.Концепция внешней политики РФ от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.04.2020).

25. Концепция внешней политики Узбекистана от 13 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://parliament.gov.uz> (дата обращения: 21.05.2020).
26. Лавров С. События на Украине стали кульминацией западного курса в отношении России [Электронный ресурс]. URL: <https://vm.ru/news/723474-sergej-lavrov-sobytiya-na-ukraine-stali-kulminaciej-zapadnogo-kursa-v-otnoshenii-rossii> (дата обращения: 5.08.2020).
27. Лавров С. США могут злоупотребить партнерством в формате "С5+1" [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/28976586.html> (дата обращения: 21.05.2020)
28. Назриев Д. и др. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2008 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Душанбе: Ирфон, 2010. С. 10.
29. Отунбаева Р. Кыргызстан проводит многовекторную внешнюю политику [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosameriki.com/a/a-33-2005-06-15-voa2/602645.html> (дата обращения: 2.04.2020).
30. Об основных принципах внешнеполитической деятельности республики Узбекистан от 26 декабря 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://parliament.gov.uz/ru/laws/adopted/85/3402/> (дата обращения: 25.05.2020).
31. Первый Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Хроника деятельности. 2004 год. Астана: Деловой мир Астана, 2009.
32. Первый заместитель госсекретаря Блинкен о долгосрочных перспективах США в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/states-blinken-vision-central-asia-ru/> (дата обращения: 5.07.2020).
33. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 16 апреля 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://knb.gov.kz/ru/article/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-ot-16-aprela-2002-g> (дата обращения: 2.04.2020).
34. Президент Гурбангулы Бердымухамедов: внешняя политика Туркменистана нацелена на создание благоприятных условий для внутреннего развития и обеспечение национальных интересов на мировом пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article5092&cat11> (дата обращения: 21.05.2020).
35. Резолюция ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» от 12 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.gov.tm/wp-content/uploads/2016/05/Rezolyutsiya-OON.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

36. Совместные проекты США и Центральной Азии (C5+1) [Электронный ресурс]. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/c5-1-projects-ru/> (дата обращения: 17.06.2020).
37. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими Сообществами и их Государствами-Членами с одной стороны, и Кыргызской Республикой с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17139> (дата обращения: 12.08.2020).
38. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901779315> (дата обращения: 17.07.2020).
39. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 2.04.2020).
40. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2> (дата обращения: 21.05.2020).
41. Стратегия устойчивого развития КР на периоды 2013-2017 гг. Бишкек, 2012. 126 с.
42. Шавкат Мирзиёев о внешней политике Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/567/58768/> (дата обращения: 25.05.2020).
43. Шанхайское соглашение с КНР 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10947126%40egNP_A (дата обращения: 17.07.2020).
44. Background Briefing on U.S.-Central Asian Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/background-briefing-on-u-s-central-asian-relations/> (дата обращения: 23.07.2020).
45. Connecting Europe and Asia: The EU Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/50699/Connecting%20Europe%20&%20Asia:%20The%20EU%20Strategy (дата обращения: 22.08.2020).
46. Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/joint-declaration-of-partnership-and-cooperation-by-the-five-countries-of-central-asia-and-the-united-states-of-america-samarkand-uzbekistan/> (дата обращения: 17.06.2020).
47. Multiannual Indicative Programme Regional Central Asia 2014-2020 [Электронный ресурс]. URL:

- https://eeas.europa.eu/sites/default/files/20160526_1_en.pdf (дата обращения: 07.07.2020).
48. Nakhchivan Agreement on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic-speaking States (2009) [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/672372#record-files-collapse-header> (дата обращения: 10.08.2020).
49. National Security Strategy of the USA. March, 2006. 54 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us> (дата обращения: 4.06.2020).
50. National Security strategy of the USA. February 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf> (дата обращения: 5.07.2020).
51. National Security Strategy 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://nssarchive.us/national-security-strategy-2017/#google_vignette (дата обращения: 17.06.2020).
52. Progress Report on the implementation of the EU Strategy for Central Asia Implementation Review and outline for Future Orientations [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/20120628_progress_report_en.pdf (дата обращения: 12.08.2020).
53. Strategy Paper 2002-2006 and Indicative Programme 2002-2004 for Central Asia. 12 October, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.libertas-institut.com/uk/ECTIS/EUStrategyPaperCentralAsia.pdf> (дата обращения: 25.06.2020).
54. The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. Brussels, 31 May 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/38858/1/st10113.en07.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).
55. The EU's new Central Asia Strategy [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI\(2019\)633162_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf) (дата обращения: 22.08.2020).
56. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 17.07.2020).
57. United States Strategy for Central Asia 2019-2025. Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. February 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).

Монографии

58. Акаев А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышляя о внешней политике и мироустройстве. М.: Международные отношения, 2004. 408 с.
59. Акаев А. История, прошедшая через мое сердце. Москва-Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», Илим, 2003. 286 с.
60. Акматалиева А.М. Основы внешней политики Кыргызской республики. Бишкек, 2014. 222 с.
61. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX-XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 623 с.
62. Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 200 с.
63. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Издательство АСТ, 2019. 256 с.
64. Ближний Восток и современность. Выпуск второй. М., 1996. 286 с.
65. Великая октябрьская Социалистическая революция и становление кыргызской государственности. Бишкек: «Турар», 2015. 320 с.
66. Война и мир Дмитрия Медведева. Сборник / сост.: Кирилл Танаев, Павел Данилин. М.: Издательство «Европа», 2009. 228 с.
67. Гаврилис Дж. Программа БОМКА: содействие ЕС в управление границами в Центральной Азии. Брифинг EUCAM. 2009. № 11. 46 с.
68. Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 1176 с.
69. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. 512 с.
70. Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI в. М., 2010. 214 с.
71. Джекшенкулов А.Дж. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М.: «Научная книга», 2000. 306 с.
72. Джоробекова А.Э. основные тенденции и направления интеграционных процессов в Центральной Азии. Бишкек, 2007. 156 с.
73. Дугин А.Г. С. Геополитика: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. 592 с.
74. Европейский союз в XXI в.: время испытаний. М.: Издательство «Весь мир» 2012. 656 с.
75. Европейская интеграция: Учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 736 с.
76. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 г. до наших дней. М.: Квадрига, 2017. 376 с.
77. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. М.: Международные отношения, 2009. 200 с.
78. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 240 с.

- 79.Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 224 с.
- 80.Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.
- 81.Иманалиев М.С. Очерки о внешней политике Кыргызстана. Бишкек, 2002. 160 с.
- 82.Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 64 с.
- 83.Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 220 с.
- 84.Исламская республика Иран в 90-е г. (экономика, политика, культура). М., 1998. 164 с.
- 85.Истории из уст Си Цзиньпина / Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г. Сост.: Отдел комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». М.: ООН Международная издательская компания «Шанс», 2019. 396 с.
- 86.Казанцев А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии: МГИМО, 2008. 380 с.
- 87.Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
- 88.Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2011. 283 с.
- 89.Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. 848 с.
- 90.Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Издательство АСТ, 2015. 511 с.
- 91.Кокошин А.А., Панов А.Н. Макроструктурные изменения в системе мировой политики до 2030 г. М.: КРАСАНД, 2016. 336 с.
- 92.Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX - начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 158 с.
- 93.Кортунов А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации. М.: НП РСМД, 2020. 60 с.
- 94.Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. 295 с.
- 95.Кыргызстан-Китай: история и современность: сб. материалов межвуз. научно-практ. конф., 25 декабря 2019 г. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. 222 с.
- 96.Латифов Д.Л. Государства Центральной Азии и Южного Кавказа в геополитических интересах Исламской Республики Иран. Душанбе: РТСУ, 2018. 128 с.

97. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 440 с.
98. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: КНОРУС, 2011. 256 с.
99. Лебедева М.М. Метаморфозы мировой политики. М.: МГИМО-Университет, 2012. 505 с.
100. Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 224 с.
101. Малышева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 100 с.
102. Медеубаева Ж.М. История формирования внешнеполитической доктрины Республики Казахстан (1991-2010). Астана, 2012. 288 с.
103. Мировая политика в фокусе современности. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. 512 с.
104. Мировая политика в условиях кризиса. М.: Аспект Пресс, 2010. 464 с.
105. Многовекторный мир: интересы, тенденции, противоречия. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2019. 236 с.
106. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. 223 с.
107. Назаров Т., Сатторзода А. Современная таджикская дипломатия. Душанбе: Ирфон, 2004. 224 с.
108. Назарбаев Н. Эра независимости. Астана, 2017. 506 с.
109. Най Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.
110. Наринский М.М., Мальгин А.В. Южный фланг СНГ. Центральная Азия-Каспий-Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003. 456 с.
111. Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М.: Проспект, 2020. 320 с.
112. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. 272 с.
113. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека /Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.
114. Пармонов В.В. и др. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек, 2008. 201 с.
115. Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 83 с.
116. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2018. 680 с.
117. Попов Д. Центральная Азия во внешней политике США. 1991-2016 гг. М., 2016. 246 с.

118. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2018. 607 с.
119. Рахмон Э. О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан. Душанбе: Контраст, 2019. 222 с.
120. Роль и место Ирана в регионе. М.: Институт Востоковедения РАН, 2007. 207 с.
121. Россия и современный мир / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 512 с.
122. Румер Е., Тренин Д., Чжао Х. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.: Новое издательство, 2008. 242 с.
123. Саидов З.Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2017 гг.). Душанбе: Контраст, 2017. 142 с.
124. Санаи М. Взаимоотношения Ирана и Центральной Азии: тенденции и перспективы. СПб: «Петербургское Востоковедение»; М.: «Садра», 2017. 320 с.
125. Санаи М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии: история и современность (политологический анализ). Алматы, 1997. 144 с.
126. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия. Рабочая тетрадь. М.: Спец книга, 2013. 88 с.
127. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007-2013 гг.: предварительные итоги / Под. общ. ред. А.Е. Чеботарева. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр германских исследований КазНУ им. аль-Фараби; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2013. 184 с.
128. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
129. Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 448 с.
130. Султанмуратов Н. Образование по-турецки, или фактор Гюлена в Казахстане. Институт азиатских исследований. Алматы, 2018. 16 с.
131. Сыроежкин К. Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений. Астана-Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2014. 432 с.
132. Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М: Эксмо, 2015. 272 с.
133. Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. М.: Восток-Запад, 2011. 264 с.
134. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь. 2014. № 18. М.: Спецкнига, 2014. 48 с.
135. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. М., 2012. 326 с.

136. Торкунов А.В., Симония Н.А. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность. М.: Международная жизнь, 2013. 88 с.
137. Фридман Д. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI в. М.: Эксмо, 2010. 336 с.
138. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 576 с.
139. Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 350 с.
140. Хаустова Н.А., Глазунов О.Н. Контуры стратегической нестабильности XXI в.: Геополитические игры на мировой шахматной доске: Прогнозы до 2030 г. М., 2016. 176 с.
141. Центральная Азия в составе российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
142. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. М.: Новое издательство, 2008. 390 с.
143. Цыганков А. П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
144. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 443 с.
145. Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НП РСМД, 2017. 384 с.
146. Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. Проекта Э.В. Молодякова. М., 2013. 312 с.
147. Японский феномен глазами российских японоведов: Научное издание / Под ред. И.П. Лебедевой, А.Н. Мещерякова и Д.В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 400 с.
148. 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2019. 296 с.
149. Acharya A. The End of American World Order. Cambridge: Polity Press, 2014. 157 p.
150. Asopa Sh.K. Turkey in Central Asia . New Delhi, 2008. 338 p.
151. Burles M. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. RAND, 1999. 85 p.
152. Cooley A. Great Game, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. USA, 2012. 272 p.
153. Eksi M. The Rise and Fall of Soft Power in Turkish Foreign Policy during JDP. Germany: LAMBERT, 2016. 142 p.
154. Gill S. Power and Resistance in the New World Order. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 238 p.
155. Hunter T. Shireen. Central Asia since independence. USA: The Washington papers, 1996. 220 p.

156. Igho Natufe O. Russian foreign policy. In search of lost influence. Moscow, 2015. P. 297 p.
157. Islam, oil and geopolitics: Central Asia after September 11. United Kingdom, 2006. 288 p.
158. Lascurettes Kyle M. Orders of Exclusion: The Strategic Sources of Order in International Relations. New York Oxford University Press, 2020. 352 p.
159. Laurabee S.F., Lesser I.O. Turkish Foreign Police in an Age of Uncertainty. Rand Corporation, 2003. 218 p.
160. Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia . Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. UK., 2012. 271 p.
161. Len Ch., Tomohiko U., Tetsyua H. Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. 208 p.
162. Lo B. Russia and the New World Disorder. London : Chatham house ; Washington : Brookings institution press, cop. 2015. 341 p.
163. Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2009. 359 p.
164. Oil, Transition and Security in Central Asia. New York: Routledge, 2003. 274 p.
165. Pierce R. A. Russian Central Asia 1867-1917. University of California Press, 1960. 306 p.
166. Roy O. The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations. L.; N.Y., 2011. 222 p.
167. Spero J. Paths to peace for NATO's partnerships in Eurasia in the Sperling J.et. / Limiting Institutions. The Challenge of Eurasian Security Governance. Manchester University Press, 2003. 305 p.
168. Voloshin G. The European Union's Normative Power in Central Asia: Promoting Values and Defending Interests. London: Palgrave Macmillan, 2014. 96 p.
169. Wheeler T. Turkey's role and interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. 12 p.
170. Zimmerman T. The New Silk Roads: China, the U.S. and the Future of Central Asia. October 2015. New York University. 25 p.

Статьи

171. Абжанов Х.М. Н.А. Назарбаев: неизвестные страницы научного предвидения и созидания // Отечественная история. 2012. № 4 (60). С. 5-9.
172. Абдуллаева Е. Устойчивое неравновесие: отношения России в политике Узбекистана // Россия и мусульманский мир. 2005. № 12. С. 119-126.

173. Авакова Э.Б. Вовлечение молодежи в процессы интеграции на евразийском пространстве // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 2-2 (18). С.209-213.
174. Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3 (1645). С. 71-78.
175. Аватков В., Каширина Т. Тенденции развития современных международных отношений // Обозреватель. 2017. № 11. С. 5-15.
176. Агеев А.И., Куроедов Б. В. Стратегическая матрица государств Центральной Азии // Экономические стратегии. 2013. № 6. С. 12-25.
177. Азовский И.П. Шелковый путь накануне XXI в. [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_06_azovski.shtml (дата обращения: 2.09.2020).
178. Акаев Б.Б. Великий Шелковый путь – взгляд из XXI в. // Известия вузов. 2010. № 5. С. 127-130.
179. Акмалов Ш. ШОС и проблемы региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 2 (38). С.146-153.
180. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Киргизия // Россия и мусульманский мир. 2014. № 3 (261). С. 74-87.
181. Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? [Электронный ресурс]. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> (дата обращения: 3.02.2020).
182. Алиева Р.Р. Формирование основополагающих принципов внешней политики республики Таджикистан // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (41). С. 253-260.
183. Алимов Р.К. О роли Китая в выходе Таджикистана из транспортного тупика // Китай в мировой и региональной политики. История и современность. 2015. С. 292-305.
184. Анашкина Е.Б. Роль постсоветского пространства во внешней политике США // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2015. № 6. С. 19-34.
185. Асатрян Г. Э. Размышления о проблемах российско-американского взаимодействия по Афганистану [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=48478> (дата обращения: 23.07.2020).
186. Атли А. Братский прием Эрдогана в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/middle_asia/20110217/166615171.html (дата обращения: 10.08.2020).
187. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI в. // Обозреватель. 2009. № 6. С. 10-20.

188. Бажанов Е.П. Роль Китая в мире и политика России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 6-17.
189. Бакустин А.В. Турция, Россия и государства Центральной Азии в XXI в. // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 175-186.
190. Бао И. Китай: стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 12. С. 117-123.
191. Барабанов О. Россия и Узбекистан: перспективы сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-uzbekistan-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 23.12.2020).
192. Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сущенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 24.05.2020).
193. Барабанов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сущенцов А., Тимофеев И. Не одичать в «осыпающемся мире» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/33222/> (дата обращения: 7.04.2020).
194. Баталов Э.Я. «Новый миропорядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25-37.
195. Бахриев Б. Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1 (70). С. 131-147.
196. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // Международная аналитика. 2018. № 1(23). С. 32-39.
197. Белень С. НАТО в мире переоценки // Россия в глобальной политике. 2017. Май-Июнь, 2017. № 3. С. 132-144.
198. Белокреницкий В. Геополитическая вертикаль в сердце Азии // Pro et Contra. 1997. № 2. С. 99-108.
199. Белоглазов А.В. Энергетическая политика России в Центральной Азии в начале XXI в. (2000-2007 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 150. №. 7. С.219-232.
200. Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 162-171.
201. Борисов Д. Кто «вкладывается» в страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/denis-borisov-/kto-vkladyvaetsya-v-strany-tsentralnoy-azii-reyting/> (дата обращения: 3.09.2020).
202. Бискэ Ю.С., Севастьянов Д. В. Куда исчезает Средняя Азия? // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2003. № 23. С. 62-65.

203. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Т.2. Январь-апрель, 2004. № 1 (4). С. 16-33.
204. Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т.1. № 1. С. 6-23.
205. Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика . 2017. Т. 8. № 1. С. 44-57.
206. Бордачев Т. Не упустить «момент Евразии» // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 194-205.
207. Боровой В. Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 90-х гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 1. С. 54-57.
208. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 5 (44). С. 42-55.
209. Борох О., Ломанов А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. Т. 10. Июль-Август, № 4. 2012. С. 54-67.
210. Брутенц К. На то и создавалось НАТО. Российская газета, 4 апреля 2014. № 77 (6349). С. 7
211. Булгару Д. Борьба за «грамотность»: США планируют снизить влияние российских СМИ в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/511194-ssha-centralnaya-aziya-smi> (дата обращения: 14.11.2020).
212. Бураев А.И. К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 142-146.
213. Бурханов А. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 18-29.
214. Васильев Л. Геополитическая ситуация в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2013. № 9. С. 92-96.
215. Васильева С.А. ЕАЭС и Тюркский совет: перспективы взаимодействия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 184-192.
216. Вартамян А.М. Зачем Ирану нужно членство в ШОС? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6138> (дата обращения: 8.09.2020).
217. Володин А.Г. Япония и Центральная Азия: геоэкономические интересы России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2019/23052019/23052019-REP-VolodinAG-001.pdf>. С. 301. (дата обращения: 25.09.2020).
218. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира

- и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. Т.11.№ 4. С. 5-26.
219. Габер Е. Политика Турции на Кавказе и в Центральной Азии в постсоветский период // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 3. 2011. С. 159-170.
220. Габуев А. Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. Январь-февраль. № 1. С. 144-154.
221. Гаджиев К.С. К полицентрическому миропорядку // Полис. 2007. № 4. С. 8-23.
222. Гаджиев К. Геополитические интересы США на Южном Кавказе // Россия и Новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 91-106.
223. Гаджиев К. О демонизации противника во внешнеполитической стратегии США // Власть. 2018. № 6. С. 7-16.
224. Гаджиев К. Сверхдержавность: уходящей феномен XXI в.? // Международная жизнь. Сентябрь, 2017. С. 72-89.
225. Гани А.Р. Таджикистан и Китай: стратегическое партнерство или безальтернативность? [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/rashid-abdullo-tadzhikistan-i-kitaj-strategicheskoe-partnerstvo-ili-bezalternativnost-2> (дата обращения: 3.08.2020).
226. Гарбузов В.Н. Свет и тени американской исключительности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (11). С. 5-21.
227. Гегелашвили Н.А., Модникова И.В. Некоторые особенности внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 5.
228. Горюнов И.Д. Торгово-экономическое сотрудничество России и Узбекистана на современном этапе // Вестник российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4 (100). С. 197-204.
229. Гребенщиков Э. Россия и Китай на перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня. 2004. № 9 (566). С. 9.
230. Громько Ан.А. О новом мировом порядке, или о большом беспорядке // Азия и Африка. 2014. № 12. С. 2-7.
231. Гуан П. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 6 (54). С. 98-107.
232. Гумеров Р.А. Геоэкономические интересы России в Центральной Азии // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 194-201.
233. Гусев Л. Конкуренция и взаимодействие ЕС и ЕАЭС в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2450566.html> (дата обращения: 12.08.2020).

234. Гусев Л.Ю., Казанцев А.А. Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2015. № 1. С. 29-40.
235. Гурова Т. Нужна ли современной России идеология? Российская газета. 27 февраля, 2020. № 42 (8096). С. 10
236. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. 2010. Январь-Февраль. Т. 8. № 1. С. 60-70.
237. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой силы» в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1 (4). С. 69-80.
238. Дадабаева З. А. Новая европейская политика в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 153-179.
239. Данков А. Ферганская долина: проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2 (50). С. 130-142.
240. Даюй Ц. Одна планета – один мир для всех // Деловой собеседник. 2015. № 47. С. 16.
241. Джаббари Насир Х.Р. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Изв. Саратов.ун-та. Нов.сер.Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып.1. С. 106-112.
242. Джекшенкулов А. Многополярный мир и Кыргызстан // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 9. С. 126-130.
243. Джонстон У. Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 г. // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4 (52). С. 126-140.
244. Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО университета. Т. 13. 2020. № 3. С. 86-111.
245. Добринская О.А. Осуществление политики «мягкой силы» Японии на примере отношений с Центральной Азией // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С.7-21.
246. Добринская О.А. Япония – Центральная Азия: в поисках нефти и статуса // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 45-50.
247. Добринская О. «Мягкая сила» Японии в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/myagkaya-sila-yaponii-v-stranah-czentralnoj-azii-5100> (дата обращения: 20.11.2020).
248. Дрякин А.Б. Роль России в энергетической политике Китая: эволюция и перспективы // Вестник ТГУ. Вып. 8. 2015. № 148. С. 171-178.
249. Есеналиева А. Как китайские инвесторы финансируют экономику Казахстана. Инфографика [Электронный ресурс]. URL: <https://lsm.kz/investicii-kitaya> (дата обращения: 3.08.2020).

250. Жильцов С.С. Центральная Азия: особенности политического развития // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 143-160.
251. Жильцов С. Политика Японии в Центральной Азии: особенности реализации // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Вып. 1. Т. 23. С. 46-55.
252. Звягельская И. Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/klyuchi-ot-schastya-ili-bolshaya-czentralnaya-aziya/> (дата обращения: 10.06.2020).
253. Зиглер Э.Ч. Стратегия США в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 13-22.
254. Зонн И.С. Великий Шелковый путь становится Великим нефтегазовым путем // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2. С. 34-44.
255. Иванов И. Сломать алгоритм истории. Россия, Китай и новый миропорядок. Российская газета. 13 июня, 2018. № 126 (7589). С. 3.
256. Иманалиев У.К. Деятельность американских Неправительственных организаций в Киргизии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 8 (560). С. 103-118.
257. Иманалиев У.К. Политика «мягкой силы» Турции в Кыргызстане // Азия и Африка сегодня. 2016. № 8 (709). С. 48-53.
258. Иманалиев М. Президент получил больше полномочий во внешней политике [Электронный ресурс]. URL: https://www.gezitter.org/interviews/11565_imalanaliyev_prezident_poluchil_bolshe_polnomochiy_vo_vneshney_politike/ (дата обращения: 3.05.2020).
259. Иманалиев М. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetskoe-razvitiye/> (дата обращения: 3.08.2020).
260. Ионова Е. Таджикистан в орбите интересов Китая и России // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3. С. 107-120.
261. Исигоока К. Изменения в политической динамике Евразии – японский взгляд // В поисках новых путей развития Евразии. Материалы Пятой российско-японской научно-практической конференции ученых и журналистов. М., 20 сентября 2007. С. 60-66.
262. Ишбулдина К. Стамбульский процесс по Афганистану через призму теорий урегулирования конфликтов // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 135-152.
263. Йегглэ Э. Стратегия ЕС в Центральной Азии вывела отношения между Европой и странами региона на новый уровень [Электронный ресурс]. URL: <https://24.kg/archive/ru/politic/49249-2009/04/15/112161.html/>
264. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник

- РУДН. Серия: международные отношения. 2018. Том 18. № 2. С. 292-303.
265. Казанцев А. Отношения независимой Киргизии и России: настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otnosheniya-nezavisimoy-kirgizii-i-rossii-nastoyashchee-i-bu/> (дата обращения: 17.01.2021).
266. Калущков В.Н. О трех столпах географической ономастики: топоним-географическое название-геоконцепт // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 7-13.
267. Калущков В.Н. Постсоветское азиатское пространство: Туркестан или Центральная Азия? // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 92-97.
268. Кангельдиев А.Н. Перспективы и приоритеты внешней политики Кыргызской республики на современном этапе // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. №. 12. С. 98-101.
269. Каримова М. Роль России в урегулировании межтаджикского конфликта и в развитии Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 4. С. 92-97.
270. Карпиевич Н.В., Колпакова Т.В. Концепция построения «гармоничного мира»: содержание, структура, характеристики / Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2013. № 13. С. 4-12.
271. Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 78-85.
272. Киреев Н.Г. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 1. С. 72-79.
273. Кириллова М.П. ТИКА, ТНУ, YEE как эффективные инструменты политики «мягкой силы» Турции в Африке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=40893> (дата обращения: 30.10.2020).
274. Китспоттер В. де. Большая игра в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2005. № 3. С. 96-111.
275. Клей ван дер Д. Китай меняет стратегию в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20201206/248672798.html> (дата обращения: 3.08.2020).
276. Князев А. Президент Бакиев слабо компетентен во внешней политике [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/674726.html> (дата обращения: 2.04.2020).
277. Князев А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты [Электронный ресурс]. URL:

- <https://centrasia.org/newsA.php?st=1288345020> (дата обращения: 8.09.2020).
278. Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 35-44.
279. Козлов К.В. «Большая дубинка» американского могущества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 4 (580). С. 106-119.
280. Комлякова Ю. Американское влияние на процессы демократизации в постсоветских республиках Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Вып. 1. Том 17. С. 135-145.
281. Комилова Х. Центральная Азия и Европейский Союз: новые реалии // Современная Европа. 2009. № 2 (38). С. 53-63.
282. Комиссина И. Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_10_komissina.shtml (дата обращения: 15.09.2020).
283. Коновский М. США в Афганистане: от военно-политической эйфории до дилеммы вывода войск // Международная жизнь. Октябрь, 2019. С. 14-21.
284. Коргун В. Страны Центральноазиатского региона не способны договориться по афганской проблеме [Электронный ресурс]. URL: https://military-kz.ucoz.org/news/v_korgun_strany_ca_regiona_ne_sposobny_dogovoritsja_po_afganskoj_probleme/2011-11-16-1338 (дата обращения: 24.06.2020).
285. Коргун В. Перспективы энергетического сотрудничества в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-v-tsentralnoy-a/> (дата обращения: 05.07.2020).
286. Коргун В.Г. Центральная и Южная Азия: геополитические изменения после 11 сентября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4538/> (дата обращения: 27.07.2020).
287. Королев В.А., Кудрявцева С.С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т.9. № 2. С. 190-208.
288. Корицкий С.А. Тюркский саммит в Анталье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5165> (дата обращения: 8.08.2020).
289. Косов А. Российские исследователи о внешней политике США после окончания «холодной войны» // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 2. С. 50-55.
290. Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Т. 6. Зима-весна, 2001. № 1-2. С. 13-14.

291. Краснов К. «Дипломатия справедливости» во внешней политике Ирана // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 112-119.
292. Кузнецова С.И. Центральная Азия и Закавказье // Россия и мусульманский мир. 2004. № 6. С. 143-158.
293. Кузнецова С.И. Турция и Центральная Азия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2001. № 4. С. 54-56.
294. Кузнецова С.И., Макарова С.М. Центральная Азия встречается с Ближним и Средним Востоком // Центральная Азия: десять лет независимости. 2001. № 3. С. 241.
295. Кузьмина Е. Борьба за инвестиции и серый импорт: отношения Кыргызстана и Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/investitsii-i-seryy-import-otnosheniya-kyrgyzstana-i-kitaya/> (дата обращения: 3.08.2020).
296. Кузьмина В.М., Тимченко В.М., Наумик В.А. Динамика экспортно-импортных операций России со странами СНГ за 2017-2019 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 3. С. 36-49.
297. Кулпаева Б.Т. Роль института политического лидерства в формировании внешнеполитической стратегии республики Казахстан // Актуальные вопросы науки и практики XXI в. 2016. С. 40-52.
298. Курманов З. Кыргызстан - Россия: смена парадигм? / Кыргызско-Российские отношения: позитивные реалии и перспективы сотрудничества: Материалы Международного круглого стола, посвященного 20-летию образования Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2013. С. 16.
299. Куртов А. Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://ca-c.org/annual/2008/50.shtml> (дата обращения: 15.05.2020).
300. Куртов А. Турция пытается взять реванш [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/article/16045/> (дата обращения: 28.08.2020).
301. Куртов А. ОДКБ и ГУАМ как элементы трансформации пространства бывшего СССР // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3-4 (57-58). С. 300-316.
302. Кушкумбаев С.К. Внешняя политика Казахстана в глобальном мире // Перспективы партнерства Казахстана и Украины в новых геополитических и геоэкономических условиях: Материалы Международного круглого стола. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 88 с.
303. Лазарева Т.В. Зигзаги национальной политики Китая // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3. С. 18-25.
304. Лунев С. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 3 (45). С. 14-27.

305. Лапенко М. Региональный подход ЕС к Центральной Азии: повестка 2014 г. // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4. С. 77-86.
306. Ларуэль М., Пейрус С. Вынужденная дружба // Россия в глобальной политике. 2010. Т.8. № 2. С. 102-115.
307. Лаумулин М. Многовекторность внешней политики Казахстана – плюсов больше, чем минусов [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1078126740> (дата обращения: 23.03.2020).
308. Лаумулин М. Изменения в Стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. Вып. 4. С. 33-51.
309. Лаумулин М. Турция и Центральная Азия [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/10/22/ru-pub-49758> (дата обращения: 13.08.2020).
310. Лаумулин М. «ГАЗПРОМ» как ТНК и страны центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 41-54.
311. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО университета. 2014. № 2 (35). С. 47-55.
312. Лихачева А.Б. Взаимодействие России и ЕС в ключевых сферах социально-экономического развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 4. С. 47-67.
313. Ломанов А. Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. Сентябрь-Октябрь. № 5. С. 138-152.
314. Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Большая Евразия и ШОС. Миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель. 2018. № 8. С.5-22.
315. Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого Евразийского партнерства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 98-113.
316. Лузянин С.Г., Морозов Ю.В. ШОС: возможные пути развития // Азия и Африка сегодня. 2010. № 4 (633). С. 41-45.
317. Лукьянов Ф. Ответ в Евразийском стиле. Российская газета. 14 августа 2018. № 177 (7640). С. 5
318. Лунев С. Ферганская долина как одна из моделей регионального развития [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/09-1997/st_04_lunev.shtml (дата обращения: 23.03.2020).
319. Маврина Ю. В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 69-75.

320. Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсо-ветские исследования. 2021. Т.4.№ 1. С.9-16.
321. Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение Евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 3. С.40-57.
322. Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_11_malashenko.shtml (дата обращения: 7.02.2020).
323. Малашенко А. Узбекистан: каких перемен ждать? / Московский центр Карнеги, октябрь 2012 . Том 14. Выпуск 5. С 1-8.
324. Маликиян М. Роль Ирана в таджикском мире [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1237009980> (дата обращения: 2.09.2020).
325. Малышева Д. Запад и "андижанское дело". На Каримова не действуют ни угрозы, ни увещания [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1119073020> (дата обращения: 25.05.2020).
326. Малышева Д. Промежуточные итоги политической трансформации Центральной Азии на примере Киргизии, Узбекистана и Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2006. № 12. С 89-111.
327. Малышева Д. Центральная Азия и Европейский Союз // Россия и новые государства Евразии. 2010.№ 2 (7). С. 24-34.
328. Мамедова Н.М., И.В. Федулов. Возможности и перспективы участия Ирана как регионального транспортного узла в проекте «Нового Шелкового пути» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26805> (дата обращения: 10.09.2020).
329. Мамедова Н. Иран: интересы в Центральной Азии и возможности влияния // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4 (262). С. 85-90.
330. Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 г. // Pro et Contra. Январь-апрель, 2013. С. 41-57.
331. Мансуров Т. Как рождается новая Евразия. Российская газета. 30 ноября, 2012. № 277 (5950). С. 17.
332. Маруев А., Карпенко А. Восточный вектор геостратегии России // Обозреватель. 2010. № 1. С. 6-17.
333. Мендкович Н. Новая Стратегия ЕС в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/novaya-strategiya-es-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 17.07.2020).
334. Мендкович Н. США и антикитайские НПО в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-mendkovich/ssha-i-antikitayskie-npo-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 8.11.2020).

335. Месамед В. И. Умер экс-президент Ирана Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31840> (дата обращения: 2.09.2020).
336. Месамед В.И. Жизнеспособен ли персоязычный союз? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11668> (дата обращения: 8.09.2020).
337. Месамед В.И. Ирано-центральноазиатские отношения: некоторые итоги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11878> (дата обращения: 8.09.2020).
338. Месамед В.И. Ирано-таджикские отношения: проблемы и достижения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=34967> (дата обращения: 15.11.2020).
339. Мехдиев Э. Т. Евроазиатские транспортные коридоры и ЕАЭС // Международная аналитика. 2018. № 2 (24). С. 47-56.
340. Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности [Электронный ресурс]. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 17.05.2020).
341. Михайлов Г. Бишкек пустил в ход торпеды [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1296684000> (дата обращения: 10.08.2020).
342. Мозиас П.М. Китайский проект «Один пояс, один путь»: промежуточные результаты реализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. 2020. № 4. С. 122-157.
343. Мозлоев А.Т. Отношения между Россией и Турцией: существуют ли перспективы для сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 49-52.
344. Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и США для Евразии / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. С. 62-77.
345. Мурашкин Н.Ю. Дипломатия «Великого Шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992-2009 гг.) // Ежегодник Япония. 2012. № 41. С. 24-50.
346. Мурашкин Н.Ю. Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 362-375.
347. Муртазин М. Социо-политический аспект реисламизации на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 4. С. 167-175.

348. Мусабаяева А. Внешнеполитический курс президента Атамбаяева: хроника и анализ [Электронный ресурс]. URL: <https://caa-network.org/archives/8139> (дата обращения: 15.04.2020).
349. Назарбаяев Н. Дружба на века. Российская газета. 5 октября 2012. № 230 (5903). С.4.
350. Надточей И.В. Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2. С. 28-53.
351. Неймарк М.А. Политика России на постсоветском пространстве: концептуальный опыт формирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3 (17). С.6-16.
352. Николаев С. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 27-44.
353. Ниязалиев Б. Туркменистан и Россия: по пути стратегического партнерства [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1855> (дата обращения: 5.01.2021).
354. Новиков Д. Рыцарь российского реализма [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ryczar-rossijskogo-realizma/> (дата обращения: 28.11.2020).
355. Омаров Н. Зачем Европе Центральная Азия? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1214802120> (дата обращения: 12.08.2020).
356. Оразбаков Г. История сделала нас друзьями. Российская газета. 2013. 16 декабря. № 283 (6259). С. 4.
357. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47-66.
358. Пайкин З. Новая парадигма для Большой Евразии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-paradigma-dlya-bolshoy-evrazii/> (дата обращения: 23.03.2021).
359. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 13. Вып. 4. 2010. С. 74-89.
360. Парамонов В., Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовом секторе Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т.18. Вып. 3-4. С. 200-212.
361. Парамонов В., Строков А. Проекты и инвестиции России в государствах Центральной Азии: нефтегазовая сфера // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6 (60). С. 101-113.
362. Пашковская И. Газопровод «НАБУККО»: проект создания // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 4. С. 71-80.

363. Пашковская И. Европейский Союз: энергетическая политика в отношении новых независимых государств. Аналитические доклады. Выпуск 1 (22). Июль, 2009. 80 с.
364. Пляйс Я.А. Новый мир и новые международные отношения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. Т. 6. № 1 (21). С. 6-19.
365. Погорельская С.В. Политика ФРГ в Центральной Азии // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 106-132.
366. Полищук А.В. Новая энергетическая стратегия Японии: внимание на энергетическую безопасность // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2008. № 4. С. 138-157.
367. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2(65). С. 32-56.
368. Пономарева Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59-73.
369. Попов Д. Место Узбекистана в Центральноазиатской политике США // Россия и мусульманский мир. 2015. № 9 (279). С. 74-90.
370. Попов Д.С. Центрально-Азиатская стратегия администрации Барака Обамы и интересы России в регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/article/10272/> (дата обращения: 24.06.2020).
371. Попов Д. Казахстан – ворота Китая в Центральную Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/en/node/63091> (дата обращения: 25.07.2020).
372. Потоцкая Т.И. Геополитические интересы России на постсоветском пространстве: южная граница // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 87-97.
373. Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // Сравнительная политика. 2015. № 3 (20). С. 85-103.
374. Притчин С. Российская политика в Центральной Азии в XXI . в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76-92.
375. Пряхин В.Ф. Европейский союз и Центральная Азия: поиски концепции сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 3. С. 133-152.
376. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10-14.
377. Размахов К.Е. Создание советской автономии в Туркестане в 1917-1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 42-46.

378. Рудов Г. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации // Обозреватель. 2014. № 11. С.16-28.
379. Рудов Г. Роль Турции и Ирана в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2010. № 12. С. 114-118.
380. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. Валдайские записки. Август, 2016. № 55. 24 с.
381. Саидов З. Ш. Отношения республики Таджикистан со странами Европы, США и Канады в период гражданской войны // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. № 4. С. 115-121.
382. Салимов Ф. Анализ участия и политики Таджикистана в международных организациях [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/analiz-uchastiya-i-politiki-tadzhikistana-v-mezhdunarodnyh-organizatsiyah> (дата обращения: 15.05.2020).
383. Салицкий А.И., Семенова Н.К. Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7 (708). С.2-10.
384. Сапрыкин В. Российский «ГАЗПРОМ» в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://cac.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/10.saprus.shtmlm (дата обращения: 15.05.2020).
385. Сафранчук И. Альтернативные варианты американской политики в Афганистане // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 5-12.
386. Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. № 8. С. 97-107.
387. Свистунова И.А. Об участии Турции в девятом саммите глав тюркских государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9459> (дата обращения: 10.08.2020).
388. Сенгупта А. 11 сентября 2001 г. и Центральная Азия // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 44-54.
389. Сергеев А.И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 12-25.
390. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.
391. Смирнова В.А. Деятельность программы ТАСИС в сфере высшего образования в республике Казахстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4:История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 3. С. 159-163.
392. Согрин В.В. Внешняя политика Дж. Буша – младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. // Новая и Новейшая история . 2014. № 2. 92-111.

393. Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 33-43.
394. Сотрудничество России и Киргизии нуждается в четкой стратегии и активности. Российская газета. 26 апреля 2018. № 90 (7553). С. 18.
395. Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/partnerstvo-dlya-czentralnoj-azii/> (дата обращения: 25.06.2020).
396. Стародубцев И.И. О принятии экспортной стратегии Турции в качестве официальной доктрины и о месте в ней государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15046> (дата обращения: 30.10.2020).
397. Степанов А.С., Нгуен М.М. Экономическое и военное соперничество США, Китая и России в Центральной Азии // Россия и Америка в XXI в. 2017. № 1. С. 8-19.
398. Степанов Н.С. Влияние ЕАЭС и ОПОП на ускорение модернизации экономических моделей развития России и Китая // Россия и современный мир. 2020. № 3 (108). С. 109-129.
399. Стрельцов Д. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 38-49.
400. Султанов Б. «Для Казахстана первый приоритет – это Россия, второй – Китай, третий – Центральная Азия» [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/dlya-kazakhstana-pervyy-prioritet-eto-rossiya/> (дата обращения: 20.04.2020).
401. Султанов Б. Этапы развития внешней политики республики Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6. С. 159-170.
402. Суслов Д. В разных пространствах: новая повестка для отношений Россия-ЕС. Валдайская записка. Июнь, 2016. № 49. 20 с.
403. Суходолов Я.А. Торгово-экономическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 1. С. 50-58.
404. Сыздыков М.З. Принцип многовекторности во внешней политике Казахстана: факторный анализ // Россия и Казахстан: исторический опыт сотрудничества и перспективы интеграции. Материалы II Международной научно-практической конференции. Омск, 2015. С. 99-106.
405. Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. Т. 15. Вып.1. 2012. С. 23-46.
406. Сыроежкин К. К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2013/09/16/ru-pub-52988> (дата обращения: 15.05.2020).

407. Сыроежкин К.Л. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций. Вып. 6. Т. 9. 2016. С. 104-122.
408. Такижбаева Н.З. Центральная Азия в постсоветский период: история и современность // Россия и Запад: диалог культур. 2013. № 3. С. 2-8.
409. Таксанов А. Интеграция в странах Центральной Азии: факторы «за» и «против» // Россия и мусульманский мир. 2001. № 6 (108). С. 101-113.
410. Тарасов С. Русский дух и Тюркский мир. Размышления о саммите глав тюркоязычных государств в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1535969460> (дата обращения: 28.08.2020).
411. Титаренко М.Л., Ларин А.Г., Матвеев В.А. Концепция экономического пояса Шелкового пути и интересы России // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 3-43.
412. Тогусаков О.А., Акаев А.А. Состояние внешних миграционных процессов стран СНГ // Состояние внешних миграционных процессов стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9. С. 93-99.
413. Толипов Ф.Ф. К вопросу «о большой стратегии» Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т.14.Вып.3. С. 171-182.
414. Томберг И. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «Большой энергетической игры» // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 23-41.
415. Трейсман Д. Способна ли Россия быть глобальным лидером? // Россия в глобальной политике. Т. 11. № 2. Март-Апрель. 2013. С. 8-13.
416. Тренин Д. Внешняя политика Российской Федерации // Россия и мусульманский мир. 2013. № 4. С.5-15.
417. Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004-2007 гг.: от стратегического партнерства с США к союзническим отношениям с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 93-97.
418. Троицкий М.А. Конгресс и политика США в отношении России // США-Канада. Экономика, политика, культура. 2013. № 2. С. 57-70.
419. Троицкий Е.Ф. Политика Ирана в Центральной Азии в 1990-е г. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2010. Том 9. № 1. С. 234-240.
420. Троицкий Е.Ф., Ким М.Ю. Политика Японии в Центральной Азии (1992-2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 84-88.
421. Туран И. Турция на подъеме. От неразвитой страны к региональной державе [Электронный ресурс]. URL:

- <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-na-podeme/> (дата обращения: 10.08.2020).
422. Турецкий Н.Н. Путь Казахстана к председательству в ОБСЕ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2010. № 7. С. 155-162.
423. Туркменистан. Август 2006. № 7-8 (16-17).
424. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. 480 с.
425. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 131-144.
426. Уткин С.В., Барановский В.Г. Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 7. С. 105-114.
427. Федоров Ю. Требуется ли реформа внешней политики России? // Россия и мусульманский мир. 2004. № 2. С. 44-62.
428. Федорова И.Е. Элементы паниризма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 437-442.
429. Фененко А. Реальность и мифы «мягкой силы» [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/> (дата обращения: 24.11.2020).
430. Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты «двойной реальности» в идеологическом противостоянии Запада и России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 74-83.
431. Филимонова Г.И. Об особенностях углубления глобального английского как языка международного общения в странах Европы и Азии // Вопросы методики преподавания в ВУЗе: ежегодный сборник. 2014. № 3 (17). С. 290-296.
432. Фрольцов В.В. Политика ФРГ в Центральной Азии (1991-1998) // Вестник БДУ. Сер. 3. 2008. № 3. С. 27-31.
433. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.
434. Хандогин К. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. № 11. С. 167-169.
435. Хань Ю. Развитие современной внешней политики КНР // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. 1 (239). С. 84-91.
436. Хачиев Г. Центральная Азия: портрет на фоне мировой экономики // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2 (44). С. 137-146.

437. Хорошун А.Ю. Анализ взаимоотношений республики Таджикистан и Европейского Союза в рамках Стратегии Европейского Союза в Центральной Азии 2014-2020 г. // Известия Академии наук республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2020. № 1 (259). С. 81-84.
438. Хуашэн Чж. «Новый треугольник» в отношениях между Китаем, Россией и США // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 69-85.
439. Худяков Ю.С. Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах // Гуманитарные исследования внутренней Азии. 2008. № 2/3. С. 6-11.
440. Цзайци Л. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149-155.
441. Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. Сборник докладов. М.: МГИМО-Университет, 2010. 167 с.
442. Цинсун В. «Евразийский момент». Политика новых держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661). С. 71-80.
443. Чанг С. Построение более гармоничного миропорядка в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/076_Sinsin_Chang.pdf (дата обращения: 27.07.2020).
444. Чжочао Ю. О концепции «экономического пояса Шелкового пути» // Постсоветский материк. 2015. № 1 (5). С. 18-28.
445. Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 2 (26). С. 79-89.
446. Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://cac.org/journal/2003/journal_rus/cac-02/10.chotrus.shtml (дата обращения: 8.08.2020).
447. Чуланова З. Стратегическое партнерство Казахстана и Китая в энергетической сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9426/> (дата обращения: 25.07.2020).
448. Чумаков Д. Перспективы Транскаспийского газопровода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 47-54.
449. Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1 (38). С. 9-22.
450. Шайхутдинов М. Е. Казахстан и стратегические интересы глобальных игроков в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 10. С. 89-100.

451. Шаклеина Т.А. Международная безопасность в начале XXI в.: позиции России и США // Россия и современный мир. 2002. № 3 (36). С. 31-53.
452. Шаклеина Т.А. Россия и США в мире «жёсткой силы» [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/85d/85d321784bb2c8b73edb5747fda2eeae.pdf>. (дата обращения: 5.10.2020).
453. Шаклеина Т.А. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Между-народные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35-58.
454. Шангараев Р.Н. «Демократический исламизм» Партии справедливости и развития и его влияние на внешнюю политику Турции // Дипломатическая служба. 2017. № 6. С. 75-80.
455. Шарко С. Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности или иллюзии? // Международная жизнь. 2013. № 10. С. 66-88.
456. Шишков В. Политика России на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 1 (26). С. 38-49.
457. Шопрад Э. ЕвроСоюз и Евразийский Экономический Союз – возможности сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18616> (дата обращения: 07.07.2020).
458. Шохзода С. Механизмы безопасности в Центральной Азии: теория и практика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 132-140.
459. Штоль В.В. Новые вызовы XXI в. // Обозреватель. 2019. № 9. С. 5-22.
460. Шумилов М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 2. С. 76-93.
461. Эргашев Б. США в отношениях с политической оппозицией стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 23-29.
462. Эфегил Э., Олжай А.М., Кыдык Х. Сотрудничество Туркменистана с международными региональными организациями // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 5 (11). С. 142-158.
463. Юн С.М. Политика «Великих держав» Европейского Союза в Центральной Азии: различия в подходах // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 6. С. 101-106.
464. Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Франции и Великобритании в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 50-64.
465. Юлдашева Г. Стратегия США в Центральной Азии: проблемы и достижения // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Том 14. Вып.2. С. 167-177.

466. Юлдашева Г., Шукурзода М. Стратегия нового Шелкового пути - проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1321863540> (дата обращения: 10.06.2020).
467. Яковенко А. Либеральный «конец истории». Российская газета. № 176 (7934) 112.08.2019. С. 6.
468. Яблонских Е.В. Американские базы в Центральной Азии как повестка для саммита ШОС в Астане (2005 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2012. Т. 11. № 4. С. 118-124.
469. Allison G. The Myth of the Liberal Order. From Historical Accident to Conventional Wisdom // Foreign Affairs. July/August, 2018. P. 124-133.
470. Allison G. The New Spheres of Influence // Foreign Affairs. March/April, 2020. Vol. 99. № 2. P.30-40.
471. Aliyev N. China's Soft Power in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13599-chinas-soft-power-in-central-asia.html> (дата обращения: 5.11.2020).
472. Barbashin A. The Eurasian Illusion [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2015-01-15/eurasian-illusion> (дата обращения: 15.12.2020).
473. Berman I. Central Asia's Encouraging Development [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-asia/2017-08-08/central-asias-encouraging-development> (дата обращения: 5.07.2020).
474. Brzezinski Z. The Cold War and its Aftermath // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 4. P.31-49.
475. Coffey L. The Strategic Importance of Central Asia for the USA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ocamagazine.com/2018/03/11/the-strategic-importance-of-central-asia-for-the-u-s-a/> (дата обращения: 17.06.2020).
476. Colgan D. Jeff, Keohane O. The Liberal Order is Rigged. Fix it Now or Watch It Wither // Foreign Affairs. May/June, 2017. P.36-44.
477. Denoon D. The Strategic Significance of Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://worldfinancialreview.com/the-strategic-significance-of-central-asia/> (дата обращения: 10.02.2020).
478. Dissyukov A. «Central Asia plus Japan» dialogue: from Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2019. № 11. P.1-21.
479. Efe Çaman M., Ali Akyurt M. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Turkish Journal for International relations. Summer-Fall, 2011. Vol. 10.N. 2-3. P.45-64.
480. Haas R. How a World Order Ends and What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February, 2019. P. 22-30.

481. Ikenderry J. G. The End of liberal International Order? // International Affairs. 2018. V. 94. № 1. P.7-23.
482. Khan M. Where is Central Asia in the Current U.S. Grand Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://cgpolicy.org/articles/where-is-central-asia-in-the-current-u-s-grand-strategy/> (дата обращения: 17.06.2020).
483. Klare M.T. Hard Power, Soft Power, and Energy Power [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-03-03/hard-power-soft-power-and-energy-power> (дата обращения: 5.10.2020).
484. Kuchins A.C. Laying the Groundwork for Afghanistan's New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2011-12-05/laying-groundwork-afghanistans-new-silk-road> (дата обращения: 24.06.2020).
485. Lakatos A., Kozstur A. Global politics, Regional Competition: Great Power Politics in Central Asia // Hiperboreea Journal. Vol. 4. No. 1. 2017. P. 61-76.
486. Laruelle M., McGlinchey E. Renewing EU and US Soft Power in Central Asia // EUCAM Commentary. October 2017. № 28. P. 1-4.
487. Lemon E., Schottenfeld J. Putin's Ploys in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-01-14/putins-ploys-central-asia> (дата обращения: 2.12.2020).
488. Mankoff J. Russia's Latest Land Grab [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2014-04-17/russias-latest-land-grab> (дата обращения: 12.12.2020).
489. Mankoff J. The United States in a World of Great Power Competition // Journal of International Analytics. 2020. № 11 (3). Pp. 78-94.
490. Masaki H. Japan Joins the Energy Race in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://apjff.org/-Hisane-MASAKI/2179/article.html> (дата обращения: 17.09.2020).
491. Maynes Ch.W. America Discover Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2003-03-01/america-discovers-central-asia> (дата обращения: 2.06.2020).
492. Maleki A. Rouhani Stresses Regionalism In Iranian Foreign Policy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/rouhani-stresses-regionalism-iranian-foreign-policy> (дата обращения: 10.09.2020).
493. Melvin N.J. The European Union's Strategic Role in Central Asia. CEPS Policy Briefs. March 2007. № 128.P.1-7.
494. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. September/October, 2014. P. 77-89.
495. Milanovich B. The west is mired in 'soft' development. China is trying the 'hard' stuff [Электронный ресурс]. URL:

- <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2017/may/17/belt-road-project-the-west-is-mired-in-soft-development-china-is-trying-the-hard-stuff> (дата обращения: 3.08.2020).
496. McFaul M. Faulty Powers. Who Started the Ukraine Crisis? // Foreign Affairs. November/December. 2014. P. 167-178.
497. Nye J.S. Get Smart. Combining Hard and Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart> (дата обращения: 5.10.2020).
498. Putz C. A New US Strategy for Central Asia: Continuity Under Better Conditions [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/a-new-us-strategy-for-central-asia-continuity-under-better-conditions/> (дата обращения: 5.08.2020)
499. Rakhimov M. Central Asia and Japan: bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies. 2014. № 5. P. 77-87.
500. Starr F.S. A Partnership for Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (дата обращения: 10.06.2020).
501. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition. Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic [Электронный ресурс]. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_331_Stronski_Ng_Final1.pdf (дата обращения: 23.03.2020).
502. Takeshi Y. Japan's Multilateral Approach toward Central Asia [Электронный ресурс]. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no16_1_ses/04_yuasa.pdf. P.71. (дата обращения: 10.09.2020).
503. Tarihi A., Yazilar I., Yazilar T. European Union's Foreign Policy Towards Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tesadernegi.org/european-unions-foreign-policy-towards-central-asia.html?0c86f0&0c86f0> (дата обращения: 12.08.2020).
504. Valenza D., Boers E. Assessing the Effectiveness of the EU's and Russia's Cultural Diplomacy towards Central Asia // Institute for European Studies. 2018. № 9. P.1-32.
505. Walker J., Kearney K. What Central Asia Means to the United States. From the Great Game to the final frontier, Central Asia takes on new importance in a rapidly shrinking world [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2016/09/what-central-asia-means-to-the-united-states/> (дата обращения: 12.12.2020).
506. Weitz R. U.S. New Silk Road Initiative Needs Urgent Renewal // Central Asia-Caucasus-Analyst. 3 March. 2015. P. 7-10.

Авторефераты и диссертационные исследования

507. Баранов А.Ю. ШОС и политика США в Центральной Азии. Автореф. дис. на соис. уч. степени канд. полит. наук. М., 2011. 32 с.

508. Кадыркулова А.С. Национальные интересы независимого Кыргызстана в условиях нового геополитического пространства. Автореф. дис. на соис. уч. степени канд. полит. наук. Бишкек, 2006. 24 с.
509. Комилова Х.Г. Республика Таджикистан в системе международных отношений и геополитических координат в условиях нового мирового порядка (региональный формат). Дис. на соис. уч. степени докт. истр. наук. Душанбе, 2020. 353 с.
510. Кусаинова А.М. Дипломатическая служба как инструмент реализации внешнеполитической стратегии Республики Казахстан. Дис. на соис. уч. степени докт. фил.(PhD). Астана, 2014. 147 с.
511. Малашевская М. Н. Формирование политики Японии в отношении СССР и РФ в 1989-2001 гг. Дис. на соис. уч. степени канд. ист. наук. СПб., 2016. 268 с.
512. Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан: структура и специфика. Дис. на соис. уч. степени канд.полит.наук. Душанбе, 2017. 185 с.
513. Токаев К.Ж. Внешняя политика Республики Казахстан в период становления нового мирового порядка. Дис. на соис. уч. степени докт.полит.наук. 2001. 440 с.
514. Ткачук К.В. Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты (2000-2014 гг.). Автореф. дис. на соис. уч. степени канд. ист. наук. Москва, 2016. 28 с.
515. Юн С. М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии в 1992-2001 гг. Автореф. дис. на соис. уч. степени канд. ист. наук. Томск, 2005. 27 с.

Электронные ресурсы

516. Абдрахманов К. Основа стратегического партнерства Казахстана и России [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/07/06/osnova-strategicheskogo-partnerstva-kazahstana-i-rossii.html> (дата обращения: 21.12.2020).
517. Азия: новые связи в культурном многообразии [Электронный ресурс]. URL: <https://orient.tm/aziya-novye-svyazi-v-kulturnom-mnogoob/> (дата обращения: 15.11.2020).
518. Алексеев А. Россия – Туркменистан: стратегических цепочек партнерства всё больше [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-06-23--rossija-turkmenistan-strategicheskikh-cepochek-partnerstva-vse-bolshe-49608> (дата обращения: 12.01.2021).
519. Белобров Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

- [comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/](#)
(дата обращения: 10.06.2020).
520. Белухин Н. Туркменистан в газовом плену геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/nikita-belukhin/turkmenistan-v-gazovom-plenu-geopolitiki/> (дата обращения: 10.01.2021).
521. Более трети гуппомощи Таджикистан в 2020 году получил от Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20210118/bolee-treti-gumpomotshi-tadzhikistan-v-2020-godu-poluchal-ot-kitaya> (дата обращения: 27.12.2020).
522. Визит Государственного секретаря Помпео в Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/secretary-pompeos-visit-to-uzbekistan-ru/> (дата обращения: 25.05.2020).
523. Визит Ислама Каримова в Японию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/78813> (дата обращения: 10.09.2020).
524. ВВП Узбекистана в 2019 году вырос до \$58,3 млрд. [Электронный ресурс]. URL: <https://fergana.media/news/113937/> (дата обращения: 25.05.2020).
525. Встреча с президентом Киргизии Р. Отунбаевой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8276> (дата обращения: 15.04.2020).
526. Высокие налоги, неблагоприятный деловой климат. Почему российские инвестиции в Таджикистан сокращаются? [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/29867323.html> (дата обращения: 27.12.2020).
527. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 23.04.2020).
528. В Казахстан с первым официальным визитом прибыл глава Ирана Махмуд Ахмадинежад [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2009/04/06/3670/> (дата обращения: 10.09.2020).
529. В Кыргызстане под видом Корпуса мира работают разведчики из ЦРУ? [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/33468-v-kyrgyzstane-pod-vidom-korpusa-mira-rabotajut-razvedchiki-iz-tsru.html?page=9> (дата обращения: 10.10.2020).
530. В США сообщили, что выделили Узбекистану в 2019 году \$100 млн. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10062463> (дата обращения: 25.05.2020).
531. В Турции показали карту с зонами турецких интересов на российской территории [Электронный ресурс]. URL:

- <https://topwar.ru/179917-v-turcii-pokazali-kartu-s-zonami-tureckogo-vlijaniya-na-rossijskuju-territoriju.html> (дата обращения: 28.08.2020).
532. В Туркменистане намерены создать центры изучения китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hronikatm.com/2019/10/mandarin/> (дата обращения: 5.11.2020).
533. В еще трех учебных заведениях Кыргызстана откроются классы Конфуция [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0309/c31519-9187907.html> (дата обращения: 5.11.2020).
534. В Узбекистане почти на 50 % выросло количество компаний с капиталом КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2827360.html> (дата обращения: 23.12.2020).
535. Впервые в Кыргызстане презентована китайско-кыргызская газета «Шелковый путь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kyrgyzkorm.kg/news/vpervye-v-kyrgyzstane-prezentovana-kitajsko-kyrgyzskaya-gazeta-shelkovyj-put.html> (дата обращения: 6.11.2020).
536. Габуев А. Между рублем и юанем [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1947318> (дата обращения: 21.12.2020).
537. Газпром вложил в развитие газовых сетей Киргизии свыше \$331 млн. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3170867.html> (дата обращения: 24.01.2021).
538. Гасанова М. Эрдоган попросил поддержки от Тюркского совета [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2749035.html> (дата обращения: 23.08.2020).
539. Германия закрыла информационный центр DAAD в Душанбе [Электронный ресурс]. URL: <https://ittiloot.com/tadzhikistan/9607-germanija-zakryla-informacionnyj-centr-daad-v-dushanbe.html> (дата обращения: 15.10.2020).
540. Главные торговые партнеры Казахстана: 10 стран с наибольшим товарооборотом [Электронный ресурс]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/glavnye-torgovye-partnery-kazahstana-10-stran-s-naibolshim-tovarooborotom> (дата обращения: 23.08.2020).
541. Главы Афганистана, Ирана и Таджикистана создают трехстороннюю комиссию [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20060726/51888579.html> (дата обращения: 8.09.2020).
542. Директор Третьего департамента стран СНГ А.Стерник в гостях у слушателей Дипломатического модуля [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/a-sternik/> (дата обращения: 17.12.2020).
543. Дружбу за коня? Москва и Ашхабад заключили новый договор о "дружбе и сотрудничестве". Путину подарили ахалтекинца

- [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019592120> (дата обращения: 7.01.2021).
544. Дубнов А. Прощальный визит Коидзуми [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1156831620> (дата обращения: 17.09.2020).
545. ЕС выделил €21.75 млн на реализацию 10-й фазы программы БОМКА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/es-vydelil-2175-mln-na-realizaciyu-10-fazy-programmy-bomka/> (дата обращения: 17.07.2020).
546. Железная дорога Ангрэн-Пап: чего ждать Киргизии и Таджикистану? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2091030.html> (дата обращения: 3.08.2020).
547. Журавлев Н. Узбекистан входит в число ведущих экономических партнеров России на пространстве СНГ [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/125833/ (дата обращения: 22.12.2020).
548. За 10 лет USAID оказал Кыргызстану помощь на \$500 млн. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbonds.ru/news/614069/> (дата обращения: 10.10.2020).
549. Золотое дно. Разработка каспийского шельфа принесет России миллиарды кубометров нефти и газа [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/09/18/reg-ufo/skolko-na-kaspii-imeetsia-zapasov-nefti-i-gaza.html> (дата обращения: 21.12.2020).
550. Интервью экс-главы МИД Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1077559.html> (дата обращения: 20.04.2020).
551. Интервью с Розой Отунбаевой: США, Россия, Манас и ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/59771> (дата обращения: 15.04.2020).
552. Иран построит в Таджикистане международную школу "Рудаки" [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/education/20150210/1014307679.html> (дата обращения: 11.11.2020).
553. Истоки российско-казахстанских отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20909> (дата обращения: 21.12.2020).
554. Казахстан и Россия продлят срок аренды космодрома Байконур до 2053 года [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1069239780> (дата обращения: 17.12.2020).
555. Казахстан рассчитывает на американские инвестиции – итоги встречи "Центральная Азия–США" [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/economy/20200701/14369243/Kazakhstan->

- [rasschityvaet-na-amerikanskije-investitsii--itogi-vstrechi-Tsentralnaya-AziyaSShA.html](#) (дата обращения: 5.08.2020).
556. Каримов нарвался на санкции [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1122871140> (дата обращения: 25.05.2020).
557. Каримов И. Необходимо исключить вмешательство ОДКБ при так называемых "насильственных действий" внутри стран [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1292324580> (дата обращения: 5.12.2020).
558. Киргизия признала результаты референдума в Крыму [Электронный ресурс]. URL: <https://aif.ru/politics/world/1128743> (дата обращения: 10.12.2020).
559. Керри Дж. США поддерживают интеграционные инициативы в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-11-02--d.kerri-ssha-podderzhivajut-integracionnye-iniciativy-v-centralnoj-azii-20368> (дата обращения: 5.07.2020).
560. Ким Е. «Должны помнить!»: Как в Таджикистане встречают День Победы? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2625718.html> (дата обращения: 26.01.2021).
561. Китай и центральноазиатские страны: вместе открыть новую страницу в истории дружбы, сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/143271.htm> (дата обращения: 26.07.2020).
562. Китай назвали основным инвестором Узбекистана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spot.uz/ru/2020/09/22/invest/> (дата обращения: 5.08.2020).
563. Китай стал крупнейшим инвестором транспортной инфраструктуры Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/4947157-kitay-stal-krupneyshim-investorom.html> (дата обращения: 5.08.2020).
564. Клинтон хочет "развалить" СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/12/10/klinton.html> (дата обращения: 10.12.2020).
565. Корсак В. Британские неправительственные структуры активничают в Кыргызстане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-02-09--britanskije-nepravitelstvennyje-struktury-aktivnichajut-v-kyrgyzstane-40984> (дата обращения: 15.10.2020).
566. Краткий анализ объемов и структуры внешней торговли Казахстана с Россией за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: https://kaztrade.ru/uploads/files/2019/04/12/analiz-obemov-i-struktury-vneshney-torgovli-rossii-s-kazahstanom-za-2018-god_1555053678.pdf (дата обращения: 17.12.2020).

567. Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskiy-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/> (дата обращения: 30.10.2020).
568. Лавров С. Инвестиции ЕС в страны Центральной Азии носят политический характер [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20170316/lavrov-investitsii-es-v-strani-tsentralnoi-azii-nosyat-politicheskii-harakter> (дата обращения: 3.09.2020).
569. Лавров С. Партнерство, испытанное временем [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/partnerstvo-ispytannoe-vremenem/> (дата обращения: 9.11.2020).
570. Лавров С. США вкладывают в понятие мягкой силы промывку мозгов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/9488129> (дата обращения: 5.10.2020).
571. Логинова К. Как бы дружба: Турция вытесняет Россию на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/914828/kseniia-melnikova/kak-druzhba-turtcii-vytesniaet-rossiiu-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 13.08.2020).
572. Ломов Е. Образование как инструмент "мягкой силы" Японии. О программах "Японского фонда" для Казахстана: МЕХТ, JODA, КЖС [Электронный ресурс]. URL: <http://narpolit.com/kulturnyj-sloj/obrazovanie-kak-instrument-myagkoj-sily-yaponii-o-programmakh-yaponskogo-fonda-dlya-kazakhstan-mext-joda-kjs?font-size=larger> (дата обращения: 25.11.2020).
573. Медведев одобрил создание Антикризисного фонда ЕвразЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/article/medvedev-odobril-sozdanie-antikrizisnogo-fonda-evrazes/5962697.html> (дата обращения: 5.12.2020).
574. Мендкович Н. Вернется ли Ташкент в ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/vernetsya-li-tashkent-v-odkb-mnenie-eksperta/> (дата обращения: 23.12.2020).
575. Место восточной философии на кампусе НУ [Электронный ресурс]. URL: <https://nu.edu.kz/ru/news-ru/mesto-vostochnoj-filosofii-na-kampuse-nu> (дата обращения: 21.11.2020).
576. МИД Японии: страна проявляет большой интерес к Евразийскому экономическому союзу [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/5101/content/mid-iaponii-strana-proiavljaet-bolshoi-interes-k-evraziiskomu-ekonomicheskomu-soiuzu/3028759> (дата обращения: 5.10.2020).
577. Миссии, ценности и цели АУЦА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auca.kg/ru/mission/> (дата обращения: 10.10.2020).

578. Множество значений визитов госсекретаря США в страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7222205.html> (дата обращения: 10.06.2020).
579. Могерини Ф. ЕС придает высокий приоритет отношениям со странами Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-12-21--mogerini-es-pridaet-vysokij-prioritet-otnoshenijam-so-stranami-centralnoj-azii-21045> (дата обращения: 7.07.2020).
580. Могерини Ф. высказалась за открытый диалог ЕС и России как глобального игрока [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17415> (дата обращения: 14.07.2020).
581. Могерини Ф. Центральная Азия стратегически важна для Евросоюза [Электронный ресурс]. URL: <https://orient.tm/mogerini-centralnaya-aziya-strategich/> (дата обращения: 22.08.2020).
582. Могерини Ф. Новый Шелковый путь – один из самых важных инфраструктурных проектов [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/mogerini-novyuy-shelkovyy-put-odin-iz-samyh-vaznyh-infrastrukturnyh-proektov_a3183917 (дата обращения: 22.08.2020).
583. Молдогазиев Р.Т. История и перспективы кыргызско-японских отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://kabar.kg/news/istoriia-i-perspektivy-kyrgyzsko-iaponskikh-otnoshenii/> (дата обращения: 15.09.2020).
584. Москва согласовала объемы беспошлинных поставок ГСМ из России в Киргизию [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2798032.html> (дата обращения: 24.01.2021).
585. Мордюшенко О. «Газпром» возвращается в Туркмению [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2019/07/gazprom-vozvrashhaetsya-v-turkmeniyu/> (дата обращения: 8.01.2021).
586. Муминов А. По завету Эрдогана. Бросит ли тюркский мир вызов Западу? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1536223560> (дата обращения: 23.08.2020).
587. «На работу в Россию»: количество мигрантов из Таджикистана бьет рекорды [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2637107.html> (дата обращения: 27.07.2020).
588. Назарбаев пообещал выслать всех гюленистов в Турцию [Электронный ресурс]. URL: <https://haqqin.az/news/77064> (дата обращения: 23.08.2020).

589. Население Центральной Азии вырастет более чем на миллион в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/567/86015/> (дата обращения: 15.03.2020).
590. Не останутся ли кыргызстанцы без света. Все об импорте электричества [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20200528/1048468631/kyrgyzstan-import-ehlektroehnergiya-obzor-peregovory.html> (дата обращения: 29.06.2020).
591. Новая стратегия ЕС по экономическому сопряжению с Азией [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-strategiya-es-po-ekonomicheskomu-sopryazheniyu-s-aziej/> (дата обращения: 22.08.2020).
592. Новак А. Российско-казахстанское взаимодействие в ТЭК исторически строится на взаимовыгодном партнерстве и взаимопомощи [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14438> (дата обращения: 21.12.2020).
593. Об итогах визита Алексея Миллера в Республику Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2003/may/article54399/> (дата обращения: 5.01.2021).
594. О встрече Министра иностранных дел России С.В.Лаврова с министрами иностранных дел государств Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3843519 (дата обращения: 12.12.2020).
595. Объем денежных переводов мигрантов составляет почти 40% ВВП Таджикистана, что делает экономику уязвимой [Электронный ресурс]. URL: <https://novosti.tj/novosti-tadzhikistana/obem-denezhnyh-perevodov-migrantov-sostavlyayet-pochti-40-vvp-tadzhikistana-chto-delaet-ekonomiku-uyazvimoj-jica.html> (дата обращения: 5.01.2021).
596. Опыт Узбекистана: 6 фактов о переходе страны на латиницу [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/opyt-uzbekistana-6-faktov-o-perekhode-strany-na-latinitsu/> (дата обращения: 25.12.2020).
597. О создании банка развития ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7646474.html> (дата обращения: 27.07.2020).
598. Олимов М. В Центральной Азии Китай вызывает двойственное чувство восхищения и страха [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/21728-eksperty-v-tsentralnoj-azii-kitaj-vyzyvaet-dvoystvennoe-chuvstvo-voshischenija-i-straha.html> (дата обращения: 3.08.2020).
599. Открылся железнодорожный коридор "Север - Юг", связавший Иран, Туркменистан и Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1620117> (дата обращения: 10.09.2020).

600. Официальный сайт ТИКА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tika.gov.tr/en> (дата обращения: 25.11.2020).
601. Официальный сайт ОИКС [Электронный ресурс]. URL: <http://en.icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=257&pageid=9641> (дата обращения: 3.11.2020).
602. Паниев Ю. Мягкая сила Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 9.11.2020).
603. Панфилова В. Брюссель укрепляет позиции в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://military-kz.ucoz.org/news/brjussel_ukrepljaet_pozicii_v_centralnoj_azii_es_obespokoen_rastushhim_vlijaniem_rossii_v_regione/2012-11-27-3418 (дата обращения: 21.08.2020).
604. Панфилова В. "Газпром" может вернуться в Туркменистан [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2018-07-30/5_7277_turkmenia.html (дата обращения: 10.01.2021).
605. Панфилова В. Пекин взял Центральную Азию в газовое кольцо [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2014-03-14/1_asia.html (дата обращения: 3.08.2020).
606. Панфилова В. Казахстанцы взбунтовались против китайского влияния [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-09-05/1_7669_kazakhstan.html (дата обращения: 7.08.2020).
607. Панфилова В. Тройственный Союз [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2008-03-21/9_dushanbe.html (дата обращения: 8.09.2020).
608. Панфилова В. Переход Казахстана на латиницу – это сигнал для России [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2017-04-13/1_6973_kazahstan.html (дата обращения: 21.12.2020).
609. Панфилова В. Таджикистан не спешит вступать в Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1472198820> (дата обращения: 7.01.2021).
610. Паспорта объявлены вне закона [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2005/05/19/turkmeniya.html> (дата обращения: 10.01.2021).
611. Полемика экспертов Казахстана: «ЕАЭС — союз конкурентов или союзный застой?» [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/polemika-ekspertov-kazahstana-eaes-nbsp-soyuz-konkurentov-i/> (дата обращения: 15.12.2020).
612. Полонский И. Крупнейшая ГЭС: Россия предотвратила войну у своих границ [Электронный ресурс]. URL: <https://topcor.ru/3509-pochemu-bez-rossii-ne-bylo-by-samoj-vysokoj-v-mire-gjes.html> (дата обращения: 5.01.2021).

613. Помпео в Ташкенте: что США предложат Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/pompeo-v-tashkente-chto-ssha-predlozhat-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 23.07.2020).
614. Популярность российского ТВ в Казахстане и Кыргызстане [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/31743-populjarnost-rossijskogo-tv-v-kazahstane-i-kyrgyzstane-.html> (дата обращения: 14.11.2020).
615. Посол США: Партнерство с Россией мешает развитию демократии в Киргизии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1862430.html> (дата обращения: 27.01.2021).
616. Почти на миллиард долларов наторговала Россия с Туркменией в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ati.su/news/2020/06/12/pochti-na-milliard-dollarov-natorgovala-rossiya-s-turkmeniey-v-2019-godu-043100/> (дата обращения: 12.01.2021).
617. Президент Ирана Хатами в братском Таджикистане - США нечего делать в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1020201000> (дата обращения: 8.09.2020).
618. Президент Азиатского банка развития посетит страны Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20041031/720985.html> (дата обращения: 14.09.2020).
619. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев высоко оценил свое многолетнее сотрудничество с президентом России Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1968245/> (дата обращения: 17.12.2020).
620. Президент РФ ратифицировал договор о военном сотрудничестве с Узбекистаном [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2264104.html> (дата обращения: 21.12.2020).
621. Противоречия социально-экономического развития Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-centralasia-socecon> (дата обращения: 15.03.2020).
622. Путин В. У России много общих интересов с США и странами Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20051015/41784463.html> (дата обращения: 28.11.2020).
623. Путин в Средней Азии: причины активности Кремля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170228/1488964191.html> (дата обращения: 12.12.2020).
624. Путин в Центральной Азии: итоги для Таджикистана и Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/24845/> (дата обращения: 27.12.2020).

625. Пьер Морель стал новым представителем ЕС по Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1160373240> (дата обращения: 12.08.2020).
626. Рзаев Ф. 907-ая поправка: история и перспективы [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/cac-04-1999/st_21_rzayev.shtml (дата обращения: 10.10.2020).
627. Рай с базой. Кондолиза Райс сохранила военное присутствие США в Средней Азии, оставив в покое российско-иранские отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2005/10/17/rice.html> (дата обращения: 23.07.2020).
628. РАО "ЕЭС России" становится крупнейшим инвестором в СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/538413> (дата обращения: 8.09.2020).
629. Россия выделила Кыргызстану \$30 млн помощи на поддержку госбюджета [Электронный ресурс]. URL: <https://knews.kg/2019/03/28/rossiya-vydelila-kyrgyzstanu-30-mln-pomoshhi-na-podderzhki-gosbyudzheta> (дата обращения: 23.07.2020).
630. РФ и Казахстан подписали договор о союзничестве [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/11/11/dogovor-anons.html> (дата обращения: 17.12.2020).
631. Садыр Жапаров привез в Москву обещания гарантий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704733> (дата обращения: 30.01.2021).
632. Саммит лидеров ЕАЭС: Узбекистан — наблюдатель, общий рынок газа и вакцина [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/42620-sammit-liderov-eaes-uzbekistan-nabljudatel-obschij-rynok-gaza-i-vaktsina.html?page=58> (дата обращения: 25.05.2020).
633. Самые крупные в СНГ военные объекты России находятся в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/politics/20161009/797556/samye-krupnye-v-sng-voennye-obekty-rossii-nahodyatsya-v-kazahstane.html> (дата обращения: 19.12.2020).
634. Сапрыкин В. Российский «ГАЗПРОМ» в странах Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/10.saprus.shtml (дата обращения: 28.11.2020).
635. Сатпаев Д. Путин поздно спохватился. Россия теряет Центральную Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1488272760> (дата обращения: 12.12.2020).
636. Свет Восходящего солнца: итоги визита Рахмона в Японию [Электронный ресурс]. URL:

- <https://tj.sputniknews.ru/photo/20181005/1027022822/japan-tajikistan-rahmon-vizit.html> (дата обращения: 5.10.2020).
637. Свободная женщина Востока. Госсекретарь США едет объединять Среднюю Азию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/616520> (дата обращения: 16.06.2020).
638. Северная сеть поставок - не такая уж дойная корова, как рассчитывали центральноазиатские элиты [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1351485480> (дата обращения: 10.06.2020).
639. Среди иностранных студентов в России больше всего казахстанцев [Электронный ресурс]. URL: <https://kursiv.kz/news/obrazovanie/2019-08/undefined> (дата обращения: 9.11.2020).
640. Стерник А.В. «У России нет ревизионистских планов в Центральной Азии» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2047109> (дата обращения: 10.12.2020).
641. С точки зрения соседей . Как страны бывшего СССР высказались по крымскому вопросу [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/21/reaction/> (дата обращения: 10.12.2020).
642. Стратегическое партнерство Узбекистана и Китая набирает обороты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-11-05--strategicheskoe-partnerstvo-uzbekistana-i-kitaja-nabiraet-oboroty-45760> (дата обращения: 5.08.2020).
643. «Стратегическая глубина» Эрдогана: внешняя завоевательная политика как результат дефицита внутривнутриполитических успехов? [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-glubina-erdogana/> (дата обращения: 28.08.2020).
644. Сухаревская О. Турция пытается втянуть страны Туркестана в свою игру [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3088276.html> (дата обращения: 3.11.2020).
645. Сухопутный порт Хоргос между Китаем и Казахстаном бьет рекорды грузооборота [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3016452.html> (дата обращения: 3.08.2020).
646. Таджикистан назвал приоритетные направления работы в качестве председателя ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://bigasia.ru/content/news/politics/tadzhikistan-nazval-prioritetnye-napravleniya-raboty-v-kachestve-predsedatelya-shos/> (дата обращения: 15.05.2020).
647. Таджминюстом прикрыт иранский "Комитет помощи Имама Хомейни" [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1469612280> (дата обращения: 11.11.2020).

648. Таджикистан требует от РФ платить \$250 млн в год за военную базу [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1342070460> (дата обращения: 17.01.2021).
649. Теория гармоничного мира председателя Ху Цзиньтао [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6823894.html> (дата обращения: 5.11.2020).
650. Товарооборот между РК и Южной Кореей поставит исторический рекорд [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/economic/80049/tovarooborot-mezhdu-rk-i-yuzhnoy-koreyeu-postavit-istoricheskij-rekord.html> (дата обращения: 2.04.2020).
651. Туркмения: газовый гигант или газовый протекторат Китая? [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2391155.html> (дата обращения: 21.05.2020).
652. Турецкая Polimeks построит международный аэропорт Ашхабада за \$2,2 млрд. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/Turetskaya-Polimeks-postroit-mezhdunarodnyy-aeroport-Ashkhabada-za-2-2-mlrd.html> (дата обращения: 23.08.2020).
653. Турецкие лицеи в Центральной Азии закрыть-оставить? [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/turetskie-litsei-v-tsentralnoy-azii-zakryt-ostavit/> (дата обращения: 30.10.2020).
654. Турция хочет решить свои проблемы единой «пантюркистской армией» [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1326808-turciya-khochet-reshit-svoi-problemy-edinoi-pantjurkistskoi-armiei> (дата обращения: 28.08.2020).
655. Узбекистан закрыл "Открытое общество" права человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/468367> (дата обращения: 10.10.2020).
656. Узбекско-Японский центр [Электронный ресурс]. URL: <https://ujc.uz/o-nas/> (дата обращения: 18.11.2020).
657. Узбекистан и Россия в 2018 году нарастили объем взаимной торговли [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2019/01/uzbekistan-i-rossiya-v-2018-godu-narastili-obem-vzaimnoj-torgovli/> (дата обращения: 22.12.2020).
658. Узбекистан выступил против резолюции ГА ООН о милитаризации Крыма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/12/18/crimea/> (дата обращения: 23.12.2020).
659. Усубалиев Э. Крупных японских инвестиций в Центральной Азии без гарантий безопасности не будет [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/esen-usubaliev-bez-garantij-bezopasnosti-govorit-o->

- [prihode-krupnogo-yaponskogo-kapitala-na-rynok-tsa-nevozmozhno](#) (дата обращения: 11.11.2020).
660. Фасхутдинов Г. Что препятствует европейской политике в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: www.dw.ru (дата обращения: 24.10.2020).
661. Формат С5+1 новый шанс для стран Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://kabar.kg/news/format-s5-1-novyi-shans-dlia-stran-tcentral-noi-azii/> (дата обращения: 5.08.2020).
662. Хайбуллин Т.Р. Эволюция российско-туркменских отношений в 2007-2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/evolyucziya-rossijsko-turkmenskih-otnoshenij-v-2007-2019-gg-9013> (дата обращения: 8.01.2021).
663. Централно-азиатский энергетический проект CASA-1000 – несбыточная мечта? [Электронный ресурс]. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1371792300> (дата обращения: 29.06.2020).
664. Центральная Азия является для Китая лишь сырьевым придатком [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/1990387.html> (дата обращения: 3.08.2020).
665. Что делает армию Узбекистана сильнейшей в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/chto-delaet-armiyu-uzbekistana-silneyshey-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 21.12.2020).
666. Что известно о русском языке в Туркменистане? [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/chto-izvestno-o-russkom-yazyke-v-turkmenistane/> (дата обращения: 13.01.2021).
667. Шибутов М. О возрождении термина «Туркестан» [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/o-vozrozhdenii-termina-turkestan/> (дата обращения: 3.02.2020).
668. Экспертные рейтинги стран мира по размеру ВВП и уровню ВВП на душу населения [Электронный ресурс]. URL: <https://infoselection.ru/infokatalog/biznes-i-finansy/ekonomika-i-rynki/item/755-vvp-stran-mira> (дата обращения: 23.03.2020).
669. Эргашев Б. Результаты визита Мирзиёева в Россию беспрецедентны [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/itogi-vizita-mirziyeeva-vzglyad-iz-uzbekistana/> (дата обращения: 21.12.2020).
670. Эрдоган предложил тюркам создать единый университет [Электронный ресурс]. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=32763> (дата обращения: 30.10.2020).
671. Юани в кармане или гостинцы из Поднебесной [Электронный ресурс]. URL:

- <https://uz.sputniknews.ru/politics/20170515/5409178/Mirzиеev-itogi-vizit-kitai.html> (дата обращения: 25.05.2020).
672. Японское чудо. Казахстану есть чему поучиться в воспитании подрастающего поколения у Страны восходящего солнца [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/120495-japonskoe-chudo.-kazakhstanu-est-chemu.html> (дата обращения: 16.11.2020).
673. 25-летие провозглашения нейтралитета Туркменистан отмечает в глубоком кризисе [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-12-10/5_8037_turkmenistan.html (дата обращения: 21.05.2020).
674. Abe's Central Asian diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://japantoday.com/category/features/opinions/abes-central-asian-diplomacy> (дата обращения: 25.09.2020).
675. Barker T. The Real Source of China's Soft Power [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/the-real-source-of-chinas-soft-power/> (дата обращения: 5.11.2020).
676. Condoleezza Rice tries to win Central Asia's sympathies for USA's purposes [Электронный ресурс]. URL: <https://english.pravda.ru/world/9059-rice/> (дата обращения: 16.06.2020).
677. Cody S. A new brand of Chinese soft power? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2017/08/12/a-new-brand-of-chinese-soft-power/> (дата обращения: 6.11.2020).
678. Key US base in Central Asia faces closure after Kyrgyz MPs' vote [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/16/us-base-closure-kyrgyzstan-manas> (дата обращения: 05.07.2020).
679. Narang A. Taro Aso could be Japan's next PM after Shinzo Abe. But worry not, as he hates China and loves India [Электронный ресурс]. URL: <https://tfipost.com/2020/08/taro-aso-could-be-japans-next-pm-after-shinzo-abe-but-worry-not-as-he-hates-china-and-loves-india/> (дата обращения: 21.09.2020).
680. One Belt One Road and Great Power Competition: A Conversation with Eyck Freymann [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hudson.org/events/1912-virtual-event-one-belt-one-road-and-great-power-competition-a-conversation-with-eyck-freymann22021> (дата обращения: 3.08.2020).
681. President to Powerbroker: The Future of Nursultan Nazarbayev's Kazakhstan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hudson.org/events/1674-president-to-powerbroker-the-future-of-nursultan-nazarbayev-s-kazakhstan42019> (дата обращения: 5.08.2020).
682. Rice Wraps Up Trip to Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4957325> (дата обращения: 10.06.2020).

683. U.S. Support for the New Silk Road [Электронный ресурс]. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (дата обращения: 19.06.2020).
684. Walker J. Tokyo is Showing the Way for Washington in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://warontherocks.com/2015/10/tokyo-is-showing-the-way-for-washington-in-central-asia/> (дата обращения: 25.09.2020).